

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.И. Вернадского

Том 20 (59) №5
ФИЛОЛОГИЯ

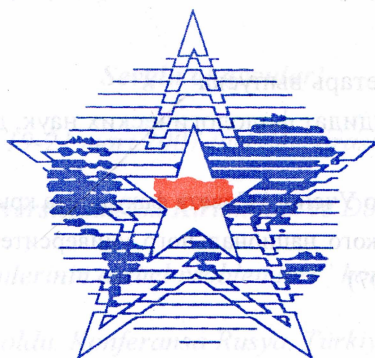
СИМФЕРОПОЛЬ
2007

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. В.И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия «Филология»

Том 20 (59). № 5

Издание осуществлено при финансовой поддержке Управления
сотрудничества и развития Совета Министров Республики Турция
T.C. BAŞBAKANLIK
TÜRK İŞBİRLİĞİ ve KALKINMA İDARESİ
BAŞKANLIĞI

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, 2007

Редакционная коллегия журнала**Багров Н.В.** – главный редактор**Бержанский В.Н.** – заместитель главного редактора**Ена В.Г.** – ответственный секретарь**Редакционный совет серии «Филология»****Казарин В.П.**, доктор филологических наук, профессор – редактор серии**Меметов А.М.**, доктор филологических наук, профессор – редактор выпуска**Богданович Г.Ю.**, доктор филологических наук, профессор**Борисова Л.М.**, доктор филологических наук, профессор**Киричек П.М.**, доктор филологических наук, профессор**Новикова М.А.**, доктор филологических наук, профессор**Орехова Л.А.**, доктор филологических наук, профессор**Петренко А.Д.**, доктор филологических наук, профессор**Рудяков А.Н.**, доктор филологических наук, профессор

Ответственный секретарь выпуска

Меметова Э.Ш., кандидат филологических наук, доцент

Печатается по решению Ученого Совета факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (протокол №9 от 19.04.2007)

©Таврический национальный университет, 2007 г.Подписано в печать 10.12.2007. Формат 70 x100/16 17 усл.печ.

Тираж 500.

„Учені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського“.

Науковий журнал. Серія „Філологія“. Том 20 (59). №5.

Сімферополь. Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського. 2007.

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: просп. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007.

Надруковано

Глубокоуважаемые читатели!

19-21 марта 2007 г.

*на факультете крымскотатарской и восточной филологии Таврического
национального университета им. В.И. Вернадского состоялась*

*II Международная научно-практическая конференция «Актуальные про-
блемы тюркологии и востоковедения». В работе конференции приняли
участие ученые России, Турции и Украины. Издание данного журнала,
демонстрирующего безграничный интерес ученых к проблемам крымско-
татарского, турецкого, персидского языкознания, тюркского и восточного
литературоведения, межкультурной коммуникации, стало возможным
при финансовой поддержке Управления сотрудничества и развития
Совета Министров Республики Турция (ТИКА).*

Sevgili okuyucular!

19-21 mart 2007 tarihleri arasında

*Tavriya Milli Üniversitesindeki Kırımtatar ve Doğu diller fakultesinde
„Türkoloji ve doğu bilimlerinin aktüel problemleri” konulu II uluslararası bilim
ve pratik konferansı oldu. Konferansa Rusya, Türkiye ve Ukrayna’dan dil
bilimciler katıldı. Kırımtatarca, Türkçe, Farsça, doğu dilleri ile Türk ve Doğu
edebiyatının uluslararası iletişime ait bilgilerin sonsuz ilgisini gösteren bir dergi
oluşturdu. Bu dergi T.Ñ.BAŞBAKANLIK TÜRK İŞBİRLİĞİ ve KALKINMA
İDARESİ BAŞKANLIĞI (TİKA) mali desteği ve işbirliği sayesinde hayat buldu.*

Раздел 1 ТЮРКСКОЕ И КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.145

КЫПЧАКИ И ПРАКЫПЧАКСКИЙ ЯЗЫК

Мусаев К.

«Кыпчак» нередко употреблялось вместо названия «тюрк». Показателем высокой культуры тюрков в древности является существование изобразительного искусства и письменности. Сохранившаяся до наших дней древняя культура предков кыпчаков – «Звериный стиль» была неотъемлемой частью мира древних жителей Центральной Евразии, она органично отражала многие сферы существования, народов, как принято, названных «кочевниками».

Скифский «звериный стиль» представляет собой самобытное художественное явление, базирующееся на собственной системе художественного языка, и имеет совершенно особое значение в мировой культуре. Культура скифов – в основном, представляет собой тюркскую культуру и может иметь лишь косвенное отношение к иранцам.

Ключевые слова: кыпчаки, пракыпчакский язык, куманы, скифы, древнее тюркское руническое письмо.

Современное название «кыпчаки», обозначает одну из ветвей тюркских этносов, которая имеет единую генетическую основу с другими тюркскими народами после распада пратюркской общности. Эту ветвь, прежде всего, объединяет общность пракыпчакского языка. В старом смысле понятие «кыпчаки» это: племена, роды, народы – жители «кыпчакских степей», под которыми подразумевались многочисленные ветви тюрков и нетюркских племен и народов. Таким образом, **целью** нашего исследования являются кыпчаки и пракыпчакский язык.

Древние исторические сведения о кыпचाках приводятся в китайских источниках 201 года до н.э., где они названы: Кюеше, Кинча, Куча, Хибиса [10, с. 103].

В древнетюркском третьем памятнике основателю Третьего Тюркского Каганата Ел-етмиш Билге Тур-айыну, написанном «руническим» письмом, датированном 759г., имеются сведения об известном племени *türk qurçaq*, которое правило страной тогуз огузов (уйгуров) 500 лет [5, с. 15], т.е. по крайней мере с III-века н.э. В этом словосочетании подчеркивается принадлежность кыпчаков к более крупному тюркскому этносу. Это древнетюркское

словосочетание обозначает, надо полагать, ‘тюркский союз’. Слово “кыпчак” *qurçaq* на языке тюрков первоначально обозначало ‘союз, объединение’. Оно образовано от глагола *qur-* ‘связывать, перевязывать’. Ср. кирг. *qurçuj-* ‘плотно прилегать, быть в обтяжку’, каз. *qurşa bel*, кирг. *qurça bel* ‘тонкая, сжатая талия’ каз. *quru/quby* ‘связь, сердцевина’ и т.д.

Арабские и персидские авторы все племена и роды, которые входили в состав племенного союза кыпчаков, называли этим именем. Это напоминает недавнее советское время, когда всех жителей в СССР называли русскими или уничижительно – совками, хотя в Советском Союзе жили кроме русских более сотни народов.

Огромная территория кыпчаков и их предков почти во все времена их существования простиралась от Алтая до Дуная, от Уральских гор до Черного моря. Эта территория в истории обозначается как «Кыпчакская степь».

Кыпчакские племена занимали большую территорию благодаря высокой их подвижности. Лошади – главный скот кыпчаков, они и быстроходный транспорт, и пища, и замечательный тонизирующий напиток – кымыз (кумыс), и одежда. Кыпчакские племена сохранили традиции своих предков потреблять в пищу мясо лошади, доить кобылицу и употреблять ее молоко в пищу, о чем писал Геродот в V веке до н.э. Этот факт кроме других сам по себе говорит о том, что в составе скифов доминировали предки современных кыпчаков, которые оставили замечательное культурное наследие от Алтая до Дуная. О том, что предки современных кыпчакских народов жили в Восточной Европе еще до V века до н.э. свидетельствуют сведения Геродота о быте, образе жизни, культуре народов, относимых им к скифам, а также этрусков. Как видим, данный вопрос и сегодня **актуален**.

Следует отметить, что распространенное среди ученых и обывателей всеобщее название «кочевники» в применении к кыпчакам и тюркам преувеличено. Они были не только кочевниками, но и занимались земледелием, ремеслом. Как отмечают историки: «Эпоха первоначального распространения земледелия и скотоводства (неолит, V-IV тысячелетия до н.э.) на Южном Урале знаменуется массовым появлением оседлых поселений по берега рек и озер» [12, с. 12]; «В VI-V тыс. до н.э. земледелие распространилось в Средней Азии, вначале на юге Туркменистана, в предгорьях Копет-Дага. В горные и степные районы Казахстана земледелие пришло в эпоху бронзы в конце III тыс. до н.э.» [7, с. 17].

Потомки древних кыпчакских племен до наших дней проживают на указанной территории и сейчас за некоторыми изменениями, связанными с государственным делением и устройством стран. Об обширности территории кыпчакских племен можно черпать также сведения из фольклора. В казахском фольклоре поется: *Barar žeriñ Balqan taw, O da bizdiñ körgen taw* ‘Вы

(гуси) полетите на Балканские горы, Мы тоже видели эти горы'. *Ulyň Ürimde, Quzyň Qyrymda*. 'Твой сын в Риме (Византии), а дочь твоя – в Крыму' и т.д.

Знаменитый кыпчакский памятник Codex Cumanicus был написан в конце XIII в. в Крыму – на латинском письме. Создание этого памятника говорит о большом значении кыпчаков для Западных стран. В нем в одной из загадок особо подчеркивается необъятность территории и величие страны кыпчаков: *Sende, mende jox, Senir tawda jox, Ütlü taşda jox, Qypçaqda jox. Ol quş sütdir* [27, с. 202-203]. 'Ни у тебя нет, ни у меня нет, нет и в высоких горах, нет на острых камнях, даже у Кыпчаков нет. Отгадка – Птичье молоко'.

Территории проживания племен и народов под разными названиями: усуней, саков, скифов, Гуннской (Кунской) державы, государств Канглы, Кыпчаков, кимаков, куманов, печенегов, торков, аваров, "черных клобуков" и других, упоминаемых в истории, являлись обиталищем кыпчаков в течение тысячелетий. К древним многочисленным кыпчакоязычным племенам можно отнести также племена под названиями: кыргызы, канглы, кангюй, аланы, авары, сарматы, асы и др. На этой территории в течение тысячелетий происходило постоянное перемалывание прибывающих сюда различных племен и родов – тюркизация и кыпчакизация [21 с. 28]. "Кыпчаки", "кимаки", "половцы", "печенеги", "мамлюки", "моголы" и т.д. – названия родственных племен, которые теперь вполне обоснованно можно объединять под общим названием "кыпчакские племена", а их языки называть "кыпчакские языки".

Казахские шежиры (родословная) кыпчаков говорят о 92 родах кыпчаков [10, с. 102]. По словам Махмуда Кашгари в IX веке в родоплеменное объединение кыпчаков входили такие племена, как: Йемек, Сувар, Канглы, Караборикти, Токсаба (Тухси), Жете, Борли и др. Надо полагать, что автор не перечислил все племена. Кыпчакские племена жили бок о бок с такими древними тюркскими племенами, упоминаемыми в истории как: албан (албан кыпчак), Огуз, Йемек, Сувар, Уйсуну и др. Из них канглы, албан, кимак, Токсоба, Уйсуну входят в общее понятие «кыпчак». В разные периоды истории понятие «кыпчаки» имело расширительное значение. В истории имя «Кыпчак» нередко употреблялось вместо названия «тюрк». Когда говорится о том, что кыпчаки – тюркское племя, имеется в виду, что это одно из крупных племенных объединений, которых теперь принято называть общим этнонимом «тюрки», «тюркские племена».

Кыпчаки подчинили себе многие племена на землях юга России, Кавказа, Крыма. В начале XIII века кыпчакские племена были весьма могущественными и известны на территории от Китая до Днепра, от Уральских гор до Египта и Сирии. Но у них не было единого централизованного государства, каждое племя, подчиняя другие соседние этносы, жили разрозненно.

Существует недостаточная оценка роли кыпчакских племен, кыпчакского племенного союза, кыпчакской культуры и кыпчакских языков в истории. Это связано, с одной стороны, со слабой их изученностью, как в историческом, так и в современном плане. С другой стороны, в европейской историографии существуют пренебрежение к тюркам, их истории и культуре, тюркофобия. В ней ограничивается или замалчивается вклад тюркских народов в мировую историю и культуру. О большой роли тюрков и их культуры в мировой истории писали честные западноевропейские ученые. Великий ученый Ф. Энгельс, по достоинству оценивая вклад предков тюрков – гуннов в европейскую культуру, писал: «Хунну были теми “варварами”, которые вдохнули новую жизненную силу умирающей Европе» [13, с. 132]. О пренебрежении европейцев к вкладу кыпчаков и огузов – сельджуков в европейскую историю писал Дж. Дж. Зондерс: «Несмотря на размах и значение завоеваний, изменивших лицо Азии и повлиявших на будущее Европы, Сельджуки находились в невероятном пренебрежении у западных историков» [30, с. 336; 19, с. 3].

От Алтая до Дуная и Адриатики тюрки жили и живут с древнейших времен, наиболее древние и известные из них – этруски, пеласги, которые переселились на Пиренейский полуостров из Центральной Евразии примерно в 3000 годах до н.э. По их известным дорогам в дальнейшем переезжали на новые места – Балканы «скифы», гунны, авары, куманы, печенегы [25, с. 22-23]. Адиле Айда, изучив в сравнительном плане большой материал этрусского и тюркских языков, их верований, мифологии и культуры, приходит к выводу о том, что этруски были древними тюрками [26]. Если принять во внимание идею С.А. Старостина о том, что «алтайская семья несколько древнее большинства других языковых семей Евразии (в частности, древней индоевропейской и финно-угорской)» [20, с. 11], не приходится удивляться доказательствам Адиле Айды. К сожалению, сколько бы ни доказывали честные ученые это воинствующим европоцентристам, они будут продолжать твердить «Этого не может быть!» А ведь европоцентристов – огромное количество, подавляющее большинство. В их хоре трудно людям услышать правдивые голоса отдельных объективных ученых.

«Персы, чаще соприкасавшиеся со среднеазиатскими номадами на своих северо-восточных границах, называли всех кочевников, как азиатских, так и европейских, саками [Saka]» [1, с. 33]. Таким образом, предками современных тюрков и кыпчаков в Евразии в древности можно считать этрусков, саков, скифов, гуннов, а также все племена, в названиях которых присутствует компонент «сак»: аби-саки, мас-саки (массагеты), туру-саки (этруски), кай-саки, хас-саки, сака и др. Слово «скифы» представляет собой русское произношение греческого Skithoi, которое состоит из тюркских элементов *saqa-* аффикс древнего множественного числа – *it*.

Персы (иранцы) много воевали со скифами и саками – массаками /массагетами (Кир, Дарий и др.) и терпели поражение от них, это одно из доказательств того, что отнесение саков к иранским племенам научно не обосновано.

Кыпчакские племена и народы – наиболее обширная группа тюркских племен как в прошлом, так и в настоящее время. Древние и средневековые кыпчаки представляли собой крупнейший племенной союз среди тюркских народов. Кыпчакские племена послужили основой для возникновения в будущем многих современных тюркских этносов, теперь разделенных на несколько групп. Карлуки – предки узбеков, уйгур; огузы: турки, азербайджанцы, туркмены, гагаузы, халаджи (этот этноним аналогичен казахскому этнониму алаш – одному из этнических обозначений казахов) жили в среде кыпчаков или в непосредственном соседстве с кыпчаками.

В языковом отношении среди разных племен как кыпчакские обособились предки многих современных народов: алтайцев, каракалпаков, кыргызов, татар, башкир, ногайцев, карачаевцев, балкар, кумыков, крымских татар, караимов, урумов и др.

Историки иногда кыпчаков условно делили на: 1) «чисто» кыпчакский союз племен, 2) смешанный кыпчакский союз племен. Подобное деление отражается и на особенностях кыпчакских языков, которые можно делить на: 1) восточно-центральные кыпчакские языки, 2) западно-кыпчакские языки.

Историки фиксируют движение кыпчакских племен и их связи с другими народами лишь в средневековье. Надо полагать, что движение кыпчаков в разных направлениях было с древнейших времен задолго до этого. Думается, что в создании древних культурных центров двух-пятитысячелетней давности, открытых археологами за последние десятилетия в Челябинской и Тюменской («Вторая Троя») областях, несомненную роль играли кыпчакские племена, которые до 20-х годов XX века пасли на этих землях свой скот.

Мнение о «передвижении» кыпчаков на запад лишь в XI веке не выдерживает критики, так же как мифическое «великое переселение народов», придуманное европоцентристами. И до XI века на Западе жили предки кыпчаков, об этом свидетельствуют в частности, тюркизмы в индоевропейских языках. Из древних западных предков современных кыпчаков нам известны лишь скифы и их культура – «скифское искусство», «скифское золото звериного стиля» от Монголии до Дуная. Впоследствии гунны также жили на этой территории. Армия Батыя в основном состояла из представителей кыпчакских племен и постоянно пополнялась местными – западными кыпчаками вплоть до Венгрии, а не пришла целиком из Монголии.

Имеющийся в историографии факт преувеличения роли огузских племен и замалчивание роли кыпчаков в истории продиктовано тем, что тюркологи

прошлого в первую очередь уделяли главное внимание Турции, Османской империи, турецкому языку – как главному представителю огузской группы. Поэтому история кыпчакских племен, кыпчакских языков оставалась в тени.

У кыпчаков существовали широкие связи в культуре, торговле, военной области, экономике, хозяйстве, политико-административных делах со всеми соседними странами и государствами: востока – Китаем, юга – Персией, арабскими странами, а также с Европой и Византией и северными народами. Кыпчаков восточные народы называли Кыпчак, русские – Половцы, европейцы – Куманы, венгры – Кун (<хунну, гунны), что подчеркивает их генетическую связь с гуннами.

Кыпчаки стали более известны с падением государства Кимаков (IX-XI вв.), они своим именем полностью заменили понятие «кимаки». На страницах истории имя кыпчаков широко стали употребляться с 1120 годов [2]. Это – период позднего пракыпчакского языка. Но о кыпчакских племенах – куманах на Западе писали на столетие раньше.

Куманы – одно из крупных племен кыпчакского племенного союза жили на Дунае в XI веке. По мнению Г. Куна (Kun) куманы временами нападали на Киевское княжество (1067), Византийскую империю (1064), Болгарию, достигли Греции. В XIII-XIV вв. Молдавию называли Кара Кумания (Черная Кумания). В современной Молдавии и вообще в Трансильвании немало этно-топонимов, связанных с именем куманов: Коман, Команест и т.д. Много названий кыпчакских племен, совпадающих с современными кыпчакскими, в частности, казахскими родовыми и племенными названиями: береш (беріш), черкес (шеркеш), халаш (алаш), токсоба (тоқсоба); а также топонимы Кишкуншак (Кіші кыпшак), Надькуншак (Ұлы кыпшак), Карсак (Қарсак), Котен (Көтен) и др. сохранились в венгерском языке и на территории Венгрии со времени прихода в Паннонию в 430 г. руководителя гуннов Аттилы, которого в Венгрии почитают как своего великого предка [15, с. 44-48].

В XII в. куманы заселяли Карпатские горы, Польшу. Куманы, которые жили в Византии, оказывали влияние на культуру местного населения. Крупными феодальными княжествами, созданными в XIII веке в Болгарии (< Балкария), руководили известные семьи – выходцы из куманов. В XIII веке они окончательно осели на Балканском полуострове. Основой гагаузов, объединенных в Болгарии, послужили куманы, печенеги и огузы. Знаменитый памятник XIII века Codex Cumanicus был составлен в Крыму на родине куманов благодаря большому значению в политической жизни европейцев того времени западных кыпчаков – обитателей Дешти Кыпчак. Армяне, вытесненные в XI в (1064 г.), переселившись в Крым, в тесной дружбе жили с местными кыпчаками, научились кыпчакскому языку и говорили и писали на этом языке. Цен-

тром части кыпчаков, переселившихся под напором монгольских завоевателей (1280 г.), и армян стал Каменец-Подольск (до 1496 г.). Деловые бумаги армян писались на трех языках: польском, украинском и кыпчакском языке. Кыпчакский язык использовался там до XVII века. На кыпчакском языке писались грамматические учебники, кыпчакско-армянские словари переводы Евангелия и другой религиозной литературы, велись канцелярские дела, составлялись исторические родословные и много других трудов.

Существует мнение о том, что часть кыпчаков переселилась в Малую Азию с началом XI века. Однако раньше в составе войск Багдадского халифа Гарун аль Рашида (786-809) были тюркско-кыпчакские гвардейцы. Кыпчаки, впервые попавшие в арабские страны, играли роль наемных войск и стражников. Переселялись они в Египет и Палестину. Сирийские кыпчаки стали известны в 1115-16 годах, в 1154 году они поднялись до уровня правителей страны. Эмир эль Эмир Ахмед, ставший с 945 года Багдадским султаном, вышел из тюркско-кыпчакских племен. Купленные как рабы кыпчаки (по-арабски – мамлюки) были включены в военные формирования. Кыпчаки-рабы со временем стали сильными, их влияние возрастало, и с 1250 года они установили власть династии Багратов в Египте. Основоположниками династии стали военачальники кыпчаки Айбек и Байбарыс. В 1517 году, когда Османская империя (султан Салим I) завоевала Египет, власть кыпчаков там была ликвидирована, однако они долго продолжали существовать как мощная военная сила – составляли специальную гвардию. Мамлюки установили тесные связи с тюркскими странами, обменялись послами с Золотой Ордой. Кыпчаки писали на кыпчакском языке грамматические учебники, многочисленные кыпчакско-арабские словари, оригинальные произведения и переводы.

В 1811 году по приказу правителя Египта Мухаммед Али (1769-1849) кыпчакские руководители и их помощники в 24 эмиратах в количестве 480 человек были полностью истреблены. Этим завершается история кыпчаков, правивших в арабских странах [10, с. 104].

Хотя кыпчаки были весьма мужественными воинами, хорошо владевшими военным искусством, из-за своей разрозненности подчинились монгольскому господству. В 1219 году, когда Монгольские войска штурмовали крупный кыпчакский культурный центр – город Отырар, многие образованные кыпчаки были истреблены. Город Отырар, представлявший собой крупный культурный и научный центр, где трудился великий ученый Аль-Фараби, был полностью разрушен, уничтожены библиотеки. Однако в летописях преувеличенно говорят о полном уничтожении кыпчаков, что практически было невозможно.

После монгольского завоевания кыпчаки оставались господствующим этносом на территории своего обитания, но уже перестали упоминаться как

известный народ, вместо названия «кыпчаки» появилось название «моголы» по названию завоевателей.

Где бы ни жили кыпчаки, их племена и роды признавались как группы единого народа, единого по крови, они говорили на одном языке. Этим можно объяснить чрезвычайную близость между собой современных кыпчакских языков и устойчивость в их развитии. Это результат того, что кыпчаки разных территорий всегда были взаимно связаны между собой не только политическими и экономическими отношениями, но и близкими родственными отношениями, которые сохраняются и у современных кыпчакских народов, мало подвергшихся мусульманскому влиянию и не забывших свои роды и племена. У них сильно развиты родственные чувства, например, неписанный закон запрещает им жениться внутри рода в отличие от мусульман, которым разрешается жениться на двоюродных родственниках.

Историки отмечают совместную жизнь кыпчакских и огузских племен в долине реки Сыр-Дарья, где сейчас живут казахи и узбеки, в языках которых мало ощущаются контакты с огузскими языками. Огузские контакты больше чувствуются в каракалпакском языке, носители которых живут, в основном, в долине реки Аму-Дарья. Эта территория, названная в арабских источниках «Мафазат аль-Гуз» (огузские степи) со временем превращается в «Дешти Кыпчак» (кыпчакские степи). Считается, что огузские племена были вытеснены в Мангыстау на территории Казахстана и на современные территории Туркмении [17, с. 366-370]. Однако, надо полагать, что они не могли быть вытеснены целиком, какая-то часть осталась на их прежней территории и растворилась среди кыпчаков.

С возникновением крупного кыпчакского государства – Золотой Орды, где кыпчаки были преобладающим этносом, имя кыпчаков вновь стало часто появляться на арене истории. Народы, живущие в Золотой Орде, постепенно стали называться старыми общими именами: «кыпчакские роды», «кыпчакские племена», «кыпчакские владения», «кыпчакские народы». Эти названия используются и в современной науке.

Однако население Золотой Орды в племенном отношении не было однородным. В степной зоне жили кыпчакские племена: канглы, аргын, найман, конграт, керей, уак и другие скотоводы. Вместе с ними там жили представители разных других племен и этносов: огузские племена, волжские болгары, городские кыпчаки, русские, армяне, греки, потомки обитателей древнего Хазарского государства, хорезмийцы, монголы, и др. Основой военно-феодальной силы были кыпчаки. Столицей Золотой Орды был город Берке сарайы (Дворец Берке), так названный в честь Берке (1209-1266) – хана Золотой Орды в 1255-1266), внука Чингисхана, третьего сына Джучи, брата Батыя. Впоследствии закрепилось название этого города как «Сарай».

Литературным языком Золотой Орды XIII-XV вв. был кыпчакский язык. Литература в Золотой Орде существовала и на понятном для всех ее обитателей литературном языке – так называемом «чагатайском», в основе которого лежит кыпчакский слой – его кыпчакско-огузский или северный диалект. По мнению Э. Наджипа «в XIV в. оформляется общий для Золотой Орды и Египта кыпчакско-огузский литературный язык *й*-группы» [16, с. 14]. К сожалению, многие труды поэтов, писателей Золотой Орды потеряны навсегда. Сохранилось небольшое количество произведений выдающихся авторов того времени: Рабгузи (XIII-XIV вв. «Киссасу-л-анбия»); Али (Гали) – (XIII-XIV вв. «Кисса-и Юсуф»); Сайф Сарай (XIII-XIV вв. «Гулистан бит-турки»; Хорезми (XIV в. «Мухаббат-нама»); Кутб (XIV в., «Хосроу Ширин»); Дурбек, Сааки, Саидахмет, Хусам Катиб. Определенное место в литературе Золотой Орды занимали переводные произведения [16].

Выделение государства Алаш из состава Золотой Орды в 1340 г. из-за идеологических разногласий сильно ослабило государство Золотой Орды [4, с. 49]. С 1480-х годов начинается распад Золотой Орды. На ее территории получила независимость Русь, возникли Казанское, Крымское, Астраханское (ногайское), Казахское и Узбекское ханства. После распада Золотой Орды кыпчакские племена стали базой для консолидации этносов в народы и нации, носящие современные этнонимы, говорящие на кыпчакских языках.

Кыпчакский антропологический тип антропологами, в основном, отнесен к южно-сибирскому или туранскому типу. Археологами и антропологами обнаружены древние остатки этого типа пока от Восточного Казахстана до Кавказа и Малой Азии [23; 6; 10, с. 104]. Однако это не означает, что кыпчаки не жили на других территориях.

Тюрков априори и бездоказательно многие продолжают считать монголоидами и на этой основе делают далекоидущие и широковещательные выводы, что их предки жили только на территории от востока Волги. Большинство тюрков относится к европеоидному расовому типу. Это наиболее крупные тюркские народы: *турки, азербайджанцы, туркмены, гагаузы, карачаевцы, балкарцы, узбеки, уйгуры, крымтатары, татары, караимы, кумыки, часть казахов*. Это относится и к обобщенному названию «кыпчакские племена». К смешанным уральским и южносибирским расам отнесены: *татары, башкиры, казахи, хакасы, алтайцы, ногайцы, тувинцы* и др. Лишь незначительная часть тюрков – монголоиды: *кыргызов, алтайцев, казахов, башкир, татар, ногайцев*. «Древнейшие из найденных здесь (в Южной Сибири, Хакасии, на Алтае – КМ) костных остатков человека из погребений афанасьевской культуры III и начала II тысячелетий до н.э. обладают резко выраженными европеоидными признаками» [18, с. 405].

Древние кыпчаки имели свой клич и тамгу. Как считают специалисты, клич (уран) кыпчаков был «Ойбас», их тамга – двойная вертикальная черта II [10, с. 104].

Показателем высокой культуры тюрков в древности является существование изобразительного искусства и письменности. Кыпчаки имели древнюю и самобытную культуру. Сохранившаяся до наших дней древняя культура предков кыпчаков – «Звериный стиль» была неотъемлемой частью мира древних жителей Центральной Евразии, она органично отражала многие сферы существования, народов, как принято, названных «кочевниками». Однако эти народы были не только кочевниками, часть из них была кочевниками, другая часть – оседлыми земледельцами, ремесленниками, изготовлявшими оружие, утварь и великолепные художественные произведения искусства. Эта культура сопровождала их рождение, жизнь и смерть: украшения оружия и конского снаряжения, одежды и ритуальной посуды, принадлежности погребального обряда и татуировки насыщены звериными образами. Скифский «звериный стиль» представляет собой самобытное художественное явление, базирующееся на собственной системе художественного языка, и имеет совершенно особое значение в мировой культуре... Особенно важным и интересным представляется наличие ближайших аналогий предметам звериного стиля из Филипповки в памятниках Алтая, Западного Казахстана и в регионе Прикубанья, что дает основание предположить вероятность проникновения nomadов с востока в западные области скифского мира – в Северное Причерноморье и на Северный Кавказ и существование прямых контактов между европейскими скифами и племенами Южного Приуралья» [9, с. 40-41]. В таком случае, как и во многих других, отнесение скифов к иранским племенам теряет почву. Культура скифов – в основном, представляет собой тюркскую культуру и может иметь лишь косвенное отношение к иранцам.

Пазырыкская культура по времени совпадает со скифской культурой, она, естественно, сохранилась до наших дней у кыпчакских народов. «Через 11 лет после находки на плато Укок замерзшей мумии “алтайского воина” ... в Монголии найдено захоронение воина такой степени сохранности, примеров которой практически не знает история археологии. Нынешняя находка, как и укокская, относится к пазырыкской культуре скифского времени (VI-III вв. до н.э.). В районе раскопок живут современные казахи» (“Поиск” 2007, № 5).

Кыпчакские языки имели древнюю развитую письменность. Если древнее тюркское «руническое» письмо возникло не позже IX-X вв. до нашей эры [11, с. 3] на территории, где жили предки современных кыпчакских этносов, можно определенно говорить и о существовании у них письменности около 3 тысяч лет тому назад. Авторы «Полного атласа Орхонских памятников», ис-

следуя языки этих памятников, приходят к выводу о том, что они написаны на кыпчакских языках: «Ранний средневековый письменный язык, получивший начало от древних тюркских памятников, вполне является наследием группы кыпчакских языков» [5, с. 17].

Территории, на которых зафиксированы разновременные древние и средневековые кыпчакские письменные памятники, охватывают большое пространство: Монголия (древнетюркские памятники), Западный Китай (Махмуд Кашгари), Крым (Codex Cumanicus), Поволжье, Египет, Малая Азия («староосманский»), Кавказ, Венгрия (Дунай).

«Пракрыпчакский язык» – историко-лингвистическое понятие, оно охватывает начальный период в развитии одной из нескольких ветвей тюркских языков. Это реконструируемый язык, который возник на базе диалектов пратюркского языка.

Еще в конце XIX-века было показано на прямое родственное отношение древнего шумерского языка к тюркским языкам: «Сумерийский язык (теперь его называют «Шумерским» – КМ) – самый древний из известных азиатских языков, и проф. Гоммель нашел в нем родственные черты с одной стороны, с турецко-татарскими наречиями, а с другой – с языками, заселивших Европу арийских народов, получивших общее название индо-германских» («Правительственный вестник», 4 января 1899 г.).

Некоторые сторонники гипотезы алтайского родства [20] языков считают, что распад алтайской общности языков происходил в 7-10 тысячелетии до н.э.

Тюркологи правомерно считают, что в пратюркском языке-основе существовали диалекты. Некоторые из них легли в основу пракрыпчакского языка. По современным представлениям к основным пратюркским диалектам, вероятно, следует отнести три: кыпчакский, огузский и карлукский. Диалекты хакасской группы, по-видимому, получили ответвление позже от огузских и карлукских диалектов и смешивались с кыпчакскими диалектами и неродственными языками.

Создание стройной схемы классификации тюркских праязыковых диалектов и их групп осложняется реальными историческими процессами ареального их взаимодействия и смешением родственных диалектов и языков и их контактов с неродственными языками.

Надо полагать, что пракрыпчакский язык и его диалекты существовали на большом пространстве Евразийских степей (см. выше – о территории). Об этом говорят также территории распространения письменных памятников в средневековье.

Пракрыпчакский язык хронологически имел свое начало. Вероятно, оно относится к периоду – VIII-X столетиям до момента упоминания о племенном

союзе кыпчаков и одновременно – о кыргызах в китайских источниках – 201-203 гг. до н.э. Таким образом, ранний пракыпчакский язык может быть датирован, по крайней мере, 1200-800 годами до н.э. – через 6-8 тысяч лет после распада праалтайского языка. К этой же дате (2-тысячелетие до н.э.), возможно отнести и начало распада пратюркского языка-основы.

Можно предложить как гипотетическую схему хронологии языковых изменений кыпчакских языков. Практикыпчакский язык имел три периода в своем развитии.

Ранний пракыпчакский язык ориентировочно относится к XII в. до н.э – II в. н.э. Верхняя его граница совпадает со скифским периодом и началом гуннского периода. Он сохранял все основные пратюркские черты, в том числе 8 классических гласных и идеальный закон гармонии звуков, в основном глухие звуки в начале и конце слова, основной словарный состав, основные структурные особенности грамматического строя пратюркского языка. Но и на этом этапе трудно предположить существование монолитного единства пракыпчакских диалектов. В первую очередь это относится к фонетике разговорной речи, где существовала недифференцированность ряда фонетических явлений: *p-/b-/m* -, *č-/č-/j-*, *-j-/z-/δ-* и др. Для носителей пратюркского и раннего пракыпчакского языка не имело фонематического значения, как произносить, например, современное слово *bas* ‘голова’: *bas, pas, mas, baš, paš, maš*; указательное местоимение могло произноситься: *pu, bu, mu* и т.д. На этом этапе в форме личного местоимения первого лица для начального согласного из более древнего соответствия *p-/b-/m* выбирается как основной вариант *m* -: *men*. В морфологии появляются некоторые определяющие кыпчакские черты, в частности прошедшее время на *-qan*.

Средний пракыпчакский язык (ориентировочно II-VIII вв.н.э.) можно называть пракыпчакским языком гуннского периода. На этом этапе кыпчакские диалекты, находясь в центре тюркских языков, контактировали со многими другими тюркскими языками и диалектами, развившимися из пратюркских диалектов. Начинают возникать зачатки некоторых ареальных особенностей, которые в дальнейшем послужили базой для разделения кыпчакских диалектов на: восточный, северный, центральный и западный. Происходит деление кыпчакских языков на *č*-языки и *š*-языки. В грамматике начинается превращение служебных слов в аффиксы. В языке тюркских рунических памятников А.Н. Кононов отмечает «кыпчакское влияние» в морфологии (Кононов). Происходит процесс превращения имен и глаголов в служебные элементы.

Со временем развитие пракыпчакского языка убыстряется, поздний пракыпчакский язык существовал, по-видимому, относительно недолго – ориентировочно в VII-XII вв. В нем усиливается процесс распада пракыпчакского языка на группы в связи с возникновением государственных образований

кыпчакских и тюркских племен. Можно отметить появление различий в консонантизме: разделение на *j*-языки, *ž*-языки, в дальнейшем наряду с этим появление *ž*-языков; в вокализме – от пракрыпчакского *-e*-языка отделяются – *ä*-диалекты. В морфологии утратилась форма древнего инструментального падежа, начинают распадаться формы склонения личных и указательных местоимений. Продолжается процесс перехода самостоятельных слов в служебные элементы, наряду с этим усиливается также процесс превращения служебных элементов в аффиксы.

Вместе с тем сохраняется устойчивость пракрыпчакских диалектов в морфологии. Многие пракрыпчакские и пратюркские морфологические категории сохранились от раннего пракрыпчакского состояния вплоть до современных кыпчакских языков. В фонетике устойчивы начальные глухие *p*-, *t*-, *k*-, в личном местоимении – начальный *m*- и т.д. В морфологии в неизменном виде сохраняются все словоизменительные категории имени существительного: шестипадежное склонение, категория принадлежности, категория лица-предикативности, категория множественного числа; в глаголе – основные формы времен изъявительного наклонения и т.д.

Ускоренный распад пракрыпчакского языка происходит в XIII-XV вв. Политической верхней границей пракрыпчакского языка можно считать период начала распада Золотой Орды – Улус Джучи. Национальные кыпчакские языки начинают отделяться с распадом Золотой Орды – с XIV-XV века, с возникновением различных государственных структур на территории уже бывшей Золотой Орды. Еще в Золотой Орде существовало несколько литературных языков, одним из которых являлся кыпчакский язык. В то же время «Несмотря на то, что кыпчаки не составляли большинства населения Золотой Орды, **государственным языком страны был кыпчакский**» [16 с. 54] (выделение Э. Наджипа – КМ). Разновидности возникших литературных языков тюрки: среднеазиатский, поволжский, северокавказский, а также египетский литературные языки имели кыпчакскую основу.

Вместе с тем средневековые литературные языки, существовавшие в письменной форме, не были доступны широкому слою населения. Народы и племена продолжали говорить, сочинять эпические и другие произведения фольклора на своем родном языке, диалекте. С отделением от Золотой Орды большой группы кыпчаков – мамлюков и переселением их в Египет значение кыпчакского языка не уменьшилось на территории бывшей Золотой Орды.

Наряду с дальнейшим укреплением ареальных групп усиливаются центробежные тенденции и начинают развиваться связанные с ними специфические особенности отдельных языков в морфологии, фонетике, лексике и синтаксисе. Закладываются основы для консолидации племенных языков и

диалектов и возникновения национальных кыпчакских языков. Вместе с тем, для контактирующих языков, повлиявших на лексику кыпчакских языков, тюркская морфология оказалась непроницаемой.

Пракыпчакский язык существовал примерно свыше 2000 лет. Его относительная долговечность является результатом сложных и постоянных контактов кыпчакских племен между собой и общение между их представителями на кыпчакском языке.

Понятие “кыпчакские языки” – часть более общего понятия “тюркские языки”. Это – лингвистическое понятие, оно для пракыпчакского состояния представляет собой общее название диалектов не только кыпчакских племен, но и других племенных союзов, близких по языку. В средневековье это: 1) языки многочисленных племен и народов, принадлежащих к кыпчакской этнической общности, 2) языки разных генетически родственных племен, родов, не причисленных историками к кыпчакам. Это понятие относится и к современному состоянию языков, когда сформировались многие языки кыпчакских наций и народностей.

Современные кыпчакские языки, развившиеся от пракыпчакского языка – центрального ствола пратюркского, составляют наиболее обширную группу большой ветви тюркских языков, они распространены на значительном пространстве. Они прошли в своем развитии сложный путь, что отразилось на их лексике, фонетике и грамматическом строе. В каждой из ареальных групп кыпчакских языков можно обнаружить черты других ареальных кыпчакских групп, а также соседних ареальных групп тюркских языков.

По А. Шлейхеру, в доисторический период возникает, оформляется, развивается и совершенствуется, а в исторический период начинается распад языка в отношении звуков и форм. Отсюда вывод: “история – враг всякого языка”. Следует отметить, что современные кыпчакские языки, как и тюркские языки вообще, в отличие от индоевропейских, сохранили многое из доисторического состояния языка.

Территория, где жили кыпчакские племена, подверглась многим опустошительным войнам, что привело к разрушению их культуры и письменности. Благодаря многочисленности кыпчакских народов и большой территории их распространения кыпчакские языки как богатые и хорошо развитые языки сохранились в отличном состоянии. От уничтожения сохранился ряд письменных памятников, непосредственно относящихся к кыпчакским языкам.

О кыпчакских языках писал Махмуд Кашгари в XI веке, который использовал арабское письмо для тюркских языков. Его знаменитый Словарь «Дивану Лугату ат-тюрк» – один из ранних письменных памятников кыпчакского языка.

К XII веку относится кыпчакский язык «Хикметов» Ахмета Яссауи. Э.Н. Наджип впервые осторожно высказался о том, что это памятник кыпчакского языка:

«можно полагать, что язык Есеви (Яссауи – КМ) характеризует состояние *кыпчакско-огузского* языка литературы XII века» [16, с. 8]. Появление «Хикметов» Ахмета Яссауи «Ознаменовало становление письменного языка низовьев Сыр-Дарьи в качестве языка литературы в противовес письменному карлукско-уйгурскому восточной части караханидского государства, языку “Кутадгу билиг” (там же). А.К. Боровков считал, что язык А. Яссауи восходит к восточной караханидской литературной традиции, но оформлен как самостоятельный огузско-кыпчакский язык [3, с. 247-250]. Боровков, как и его современники, не мог оторваться от представления караханидской литературной традиции и не видел других языков. Современные казахские исследователи считают язык «Хикметов» Ахмета Яссауи предком казахского языка (Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясы, Алматы, 2001, с.11-15).

1212 год – появление оригинальной тюркоязычной поэмы «Юсуф и Зулейха» поэта Али (дискуссию о ее принадлежности см. [16, с. 8]).

В Египте сохранились кыпчакские памятники средневековья, начиная с Кыпчакско-монгольско-персидского словаря 1245 г. – «Китаби-и маджму-и тарджуману турки ва ‘аджами ва мугули ва фарси» (его язык Э.Н. Наджип назвал «египетский тюрки» – [16, с. 9]), написанного также на арабском письме, которое существовало у кыпчаков почти 900 лет.

«Атибат ал-Хакаиқ» = «Хибат ал-Хакаиқ» Ахмада-адиба Югнаки – по предположениям тюркологов относится к X, XII, XIII в., возможно, оно даже старше «Кутадгу Билик» [16, с. 9].

Известный кыпчакский словарь Codex Cumanicus, составленный в Крыму в конце XIII в.- начале XIV в. (некоторые называют точный год – 1303), А.Н. Кононов назвал памятником крымтатарского языка. Этот памятник прежде всего отражает особенности западнокыпчакских языков, во вторую очередь – центральных кыпчакских языков. А.А. Чеченов, изучив ареальные особенности памятника, показал, что наиболее близкими к нему являются современные караимский и крымтатарский языки [22, с. 19].

Так называемый «староосманский язык», существовавший в Малой Азии и использовавший арабское письмо, по своей грамматической и лексической структуре значительно ближе к кыпчакским языкам, чем к любому из языков огузской группы. Современные кыпчакские народы понимают его без перевода, тогда как туркам он понятен только через посредство перевода [29, с. 106-115]. О других памятниках, относящихся к кыпчакским языкам, подробнее см. Наджип [16, с. 9-32].

Все эти памятники ждут пристального сравнительного исследования со стороны ученых-знатоков кыпчакских языков.

По мнению В.В. Бартольда [2] во время монгольского господства все на-

роды, жившие в кыпчакских степях, в Поволжье и в Крыму, в том числе и монгольские племена, говорили на кыпчакском языке.

Для восточных исследователей и западных путешественников кыпчакский язык был международным языком общения [14].

В средневековых кыпчакских языках уже сформировались некоторые ареальные особенности по регионам: западные, северные, центральные и восточные.

Излагая историю сложения тюркских литературных языков, Э.Н. Наджип подчеркивал, что «С XIV века начинается новый этап этой истории, который может быть назван по одной линии *золотоордынско-египетским*, а по другой – *золотоордынско-хорезмским*. В XIV веке, как показало изучение тюркоязычных памятников этого периода, на территории Золотой Орды, в Средней Азии и в Египте сложились своеобразные смешанные письменные языки, и достигла значительного развития литература на этих смешанных языках» [16, с. 12]. Основой этих смешанных литературных языков служил язык фольклора кыпчаков.

В определении отношения тюркских письменных памятников к той или иной группе тюркских языков большую роль играл и продолжает играть «человеческий фактор». Первые их исследователи знали турецкий язык, и все памятники сближали с этим знакомым языком. В современном мире подобных фактов встречается немало. Индийский посол в Турции утверждал, что турецкий язык и хинди родственны. Это утверждение у него возникло не потому, что он исследовал тюркские языки, а из-за того, что он не знал других языков. Знатки каждого из современных тюркских языков готовы считать тот или иной письменный тюркский памятник древности памятником только своего языка, поскольку, естественно, между ними находят множество сходных черт.

Чтобы не обижать других тюркских народов и исследователей тюркологами был придуман термин «тюрки», применяемый к разным памятникам тюркских языков: «Среднеазиатский тюрки», «поволжский тюрки», «северокавказский тюрки», «египетский тюрки». Эти региональные литературные языки, несомненно, требуют сравнительного исследования, чтобы окончательно установить их отношение к современным языкам и взаимоотношение между ними. Пока этого не сделано, говорить, что данный памятник «только наш», по крайней мере, преждевременно.

В XIX-XX вв. формировались современные кыпчакские языки, которые имеют больше расхождений между собой. Появились новые кыпчакские национальные языки, которые раньше не имели статус самостоятельного языка.

Выделяемые хронологические границы развития кыпчакских языков – условные. Например, конкретный кыпчакский язык XIX века структурно мало чем отличается от языка XVI-XVII веков и т.д.

Кыпчакские языки остаются весьма консервативными до XIV века в тече-

ние тысячелетия, до XIX века они остаются консервативными в течение столетий, что и определило их близость между собой. Носители современных кыпчакских языков, как и прагыпчакского языка, в определенной мере могут общаться на своих родных языках с представителями – носителями других кыпчакских языков. Потому что в них прагыпчакские данные в грамматике, лексике мало претерпели изменения.

О близости кыпчакских языков говорят и в народе, например, кыргызы говорят: *Qyryyz ajtat qanča dep, qazaq ajtat qanša dep; ė menen ė bolboso, ajyrym žoq anča kōp*. ‘Кыргызы говорят «қанча», казахи говорят «қанша»; если не считать *ч* и *ш*, то нет особых различий (между ними)’.

Предстоит детально исследовать проблему степени сохранения прагыпчакских черт в разных современных и средневековых кыпчакских языках. Например, в западно-кыпчакских языках сохранилась система двух синтетических форм прошедшего времени прагыпчакского языка, в центральных – трех, четырех форм. Караимский язык (западные диалекты), отделенный от остальных кыпчакских языков в XIV веке, находясь в языковой изоляции как от кыпчакских, так и от других тюркских языков, сохранил состояние верхней границы прагыпчакского языка (IX-XII вв). Некоторое развитие получила семантика разных слов в караимском – *bitik/bičik* (от глагола *bič-* ‘резать, вырезать’, а не от китайского *bit* ‘кисть’; древнейшие письмена были резанными, а не написанные кистью) ‘вырезанный знак’ > ‘буква’ > ‘письмо’ > ‘книга’.

Несомненно, кыпчакские языки претерпели немало изменений со времени прагыпчакского состояния. Поздние различия между кыпчакскими языками относятся к деталям в грамматической структуре. Именно некоторые «мелочи» служат в определенной степени препятствием взаимопониманию иногда между современными носителями кыпчакских языков в разговоре друг с другом. Этому в немалой степени способствует современная не унифицированная система письменностей разных кыпчакских языков.

Произошли некоторые частные структурные изменения в ряде языков в новейшее время. В частности, это относится к языкам, носители которых были выселены из родных мест в Среднюю Азию и Казахстан во время Второй мировой войны советской властью: крымтатарском – за 1944-1992, карачаево-балкарском за 1944-1958 гг.

Наибольшее развитие в структуре получили современные литературные кыпчакские языки, которые являются языками народов-«миллионеров»: казахский, кыргызский, татарский и башкирский. Два кыпчакских языка выступают в современном мире как языки суверенных государств: казахский в Республике Казахстан и кыргызский в Республике Кыргызстан, что дает им широкие возможности для дальнейшего как структурного, так и функционального развития.

Генеалогическая классификация кыпчакских языков в существующих системах классификации тюркских языков верно определяет место основной части кыпчакских языков. От пракрыпчакского состояния позже в разные времена отросли четыре ветви, которые составляют теперь четыре группы современных кыпчакских языков. Каждая из групп наряду с общностью входящих в нее языков отличается своими лингвистическими и историко-социологическими особенностями.

А.) Западная группа: 1) караимский, 2) карачаево-балкарский, 3) крымтатарский, 4) кумыкский, 5) урумский. К этой группе условно можно отнести язык крымчаков, который кроме некоторых еврейских слов в лексике не отличается от крымтатарского, хотя некоторые тюркологи склонны считать его самостоятельным языком.

Б.) Северная группа: 6) башкирский, 7) барабинских татар, 8) татарский.

В.) Центральная группа – самая многочисленная группа кыпчакских языков: 9) астраханских ногайцев-карагашей, 10) алабугатских татар, 11) казахский, 12) каракалпакский, 13) кыпчаков-узбеков, 14) ногайский, 15) юртовских татар (астраханских ногайцев).

Г.) Восточная группа: 16) алтайский, 17) кыргызский.

Различия между указанными четырьмя группами, территориально связанными между собой, переходят достаточно плавно, нет резких переходов, поскольку между группами на границах имеются переходные языки и диалекты. Например, переходными языками можно считать: барабинский – между северными и центральными; ногайский, кумыкский – между центральными и западными; крымтатарский – между центральными и западными.

Процесс распада пракрыпчакского языка на четыре группы начался давно, по крайней мере – на рубеже христианской эры, в гуннскую эпоху, и не одновременно. Возможно, раньше всех отделился северо-кыпчакский язык (болгарская группа), от которого происходят башкирский и татарский языки. С XVI века носители этих языков существуют под Российским колониализмом, что сильно отразилось в их лексике, фонетике и синтаксисе. На следующем этапе разделилась восточно-кыпчакская ветвь (кыргызская), от которой пошли кыргызский и алтайский языки. Более длительные контакты сохранились между центральными языками (кимакскими, к которым относятся казахский, каракалпакский, являющийся ближайшим к казахскому языку, ногайский, язык астраханских ногайцев и др.) и западными (куманскими: карачаево-балкарским (карачаевский и балкарский разделились между собой поздно), крымтатарским, кумыкским и караимским). Крымтатарский язык представляет собой некоторое соединение кимакского типа с огузским типом. Это смешение произошло, по-видимому, позже – возможно, оно связано с перио-

дом Османской империи. В формировании кумыкского языка также, но в значительно меньшей степени участвовали огузские элементы во времена Османской империи. Западные диалекты караимского языка формировались в изоляции от остальной части кыпчакских языков за последние 600 лет, тогда как его восточный – крымский диалект развивался в постоянном контакте с крымтатарским языком.

Вместе с тем следует отметить, что связи между четырьмя группами кыпчакских языков сохранились в разной степени вплоть до XVIII-XIX веков, до окончательной колонизации Россией земель их носителей и введения обязательной оседлости для всех, введения обязательного обучения на русском языке и т.д.

Все кыпчакские народы в разные времена были колонизованы Россией. Это отразилось на процессе развития кыпчакских языков, как в функциональном, так и структурном плане. Крымские татары и караимы находились под господством России с конца XVIII века – когда Екатерина вторая завоевала Крым. Лишь часть караимов (западные караимы) находилась под господством Литовского государства, под Российским (советским) господством они находились недолго: 1940 – 1990 гг.

В период Российского и советского господства все кыпчакские языки подверглись русификации со стороны российских властей, дальнейшее их развитие происходило под сильным влиянием русского языка. Это отразилось на структурном и функциональном развитии кыпчакских языков и ослабило роль национальных кыпчакских языков даже внутри кыпчакских республик. Были сильно ослаблены также межкыпчакские культурные и языковые контакты.

До присоединения к России носителей кыпчакских языков кыпчакские языки и каждая из групп кыпчакских языков имели внешние связи: а) с тюркскими языками: сибирскими, карлукскими, огузскими; б) с нетюркскими языками: монгольскими, китайским, тунгусо-маньчжурскими, иранскими, семитскими, иберийско-кавказскими, славянскими, балтийскими, угро-финскими. Это отразилось на их историческом развитии в фонетике, лексике и синтаксисе. В морфологии новые явления отмечены в словообразовании.

Вместе с тем следует отметить, что, находясь в центре тюркских языков – окруженные почти со всех сторон тюркскими языками, кыпчакские языки имели меньше контактов с нетюркскими языковыми группами, в отличие от огузских, саяно-сибирских, карлукских групп, находящихся на окраинах тюркских языков. Некоторое влияние на кыпчакские языки, находящиеся на юго-западе, в период Османской империи оказал представитель огузских языков – литературный турецкий язык.

Относительно большим инновациям подверглись кыпчакские языки внешних регионов: западно-кыпчакского, восточно-кыпчакского, северо-кыпчакского, имевшие более длительные контакты с нетюркскими языками, наряду с этим они сохранили и древние кыпчакские черты.

После распада пратюркской языковой общности пракыпчакский язык продолжал сохранять систему тюркской морфологии. В средневековых кыпчакских языках (куманские, мамлюкские, печенежские, армяно-кыпчакские памятники, караимский язык) уже наблюдается нарушение гармонии звуков под влиянием внешнего влияния и письменного языка, однако морфологическая структура почти не подвергается изменению. В развитии кыпчакских языков процессы изменения в морфологии труднее поддаются периодизации, настолько морфологическая структура оказалась устойчивой и монолитной. Практикский язык до позднекыпчакского состояния в полной мере сохранял морфологическую структуру, характерную для пратюркской системы в неизменном виде.

Современные (XIX-XXI вв.) кыпчакские языки, в общем, сохраняя основные закономерности морфологической структуры пракыпчакского состояния, приобрели немало новых черт, показывающих расхождения между ними. В частности, в развитии фонетических вариантов аффиксов кыпчакских языков со времени пракыпчакского состояния можно заметить две тенденции: а) увеличение количества их фонетических вариантов. Это было характерно, в основном, для раннего периода развития кыпчакских языков. б) Уменьшение количества фонетических вариантов аффиксов, это явление характерно, в основном, для позднего этапа развития кыпчакских языков. Например, варианты аффикса множественного числа, аффикса отрицательного аспекта и некоторых других аффиксов в ряде современных языков сократились с восьми до двух.

Современные литературные кыпчакские языки и их диалекты мало отличаются друг от друга в морфологии. Диалектные особенности кыпчакских языков в морфологическом строе незначительны и не существенны, они оказываются, в общем, внутренними явлениями для отдельных кыпчакских языков. Это характерная черта кыпчакской группы, отличающей ее от других групп тюркских языков.

Кыпчакские языки проявляют консерватизм и внутреннее единство в отношении многих грамматических и фонетических явлений. Это объясняется, помимо сказанного выше еще тем, что, в течение многих веков территориально находясь в середине тюркоязычного ареала, они постоянно контактировали между собой, имели единую культуру, единый фольклор. Происходившие постоянные внутрикыпчакские контакты на огромном пространстве смешивали кыпчакские языки. Закон, тысячами запрещающий внутривидовые браки у носителей кыпчакских языков, нивелировал диалекты и говоры.

Кыпчакские языки длительное время существовали, в основном, в устной форме, имевшееся письмо при массовой неграмотности населения не могло оказать разрушающего влияния на структуру языка. Возникающие литературные языки создавались на основе народно-разговорного языка, языка богатого фольклора. Это и определило близость существующих литературных языков к народно-разговорным языкам. Слабое знание и не частое употребление основной массой носителей кыпчакских языков письменных тюркских литературных языков в прошлом также способствовали консервации народно-разговорных языков.

После распада пратюркского языка-основы на: прагыпчакский (северо-западный), праогузский (юго-западный), пракарлукский (юго-восточный) прахакасский (северо-восточный) их различия в морфологической системе оказались весьма незначительными. По-видимому, пракарлукский язык представлял собой смешение прагыпчакского и праогузского языков.

Прагыпчакский язык сохранил почти все пратюркские черты в морфологии. Многие современные словообразовательные и словоизменительные аффиксы в пратюркском и прагыпчакском языках были едиными и нерасчлененными. Например, в глаголе формы на: *-tyq*, *-aʒaq*, *-qan* и т.д. выражают как словоизменительные, так и словообразовательные формы.

В период после распада прагыпчакского языка изменения в морфологии принадлежат деталям, возникновение некоторых новых форм относится, в основном, к имени существительному и глаголу (прошедшее время на *-p*, причастие на *-atyn* и т.д.).

Типологически можно выделять современные группы кыпчакских языков с противопоставлением определенных грамматических форм: 1. Языки с тремя синтетическими формами прошедшего времени изъявительного наклонения. 2. Языки с двумя синтетическими формами прошедшего времени. 3. Языки с *-aturyan* формами. 4. Языки без этой формы.

Вряд ли можно выделить какой-нибудь один конкретный язык как наиболее близкий к прагыпчакскому по морфологическим особенностям. Все группы кыпчакских языков сохранили прагыпчакские черты в морфологии. Вместе с тем более близкой к прагыпчакскому языку можно считать западнокыпчакскую группу.

В **заключение** хочется подчеркнуть, что современный народ, официально называемый «крымские татары», как крупнейший представитель западных кыпчаков – куманов, имеет полное право вернуться к своему исконному и древнему красивому имени «Куманы» (в переводе – «лебединые люди»), а их язык – к названию «куманский язык», как это было в древности. Предстоит избавляться от использования придуманных этнонимов народов колони-

альной России, вроде «крымские татары», «сибирские татары», «литовские татары», «закавказские татары» и т.д., запутавших людей российскими малограмотными чиновниками.

Список литературы

1. Алексеев А.Ю. Кочевники Евразии: история и археология. Скифы -- азиаты и европейцы. // Золотые олени Евразии. – СПб., 2003.
2. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – Соч. Т.1. – М., 1963.
3. Боровков А.К. Очерки по истории узбекского языка // Советское Востоковедение. – 1952. – V.
4. Жандарбекұлы З. Алаш және қазақ халқының қалыптасуының алашқы кезеңі // Түркология. – 2006. – №1.
5. Жолдасбеков М., Сартқожа ұлы Қ. Орхон ескерткіштерінің толық атласы (Полный атлас Орхонских памятников). – Астана, 2005.
6. Исмагулов О. Антропологический тип тюркских народов. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР». – Т. 12. – 1961.
7. История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). – Алматы. 1993.
8. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. – Ленинград, 1980.
9. Королькова Е.Ф. Филипповские курганы и звериный стиль. // Золотые олени Евразии. СПб., 2003.
10. Қазақ совет энциклопедиясы (Казахская советская энциклопедия). – Т. 7
11. Кызласов И. Особенности проторунического письма // Түркология. – 2004. – № 1.
12. Мажитов Н., Султанова А. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа, 1994.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.XVI, ч.1.
14. Мошков В.А. Турецкие племена на Балканском полуострове. «Известия русского географического общества». – Т.10. – Вып.9. – СПб., 1904.
15. Мукашева Р. Мажарстан // Түркология – 2006 – №1.
16. Наджип Э.Н. Культура и тюркоязычная литература Мамлюкского Египта XIV века. – Туркестан. 2004.
17. Пономарев Н. Куман-половцы. // «Вестник древней истории». – 1940. – № 3-4.
18. Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. – М., 1978.
19. Семенова Л.А. Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. – М., 1990.
20. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. Автореф....- докт. диссерт. – М., 1991.
21. Тынышпаев М., Ақтабан шұбырынды (Великие бедствия). – Алма-Ата, 1992.
22. Чеченов А.А. Язык “Codex Cumanicus” и его отношение к современным западнокыпчакским языкам. Автореф...канд. дисс. – М., 1979.
23. Ярхо А.И. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924-1934) // «Антропологический журнал». – 1936. – №1.
24. Adile Ayda. Les Etrusques étaient-ils des Turcs? – Paris, 1971.
25. Adile Ayda. Türklerin ilk ataları. – Ankara, 1987.
26. Adile Ayda. Etrüskler (Tursakalar) Türk idiler. (Ilmi deliller). – Ankara, 1992.
27. Drimba V. Syntaxe Comane. – Bucureşti-Leiden, 1973.
28. Kuun G. Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum. Budapestini. – 1880.
29. Mansuroğlu M. Calaleddin Rumi’s Türkische Verse. UAJ Bd XXIV. Heft 3-4. – 1952.
30. Saunders J.J. The Seljuk Turks and their Place in History // History Today. I. – 1962. – vol. 12. – N 56.

Мусаев К. Кыпчаки і прақыпчакська мова

«Кыпчак» нерідко уживалося замість назви «тюрк». Показником високої культури тюрків у старовині є існування образотворчого мистецтва і писемності. Стародавня культура предків кыпчаків, що збереглася до наших днів, – «Звіриний стиль», була невід’ємною частиною миру стародавніх жителів Центральної Євразії, вона органічно відображала багато сфер існування народів, як прийнято, названих «кочівниками».

Скіфський «звіриний стиль» є самобутнім художнім явищем, що базується на власній системі художньої мови і має абсолютно особливе значення в світовій культурі. Культура скіфів – в основному, є тюркською культурою і може мати лише непряме відношення до іранців.

Ключові слова: кыпчаки, прақыпчакська мова, кумани, скіфи, стародавня тюркська рунічна писемність.

Musaev K. Kypchaks and prakypchaksk's language

«Kypchak» quite often was used instead of «turk». Existence of fine art and written language is the index of high culture of turks in antiquity. Ancient culture of kypchaks' ancestors saved to our days is «Beast style» was inalienable part of world of ancient habitants of Central Eurasia, it organically reflected many spheres of existence people, as accepted, named «nomads».

Scythian “beast style” is the original artistic phenomenon based on the own system of artistic language, and has quite special importance in a world culture. Culture of scythians – mainly, is a Turkish culture and can have only indirect reference to Iranians.

Key words: kypchaks, prakypchaksk's language, kumans, scythians, ancient Turkish rune letter.

Статья поступила в редакцию 09 марта 2007 г.

УДК 811.512.145.(477.75)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО НАРОДА И ЕГО ЯЗЫКА

Меметов А.М.

Дослідження здійснено за підтримки ДФФД України

В статье рассматриваются основные источники формирования крымскотатарского народа и его языка. Выявляются и описываются три основные группы крымских татар, которые отличаются друг от друга физическим типом, языковыми особенностями, строительством жилищ, одеждой и занятиями.

Ключевые слова: крымские татары, южнобережные, степные, горные и предгорные, кыпчакско-половецкие племена, литературный язык.

На земном шаре, по разным данным, имеется от 2,5 до 7 тысяч языков. Трудность определения точного количества языков связана, прежде всего, с тем, что до сих пор есть территории, слабо изученные в языковом отношении и во многих случаях нельзя четко провести грань между самостоятельным языком или же диалектом какого-либо языка.

Каждый язык – достояние определенного коллектива людей и тем самым – явление общественно-историческое, которое требует пристального внимания к соотношению языка и форм исторической общности людей – племени, племенного союза, народности и нации. Учеными выявлена общая закономерность: по мере внутренней консолидации форм исторической общности людей возрастает внутренняя организация и единство языка.

В условиях родового общества язык племени обычно отграничен от языков других, родственных, племен. На племенной близости могут формироваться и языки племенных союзов, по отношению к которым отдельные родственные племенные языки оказываются племенными диалектами [4, с. 51-52]. Видимо, так обстояло дело и у древних тюркских племен.

В начале нашей эры существовала большая группа родственных тюркских племен, говоривших на близком друг другу диалектах одного древнетюркского языка. По мнению ведущих тюркологов, древнетюркский язык никогда не был монолитной системой, исключавшей диалектное деление. Древние тюркские племена были многочисленны, они меняли места своего жительства, постоянно сталкивались с другими иноязычными племенами,

постепенно осваивали новые территории и к началу IV века расселились на огромных пространствах от Алтая на востоке до современной Болгарии на западе. В связи с этим, тюркские племена оказались в разных природно-климатических и культурных условиях, вступили в контакты с племенами и народностями разного происхождения и неодинакового уровня развития, постепенно нарушались хозяйственные и иные связи между отдельными племенами и союзами. Все это не могло не отразиться на их языке.

Древнетюркский язык с самого начала своего существования состоял из близкородственных диалектов или диалектных зон, состав которых и отношение между которыми должны были постоянно меняться. «Фактический, в том числе и фонетический материал для будущих дифференциальных признаков, – писал Э.В. Севортян, хотя уже имелся в древнейшем состоянии тюркских языков, но его распределение не было строго локализовано в ареальных границах, и различительные признаки еще только постепенно вырабатывались по мере развития древнедиалектных расхождений, стабилизации древнедиалектных вариантов фонем в качестве инвариантов вновь формирующих диалектов, консолидации и конвергенции близких между собой говоров вокруг формирующихся диалектов, территориального обособления диалектов и их сближения между собой, формирования ареальных групп» [16, с. 31].

Таким образом, наличие лексических, фонетических и других дифференциальных признаков в тюркских языках – процесс не изначальный, а последующий, относительно поздний, как и процесс формирования отдельных языков вообще.

История формирования лексической, фонетической, морфологической и синтаксической систем крымскотатарского языка тесно и неразрывно связана с историей крымскотатарского народа, с вопросами его происхождения и становления.

Процесс формирования крымских татар, как и многих других народов, происходил путем миграции, расселения, иногда и завоевания одних этнических групп другими с последующей ассимиляцией.

При общности литературного языка и культуры современные крымские татары различаются физическим типом, в зависимости от того, какие группы населения Крыма приняли участие в их этногенезе.

Характеризуя жителей Крыма, говорящих на крымскотатарском языке, исследователи выделяли три основные группы, которые отличались друг от друга физическим типом, языковыми особенностями, строительством жилищ, одеждой и занятиями.

К первой группе были отнесены жители Южного берега Крыма, в этногенезе которых приняли участие потомки древних, этнически неоднородных пле-

мен: киммерийцы, греки, римляне, гунуэзцы, а также турки-сельджуки, которые начали переселяться в Крым с XII века. Антропологически южнобережные крымские татары отличаются от степных татар полным отсутствием монголоидных признаков. По наблюдениям В. Львовича, «они высокого роста и крепкого телосложения, цвет лица у них смуглый, как у всех южных жителей, лицо овальное, продолговатое и очень приятное, нос прямой, нередко римский или греческий, волосы и глаза совершенно черные» [10, с. 343-358].

В языке южнобережных крымских татар преобладают огузские элементы, поэтому исследователи при классификации тюркских языков включают их язык в южную (или огузскую) группу [19, с. 7-8; 20, с. 280-281].

Б.А. Куфтин, изучая южнобережных крымских татар, которые проживали между Байдарами и Судаком, писал: «Сильное влияние южнотурецкого османского языка отличает говор южнобережных татар от прочих татар Крыма, свидетельствуя о значительном влиянии на них турецко-османской культуры. Почти на чистом южно-турецком языке говорят татары Алупки, Гурзуфа, но татары горных деревень Судакского района отличаются резко выраженными диалектическими особенностями, напр., замена *к* мягкого (средне-небного) через *ч*, *к* твёрдого (задненебного) через *х*, что частью может объясняться влиянием анатолийских наречий [6, с. 24]. Примечательно то, что указанная фонетическая черта характеризовала говор и местного греческого населения, значительная часть которого была выселена из Крыма в Мариуполь в 1778г» [5, с. 8]. В.Д. Смирнов не без оснований высказал предположение, что южное побережье Крыма было заселено еще в домонгольское время турками-сельджуками с малоазийского побережья [17, с. 3, 6].

Жители предгорного Крыма именовали южнобережных татар татами. Этим именем, по наблюдению Б.А. Куфтина, называли себя и сами крымские татары наиболее глухих селений Судакского района из бывших гунуэзских колоний, например, деревень Ускют, Шелен, Ай-Серез и др. [6, с. 24]. У крымских татар сохранилась пословица, которая характеризует татов как упрямых, непокладистых людей: *Таттыр – инаттыр* – «Тат – упрямый, своенравный». В настоящее время трудно сказать что-либо о происхождении и значении этнонима «тат». Однако можно предположить, что таты – это остатки тюркизированных ираноязычных племен, сохранившихся в горной части Крыма. Это предположение подтверждается антропологическими исследованиями южнобережных татар, проведенными А. Харузиным, который отмечает влияние иранского типа, возможно, алан [18, с. 20-21]. Интересно отметить, что татами называли себя также те из «Мариупольских греков, выселенных в 1778 году из Крыма, которые, будучи выходцами из прежних гунуэзских колоний, в противоположность грекам ю.-з. (юго-за-

падной – А.М.) части горного Крыма, говорящим только по татарски, сохранили свой греческий диалект «аила»» [6, с. 26].

Южнобережные крымские татары жили в основном в деревнях, которые были расположены недалеко от моря. Их саклеобразные дома с плоскими крышами имели ступенчатое расположение. Каждый дом представлял собой одно- или двухэтажную постройку из дикого камня на глине. В двухэтажных постройках нижний этаж обычно служил помещением для скота и кладовыми, а жили в верхнем с верандой, подымаясь туда по наружной, а в старину – по внутренней лесенке. «Своеобразный тип южнобережной деревни, – писал Б.А. Куфтин, по своему происхождению, не может быть сведен ни к обще-турецким степным формам, ни объясняться из тех влияний готских, аланских, скифских, которые естественно искать на почве Крыма. Сходство южнобережных построек с закавказскими и малоазиатскими заставляет относить появление и развитие их в Крыму к тому культурному слою, который может быть предшествовал появлению здесь скифов, первых греческих колоний и с которым связана древнейшая этническая история всего Средиземноморья» [12, с. 150-151].

Вторую группу составляют крымские татары горного и предгорного Крыма. В их этногенезе приняли участие тавры, скифы (скифо-тавры), аланы, готы, гунны, хазары и частично кыпчаки, которые были загнаны в горы монгольскими нашествиями. В горном Крыму, по свидетельству Палласа, встречается «особый тип с продолговатым лицом, длинным изогнутым носом, сжатой с боков головой, рыжими и русыми волосами, тип, который некоторые исследователи считают готским» [12, с. 345]. Некоторых представителей крымских татар, проживающих в горной части Крыма, до сих пор называют катфритами или готфритами, где первый компонент, очевидно, этноним «гот». Горские татары – обитатели северных склонов Крымских гор и примыкающих к ним долин – во многом отличаются от степняков и ногайцев. «Они высоки ростом, хорошо сложены, ловки и сильны; цвет лица у них более светлый, приближающийся к цвету кавказского племени, глаза большие и темные, волосы и борода густые и черные» [2, с. 402-403].

Язык крымских татар предгорного Крыма характеризуется тем, что в нем, наряду с огузской лексикой и грамматическими формами, параллельно используются кыпчакские слова и грамматические элементы.

Степные жители Крыма образуют третью группу. В состав крымскотатарского населения, формировавшегося в степной полосе Крыма, вошли в основном кыпчакско-половецкие племена. Свидетельством тому является топонимика, тамги на надгробных памятниках и скалах, а также язык. В этногенезе населения степной части Крыма приняли участие смешав-

шиеся с кыпчаками остатки хазар, печенегов, гузов (торков), отчасти таттаро-монголов и ногайцев.

В исторических названиях деревень степного Крыма сохранились имена родов и племен, вошедших в состав этой группы крымскотатарского народа. Н.А. Аристов писал: «В списках населенных мест крымских уездов Таврической губернии (кроме Ялтинского), изданных в 1865г., встречаются по пяти раз имена найманов и аргин, четыре раза имя конрат, по три раза имена кипчак, алчин и китай, по два раза имена канглы, алач и тама; сверх того, те же имена и имена кирей, киреит, киргиз-казак и пр., оказываются в составе сложных имен населенных мест, например, Боз-Оглу Кереит, Унгар-Найман, Карт-Казак» [2, с. 32]. Потомки многих из этих племен встречаются среди таких народов, как казахский, киргизский, каракалпакский [1, с. 32], что ясно указывает на историческую и родовую близость крымских татар степной полосы Крыма со среднеазиатскими народами.

Богатый материал для уточнения этнического состава степных крымских татар дают тамги, обнаруженные на территории их расселения. Научная экспедиция, отправленная летом 1925 г. для изучения истории, культуры, литературы и этнографии крымских татар, собрала более 400 тамг в степной полосе Крыма. Тамги были найдены на надгробных памятниках, где имя покойного и дата его рождения и смерти отсутствовали. Лишь тамга, высеченная на камне, указывала к какому роду или улусу принадлежал почивший в могиле. Члены экспедиции с сожалением констатировали, что степные крымские татары, зная свою тамгу, уже в первой четверти XX века не могли указать, к какому именно улусу принадлежит данная тамга и ее владельцы [1, с. 36, 38].

Тамги, обнаруженные в степной части Крыма, принадлежали древним тюркским родам и племенам: салгурам, карлукам, канглам, найманам, киятам, кенегесам, кыпчакам, аргунам, алчинам, конратам, киреитам и др. [1, с. 32-33].

Указанные роды и племена в Крыму перешли к оседлой жизни и вместе с местным населением северной части Крыма составили основу формировавшегося здесь этноса.

В предгорья и горную часть Крыма тамги переносились вместе с приобретаемыми в степной полосе животными и использовались только для клеймения своего скота. На южном берегу и в центральной части Крыма тамги на надгробных памятниках не ставились.

Участие монгол в этногенезе крымских татар требует специального обзора. Здесь мы отметим, что в Крыму монголо-татары вошли лишь незначительным слоем в состав господствующих элементов Крымского ханства. Об этом косвенно свидетельствует и то, что в крымскотатарском языке лишь около 30 монгольских слов, в то время, как в якутском, например, около 2500, ту-

винском – около 2200, тофаларском – порядка 500, в хакасском – свыше 400, киргизском – около 130, уйгурском – свыше 200, ногайском – около 70, узбекском и татарском – около 60, башкирском – чуть более 50, азербайджанском – около 30 монголизмов [13, с. 12-13].

Миграция части ногайского населения с Северного Кавказа в Крым, связанная с недовольством политикой своих правителей, междоусобными войнами за престол, начавшаяся в XVI веке, продолжалась и в XVII-XVIII вв. В.В. Радлов писал: «Намереваясь поселиться на турецкой территории, они в конце прошлого столетия покинули северный Кавказ и направились на Запад по северному берегу Черного моря... Они перекочевали в Турцию. Ныне ногайцы совершенно исчезли из Таврической губернии, за исключением отдельных лиц, переселившихся в Крым, и нескольких десятков семейств, возвратившихся из последней перекочевки в Малую Азию и поселившихся в деревне Куят» [14, с. 281]. В состав крымских татар степной части Крыма ногайцы вошли лишь незначительным последним слагаемым.

Образование основополагающего ядра крымскотатарского народа относится ко времени распада Хазарского каганата и массового проникновения кыпчаков-половцев в пределы Причерноморских степей и в Крым, т.е. к X-XI вв.

Современный крымскотатарский язык, согласно классификации Н.А. Баскакова, по своим основным чертам относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакских языков [3, с. 8]. Определяя место крымскотатарского языка среди других тюркских языков, К.М. Мусаев включает его в западнокыпчакскую группу вместе с карачаево-балкарским, кумыкским и караимским языками [9, с. 247-248]. Лексико-семантический и структурно-грамматический анализ крымскотатарской лексики в сравнительно-историческом плане также позволяет нам утверждать, что основу современного крымскотатарского литературного языка, несмотря на многовековое турецкое (огузское) влияние, составляет кыпчакский слой [7, с. 34].

«С момента возникновения крымскотатарского языка, – пишет И.А. Метов, четко прослеживаются три основных этапа его развития: период «старокрымскотатарского языка» – XIII – XV вв., период «среднекрымскотатарского языка» – XVI – первая четверть XX века и период «новокрымскотатарского языка» – первая четверть XX века – по настоящее время [8, с. 38]. Каждый из этих периодов имеет свои характерные особенности, которые сводятся к следующему.

В эпоху «старокрымскотатарского языка» происходит формирование крымскотатарского народа на базе кыпчакско-половецких племен с примесью хазарских, печенежских и других тюркских племен и родов. Лексика крымскотатарского языка данного периода кодифицирована в латинско-персидско-

куманском трехязычном словаре «Кодекс Куманикус», составленном итальянцами в 1294-1295 годах в Крыму (г. Солхат) для купцов и католических миссионеров. Следует заметить, что при написании данного словаря впервые использован латинский алфавит для тюркского языка. Старокрымскотатарский язык является прямым наследником как этого памятника, так и других кыпчакских памятников письменности XIII-XIV вв., созданных на территории Сирии и Египта.

Эпоха «среднекрымскотатарского языка» связана с периодами расцвета и упадка Крымского ханства. В связи с политическим и культурным сближением Крымского ханства с соседней Османской империей крымскотатарский язык подпал под сильное влияние османского языка и в начале XX века литературный крымскотатарский язык, по наблюдениям А.Н. Самойловича, значительно отличался от разговорного и «... во всем своем объеме он становится понятным крымским татарам только после специального его изучения» [15, с. 8]. В связи с этим академик А.Н. Самойлович высказал пожелание крымскотатарским писателям и педагогам, чтобы они оказали услугу своему народу в области просвещения путем преобразования современного литературного языка на истинно-народные начала.

Эпоха «современного крымскотатарского языка» начинается с 1928 года, когда на 1-ой Всекрымской научной языковой конференции за основу литературного языка был принят средний диалект крымскотатарского языка, служивший по установившейся традиции средством коммуникации между носителями двух основных (северного и южного) диалектов. Средний диалект крымскотатарского языка – переходный от кыпчакского типа к огузскому, диалект Бахчисарайского и прилегающих к нему районов, восходящих к куманскому (кыпчакскому) языку и близких к нему племенным языкам северного Причерноморья, с охватом многих элементов как южного, так и северного диалектов.

В последние 70 лет была создана новая норма крымскотатарского литературного языка, т.е. была произведена стабилизация языковых единиц в процессе их функционирования, которая опиралась на авторитет образцовой литературы, науки и государства.

Языковая норма, обеспечивая стабильность речевого применения, прежде всего формы языковых единиц, обеспечивает тем самым и единство литературного крымскотатарского языка, его постоянство, его устойчивость – независимо от территориальных, профессиональных, возрастных и иных различий говорящих на данном литературном языке людей. Образцовая с точки зрения общества, наиболее авторитетная в нем литература дает и образцы устойчивого применения средств языка в речи, оказывающие анало-

гичное влияние на применение тех же самых средств в широкой литературно-языковой практике всех образованных слоев населения. Норма в литературном крымскотатарском языке в послевоенные годы получила кодификацию в произведениях крымскотатарских писателей Ю. Болата, Ш. - Алядина, Черкез-Али, У. Эдемовой, Р. Фазыла, Э. Шемьи-заде, А. Мефаева, Э. Умерова, Б. Мамбета и др.

Наука, давая людям грамматики, словари, справочные пособия, описывающие разные стороны крымскотатарского литературного языка, ориентируются на указанные выше авторитетные литературные произведения, поддерживая те тенденции нормирования языка, которые такими произведениями намечены или уже установлены. Все крымскотатарские грамматики и словари, изданные после I-ой Всекрымской языковой конференции в 1928 году, построены по этому принципу. В настоящее время нет необходимости производить ревизию установившейся, стабилизировавшейся нормы литературного крымскотатарского языка и тем самым вносить хаос в процесс его преподавания и обучения.

Государство, в свою очередь, обязано защищать литературно-языковые нормы своими средствами – через школу, прежде всего, а также путем прямых законодательных актов, регулирующих общественную практику применения норм орфографии и пунктуации.

Вывод. В современных условиях, для того, чтобы не допустить дальнейшего нарушения устоявшихся норм крымскотатарского литературного языка Министерству образования Автономной республики Крым следует взять под свой контроль выпуск учебников, учебных пособий, словарей и, в первую очередь, орфографического словаря крымскотатарского языка. Для этого при Министерстве образования АРК необходимо создать редакционно-издательский совет по составлению учебной литературы на крымскотатарском языке и привлечь в него ученых, преподавателей, учителей школ, видных писателей, поэтов и журналистов. Если же не будут приняты действенные меры по сохранению крымскотатарского языка, то он в ближайшее время может потерять свои специфические особенности и превратиться в один из диалектов ныне существующих тюркских языков, как об этом говорят и пишут зарубежные ученые.

Список литературы

1. Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму. //Известия Крымского педагогического института им. М.В.Фрунзе. Кн. 1. – Симферополь. 1927. – С.32-47.
2. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. //Живая старина. – Вып. 3-4. – Спб., 1896. – С. 402-403.
3. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1962. – 382 с.

4. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание, – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
5. Григорович В. Записки антиквара. – Одесса, 1874. – 68 с.
6. Куфтин Б.А. Южнобережные татары Крыма. \ Крым (общественно-Научный журнал). – № 1. – М., 1925. – 98 с.
7. Меметов А.М. Лексикология крымскотатарского языка. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – 288 с.
8. Меметов И.А. Сравнительный анализ фонетического строя и лексико-семантической системы турецкого и крымскотатарского языков. (Рукопись дисс. на соиск.учен.степени канд.-филол.наук.) – Симферополь, 2000. – 192 с.
9. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. Западнокыпчакская группа. – М., 1975. – 357 с.
10. Народы русского царства. Составитель В.Львович. Раздел 3. Крымские татары. – М., 1901. – 354 с.
11. Ошанин Л.В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. – Ч. 1. – Ереван, 1957. – 224 с.
12. Паллас П.С. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 гг. (Перев. с нем.) // Записки Одес. Общ. Ист. и древн. – Т. XII. – 247 с.
13. Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в Сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 114 с.
14. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных турецких племен. Ч. 7. Наречия Крымского полуострова. – Спб., 1896. – 527 с.
15. Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. – Пр., 1916. – 104 с.
16. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межгюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с.
17. Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII. – Спб., 1887. – 772 с.
18. Харузин А. Татары Гурзуфа // Известия Общ. люб.ест.анг. и этн., т. LXVIII, 1890. – 198 с.
19. Benzing I., Menges K.N. Classifikation of Turkish languages \ \ Philologiae Turcicae Fundamenta, L. – Wiesbaden, 1959. – 284 s.
20. Radloff W. Thonetik der nordlichen Turksprachen. – Leipzig, 1882 – 93 s.

Меметов А.М. Деякі проблеми формування кримськотатарського народу та його мови
 У статті розглядаються основні джерела формування кримськотатарського народу та його мови. Виявляються та описуються три основні групи кримських татар, які відрізняються одна від іншої фізичним типом, мовними особливостями, будівництвом житла, одягом і заняттями.
Ключові слова: кримські татари, південнобережні, степові, горні та предгорні, кипчаксько-половецькі племена, літературна мова.

Memetov A.M. Some problems of forming of Crimean tatars and their language

The basic sources of forming of Crimean tatar's people and its language are considered in the article. Three basic groups of Crimean tatars, which differ from each other by a physical type, linguistic features, building of dwellings, clothes and employments, are revealed and described.

Key words: Crimean tatars. South Coast, steppe, mountain and downhill, kypchak-polovetsk tribes, literary language.

УДК 811.512.145.(477.75)

МЕТАФОРА И ЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Меметова Э.Ш.

Дослідження здійснено за підтримки ДФФД України

Данная статья посвящена изучению стилистического использования метафоры в языке художественной литературы и в разговорной речи крымских татар.

Широко описана и классифицирована метафора, в результате чего выделены следующие типы: метафоры образованные от названий животных, от названий птиц, от названий предметов, от названий насекомых, пресмыкающихся, земноводных, от названий еды, от названий природы, от названий минералов и ископаемых, от названий деревьев и цветов, от религиозных и мифологических понятий.

Ключевые слова: метафора, художественный стиль, экспрессивность, контекст, имя собственное, положительная окраска, отрицательное значение.

В языке широко распространена лексическая полисемия. Множество слов имеют, кроме первоначального, ряд других связанных между собой значений и, таким образом, расширяют свои синонимические возможности. Полисемия играет существенную роль в использовании слова в художественной речи. Если бы все слова были однозначны, значительно сократились бы стилистические ресурсы языка. Вторичные значения слова проявляются в контексте, они могут быть прямыми и переносными. Слова, употребляемые в прямом значении, конкретно называют предметы, явления, процессы. Слова, используемые в переносном значении, как правило, экспрессивно окрашены. Именно поэтому они играют важную роль в художественной литературе. Экспрессивность слов с переносным значением основана на двупланности: за переносным стоит прямое значение, иначе говоря, мы имеем дело с метафорой.

Метафора, являясь наиболее живой, распространенной и продуктивной разновидностью полисемии, дает образное обозначение предмета или явления.

Слова-метафоры широко распространены в поэтической речи. Без метафор нельзя представить себе художественную литературу, язык которой отличается образностью и эстетической функцией.

Языковая метафора, как одна из форм исторических семантических процессов, – явление давно описанное, но, к сожалению, недостаточно исследованное [4, 10, 17, 18].

Необходимо отметить, что в славянском языкознании указанное явление описано и изучено более глубоко [2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 14, 15], тогда как в тюркском языкознании несколько уже [1, 11, 19]. В крымскотатарском языкознании специальных исследований этой категории языка пока не проводилось. Незначительные исследования по данной теме имеются в учебниках, а также в научных публикациях, что и является подтверждением **актуальности** и **новизны** нашего исследования.

Таким образом, метафоры изучались в основном в лексическом плане, вопрос же об их стилистическом исследовании не служил объектом специальных исследований. **Целью** нашего исследования является изучение метафоры и ее стилистического варьирования.

На первый взгляд, метафоры как будто называют предметы, на самом же деле называя их, они тут же с какой-то определенной стороны и характеризуют их. Переносное и прямое значения в метафорических словах употребляются в языке параллельно. Например, слово “арслан” (*лев*) в крымскотатарском языке используется в трех значениях: во-первых, как название собственно животного; во-вторых, как синоним слова “*сильный*”; в-третьих, как собственное имя *Арслан*, причем в крымскотатарском языке данное слово в качестве имени используется достаточно часто.

Крымскотатарский язык богат метафорами. К ним относятся следующие слова: “*деве*” (*верблюд*), “*аюв*” (*медведь*), “*копек*” (*собака*), “*тильки*” (*лиса*), “*кьозу*” (*овечка*), “*кьой*” (*баран*), “*мал*” (*скотина*), “*огюз*” (*бык*), “*тувар*” (*скотина*), “*ат*” (*лошадь*), “*арслан*” (*лев*), “*эшек*” (*осел*), “*гуль*” (*роза*), “*чочкъа*” (*свинья*), “*сельби*” (*тополь*), “*ай*” (*месяц*), “*йылан*” (*змея*), “*зейтюн*” (*олива*), “*буран*” (*буря*), “*алев*” (*огонь*), “*шаин*” (*сокол*), “*къартал*” (*орел*), “*чипче*” (*цыпленок*) и др.

Как видим, здесь немало метафор, образованных от названий животных. Это не случайно, так как человек общаясь с животными, наблюдал их повадки и сопоставлял их с поведением человека.

Метафоры могут нести в себе как положительное, так и отрицательное значение. Такая дифференциация обусловлена отношением к тому или иному животному либо растению, на котором основывается метафора.

Необходимо отметить различную смысловую нагрузку, которую несет та или иная метафора в разных языках. Так, к примеру в русском языке слово “*кьой*” (*баран*), употребляются только в отрицательном значении, обозначая, как правило, *упрямство*, *тупость*, в крымскотатарском же языке оно может быть использовано по отношению к очень спокойному человеку, приобретая таким образом положительную окраску. Иногда, в связи с какими-либо историческими событиями, слова, которые имеют положительное значение практически во всех язы-

ках, в каком-либо языке приобретают отрицательное значение. Например, слово “шаин” (*сокол*) в крымскотатарском языке несет и некую отрицательную нагрузку. Данное явление вызвано вымышленными и не подвергнутыми критике, вырванными из контекста реальными событиями, фактами, поведением и поступками Крымского хана Шаин-Гирея, преподнесенных в русской и турецкой литературе кон. XIX – нач. XX вв. Данную интерпретацию фактов и событий современная историография рассматривает как выполнение социального заказа, который устраивал обе империи с целью дискредитации института государственного управления в Крымском ханстве. Естественно, что такая разнозначность должна обязательно учитываться переводчиками, иначе не будет выдержан стиль автора и в результате окажется существенное расхождение с текстом оригинала. Конечно, такое различие наблюдается нечасто.

По степени употребления метафоры разделяются на общенародные и индивидуально-авторские. К первой группе, широко бытующей в языке народа, относятся все вышеуказанные метафоры. Они без труда понимаются и вне контекста. Вторая группа в основном ограничена рамками творчества писателей, и эти метафоры трудно правильно понять без контекста. Они могут быть названиями произведений, например «Иблисинь зияфетине давет» («Приглашение на пир к дьяволу») Ш. Алядина, «Сув анасы» («Русалка», букв. «Мама воды»), кроме того. «Сув анасы» является одним из божеств древности, в древней, доисламской религии крымских татар, наряду с другими богами, такими как «Кок Танры», «Ер Танры», «Сув анасы» входит в пантеон божеств тенгрианской религии) Б. Чобан-заде, «Тикенли чечекли ёл» («Колючая цветущая дорога») А. Лятиф-заде, «Хораз-тенкытчи» («Петух-критик») Ф. Акима и др. Многие из указанных названий в настоящее время выходят за рамки соответствующих произведений и становятся общеупотребительными.

Таким образом, формирование переносных значений является закономерным и непрерывным процессом развития словаря языка.

В крымскотатарском языке в именах и прозвищах людей в основном должно быть заключено положительное значение. Например, нарицательные существительные “*бахшыш*” (*подарок*), “*эдит*” (*литератор*), “*алим*” (*ученый*) “*кемал*” (*зрелый*), “*рушен*” (*светлый*) могут употребляться в двух значениях: в своем прямом и переносном. Также можно выделить ряд нарицательных имен существительных, используемых в качестве составляющих имена собственные: “таш” – *Бекташ*; “джан” – *Бекджан*; “демир”, фонетически видоизмененное *Тимур*, “гуль” – *Айгуль*.

Имена, как впрочем, и вся лексика, находятся в тесной взаимосвязи с историей народа. К примеру, до возвращения на свою историческую родину, крымские татары называли имена: *Эльвина*, *Альяна*, *Лиана*.

Отдавая дань уважения национальным героям (что объяснимо, т.к. крымскотатарский народ является многострадальным), народ часто нарекает их именами своих детей: *Аметхан*, *Алиме*, *Алим*.

Также хотелось бы отметить искусственное использование собственных имен *Эдие* и *Эдибе*, в качестве имен нарицательных. Этот факт, вероятно, объясняется стремлением некоторых работников радио «Мейдан» и ГТР Крым навязать традицию турецкого языка, так как крымскотатарскому языку не присуще использование указанных имен в качестве нарицательных.

Следует отметить, что иногда детям давали труднопроизносимые имена с особым смыслом: *Бектемир* (закрепленный железом), *Бекташ* (закрепленный камнем), *Бекджан* (закрепленная душа), *Кьурттике* (волчица-госпожа) и др. Здесь, видимо сказывается стремление сделать имя оберегом, дабы уберечь ребенка от болезни, а также обычаем, сохранившимся от доисламского вероисповедания, язычества.

В крымскотатарском разговорном языке много слов с переносным значением, в связи с чем становится затруднительной их классификация. В исследованиях А.И. Ефимова [7], П.Г. Черемисина [16] предлагается одна классификация, в работах М.К. Морена, Н.Н. Тетеревниковой [12] – другая.

Обращаясь к исследованиям в тюркском языкознании, следует отметить, что Т.А. Эфендиева [19] классифицирует метафоры следующим образом: 1) названия животных, птиц и насекомых; 2) названия растений, деревьев и фруктов; 3) названия ценных материалов и ископаемых; 4) названия времен года; 5) метафоризация лексических единиц, обозначающих различные отрезки времени суток; 6) названия явлений природы; 7) названия небесных тел; 8) группа слов, связанных с понятием вселенной; 9) названия дорогих тканей; 10) религиозные и мифологические понятия.

Л. Абдуллаева [1] в свою очередь, основываясь на классификацию А.И. Ефимова, классифицирует следующим образом: 1) названия животных; 2) названия птиц; 3) названия предметов; 4) названия насекомых, пресмыкающихся, земноводных; 5) названия кушаний; 6) названия явлений природы; 7) названия минералов и ископаемых; 8) названия деревьев и цветов.

Из крымскотатарского языкознания можно привести в качестве примера классификацию метафоры профессора А. Меметова [11, с. 60]: 1) названия частей тела человека; 2) названия одежды, или какой-либо ее части; 3) названия каких-либо членов птиц, животных, насекомых; 4) названия растений или каких-либо их частей; 5) названия инструментов; 6) названия признаков предмета или каких-либо действий.

В настоящей статье, в качестве рабочей, мы предлагаем следующую классификацию:

Метафоры, образованные от названий животных.

Названия животных в большинстве языков мира используются для характеристики человека. Они употребляются как метафорические характеристики в составе разных сравнительных конструкций, переходных от сравнений к метафоре.

В крымскотатарском языке метафоры, образованные от названия животных, занимают в лексике значительное место. Наиболее употребительны *чочкъя* (свинья), *копек* (собака), *тильки* (лиса), *къой*, *къозу* (ягненок), *огюз* (бык), *сыгыр* (корова), *ат* (лошадь), *эшек* (осел), *мышыкъ* (кошка), *эчки* (коза), менее употребительны: *арслан* (лев), *къашкъыр* (волк), *аюв* (медведь).

Естественно, что в крымскотатарском языке наиболее употребительны названия домашних животных, повадки которых ближе знакомы людям. Дикие животные *къашкъыр* (волк), *арслан* (лев) не входящие в число домашних животных, выступают в качестве метафор редко.

Самая употребительная метафора, образованная от названия животного *копек* (собака). Она одинаково широко распространена в устной речи и в языке писателей. Это, вероятно, связано с ее многозначностью. Слово *копек* (собака) используется в языке как синоним слов: злой, вредный, жадный, либо скандальный, драчун. Это слово можно найти почти в каждом произведении крымскотатарского автора: *А, копек баласы копек. Сенинъ де тилинъ чыкътымы? (У.Э.) (А, щенок. И ты стал огрызаться?)*

В крымскотатарской литературе метафора «собака» характерна в основном для речи героев, а в речи автора не встречается *Анавы копекнинъ баласыны бугунъ койден къувсунлар (Ч-А) (Этого сучьего сына пусть сегодня выгонят из села).*

Метафоры, образованные от названий птиц.

В крымскотатарском языке при характеристике людей по частоте употребления за названиями животных следуют названия птиц. Среди названий птиц могут метафоризироваться следующие слова: *къартал* (орел), *бульбуль* (соловей), *читче* (цыпленок), *хораз* (петух), *байгъуш* (сова), *къаргъа* (ворона), *ферик* (молодая курица) *тавукъ* (курица), *къыргъый* (ястреб), *папагъан* (попугай). Для положительной характеристики обычно служат слова: *къартал* (орел), *бульбуль* (соловей), *читче* (цыпленок), *ферик* (молодка), *къыргъый* (ястреб). Из названных положительных метафор, *бульбуль* (соловей), наиболее употребительна в поэзии и в устном народном творчестве, например: *Гуль къадрини бульбуль билир. (Р.Ф.) (Розу по достоинству оценит соловей.)*

В крымскотатарском языке метафора *хораз* (петух) часто служит для передачи отрицательного значения «драчун», «задира».

Метафора *къаргъа* (ворона) имеет сугубо отрицательный смысл. Она выступает со значением *къара хабар* (черная весть).

В крымскотатарском языке метафора *байгъуш (сова)* имеет в высшей степени отрицательный смысл. Это связано с тем, что в народе принято считать сову предвестницей бед. Редкая употребительность этой метафоры связана с тем, что сова редко встречается, она избегает людей, а люди гонят ее от себя. Однако, нужно отметить, что в крымскотатарском языке указанная метафора используется не только в отрицательном смысле. Иногда данная метафора используется и с целью вызова жалости к себе, как одинокой, никому не нужной вещи, например, *Отурам байгъуш киби. (Сижу одна-одиношенька.)*

Метафоры, образованные от названий предметов.

В качестве метафор в крымскотатарском языке могут выступать и названия предметов. К ним можно отнести следующие слова: *къылыч (меч), тикен (колючка), къазыкъ (кол), папуч (подошва), пычкъы (ножовка), буюндырыкъ (ярмо).*

Названия предметов употребляются в крымскотатарском языке для характеристики людей, а также предметов.

В крымскотатарской разговорной речи названия предметов широко используются в качестве метафор. В стилистике художественного произведения они приобретают большую образность и красочность.

В устной и письменной крымскотатарской речи широко распространена метафора *тикен (колючка) Тегенек арасында оськен гульден сакът ол (Стронись розы, растущей среди колючек).*

Метафора *папуч (подошва)* используется с целью уничижения человека, и кроме как в языке художественной литературы, широко встречается в разговорной речи и в устном народном творчестве: *Аякъкъа папуч япмакъ. (Сделать подошвой для ног).*

В крымскотатарском языке могут подвергаться метафоризации и выступать в функции средств отрицательной характеристики людей названия некоторых болезней. Например, *маясыл (геморрой)*. Данная метафора обычно используется по отношению к чрезмерно назойливому человеку, зануде.

Метафоры, образованные от названий насекомых, пресмыкающихся, земноводных.

В крымскотатарском языке в роли метафор часто выступают названия насекомых, пресмыкающихся, земноводных. В их числе *йылан (змея), бит (вошь), чибин (муха), сулюк (пиявка), кирти (ежик)*. Практически все они служат в основном средством отрицательной характеристики людей.

Метафора *бит (вошь)* используется для отрицательной характеристики людей. Ее значение «грязный», «самый низкий». Необходимо отметить, что данная метафора используется еще и по отношению к материально необеспеченным людям, например, *Битишъли сатып аладжакъсынъмы? (Хочешь*

купить, продав своих вшей?). Также используется метафора *битли* (*вшивый*), означающая «безденежный», «бедный».

Метафора *сулюк* (*пиявка*), как правило, используется в значении «дармоед», «кровопивец». Однако указанная метафора используется еще и по отношению к маленьким детям, которых невозможно «оторвать» от мамы.

Метафоры, образованные от названий еды.

Названия еды в крымскотатарском языке при метафоризации чаще всего получают положительную оценку. Это связано с благоговейным отношением к еде, хлебу и т.п. В их число входят и названия лакомств. Наиболее употребительны в этом плане слова: *шербет* (*сладкий ароматизированный напиток*), *татлы* (*варенье*), *бал* (*мед*). Это общеизвестные, есть и менее употребительные метафоры: *къатыкъ* (*разновидность кислого молока*), *без бакъла* (*белая фасоль*).

Метафора *къатыкъ* (*разновидность кислого молока*) используется по отношению к мягкотелому человеку, размазне. Кроме того, в крымскотатарском разговорном языке бытует выражение *Мамашай къатыгъы киби* (*Мягкий, словно Мамашайское кислое молоко*), вероятно, это связано с тем, что у жителей указанного села кислое молоко квасилось более мягким.

Без бакъла (*белая фасоль*) используется по отношению к очень белокожим людям, чаще детям.

Метафоры, образованные от названий явлений природы.

В крымскотатарском языке к данному виду метафор можно отнести следующие слова: *чокъракъ* (*источник*), *ай* (*луна*), *йылдыз* (*звезда*), *атеш-алев* (*огонь-пламя*), *буран* (*буря*), *афан-туфан* (*потоп*), *булут* (*туча*).

Метафоры, образованные от названий минералов и полезных ископаемых.

Из названий минералов и ископаемых метафоризируются лишь наиболее распространенные. К примеру, *алтын* (*золото*), *кумуш* (*серебро*), *комюр* (*уголь*).

Названия минералов и ископаемых в основном выступают как метафоры в целях положительной характеристики человека, живого существа, предмета и т.п. и выражают значение ценности.

Метафоры, образованные от названий деревьев и цветов.

В роли метафор в крымскотатарском языке могут выступать *гуль* (*роза*), *мелевише* (*фиалка*), *сельби* (*тополь*), *чинар*.

Названия овощей в крымскотатарском языке почти не метафоризируются, если не считать метафору *къабакъ* (*тыква*). Она служит самым выразительным средством при отрицательной характеристике.

В целом в крымскотатарском языке названия деревьев, фруктов, цветов в метафорическом значении служат как для положительной, так и для отрицательной характеристики.

Метафоры, образованные от религиозных и мифологических понятий.

Из религиозных и мифических понятий метафоризируются следующие: *иб-лис (дьявол), шейтан (шайтан), меляке (ангел), обур (ведьма), джады (колдунья), ифрит (злой дух, чудовище)*.

Из разговорной речи можно привести следующий пример: *шейтан од-жагъы (сигарета, досл. – очаг шайтана)*.

Вывод. Все вышеназванные виды метафор в основном встречаются в сфере имен существительных и выражают иронию, комизм, служат средством передачи легкой насмешки или ласкательности и используются соответственно для положительной или отрицательной характеристики образов.

Список литературы

1. Абдуллаева Л. Лексическая стилистика узбекской художественной литературы. – Ташкент: Фан, 1979. – 145 с.
2. Бойко Н.І. Українська експресивна лексика в словнику, мові та мовленні: навчальний посібник для студентів філологічних спеціальностей. – Ніжин: Вид-во Ніжинського ун-ту, 2002. – 217 с.
3. Бойко Н.І. Українська експресивна лексика: семантичний, лексикографічний і функціональний аспекти: Монографія. – Ніжин: ТОВ „Видавництво „Аспект-Поліграф”, 2005. – 552 с.
4. Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. М., 1963. – С. 83.
5. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат. 1959. – 654с.
6. Дудик П.С. Стилiстика української мови. – Київ: Видавничий центр „Академія”, 2005. – 368 с.
7. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М., 1961.
8. Ижакевич Г.П., Кононенко В.И, Пилинский Н.Н., Сиротина В.А. Сопоставительная стилистика русского и украинского языков. – Киев: Вища школа. 1980. – 208 с.
9. Мацько Л.І., Сидоренко О.М., Мацько О.М. Стилiстика української мови. – Київ: Вища школа, 2003. – 462 с.
10. Медникова Э.И. Значение слова и методы его описания. – В сб.: Высшая школа. М., 1974. – С. 104
11. Меметов А. Земаневий къырымтатар тили. – Симферополь: Крымчупедгиз. 2006. – 320 с.
12. Морен М.К. Тетеревникова Н.Н. Стилистика современного французского языка. М., 1960.
13. Русанівський В.М. У слові вічність: (Мова творів Т.Г. Шевченка). – Київ: Наукова думка, 2002. – 240 с.
14. Чабаненко В.А. Речевая экспрессия и актуальные вопросы украинской лингвостилистики: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02. – Киев. 1984. – 41 с.
15. Чабаненко В.А. Стилiстика експресивних засобів української мови. – Запоріжжя, 2002. – 351 с.
16. Черемисин П.Г. Пособие по стилистике современного русского языка. М., 1971
17. Черкасова Т.Е. Опыт лингвистической интерпретации тропов // Вопросы языкознания. – 1968. – №2. – С.28-44.
18. Шмелев Т.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. – 281 с.
19. Эфендиева Т.А. Лексическая стилистика современного азербайджанского языка автореф.... д-ра филол. наук / 10.02.02 – Баку. 1973 – 92 с.

Сокращения:

20. Р.Ф. – Риза Фазыл
21. Ч-А – Черкез-Али Джумертлик
22. У.Э. – Урие Эдемова. Айдын геджеде.

Меметова Е.Ш. Метафора і її стилістичне використання

Дана стаття присвячена вивченню стилістичного використання метафори в мові художньої літератури і в розмовному мовленні кримських татар.

Широко описана і класифікована метафора. внаслідок чого виділені наступні типи: метафори, утворені від назв тварин, від назв птахів, від назв предметів, від назв комах, що плазують, земноводних, від назв їжі, від назв природи, від назв мінералів і копалин, від назв дерев і кольорів, від релігійних і міфологічних понять.

Ключові слова: метафора, художній стиль, експресивність, контекст, ім'я власне, позитивне забарвлення, негативне значення.

Memetova E.Sh. Metaphor and its stylistic use

Given article is devoted to studying of stylistic use of a metaphor in language of Crimean Tatars art literature and in speak conversation.

The metaphor therefore the following types are allocated is widely described and classified: metaphors formed from animals names, from birds names, from subjects names, from names of the insects kowtowing, amphibious, from names of meal, from names of the nature, from names of minerals and fossil, from names of trees and colors, from religious and mythological concepts.

Key words: a metaphor, art style, expression, a context, proper name, positive coloring, negative meaning.

Стаття постуила в редакцію 15 марта 2007 г.

УДК 81'1. 512. 145

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ЗАВИСИМЫМ ИМЕНЕМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В ДАТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ (на материале крымскотатарского языка)

Оказ Л.С.

Дослідження здійснено за підтримки ДФФД України

В статье на материале крымскотатарского языка рассматриваются лексико-семантические, структурные и коммуникативные особенности глагольных словосочетаний с зависимым именем существительным в дательном падеже.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, синтаксис, глагольное словосочетание, классификации, семантика, структура, коммуникативные особенности.

Крымскотатарские словосочетания, основу которых составляют глагол и имя существительное в дательном падеже, рассматриваются впервые. Спектр особенностей, присущих данным синтаксемам, представляет не только теоретический, но и практический, коммуникативный, интерес. Исследуемые словосочетания имеют специфический состав, структуру и особенности коммуникативной реализации, которые до сих пор не подвергались синтаксическому анализу. Думаем, что спектральное представление данных проблем четко определяет **цель** и **задачи** нашего исследования.

Для достижения поставленной цели нами использованы такие методы синтаксического анализа, как метод словарных дефиниций, сплошной выборки, компьютерного картографирования, семантического дифференциала и структурно-грамматического анализа. Семантико-синтаксическую информацию мы черпаем из реальной действительности, отраженной в двуязычных словарях [1; 2] и практически реализованной в художественной литературе на крымскотатарском языке. Мы считаем, что словосочетания являются структурообразующими и смыслоформирующими конструктами предложения, а значит, они должны изучаться и как его структурные элементы, и вне предложений как лексико-семантические единства, образуемые согласно грамматическим принципам данного языка [3].

Некоторые особенности дательного (направительного) падежа в крымскотатарском языке впервые описаны А. Меметовым [4]. Он отмечает, что направительный падеж относится к числу пространственных падежей; его

основное значение – направление, конечная точка движения лица и предмета в пространстве и времени, движение к лицу, предмету, цель действия, поэтому имя в направительном падеже обычно сочетается с глаголами движения. Автор считает, что имя в направительном падеже выражает следующие основные лексико-грамматические значения: 1) лицо, к которому направлено действие другого лица, 2) предмет, к которому направлено действие другого предмета, 3) предмет, к которому направлено действие какого-либо лица, 4) конечный пункт движения в пространстве, 5) направление в пространстве без указания конечного пункта, 6) направление во времени, 7) предназначение, цель, 8) средство оплаты, 9) место, где происходит действие, продолжительность во времени какого-либо события, действия.

Несмотря на неизученность заявленной проблемы на материале крымско-татарского языка, в тюркологии глагольные словосочетания с зависимым именем существительным в дательном падеже исследовались неоднократно [5; 6]. М.Б. Балакаев, например, отмечает, что глагольные словосочетания с зависимыми именами в направительно-дательном падеже широко употребляются в литературном казахском языке и выражают косвенный объект и обстоятельства места, времени, цели, причины; значение и функции данной формы глагольного словосочетания зависят от разнообразия их состава. Автор описывает сочетательные возможности имен по отношению к глаголам, лексическое значение которых может соответствовать содержанию этих имен, и выделяет следующие группы глаголов: а) глаголы, по своим лексическим значениям требующие только имени в направительно-дательном падеже, б) глаголы, по своим лексическим значениям требующие в основном имени в направительно-дательном падеже [7].

Изучая особенности словосочетаний в турецком языке, А.Н. Баскаков так резюмирует свое исследование: «Глагольные словосочетания, имеющие группы определяемого, чаще состоят из двух управляемых имен и глагольной формы, причем в зависимости от эмфазы прямое дополнение может быть расположено контактно или дистантно по отношению к глаголу, например: *mektubu zarfa koymak* «положить письмо в конверт»=«мектюбинин зарфкъя кьоймакъ (кр. тат. – Оказ)». Прямое дополнение, не имеющее падежного аффикса, располагается контактно с глаголом и составляет с ним группу определяемого: *ateşe su dökmek* «лить воду на огонь»=«атешке сув кьоймакъ». Если перед глагольным определяемым членом имеется дополнение или обстоятельство, то в зависимости от эмфазы любой из этих двух определяющих членов может располагаться контактно с глаголом и составлять с ним группу определяемого: *arkadaşıma çok benzien* «очень похожий на моего товарища» = «аркъадашыма пек ошай (беньзей)». Словосочетания с группой

определяемого составляют около трети общего количества модификаций трехчленных словосочетаний в турецком языке [8]».

Взаимодействие лексических значений глагола и имени обозначает специфику их семантических отношений и определяет функцию крымскотатарского словосочетания в предложении. Так, словосочетания, состоящие из глагола и имени существительного в дательном падеже, обычно выполняют функции дополнения и обстоятельства и выражают:

- **прямой объект**, например: Диваргъа кундюзлери мааллерде учь кишиден зияде топланып кезмек, адамларгъа озь эвлеринде беш эркектен арткач йыгылышып отурмакъ ве акъшам устю саат бештен сонъ *сокъакъкъа чыкъмакъ ясакъ* олгъаныны ири арифлернен беян яки тенбий эткен илянлар, эмирлер япыштырылгъан (З.А.);

- **косвенный объект**, например: О субетке сербест джерьян бермек истеди, чюнки озю ресмий *лакъырдыгъа алышыкъ* адам *дегиль* (Ш.А.).

Представляемые объекты имеют собственную семантическую окраску и дифференциальные признаки, что позволяет нам представить их следующие разновидности:

- **объект изучения, внимания, воздействия** – Бу шеньлик энъ юксек севиеге котериле яткъанда, гурюльти бирден тынды, эр кеснинъ назары мейдан четинде пейда олгъан он башы *Абдурамангъа чевирильди* (Ш.А.); Акъсакълалнынъ *яшлыкъкъа* тек эсерлеринен дегиль де, шахсий омюринде *те-сири* буюк *ола* (Ш.А.);

- **описания** – Эписи бугуньки аятнынъ талабы козьде тутылып ве мумкюн дереджеде огге, *узакъкъа бакъып язылмакъ керек* (Ш.А.);

- **область занятости, деятельности, промысла** – ...Исмаил шу йылнынъ кузь айларында кой къуруджылыгы кенишлетильген «Октябрь» колхозын-даки *къуруджылыкъкъа* бригада башы *тайинленильди* (З.А.);

- **объект направленности действия** – Реберлерге ич бир кере *тиль къай-тармады* (А. О.).

Характеризуя деятельность рассматриваемых конструктов простого предложения в пространстве, необходимо отметить, что они обозначают не только направление действия, но и специфические особенности самой направленности:

- **место направленности действия** – Кимдир *милициягъа мектюп язгъ-ан*, Ниметулланынъ къарысы Аванынъ ичтимаий келип чыкъувыны анълаткъан. (А. О.);

- **линию движения** – Экинджи куню Абибулла дагъгъа кетмек ичюн азырлангъан *машинагъа якъынлашкъанда*, машинагъа чыкъкъан эр бир адамынъ гестапо агентлери тутып, шу арада къолларыны аркъаларына багълагъанларыны коре ве гестаподжылар оларны излегенини анълап вакъыт джоймай (З.А.);

• **участок, территорию действия** – Эгер Бахтиярджаннынъ ёлу тюшип бу *якъкъа кельмеген олса*, бельки, даа анджа вакъыткъадже шу ал девам этер эди (Р.М.);

• **образ направленного действия** – Батыров оларны *аякъкъа къалкъын къаршылай* (Р.М.);

• **степень и предел направленности действия** – Бу шеньлик *энь юксеке севиеге котериле яткъанда*, гурюльти бирден тынды (Ш.А.).

Взаимодействие главного и зависимого слова может осуществляться с помощью послелога или без него: с **послелогом** – *Акъшамгъа къадар* баш котермеге *вакъытымыз олмады* (З.А.) (сложное словосочетание, в котором имя существительное в дательном падеже находится во вспомогательной позиции при главном зависимом слове и привносит дополнительную информацию о предельных границах времени действия); **без послелога** – Элиндеки къалеминен *Юсуфкъа курсю косьтерди* ве язвыны девам этти (А. О.).

В рассматриваемых словосочетаниях послелог выполняет функцию «художественного пятна»: в процессе управления взаимодействием имени и глагола (глагольного слова) он создает семантическую картину коммуникативной реальности и может указывать на **степень, время, направленность действительности**: *Июль айынынъ сонъуна якъын* сымарышчы тешкиляттан, яни «Айдын ёл» колхозындан «Рават» къышлагъындаки мектеп бинасынынъ къуруджылыгъы ичюн эр бири къыркъ миллиметр къалынлыгъындаки алты юз кубометр пол тахталары ёлламакъ кереклиги акъкъында *тенбилев кягъыты кельди* (А.О.); *1937 сенесите къадар* о мында чалышты ве гедже-кундюз арбий ишке кечмек *хаялыны ташыды* (З.А.).

Структурные характеристики рассматриваемых словосочетаний позволяют выделить:

• **простые** – Эреджеп Сейдалиев бу *заводкъа кельгенде* он секиз-он докъуз яшларында, бутюн балалыгъы койде кечкен бир яш эди (З.А.);

• **сложные** – Юсуф тюшюнджеге далгъан алда *къатыгъа бакъыт отурды* (А.О.);

• **контактно образованные** – Мусафир эвге къайтмакъ ниетинен *аякъкъа тургъанда*, меджмуа эсимизге тюшти (Ш.А.);

• **дистантно образованные словосочетания**: Лаф эснасында одагъа къадынлар толущкъан олсалар да, *лафкъа* кимсе *къарышмады* (А.О.).

Специфичным является то, что при образовании дистантных глагольных словосочетаний имя существительное в дательном падеже может контактно взаимодействовать с существительными в винительном, орудийном, местном и/или исходном падежах, которые подчиняются одному и тому же глаго-

лу: *Манъя/ бир ерге/ бир ишнен/ телефон этмек керек эди, кърдашым, ярын зурунъызгъа кельсем, шу ишни япып бермез экенсинъизми?* (А.О.)

Глагол в сочетании с именем существительным в дательном падеже создает интересную семантическую картину, позволяющую представить объектные словосочетания следующим образом:

1) глагол донативного действия+адресат получатель: *оларгъа алма бермек, мусафирге къаве къоймакъ, кызыларгъа гуль багъышламакъ, балагъа багъыш бермек;* Алий арбий курсларда алынган тазе бильгисини энди дигер *аркъадашларгъа бермек керек эди* (З.А.); Табиат *Тевфикъ Асановгъа* бу чизгилерпинъ эписини толусынен *багъышлагъан* (З.А.);

2) глагол информативно-речевого действия+адресат: *талелелерге айтмакъ, сойларгъа хабер этмек, оджаларгъа анълатмакъ, музыкагъа олгъан къабилетини косьтермек;* Балаларнынъ бирер суалине алты джевап, экишер суалине он эки *джевап бермек керек ола* (З.А.); Гриша Леоненко *Абибуллагъа* мытлакъ Симферопольге кетмек, анда насылдыр бир *хызметке кирмек кереклигини айтты* (З.А.);

3) глагол соответствия+предмет сопоставления: *манъя кършы чыкътты, урбама келише, бильгилерине коре япмакъ;* Фронтта талелеси де, оджасы да уруш мейданында булуналар ве олар эписи эллериндеки сияларынен *душмангъа кършы чыкълалар* (З.А.);

4) глагол принадлежности+субъект-посессор: *балагъа аит, манъя аит, бунъя менсюп олмалыдыр, ...* Къарасувбазар шеэринде залининъ эксериси ерли кърымтатар *халкъына менсюп олгъланы алда*, Беледиеде (шеэр думасы) татар халкъындан аъзаларнынъ азлыгъы ве Беледие башкъаны (шеэр галавасы) даима караимлерден, эрменилерден сайланылып, татар халкъындан Беледие башкъаны ич де сайланылмагъланы Абдурешид Медиевни пек тааджиплендирмекте эди (Ш.А.);

5) глагол волеизъявления+каузируемый субъект: *балаларгъа кино бакъмагъа разылыкъ бермей, талелеге чокъ окъумакъ керегини тевсие эте;* Шаркънынъ незакет къаиделерине бинаэн, эв саиби *мусафирге* пек алидженап *тевсиелер бермеге борджлу* (Ш.А.);

6) позитивный/негативный каузативный глагол в действии по отношению к объекту: *кърарт адамгъа ярдым этмек, яшайышкъа зарар кетирмек, достуна къол тутмакъ, Ватанына хызмет этмек, ана-бабасына ярдымджы олмакъ, конкурс олмасына имкян догъурмакъ;* Оларны кърорчаламакъ, тербиелемек, *оларгъа ярдым этмек* бизим боюн-борджмыздыр (А.О.); Мына асырлар бою сувсызлыкътан къаврап яткъан Дамарыкъ чёлю инсан эмегинен энди берекет чокърагъланы чевирильген, *адамларгъа хызмет этип башлагълан* (З.А.);

7) глагол **обучения/приспособления+делиберат**: *бойле яшайышкья алышмакъ, хастагья не ялмакъ керегини анълатмакъ; Бунъа бир кереден алышмакъ къыйын эльбет* (З.А.); О, буны *онъа анълатыр* (А.О.);

8) **каузативные глаголы эмоционального отношения субъекта к окружающей действительности**: *мектеп яхшы битиргенине къуванмакъ, япылгъан ишине севинмек, бунъа тааджитленди, корьген шейге шашмакъ/шашып къалмакъ, баласына севги иле толу козьлеринен бакъмакъ, манъа ляйыкъ корюне; Муляйим табиатлы Юсуфнынъ бу аркетине эр кес шашты* (А.О.); *Биз нефтьке насыл севинсек, газгья да ойле севинемиз!* (Ш.А.);

9) глагол **огърамакъ, вспомогательный, с названием действия, который создает пассивную конструкцию**: *джиддий тенкъидке огъратмакъ, хасталыкъкъа огърамакъ; Сонъки сенелерде микронепть тарафдарлары озь кейфлеринде буюк мувафакъиетсизликлерге огърадылар* (Ш.А.); Шимди Ильяс аир *дубарагья огърады*, сен къасевет этме, оны озюм къуртарырым (А.О.);

10) глаголы **далмакъ/батмакъ/тюшмек, вспомогательный, с переносным названием действия, который создает экспрессивно-модальный конструкт**: *агъламакъкъа далмакъ, хаялларгья далмакъ, ялан ичине батып кетмек; Юсуф тюшонджеге далды* (А.О.); Сув ташкъынындан халкъ *теляшкъа тюшти* (З.А.); Буны *хатирингизге тюшюрмек* ичюн (Ш.А.);

11) глаголы **отношения+объект действия**: *эр шейге ишанмакъ, мен бунъа эминим, айткъан сёзюне инанмакъ, онынъ ишиклигине эписи сукълана, манъа чокъ зарар кетирген, манъа очь чыкъарды; Мырза олгъаны такъдирде биле, эндиден сонъ кимсеге зарары токъунмаз* (А.О.); *Бизге, манъа ве Катягья, эки одалыкъ квартира бермеге ишандыргъан эдингиз!* (Ш.А.)

Кроме того, собранный нами материал позволяет продемонстрировать многообразие семантических групп словосочетаний, обозначающих направленность действия. Модели взаимодействий в таких словосочетаниях строятся следующим образом и состоят из:

1) глагола **направленного движения с объектом действия**: *телевизорге якъын отурмакъ, эвине якъынлашмакъ; Эм керчектен де, тахталар ёлланыладжакъ куню, идаре азбарына, артында эки копчекли тиркемеси олгъан бала-бан юк машинасы келип кирди ве ёлланыладжакъ тахталар обасына янашты* (А.О.); Бу арада директор Ильяснынъ янына келип, онынъ *олмузына къолуны къойды* А.О.);

2) глаголы **мураджаат этмек, йибермек, ёлламакъ называют действия, направленные адресату или в переносном значении – обращение к доказательной базе**: *халкъкъа мураджаат этмек, делиллерге мураджаат этмек, огълуна шей йибермек, достуна мектуп ёлламакъ; Бойле давушле апайы*

акъайына мураджаат этебиле (А.О.); Сизни меракъландыргъан бутюн меселелеринъиз акъкъында *манъа мураджаат этювден чекинменъиз!* (Ш.А.);

3) глаголы *азырламакъ, кетирмек, бермек*+объект дестинативного действия: *имтиангъа азырланмакъ, ёлгъа аш азырламакъ, дувагъа кетирильди*; Мен оджа олмагъа азырлана эдим... (А.О.); Къуруджылар бахшышларнен мукъфатландылар, бригада башына исе, яхшы раатланмакъ ичюн *курорткъа ёлланма берильди* (З.А.);

4) глагол *къошмакъ* с семантикой присоединения+ косвенный объект, создающий коммуникативное целое: *сёзге къошулмакъ, айтылгъан лафына бир-эки сёз даа къошты*; Дженктен къара хаберлер алып, ичи багъыры янгъан къадынлар *джемааткъа къошулып*, бираз олса да, гонъюллерини ачалар (А.О.); Оларнынъ гонъюль охшайыджы шень ве енгиль макъамлары *шадлыкъкъа шадлыкъ къоша* (З.А.);

5) глаголы принадлежности *менсюп олмакъ, аит с/без вспомогательного глагола олмакъ*+ косвенный объект, указывающий на совокупность объектов, объединенных общностью признаков, функций, интересов, формирующий квалификативные модели родо-видовых понятий: *манъа аит, о мектеп талелеримизге менсюп олмасыдыр, экисинден бирине аит*, Денъизджи озюне якъын кельген дживаннынъ *къызларгъа аит* мелевше къокъусыны сездими не, козьлерини ачты (Р.М.); Китаптаки эдебиятымызда повесть жанрынынъ *инкишафына аит* макъалемде базы эсерлернинъ нукъсанлары акъкъында тенкъидий фикирлер бильдирген эдим (Ш.А.); Шамиль Алядиннинъ китаплары совет эдебиятында мевджут муим эсерлернинъ *сайысына менсюптир* (Ш.А.);

6) глаголы цели, желания и модального значения *ынтылмакъ, иришмек, етмек, авес олмакъ*+объект, принимающий прямое или переносное значение действия, состояния: *макъсадына иришмек, яхшылыкъкъа ынтылмакъ, ишетлерге етмек, мурадына етмек, китап окъумагъа авес олмакъ*, Нетиджеде дёгюш позицияларына кечикмелерине, бир талай арбий кучь-къуветлерининъ *гъайып этильмесине ириширмиз* (Р.М.); Окъув-язув огренген вакъытында озюнде нефис *эдебияткъа*, хусусан *шириетке*, юксек *авеслик сизди* (Ш.А.);

7) глагол с оттенком компаративного значения + прямой/косвенный объект, управляемые послелогом *коре*, который указывает на критерий сравнения, находящийся в препозиции: *анасына коре дюльбердже корюне, русларнынъ нуфусына коре азлар*; Базы янъы *назариелерге коре*, нефис эдебият деп ялынъыз поэзиягъа *айтмакъ мумкюн* (Ш.А.); Сибир демир-ёлундаки Чамлыкъ къасабасынынъ да *озюне коре* къасеветлери, къуванчлары *бар* (А.О.);

8) глаголы *урмакъ, яндырмакъ*, интенсивного, регулярного, многократного и однократного воздействия+ прямой объект воздействия: *башынъа*

яндырмакъ, диваргъа мых урмакъ; О, опламадан, оларгъа бирер шамар яндырды (Р.М.); Топракънынъ сыджагъы машина ичинде бетлеримизге алев киби ура (Ш.А.).

Среди словосочетаний указанного типа особое место занимают те, в которых глагол, в силу своего лексического значения, требует употребления имени существительного в дательном падеже. Наиболее активными глаголами, образующими данные словосочетания являются глаголы внутренних отношений, чувствования или мысли, направленных на объект, глаголы передвижения, связи и др. Конечно, в рамках статьи всю данную группу представить невозможно, поэтому мы ограничились лишь некоторыми примерами:

• **абынмакъ (сюрюнмек), авушмакъ, авуштырмакъ, кочъмек:** Амма, зр алда, бу дереден юкъарыгъа – араштырув ишлери алып бараджакъ *мас-сивлеримизге* якъынджа *кочъмек керекмиз* (Р.М.);

• **айдамакъ:** Къойларны узакъ *къырларгъа айдаманъыз* (З.А.);

• **багъламакъ:**...Гемиджининъ эмиринен, Ташкенттеки идарелери радио *далгъасына багъланмакъ* ичюн огърашкъан радист бар эди тек (Р.М.);

• **багъышламакъ:** Табиат Тевфикъ *Асановгъа* бу чизгилернинъ эписини толусынен *багъышлагъан* (З.А.) и мн.др.

Вывод. Наши исследования лексико-семантических, структурных и коммуникативных особенностей глагольных словосочетаний в крымскотатарском языке – это первый опыт специального рассмотрения единиц указанного типа, поэтому они не претендуют на исчерпывающее решение всех вопросов, связанных с заявленной проблемой. Думаем, что выявленные нами особенности состава словосочетаний, их структуры, лексических возможностей компонентов послужат отправной точкой предстоящих научных изысканий в области синтаксиса крымскотатарского глагольного словосочетания.

Список литературы

1. Абдуллаев Э. М., Умеров М.У. Русско-крымскотатарский учебный словарь: более 5000 слов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 1994. – 384с.
2. Крымскотатарско-русский словарь/ Сост. С.М. Усеинов. – Тернополь: СМНПП+Диалог, 1994. – 395с.
3. Дауенов Е. Глагольные словосочетания и способы их образования в современном каракалпакском языке: Автореф. дис...канд.филол.н./АН Узбекской ССР. Ин-т языка и литературы имени А.С. Пушкина. – Ташкент, 1966.- 24с.
4. Меметов А., Мусаев К. Крымтатарский язык. Ч. 1. Общие сведения о языке. Ч. 2. Морфология. Учебное пособие. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2003. – 288с. – С. 92-93.
5. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка: Автореф. дис. д-ра. филол.н.-Казань, 1963. – 34с.

6. Тикеев Д.С. Структурные типы словосочетаний в современном башкирском языке: Автореф. дис...канд.филол.н.: 10.02.06 /Минобразования РСФСР. – Уфа: Башкирский гос. ун-т им. 40-летия Октября, 1975.- 45с.

7. Балакаев М.Б. Основные типы словосочетаний в казахском языке. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР. 1957. – С. 76-80, 103-107.

8. Баскаков А.Н. Словосочетания в современном турецком языке. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1974.-186с.

Сокращения:

А.О. – Лйдер Осман. Тутушув

З.А. – Земане адамлары (очерклер джыйынтыгы)

Ш.А. – Шамиль Алядин. Ер делиджилик

Р.М. – Решид Мурад. Дагълар сонатасы.

Оказ Л.С. Дієслівні словосполучення із залежним іменником у давальному відмінку (на матеріалі кримськотатарської мови)

У статті на матеріалі кримськотатарської мови розглядаються лексико-семантичні, структурні й комунікативні особливості дієслівних словосполучень із залежним іменником у давальному відмінку.

Ключові слова: кримськотатарська мова, синтаксис, дієслівне словосполучення, класифікації, семантика, структура, комунікативні особливості.

Оказ L.S. The verbal word-combination with a dependent name a noun in a dative case (on a material of Crimean Tatars language)

In article on a material of Crimean Tatars language examines lexico-semantic, structural and communicative features of verbal word-combinations with a dependent name a noun in a dative case.

Key words: Crimean Tatars language, syntax, a verbal word-combination, classifications, semantics, structure, communicative features.

Стаття постуила в редакцію 14 марта 2007 г.

УДК 811.512.145.(477.75)

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИ ШИМАЛЬ ШИВЕСИНДЕ СЕСЛЕРНИНЪ КИРСЕТИЛЬМЕСИ ВЕ ТЮШЮРИЛИП КЪАЛМАСЫ

Меджитова Э.Н.

Къырымтатар тили чѣль шивесининъ базы фонетик хусусиетлерине багъышлангъан макъаледѣ чѣль шивесинде созукъ сеслернинъ сѣзнинъ чешит позицияларында пейда олувы теджъикъ этиле. Мында протетик созукъларнынъ не вакъыт. насыл себептен пейда олувы огрениле. Хусусан, р, л сеслеринен башлангъан алынма сѣзлерде бойле хусусиетни корьмек мумкюн. Макъаледѣ бакъылгъан меселелеринден бири – бу созукъ сеслернинъ тюшип къалувыдыр. Макъаленинъ эсас къысмында тутукъ сеслер системасында оляяткъан деньишмелер, яни тутукъ сеслернинъ тюшип къалувы меселеси бакъыла.

Эсас сѣзлер: шиве. фонетик деньишмелер, тутукъ сеслернинъ кирсетильмеси, тутукъ сеслернинъ тюшюрилип къалмасы, тартылыш, редукция.

Макъалемизде къоюлгъан эсас вазифелеринден шуларны къайд этмек керек: макъаленинъ **объекти** оларакъ къырымтатар тилининъ шималь (чѣль) шивеси, ве хусусан, онынъ фонетик системасында базы бир фонетик деньишмелердир. Онынъ эсас **макъсат** ве **вазифеси:** диалектнинъ фонетикасында созукъ ве тутукъ сеслернинъ пейда олув ве тюшип къалувынынъ нетиджесинде пейда олгъан узагъан созукъ сеслернинъ пейда олмасы, сеслернинъ тюшип къалув шараитлерини эр тарафлама акс этирип, оларны классификация этмектир.

Созукъ сеслернинъ сѣзнинъ чешит позицияларында пейда олувы

Протетик созукъларнынъ пейда олувы тек къырымтатар тилининъ шималь шивесине дегиль, башкъа тюркий тиллерге аит олгъан бир хусусиеттир. Алынма сѣзлернинъ башында *р, л* тутукъларнынъ огюнде ве сѣз башында бир къач тутукъларнынъ ян-янаша кельген вазиятте протетик созукънынъ пейда олмасы мумкюндир. Мисаллер: *ырызыкъ < рызыкъ, ыстол < стол, ыльмон < лимон, ыскылат < склад, ышкол < школа, ыльманат < лимонад, ыскамик < скамейка* ве иляхре.

Бир къач тутукънынъ сѣз сонъунда ян-янаша кельген вазиятте созукъ я оларнынъ ортасында, я да сонъунда кельмеси мумкюндир. Меселя: *банка < банк, текист < текст, къалит < къальп, прадукта < продукт* ве башкъалары. Къырымтатар эдебий тилинде рус тилининъ юксек севиiede огренювинен ве рус тилининъ орфоэпик къаиделерининъ яхшы менимсеп алынувынен бойле протетик созукълар ишлетильмей.

Созукъ сеслернинъ тюшип къалувы

Созукъ сеслернинъ сѣз башында тюшип къалувы кырымтатар тилининъ шималь шивесинде гъает сийрек расткелир, меселя: *вакъ* < *уфакъ*, *шамакъ* < *ошамакъ* сѣзлеринде.

Шималь шивесине аит олгъан *ы*, *и* созукъ фонемаларнынъ зайыфлашып тюшип къалувынен, чокъ эджалы сѣзлерде сонъки созукъ сеснинъ тюшип къалмасы да мумкюн: *къарып* < *гъарип*, *газет* < *газета*, *квартир* < *квартира*, *кукуруз* < *кукуруза* ве башкъ.

Базы бир эки- ве чокъ эджалы сѣзлерге *-лар*, *-лер* чокълукъ ялгъамасы къошулгъанда, тамыр-негизнинъ сонъки созугъы я да чокълукъ ялгъамасынынъ сонъки созугъы тюшип къала, меселя: *кишлер* < *кишилер*, *баллар* < *балалар*, *баллады* < *балалады*.

Тутукъ сеслернинъ тюшип къалувы

Тутукъ сеслернинъ тюшип къалувы ве бунунънен багълы олгъан сѣзнинъ фонетик къияфетининъ денъишюви тюркий тиллернинъ чокусында расткельген алдыр [1, с. 279 – 280]. Лякин эр бир тильде бу ал озюне хас бир хусусиетлерге малик олур.

Шуны къайд этмек керек ки, тутукъларнынъ тюшип къалмасы я да оларнынъ сѣз ве сѣз шекиллерининъ белли бир позицияларында къавий олмамасы къадимий тюркий тиллернинъ де фонетик хусусиетлеринден бири эдилер. Факъат сеслернинъ тюшип къалувы джанлы нутукъ сырасында олгъаны ичюн, ве теляффузнынъ хусусиетлеринен багълы олгъаны ичюн, эльбетте, бизге келип еткен язылы ядикярлыкъларнынъ нумюнелеринде толу акс эттирильмегендир. Кене де базы бир сонорларнынъ тюшип къалувыны Махмуд Къашгъарлынынъ «Диван»ында, Юсуф Баласагъунлынынъ «Къутадгу билиг»инде, «Алтун ярукъ» ве VIII – XIII асырларнынъ тарихий весикълаларында расткетирмек мумкюндир. Мисаль оларакъ, сонор *г* сесининъ тюшип къалмасы Махмуд Къашгъарлынынъ «Диван»ында эксерий алларда сѣзнинъ сонъунда (шарт меилининъ ялгъамасында *-sar* < *-sa: barsa*), къадимий догърултув келишининъ шеклинде *-ra* *-ru: saḡar* < *saḡa*), тутукъларнынъ ян-янаша кельген алда ве сонорнынъ огюнде (чокълукъ ялгъамасында: *aṣṣaḡa* < *aṣṣaḡka* ‘ашларгъа’; муреккеп сѣзлерде: *bilān* < *birlān* ‘иле’ ве башкъалары). Махмуд Къашгъарлынынъ озю исе, бу сеслернинъ тюшип къалувыны тюрк къабилелернинъ нуткъ хусусиетлеринен багълай, ве базы сес бирикмелерининъ теляффузыны къолайлаштырув ынтылышынен багълай [1, с. 281 – 288].

Орта Асырларнынъ язма ядикярлыкъларында тутукъларнынъ тюшип къалувы чешит дереджедеки регулярлыкъларнен расткельмекте.

Кырымтатар тилининъ чѣль шивесинде джанлы нутукъ сырасында бойле тутукъларнынъ тюшип къалувыны корьмек мумкюн.

Сонор р сеси: *ба:рман* < *барарман*, *къалды:рман* < *къалдырарман*, *оты:-рман* < *отырарман*, *кети:рмен* < *кетирермен*. Шуны да къайд этмек керек ки, сонор *р* сесининъ тюшип къалувы нетиджесинде узагъан сеснинъ пейда олмасы мумкюн.

Фарингаль сагъыр h тутугъы: *баар* < *бахар'*, *рамет* < *рахмет*, *сана* < *сахна*, *муур* < *муһюр'*, *раат* < *раһат*, *мешур* < *меиһюр* ве иляхре.

Сонор л сеси: фииллернинъ шарт меилининъ *-са/-се*, фиильнинъ менфий шеكلي *-ма/-ме* ялгъамалары огюнде, фиильнинъ баш шеكلي *-макъ,-мек* ялгъамалары огюнде тюшип къала: *кесе* < *кельсе*, *боса* < *болса*, *къаса* < *къалса*, *къамады* < *къалмады*, *кемед* < *кельмед*, *кемек* < *кельмек*, *бомагъа* < *олмагъа*; л сесинен биткен сёзлерде: *ке* < *кель*. Башкъа сёзлерде: *бащыкъ* < эд. *тильде балчыкъ*.

Тиль огю сагъыр т тутугъы: *рас* < *раст* (*расткельмек*), *дос* < *дост*, *батис* < *батист*, *гитарис* < *гитарист* ве башкъалары.

Тиль арты г тутугъы: сыфатфииль ялгъамаларында: *кельме:* < *кельмеге*, *ишлеме:* < *ишлемеге*; к тутугъынен биткен сёзлерге мулькиет ялгъамасы къошулгъанда: *эше:м* < *эшек+им* < *эшегим*; *-ге* ялгъамасынынъ огюнде созукъ сес кельгенде: *кельме:* < *кельмеге*, *берме:* < *бермеге* ве иляхре.

Терен тиль арты “ тутугъы (тилимизде **гъ** киби къайд этиле): *ыл* < эд. тильде *огъул*, *олан* < эд. тильде *огълан*; шахыс замирлеринде: *са:* < *сагъа*, *ма:* < *магъа*, сыфатфииль ялгъамаларында *алма:нда* < *алмагъанда*, *барма:нда* < *бармагъанда*, *йыкълама:нда* < *юкъламагъанда*; *-гъ-* интервокаль позицияда кельгенде: *тама:нда* < *тамагъында* (эд. тильде: *богъазында*), *къыща:нда* < *къыщагъында* (эд. тильде: *къучагъында*), *къыла:нда* < *къылагъында* ве башкъалары. Корьгенимиз киби, тюшип къалгъан **ғ** сеси еринде сеслер тарлаша ве узагъан созукъ сес пейда ола.

Юкъарыдаки косьтерильген тутукъларнынъ тюшип къалувы, биринджи-ден, оларнынъ фонетик ве фонологик характеринен багълыдыр. Лякин, языкъ ки, буларнынъ хусусында айры тедкъикъатлар ёкътыр. Шусы белли ки, базы бир фонетик шараитлерде бу тутукъларнынъ зайыфлашмасы, редукциягъа огърамасы, чешит денъишмелерге огърамасы бирликте оларнынъ тюшип къалмасына себепчи олмакъта. Лякин эр бир конкрет тюркий тильде сеслернинъ тюшип къалув тенденциясы чешит-тюрлю акс олуна. Буларнынъ эписи тутукъларнынъ тюшип къалув къанунларынынъ умумий универсаль себеплерини къыдырып тапмагъа маниалар къура [2, с.53-54].

Айтып кечкенимизнинъ эписи къырымтатар тилининъ шималь (чёлъ) шивесине де аиттир. Эр бир тутукънынъ тюшип къалмасынынъ регуляр ве арды-сыралы олмасы сыкъ-сыкъ алларда бозула. Месея, сёз тамырына сыфатфиильнинъ *-гъанда/-генде* ялгъамасы къошулгъанда, **гъ** сеси даима тюшип къалмай, базада исе айны сёзде де расткеле, де тюшип къала.

Демек, бойле тутукъларнынъ тюшип къалмасы акъкъында лаф юрюткенде, белли бир къанун-къаиде дегиль де, тюшип къалувынынъ энъ типик аллары акъкъында айтмакъ керек. Къырымтатар тили шималь шивесинде сеслернинъ тюшип къалувыны бойле группаларгъа айырмакъ мумкюн:

1. Сёз ве сёз шекиллеринде тутукъларнынъ биринджи, экинджи ве учунджи эджаларында тюшип къалувы.

2. Сёзнинъ сонъки эджасында тутукъларнынъ тюшип къалувы:

ишта < иштаһ, ника < никяһ.

3. Бир сёз ве сёз шеклинде эки ве экиден зияде къавий олмагъан сеснинъ тюшип къалувы. Тюшип къалгъан сеслер эм айны бир чешитке, эм бам-башкъа чешитке аит олмакъ мумкюнлер, меселя: оща:нъ < *оджакънынъ, ая:м < аягъым, дийдже:м < дейджегим.*

4. Айны бир сёзнинъ фонетик структурасында чешит тюрлю къавий олмагъан тутукъларнынъ тюшип къалмасы, ве сёзнинъ чешит фонетик вариантларынынъ мейдангъа келюви, меселя: *бома:нда < бомагъанда, кегеци < кельгеци.*

5. Сеслернинъ тюшип къалувы сёзлернинъ эписи лексик-грамматик категорияларына аит, башкъаджа айткъанда, эм асыл ве япма негизлерге, эм чешит сёз шекиллерине аит, эм де сёз япыджи ялгъамаларгъа, дереджелик ве мунасебетчилерге аиттир [3, с.64-65].

6. Тутукъ сеслернинъ тюшип къалувы эм къырымтатар, эм де алынма сёзлерге аиттир.

Юкъарыда къайд этильген тутукъ сеслернинъ тюшип къалувы озюне хас бир хусусиетлерге маликтир. Меселя, сонор *p* сесининъ тюшип къалмасы эксерий алларда сёзнинъ ортасында олып кече. Фарингаль *h* сеси исе эм сёз ортасында, эм сёзнинъ башында ве сонъунда тюшип къалмагъа мумкюн.

Сонор *л* сеси эсасен бир эджалы, эки эджалы ве чокъ эджалы негизлерде тюшип къала: *кемеди < кельмеди, бомады < болмады.*

Ишбу фонетик алнынъ хусусиети шунда ки, базы бир къавий олмагъан тутукълар башкъа фонетик вазияте олгъанда, сакъланып къалалар. Меселя: *бомагъанда* сёзюндеки *л* сеси интервокаль позицияда олгъанда сакъланып къала: *бола < эд.тильде ола, я да кемеди* сёзюндеки тюшип къалгъан *л* сеси интервокаль позицияда сакъланып къала: *келе.*

Тутукъ сеслернинъ тюшип къалмасы, сыкъ-сыкъ сёзнинъ фонетик-морфологик структурасынынъ денъишмелерине ёл ача. Бу исе, озь невбетте, сёзнинъ семантика ве услубий функцияларыны да денъиштирмек мумкюн.

Сеслернинъ тюшмеси «темиз» алда олып кечкени, я да къомшу сеслернинъ де тюшип къалувы ве сес бирикменинъ тюшип къалувы нетиджесинде мейдангъа кельген сёзлернинъ структура джеэтинден денъишмеси чешит характер ташый. Буларнынъ нетиджесинде къавушкъан (эллиптик) сёз ше-

киллери (*этедже:н < этеджегин*), ве экинджи сырада пейда олгъан созукъларнынъ узамасына расткелемиз.

Сёзлерде тутукъ сеслернинъ кирсетильмеси

Т сеси. Эджаларнынъ сонъунда ве *p* сесининъ сонъунда *m* тутугъы пейда олмакъ мумкюн. Бу ал сийрек расткельген аллардан биридир. Бир де бир адамнынъ нутугъында базада *m* сеси кирсетиле, базада исе ёкъ. Бойле сёзлерни къайд этмек керек: *сибиртки < эд. тильде сипирки, кесертки, колетке < эд. тильде кольге, джашыртын < эд. тильде яшырын*, мимемаларда: *данъгъырт-дынъгъырт < данъгъыр < дунъгъур*.

Рус тилинден алынма сёзлерде *m* тутугъы базан сонор *л, н* сеслеринден сонъ пейда олмакъ мумкюн, меселя: *грант < кран*.

Юкъарыдаки мисаллер кирсетильген *m* сеси *p, л* сеслеринден сонъ базы къыпчакъ тиллеринде де расткеле.

Сеслернинъ тюшип къалувы нетиджесинде сёз шекиллерининъ тартылышы

1. Бу процесс теляффузны максималъ дереджеде саделештирмек ичюн олып кече. Мында созукъ ве тутукъ сеслернинъ тюшюрилип къалув нетиджесинде сёз шекиллери тартылышып теляффуз этиле [4. с. 193], меселя: *болыркмен < болырма экен, ёкъмекен < ёкъмы экен, акель < алып кель, акет < алып кет, шайтын < шай этип, корге:мйокъ < корьгеним ёкъ, нашиий < насыл шей, къыскъаякълы < къыскъа аякълы, кемында < кель мында*.

Къулланылгъан эдебият

1. Дмитриев Н.К. Неустойчивое положение сонорных *p, л, н* в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – Ч.І. Фонетика. – М., 1955. – 333 с.
2. Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. – Алма-Ата. 1970
3. Кайдаров А.Т. Случаи выпадения согласных в устной речи уйгуров и их отражение в письменно-литературном языке // Советская тюркология. – № 6. – 1973. – С.62-67
4. Решетов В.В., Шоабдурахмонов Ш. Ўзбек диалектологияси. Олий ўқув филология факультетлари учун дарслик. – Т.: Ўрта ва олий мактаб. 1961. – 359 с.

Меджитова Е.Н. Вставка і випадіння звуків в північному діалекті кримськотатарської мови.

У статті розглянуті деякі випадки вставки і випадіння приголосних в північному (степовому) діалекті кримськотатарської мови. Зокрема, розглянуті випадки виникнення протетических голосних в запозичених словах, що починаються з *p, л*. Інше питання, розглянуте в статті – це випадки випадіння голосних в результаті їх ослаблення. Велика увага в статті надана такому фонетичному явищу як випадіння приголосних. У статті відзначено, що подібні явища ми можемо зустріти і в інших тюркських мовах.

Ключові слова: діалект, фонетичні зміни, вставка приголосних звуків, випадіння приголосних звуків, стяжіння, редукція.

Меджитова Э.Н. Вставка и выпадение звуков в северном диалекте крымскотатарского языка.

В статье рассмотрены некоторые случаи вставки и выпадения согласных в северном (степном) диалекте крымскотатарского языка. В частности, рассмотрены случаи возникновения протетических гласных в заимствованных словах, начинающихся с р. л. Другой вопрос, рассмотренный в статье – это случаи выпадения согласных в результате их ослабления. Большое внимание в статье уделено такому фонетическому явлению как выпадение согласных. В статье отмечено, что подобные явления мы можем встретить и в других тюркских языках.

Ключевые слова: диалект, фонетические изменения, вставка согласных звуков, выпадение согласных звуков, стяжение, редукция.

Medjítova E.N. Insertion and fall of sounds in the north dialect of Crimean Tatar language.

Some cases of insertion and fall of consonant in the north (steppe) dialect of Crimean Tatar language are considered in the article. In particular, the cases of origin of protetical vowels in loan-words beginning with р (r), л (l) are considered. Other question considered in the article is the cases of fall of vowels as a result of their weakening. Great attention in the article is spared to the such phonetic phenomenon as a fall of consonant. It is marked in the article, that we can meet similar phenomena in other Turkish languages.

Key words: dialect, phonetic changes, insertion of consonants, fall of consonants, contraction, reduction.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2007 г.

УДК 811.512.145.(477.75)

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ МУЛЬКИЕТ КАТЕГОРИЯСЫ ВЕ ОНЫНЪНЕН БАГЪЛЫ ИМЛЯ МЕСЕЛЕЛЕРИ

Берберова Р.А.

Макъалеле исимнинъ мулькиет категориясы ве исимлернинъ мулькиет аффикслеринен шекиленюв эсаслары ве имля меселелери талиль этиле.

Эсас сёзлер: исим, мулькиет категория, мулькиет аффикслери, имля къаиделери.

Къырымтатар тилинде терен тарзда тедкъикъ этильмеген ве озъ тедкъикъ олунмасыны талап эткен меселелер эр адымда расткелир. Макъалемизде биз тедкъикъ этиледжек меселелерден бири олгъан мулькиет категориясы ве айны меселенен багълы олгъан имля меселесини айдынлатмакъны тедкъикъатымызнынъ **макъсады** оларакъ бельгилеп, ондан да келип чыкъкъан ашагъыдаки **вазифелерни** чезмеге тырышаджакъмыз: 1) мулькиет ка-тегориясынынъ майиетини, 2) бу категория дигер тюркий тиллерде не дереджеде огренильгенинен танышып, 3) сойдаш тиллерде мулькиет категориясы насыл шекиллерде ишлетильгени ве 4) олар арасында олгъан фаркъларны бельгилеерек, тилимиздеки фактларнен тенъештирип, айдынлатмакътыр.

Тюркий тиллернинъ къыпчакъпытагъыны тешкиль эткен тиллерни козьден кечирсек, оларнынъ эписинде мулькиет категориясы расткелир, ве шуны къайд этмек керек ки, мулькиетлик манасыны къошкъан шекильджилер бирибиринден бираз фаркъ этер. Фикиримизнинъ исбаты оларакъ схема шеклинде бу тиллердеки аффикслерни такъдим этемиз.

Тюркий тиллерининъ огъузпытагъыны тешкиль эткен тиллерде мулькиетлик манасыны къошкъан шекильджилернинъ де схемасыны козьден кечирейик.

Татар тили

теклик	чокълукъ
1.-м/-ым/ем;	-быз/-без/-ебез/-ыбыз;
2.-н/-ын/-ең;	-ыгыз/-егез/-гыз/-гез;
3.-ы/-сы/-се;	-лар+ы/-ләр+е;

Къаракъалпакъ тили

теклик	чокълукъ
1.-м/-ым/-им;	-мыз/-миз/-имиз/-ымыз;

2.-н/-ын/-иң; -ңыз/-ңиз/-ыңыз/-иңиз;

3. -и/-ы/-сы/-си; -и/-ы/-сы/-си;

Къазах тили

теклик чокълукъ

1.-м/-ым/-ім; -ымыз/-міз/-іміз/мыз;

2.-н/-ың/-ің; -ңыз -ңіз/-іңіз/-ыңыз;

3.-сы/-сі/-і; -і/-ы;

Къыргъыз тили

теклик чокълукъ

1.-(ы)м; -(ы)быз;

2.-(ы)ң; -(ы)ңыз; -(ы)нар, -(ы)ңыздар;

3.-ы; -ы;

Къумыкъ тили

теклик чокълукъ

1.-м, -ым/-ум; -быз/-биз,-буз/-бюз,-ыбыз/-ибиз/-убуз/-убюз;

2.-нг/-ынг/-унг/ -гъыз/-гиз/-гъуз/-гюз/-ыгъыз/-игиз/-угъуз/-уыгюз

-инг/-уынг

3.-сы/-си/-су/

-сю/-ы/-и/-у/-уь;

Къараим тили

теклик чокълукъ

1.-м; -муз/-миз/

-им/-уым; -муз/-миз/-мыз/-мюз

2.-й/- н; -йиз/-йыз/-йуз/-юз/-ңыз/-низ/-нуз;

3.-сы/-си/ -лары/-лери/-ляри;

-су/-сю;

Тюркий тиллерининъ огуз пытагъыны тешкиль эткен тиллерде муькиет-лик манасыны къошкъан шекильджилернинъ де схемасыны козьден кечирейик.

Азери тили

теклик чокълукъ

1.-м/-им/-ым/ -(и)миз/-(ы)мыз/

үм -(у)муз/-(ү)мүз/

2.-н/-ин/-ын -(и)низ/-(ы)ңыз/

-(у)нуз/-(ү)нүз

3.-и/-ы/-у/-ү -ы/-и/-у/-ү

-си/-сы/-су/-сү

Туркмен тили

теклик чокълукъ

1.-м/-им/-ым/-ум/ -миз/-мыз/-имиз/-ымыз/-умыз/-үмиз

2.-н/-иң/-ың/-уң -низ/-ңыз/-иңиз/-уңиз/-үңыз

3.-сы/-си/-ы/-и -сы/-си/-ы/-и

Гагауз тили

теклик чокълукъ

1.-м -миз/-мыз/-муз/-ум/-мўз

2.-н -низ/-ңыз/-нуз/-нўз

3.-сы/-си/-су/-сў -ы/-и/-у/-ў

Турк тили

теклик чокълукъ

1.-m/im (-м/-им) -miz/imiz (-миз/имиз)

2.-n/in (-н/-ин) -niz/-iniz (-низ/иниз)

3.-si/-I (-си/-и) -ları/-leri (-лары/-лери)

Юкъарыда къайд этильгени киби мулъкиет категориясы эр бир тюркий тильге хастыр, лякин оларнынъ махсус хусусиетлери эсасында аффикслер арасында олгъан фаркъ ачыкъ-айдын корюнмекте. Айны меселе не дереджеде бизим тилимизде аль олунгъаныны ашагъыдаки менбалардан анъламакъ мумкюн:

- 1) Къырымтатар эдебий тили орфографиясы джыйынтыгъы 1934 с.
- 2) У. Куркчи Имля къаиделери акъкъында бир къач сёз 1988 с.
- 3) А. Меметов Имля лугъаты. //Земаневий къырымтатар тили. 2006 с.

Бугуньки кунде мулъкиет аффикслерининъ имлясында расткельген чубарлыкътан темизлемек шарттыр, шу себептен айны меселени гъайрыдан котерип, кенди фикиримизнен пайлашмакъны ляйыкъ корьдик.

Мулъкиет категориясы эр бир шахыснынъ, шей ве адисенинъ башкъа бир шахыскъа, шей ве адисеге менсюплик мунасебетини ифаде этер. Къырымтатар тилинде мулъкиет аффикслери булардыр.

А.) Сонъу созукъ сес иле биткен сёзлерде:

текликте	чокълукъта
1 шахыс: -м	1. -мыз, -миз
2 шахыс: -нъ	2. -нъыз, -нъыз
3 шахыс: -си, -сы	3. -(лер)и, -(лар)ы

Б.) Сонъу тутукъ сес иле биткен сёзлерде:

текликте	чокълукъта
1 шахыс: -им, -ым, -ум, -юм	1. -имиз, -ымыз, -умыз, -юмиз;
2 шахыс: -инъ, -ынъ, -унъ, -юнъ;	2. -инъыз, -ынъыз, -унъыз, -юнъыз;
3 шахыс: -и, -ы, -у, -ю;	3. -(лер)и, – (лар)ы

Мулъкиет аффикслеринен шекилленген исимлерде ургъу мулъкиет аффикслерининъ устюне тюшер.

Менсюплик кырымтатар тилинде учь усулда ифаде олуныр: морфологик, морфологик-синтактик, синтактик. Морфологик усул юкъарыда косътерильген мулъкиет аффикслерининъ сёзге къошулмасы иле тизилир: *анам, ананъ, анасы, тизеси, анамыз, тиземиз, ананъыз, тизенъыз, аналары, тизелери; элим, башым, къолум, козюм, элинъ, башынъ, къолунъ, козюнъ, эли, къолу, башы, козю, элимиз, къолумыз, башымыз, козюмиз, элинъыз, башынъыз, къолунъыз, козюнъыз, эллери, башлары, къоллары, козьлери.*

Мулъкиет аффикслеринен учюнджи шахыста текликте ве чокълукъта шекиллengen исимлерге айрыджа дикъкъат этмели:

Текликте: *онынъ бабасы, онынъ эмджеси, онынъ торуны, онынъ келини.*

Чокълукъта: *оларнынъ бабасы, оларнынъ эмджеси; оларнынъ торуны, оларнынъ келини, оларнынъ бабалары, оларнынъ эмджелери, оларнынъ торунлары, оларнынъ келинлери.*

Морфологик-синтактик усул саиплик келиши аффикслеринен шекиллengen шахыс замирлери иле мулъкиет аффикслери олгъан исимлер вастасыле тизилир: *меним аягъым, сенинъ аягъынъ, онынъ аягъы; бизим аягъымыз, сизнинъ аягъынъыз, оларнынъ аякълары (аягъы).*

Меним анам, сенинъ ананъ, онынъ анасы; бизим анамыз, сизнинъ ананъыз, оларнынъ аналары (анасы).

Синтактик усул шахыс замирлерининъ саиплик келиши аффикслериле шекилленип, предмет ады иле бирликте тизилир, меселя: *алма меним, алма сенинъ, алма онынъ, алма бизим, алма сизинъ, алма оларнынъ* киби.

Белли олгъаны киби тюркий тиллерде эки эджалы алынма сёзлерге мулъкиет аффикслери къошулгъанда ургъусыз созукъ сес тарлашыр ве тюшюрилир, имляда да язылмаз.

Тиль теракъкъият эткен сайын онынъ орфография къаиделери де шекилленир. Тиль ве тиль акъкъындаки фен илерилемеси иле орфография къаиделери де онъа коре текмиллешир. Орфография-имля къаиделери арасында гъает темельден тизильген яни нукъсансыз ве нукъсанлы тизильген къаиделер де олгъаны беллидир. Имля къаиделери узеринде истенильгени къадар музакере кечирмек мумкюн, Лякин онынъ бир шарты бардыр: фикир айгмакънынъ озь ёлу олур, мевджут олгъан имля къаиделерине исе къатий риает этив кенди ёлуна. Имля къаиделери даиресинде саватлы олмагъа иришюв исе бизим ичюн небеттеки биринчи вазифемиздир. Нукъсанлы къаиделер исе бу вазифени чезмеге кедер этер. Мулъкиет аффикслерининъ имлясында да нукъсанлыкъ расткелир ве тилимизде бир сыра сёзлерге мулъкиет аффикслери къошулгъанда оларнынъ бир къач шекильде язылгъанына шаат оламыз, меселя: *чокъсу – чокъусы, зулумы – зулмы, фикир – фикри, олюри – олрю, гонъюли – гонъюлю, бахыты – бахты, агъызы – агъзы* киби.

Эдебий тилимиз шекилленип башланмасынен имля меселелерине де айрыджа диккъъат айырыла эди ве атта ильмий конференциялар да отъкерильгендир (Биринджи -1927 с., Экинджи – 1929 с., Учюнджи – 1934 с. Бутюнкъырым ильмий конференциялары; Халкъара ильмий-амелий конференция – 1991 с., Тиль ве эдебиятымызнынъ меселелерине багъышлангъан конференция – 1992 с., Б. Чобан-заденинъ 150 йыллыгъына багъышлангъан конференция – 1993 с.). Отъкерильген конференцияларда япылгъан марузалар эсасында эдебий тилимизнинъ имля къаиделери тизильгендир ве сонъки 10-15 йыл девамында имлямыздаки чубарлыкълардан къуртулмакъ ёлларыны арамакътамыз, албуки бугунъ де бугунъ куртулмагъа чаре тапып оламайыкъ я да истемеймиз. Музакерелер эп девам этмекте, Лякин къатий шекильде къаиделер тизильмейип, теклиф шеклинде де къалмакъта я да меселе котериле, амма къаиде теклиф этильмей. Базы аркъадашлар имля меселелерине диккъъат айыралар, айны проблема мевджут олгъаныны къайд этмекнен сынъырланалар.

Нетидже. Занымызджа, мевджут олгъан къаидеге риает этип язмалымыз яни алынма эки эджалы сёзлерде тар созукълары [i] [ı] [u] [ü] мулъкиет аффикслери къошулгъанда къыскъартылып язылмалы, меселя: *ресим – ресми, сыныф – сынфы, вакъыт – вакъты, укюм – укюю, омюр – омрю, гонъюль – гонъюлю* киби.

Къулланылгъан эдебият

1. Гафаров Б.Г. Орфография крымскотатарского языка //Орфография тюркских литературных языков. – М., 1973. – С. 153-160.
2. Куркчи У. Къырымтатар тили имлясына даир теклифлер // Ленин Байрагъы
3. Qrim tatar edebij tili Butun Qrim III ilmij konferensijasinin qararlari. 1934 s. Oktabr 15-20. – Qrim ASSR Devlet nesrijati, 1935. – 77 s.
4. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1965с.
5. Къырымтатар эдебий тили орфографиясы. Акъмесджит. 1934с.
6. Куркчи У. имля къаиделери акъкъында бир къач сёз. 1988с. //Фикир инджилери. Ташкент.1986с.
7. Меметов А. Земаневий къырымтатар тили. Акъмесджит. 2006с.
8. Берберова Р. Морфология боюнджа лекциялар. Эльзма. 1995с.

Берберова Р.А. Особливості категорії приналежності в кримськотатарській мові

У статті аналізуються: категорія приналежності іменника, правила присднання афіксів приналежності і проблеми правопису афіксів приналежності іменника.

Ключові слова: іменник, категорія приналежності, афікси приналежності, правила правопису.

Берберова Р.А. Особенности категории принадлежности в крымскотатарском языке.

В статье анализируются: категория принадлежности имени существительного, правила присоединения аффиксов принадлежности и проблемы правописания аффиксов принадлежности имени существительного.

Ключевые слова: имя существительное, категория принадлежности, аффиксы принадлежности, правила правописания.

Berberova R.A. Features of category of belonging in Crimean Tatars language

The category of belonging of the noun, rule of joining of affixes of belonging and problem of spelling of affixes of the belonging of noun is analyzed in the article.

Key words: noun, category of belonging, affixes of belonging, rule of spelling.

Статья поступила в редакцию 09 марта 2007 г.

УДК– 811.512.145' 367

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУНКТУАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Усейнова С.М.

В статье рассмотрены некоторые проблемы пунктуационного оформления обстоятельств в крымскотатарском языке, кратко проанализирована реализация в печатной литературе правил, существующих на данный момент в языке.

Ключевые слова: пунктуация, обособление, деепричастный оборот, обстоятельства места, обстоятельства времени, обстоятельства образа действия, обстоятельства причины, обстоятельства цели.

Целью данной статьи является исследование пунктуационного оформления обстоятельств в печатной литературе, издаваемой на крымскотатарском языке; изучение результатов неправильного употребления знаков препинания при обстоятельствах.

Существующие ныне правила пунктуации предполагают постановку знаков препинания при обособленных обстоятельствах. Однако, несмотря на это, анализ фактического употребления знаков препинания в практике современной печати с целью выявления и учёта динамических тенденций в пунктуационном оформлении обособленных членов предложения в письменной речи показал, что авторы в большинстве своём не придерживаются имеющегося правила. Более того, один и тот же автор на протяжении одного и того же произведения схожие по построению конструкции выделяет каждый раз по-разному, что по-нашему мнению и является показателем недостаточной регламентированности в постановке знаков на письме, что, в свою очередь, является подтверждением **актуальности** нашего исследования. Для того чтобы более ясно представить состояние пунктуационного оформления обстоятельств, приведём некоторые примеры: *Чырчыкънынъ устуне сагъыр къаранлакъ тюшеяткъанда Ирада, Мырза Рахим аканынъ эвининъ къанусыны къакъды. [14, с 22] (Когда глухая темень опускалась на Чирчик Ирада, постучала в дверь дома Рахим аки).* Постановка разделительной запятой в данном предложении после слова «Ирада», во-первых, стала причиной неоправданного разделения подлежащего «Ирада» от сказуемого и присоединения

его к деепричастному обороту со значением времени и, во-вторых, естественно, к неправильному определению состава и пунктуационному выделению самого деепричастного оборота.

Мы предлагаем: во-первых, согласно семантическому принципу, деепричастные и причастные обороты, стоящие в середине предложения и с точки зрения семантики, раскрывающие или дополняющие какой-либо член предложения и неразрывно связанные с ним по смыслу, вносящие в общий смысл предложения дополнительные сведения; во-вторых, согласно грамматическому принципу, для того, чтобы чётко представлять границы данного деепричастного или причастного оборота (особенно это важно при синтаксическом анализе предложения) выделять их с двух сторон запятыми.

Таким образом, для того, чтобы иметь более прозрачную структуру, чётко и ясно понимаемый смысл предложения, мы предлагаем, в зависимости от месторасположения одиночных обстоятельств, выделять их с одной или с двух сторон запятыми в следующих случаях:

1) обстоятельства места, если они следуют за членом предложения, который поясняет, уточняет. Это предложения типа: *Анда, шу койде...*

Например: *Анда, къапынынь о якъында, террасада, бяз кольмекли адам турмакъта ве балагъа пармакълары иле насылдыр ишаретлер эт.мекте эди [16, с. 33]. (Там, с другой стороны двери, на террасе стоял человек, одетый в белые одежды, и пальцами подавал ребенку какие-то знаки).*

В этом предложении мы видим три обстоятельства места, отделённых друг от друга запятой, причём каждое последующее обстоятельство, всё более сужая круг, конкретизирует место действия: *Там, с другой стороны двери, на террасе...*

2) обстоятельства времени и места, следующие друг за другом. Предложения с обстоятельствами типа: *о вакъыт, анда...* (в это время, там...)

Подобные примеры не следует путать с предложениями типа: *О, 1940 сени Кърымнынь Алушта районундаки Кучук Озен коюнде догъды*. В данном предложении запятая после *Кърымнынь Алушта районундаки* не нужна, несмотря на то, что *Кучук Озен Коюнде* уточняет место рождения, однако форма *райундаки* является в предложении определением со значением принадлежности деревни Кучук Озен к Алуштинскому району;

3) обстоятельства образа действия, находящиеся в середине предложения и дающие дополнительную, уточняющую информацию:

Гем и узерине, токътамай-тынмай, бомбалар чыбырып турдылар [16, с. 41]. (Вокруг корабля, не оставиваясь и не смолкая, продолжали разрываться бомбы).

Бизлер, пырсылдай-пырсылдай, оларны чездик. (Мы, шушукаясь, их развязали) [16, с. 18].

Обстоятельство образа действия обычно не обособляется в случаях, когда стоит перед сказуемым и семантически тесно с ним связано. Следует отметить, что в русском языке обстоятельства образа действия могут быть детерминирующими членами предложения, то есть они могут находиться в препозиции и соотноситься со всей структурой предложения одновременно. К примеру, в азербайджанском языке наблюдается иное положение вещей, так как здесь обстоятельство образа действия объективно не начинается предложения и, следовательно, в данном случае теряется формальная необходимость появления детерминанта, так как детерминант, только находясь в препозиции может удовлетворительно выполнять свою функцию. Кроме этого в азербайджанском языке обстоятельство образа действия не отрывается от глагола – сказуемого и непосредственно предшествует ему. Абсолютную препозицию обстоятельство образа действия может занимать только соотносительно стилистического предназначения в отдельном, конкретном случае. «В крымскотатарском языке обстоятельства в форме оборота чаще всего употребляются в начале и середине предложения» [2, с. 77].

В данной работе мы рассматриваем лишь небольшую часть тех проблем, которые ждут своего решения. Для того чтобы отразить состояние современной пунктуации обратимся к следующему примеру:

О, дженктен сонъ, агъыр йыллар акъибетлерининъ огюни алув девиринде Белоруссиеде, сонъра Узакъ Шаркъта арбий къысымларда федакяр эйилик хызметини девам эттирди [15, с. 136]. (После войны он, для предотвращения последствий того тяжёлого периода сначала в Белоруссии, затем в Дальневосточных частях продолжил своё самоотверженное служение). Данное предложение можно назвать показательным в отношении к обособленным членам предложения, так как оно отражает состояние пунктуации в современном крымскотатарском языке: из необходимых шести запятых в наличии лишь три. В структуре этого предложения мы видим обособленные обстоятельства времени, последующее из которых уточняет значение предыдущего: *дженктен сонъ, агъыр йыллар акъибетлерини алув девиринде*. Затем дополнительные, конкретизирующие сведения несут обособленные обстоятельства места: *Белоруссиеде, сонъра Узакъ Шаркъта арбий къысымларда*. Таким образом, согласно тому, что каждое из обстоятельств несёт дополнительную информацию, дополняя и конкретизируя смысл предыдущего и, так как в наличии разделительные паузы и свойственная обособлению интонация, мы считаем, что данное предложение должно выглядеть следующим образом: *О, дженктен сонъ, агъыр йыллар акъибетлерининъ огюни алув девиринде, Белоруссиеде, сонъра Узакъ Шаркъта, арбий къысымларда, федакяр эйилик хызметини девам эттирди*.

Так же достаточно часто на письме пунктуационно не бывают выделены обстоятельства со значением причины, несущие явную дополнительную информацию с целью уточнения и конкретизации определяемой части.

Кроме того, в крымскотатарском языке интерес представляют обособленные обстоятельства со значением причины и цели, в состав которого входит «*деп*». Например: *Мен сени озь къызым деп къучакълайым* [13, с. 206]. Согласно семантике данной конструкции с «*деп*», оно должно быть выделено с двух сторон знаками препинания, так как вносит в основной смысл предложения дополнительное значение. Использование в данном предложении «*деп*» изменяет смысл высказывания. К примеру, здесь можно было бы употребить «*киби*», который в той же мере отразило бы основной смысл. Сравним: *я тебя обнимаю как свою дочь* (с «*киби*») и *я обнимаю тебя, считая своей дочерью* (с «*деп*»). То есть мы видим, какую смысловую нагрузку несёт «*деп*», способствуя кардинальному изменению оттенков значения. Следует отметить, что вопрос о конструкциях с «*деп*» остаётся открытым и в других тюркских языках. В частности в балкарском языке отмечается, что первоначально слово «*деп*» употреблялось, очевидно, там, где непосредственно говорилось об акте говорения. В этой связи интересно отметить слова «*деп*» одновременно с глаголом «*айт*». Таким образом, применительно к крымскотатарскому языку мы можем сказать, что функции слова «*деп*» состоят из следующего:

1.) Слово «*деп*» может способствовать разграничению слов автора от прямой речи.

Бермейджек олсанъ, котеклерим, дефтеринъни йыртарым, деп къоркъуза. (Если не дашь, побью, изорву тетрадь, – пугает он). Интересным в таких предложениях является то, что первая часть повествования ведётся от первого лица (как в прямой речи): *Бермейджек олсанъ, котеклерим, дефтеринъни йыртарым* и последующая часть предложения от третьего лица, выполняя функцию слов автора.

Эсат исе оджам меним ресимимни нумюне оларакъ косьтере, деп куванды [12, с. 124]. (Эсат же обрадовался тому, что учитель его рисунок показывает как пример). Примечательно то, что при подстрочном переводе данного предложения мы были бы вынуждены в русском языке употребить прямую речь, которая в крымскотатарском была заменена словом «*деп*». В результате же мы снова имеем часть повествования от первого лица и часть от третьего лица. Предложения такого типа широко распространены в письменной речи и требуют дальнейшего тщательного изучения.

2.) Слово «*деп*» может выполнять функцию указания какой-либо цели (часто встречается в сочетании с обстоятельством со значением цели).

Обособление в таких случаях может происходить вследствие нарушения порядка слов. Изменение порядка слов в таких предложениях и, как следствие обособление более чётко мобилизует наше внимание на факте того, с какой целью совершено действие.

Вывод: говоря об употреблении запятой при обособлении обстоятельств, необходимо учитывать, что даже в случаях, когда использование запятой определяется грамматической структурой текста, семантика предложения всё равно корректирует постановку знаков препинания. Примером тому могут служить предложения, в которых отсутствие запятой (запятых), обособляющей деепричастный оборот искажает авторскую мысль. Наряду с этим, отсутствие запятой в случаях, когда оборот, стоящий перед определяемым словом тесно связан с ним семантически, не требует разграничения и, следовательно, те дополнительные сведения, которые он вносит в смысл предложения, не имеют такого значения, к которому автор хотел бы привлечь внимание читателей.

Список литературы

1. Абакумов С.И. Методика пунктуации. – 4-е изд. – М.: Учпедгиз, 1954. – 119стр
2. Акмоллаев Э. Практикум по крымскотатарскому языку. Синтаксис. – Т.: Ўқитувчи. 1989. – 160 с.
3. Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. – М.: Наука. 1972. – 351с.
4. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа. 1977. – 248с.
5. Грамматика азербайджанского языка /Фонетика. Морфология. Синтаксис. / Под ред. М.Ш. Ширалиева и Э.В. Севортяна. – Баку: ЭЛМ, 1971 – 413с.
6. Ислямов А. Грамматика: Ч.2 Синтаксис. – Симферополь: Крымдевшешр. 1939. – 114с.
7. Истрин В.А. Развитие письма. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 395с.
8. Мусаев К.М. Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР) НАН Респ.Казахстан.Ин-т языкознания: Отв ред.А.Т. Кайдаров.– Алматы: Гылым, 1993. – 243с.
9. Правила русской орфографии и пунктуации: Утв.АН СССР. М.-вом высш. образования СССР, и М.-вом просвещения РСФСР – 2-е изд. стереотип. – М.: Учпедгиз, 1962. – 176с.
10. Современный татарский литературный язык: Синтаксис /АН СССР: Казанский ин-т языка, лит. и истории : Ред. кол.: Х.Р.Курбатов. Л.Т. Махмутова и др. М.: Наука. 1971. – 312с.
11. Валгина Н.С. Уточнение понятия авторской пунктуации//Филологические науки. – 1995.– №1. – С 76-86.

Художественная литература

12. Алиев М. Яхшы адамлар арасында. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъят нешрияты. 1981. – 304 с.
13. Алядин Ш. Сайлама эсерлер. Т.2. Повестълер ве икяелер. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъят нешрияты. 1977. – 312 с
14. Баарь эзги.лери /Сборник/. Ташкент – 1957.– 324с. / Ш.Алядин. Мен сизни унутмадым. – С. 11 – 41.
15. Мурад Р. Сенелер. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъят нешрияты. 1991. – 160 с.
16. Эмин С. Ираде деръясы. Роман. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъят нешрияты. 1971. – 376 с.

Усейнова С.М. Деякі особливості оформлення пунктуації обставин в кримськотатарській мові. В статті розглянуті деякі проблеми оформлення пунктуації обставин в кримськотатарській мові, стисло проаналізована реалізація існуючих на даний момент в мові правил в друкованій літературі.

Ключові слова: пунктуація, відособлення, дієприслівниковий оборот, обставини місця, обставини часу, обставини образу дії, обставини причини, обставини мети.

Useynova S.M. Some features of punctuation registration of circumstances in a Crimean Tatar language.

Research of punctuation registration of circumstances in the printing literature published in tatar language is the purpose of the given article; study of results of the wrong (from our point of view) use of signs of punctuations at the circumstances.

Key words: punctuation, isolation, adverbial participial turn, circumstances of place, circumstances of time, circumstances of appearance of action, circumstances of reason, circumstances of purpose.

Стаття поступила в редакцію 16 марта 2007 г.

УДК 811.512.145'367.626.1/3

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ (на материале крымскотатарского языка)

Чанталова Г.Ш.

В статье проанализированы некоторые особенности склонения личных местоимений **мен, сен, о** и указательных местоимений **бу, шу, о**. Рассмотрены точки зрения известных учёных-филологов по данной проблеме.

Ключевые слова: личное местоимение, указательное местоимение, склонение, суффикс.

Целью нашего исследования является изучение некоторых особенностей склонения местоимений. Местоимение в крымскотатарском языке по своей семантике и формальным признакам, а также выполняемым синтаксическим функциям, бесспорно, относится к числу именных частей речи. Однако в отличие от других именных частей речи местоимение выражает не конкретное предметное значение или понятие признака какого-либо конкретного предмета или действия, а представляет обобщенное значение какой-либо именной части речи, таким образом, являясь как бы общим её заменителем или «заместителем». Семантической и синтаксической особенностью местоимения является то, что оно в речи выступает в качестве смысловой замены слова, относящихся к другим четырём именным частям речи, принимает их формы и выполняет их синтаксические функции: именам существительным, прилагательным, числительным, наречиям [1, с. 149]. Местоимению свойственны и некоторые морфологические черты, отличающие его от других именных частей речи. Они относятся как к словоизменению, так и к словообразованию. Местоимения могут принимать суффиксы падежей, принадлежности, множественного числа сказуемости, то есть фактически дублировать все словоизменяемые формы имен существительных [1, с. 150].

Однако в словоизменении местоимений много специфического. В частности, словоизменяемые формы некоторых разрядов местоимений отличаются от форм словоизменения имени существительного, хотя изменение происходит в пределах одной грамматической категории. Например, при склонении личных и указательных местоимений некоторых кыпчакских тюркских языков склоняемая основа меняет свою форму в ряде падежей: **о+гъа=онгъа, сен+нинъ=сенигъ, мен+ге=мангъа, мен+ни=мени** и т.д. здесь представление о про-

значности тюркской основы теряет почву, и это свидетельствует о сложности формирования некоторых разрядов местоимений [1, с. 151].

Особенностям склонения местоимений в тюркских языках посвящен ряд работ и научных исследований [2; 3; 4; 5]. В частности, в крымскотатарском языкознании изучением этой проблемы занимались такие ученые-тюркологи как А.Н. Самойлович, Э.В. Севортян, А. Меметов [1; 4; 6]. Рассмотрим подробнее особенности склонения личных и указательных местоимений в крымскотатарском языке.

Разряд личных местоимений образует шесть слов, имеющих весьма высокую частотность употребления в речи, превосходящую все другие разряды. Склонение личных местоимений в единственном числе имеет свои особенности, которые отличают их от существительных.

Склонение личных местоимений

Осн.	мен	сен	о
Род.	<i>меним</i>	<i>сенинъ</i>	онынь
Дат.-Напр.	<i>манъа</i>	<i>санъа</i>	<i>онъа</i>
Вин.	<i>мени</i>	<i>сени</i>	оны
Мест.	менде	сенде	<i>онда</i>
Исх.	менден	сенден	<i>ондан</i>

В форме родительного падежа личное местоимение 1-го лица «мен» имеет суффикс *-им*, что можно объяснить, как и в ряде тюркских языков, ассимиляцией конечного *-нъ* под воздействием начального губно-губного *м-* [1, с. 156]. Для крымскотатарского литературного языка характерным является начальный *м-*, однако в диалектах употребляется также форма с начальным *б-*. По этому поводу В.Богородицкий писал: «В вариации *м//б* первичным нужно признать согласный *б*, сменившийся на *м* под регрессивным ассимилирующим влиянием конечного носового; принять первичным *м* нельзя, потому что тогда осталась бы непонятной замена его через неносовой *б* при наличии конечного носового» [2, с. 70].

Личное местоимение 2-го лица «сен» имеет суффикс *-инъ*, вместо *-нинъ*. Таким образом, в формах обоих местоимений происходит выпадение начального *-н-* суффикса родительного падежа, это создает ложное впечатление, что склоняемой основой выступают стяженные основы *ме-* и *се-*, вместо полных *мен*, *сен*. В форме винительного падежа склоняемой основой 1-го и 2-го лица выступают стяженные основы местоимений *ме-* и *се-*, к которым присоединяется суффикс винительного падежа *-ни*. В форме дательно-направительного падежа местоимение 1-го лица «мен» склоняе-

мой основой имеет – *ма*, а не основу *мен*, к которой присоединяется суффикс –*нъа*, вместо суффикса –*гъа*. Для местоимения 2-го лица склоняемой основой выступает *са* -, а не *сен*, к которой, как и к местоимению 1-го лица, присоединяется суффикс – *нъа*, вместо –*гъа*. Личное местоимение 3-го лица «*о*» не меняет свою основу, но также принимает суффикс – *нъа*, вместо «правильного» –*гъа* [2, с. 70]. По этому поводу А.Н. Самойлович писал: «Как видно из таблицы, особенность имеется в форме дательного падежа, нёбный гласный основы – *е* – заменяется ненёбным *а*, конечное – *н* основы, сливаясь с начальным – *г* – окончания, переходит в заднеязычное –*нъ*-. В разговорных крымскотатарских наречиях это –*нъ*- иногда переходит в –*гъ*-: *магъа*, *сагъа*, или вовсе исчезает: *саа*, *маа*» [6, с. 42-43].

Довольно подробно останавливается на анализе склонения личных местоимений В. Котвич, точка зрения которого представляет несомненный интерес. Он пишет следующее: «Группу форм склонения с корнем –*а*- мы связывали в своих исследованиях с формами дательного падежа личных местоимений *манъа* (*таңа*) ,*санъа* (*саңа*), которые выступают в подавляющем большинстве тюркских языков вместо ожидаемых *māñā, *sāñā. А. Габэн полагает, что замена давнего *е*, *ä* на *а* могла совершиться под влиянием согласного *η*, и ссылается в подтверждении этого на суффикс –*duγuη* (*duq- uη*), засвидетельствованный в старотурецких текстах только в варианте с гласным заднего ряда. Разумеется, А. Габэн имеет известные основания для возражений, поскольку такие велярные согласные, как *q* и *γ*, сочетаются лишь с непередними гласными. Наконец, суффикс –*duγuη* не даёт аналогии для решения интересующего нас вопроса, поскольку являет собой пример употребления суффикса в одном варианте (с гласными заднего ряда) для всех основ независимо от гармонии гласных; подобным же образом употребляется в том же турецком языке одновариантный суффикс – *yor*. Зато в случае с *таңа*, *саңа* речь идёт о совершенно необычной мене тематической гласной *ä* на *а*.

Н.К. Дмитриев пытается объяснить эту мену иначе. По его мнению, именно суффикс дательного падежа имел первоначально (в чагатайском языке) форму –*γar*, и восходил к самостоятельному слову и вызвал мену *ä* на *а*:

$$mān + γar > māñar > таңа$$

Суффикс –*γar* дательного падежа местоимений известен даже некоторым современным языкам (кумыкскому и казанскому диалекту татарского языка). Однако еще никто не указал, от какого самостоятельного слова он мог произойти, и действительно ли это слово могло вызвать рассматриваемую мену» [2, с. 145].

Семантическая универсальность местоимения 3-го лица выражается еще в том, что оно одновременно служит как указательное местоимение, каким

образом слово «о» является омоформой, обозначающей два местоимения разных разрядов [1, с. 154]. А.Н. Самойлович так охарактеризовал это местоимение: «Как и в других современных турецких наречиях в крымскотатарских наречиях имеются личные местоимения только 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа. Личного местоимения 3-го лица не имеется: оно заменяется указательным местоимением [6, с. 42].

Особенности склонения местоимения 3-го лица мы наблюдаем в дательно-направительном, местном и исходном падежах. Особенности склонения в дательно-направительном падеже мы рассматривали выше. В форме местного падежа местоимение 3-го лица вместо суффикса – *да* имеет форму –*нда* с «вставным» –*н*-. В форме исходного падежа также вместо суффикса –*дан*, имеет форму –*ндан*, опять же с «вставным» –*н*- [1, с. 156]. Чему же соответствует это –*н*-? На этот вопрос мы попытаемся ответить при рассмотрении особенностей склонения указательных местоимений.

Личные местоимения *биз*, *сиз* во множественном числе имеют особенности склонения лишь в родительном падеже. Вместо ожидаемых *биз-нишъ*, *сиз-нишъ*, мы имеем *биз-им*, *биз-игъ*. В обеих формах происходит выпадение начального –*н*- суффикса, а у местоимения 1-го лица заднеязычный –*нь* переходит в губно-губной –*м*-, под влиянием начального губно-губного –*б*.

Склонение указательных местоимений отличается от склонения существительных и не отличается от склонения личного местоимения 3-го лица «о». Мы попробуем это показать на примере указательных местоимений «бу» и «шу». Указательное местоимение «о» склоняется точно как омоморфное личное местоимение «о».

Склонение указательных местоимений

Осн.	бу	шу	о
Род.	бу-нынъ	шу-нынъ	о-нынъ
Дат.-Напр.	<i>бунъа</i>	<i>шунъа</i>	<i>онъа</i>
Вин.	• буны	шуну	оны
Мест.	• <i>бунда</i>	<i>шунда</i>	<i>онда</i>
Исх.	<i>бунда</i>	<i>шундан</i>	<i>ондан</i>

Анализируя склонение вышеуказанных местоимений, мы видим, что изменения происходят в форме дательно-направительного падежа (вместо ожидаемого –*гъа*, у нас –*нъа*), в форме местного и исходного падежей между местоимениями и падежными суффиксами появляется дополнительный «вставной» –*н*-. По мнению А.Н. Самойловича, «...все указательные местоимения имеют то общее отличие в склонении, что перед всеми падежными

приставками у них появляется звук *-н-*, возникший по аналогии с местоимениями личными 1-го и 2-го лица единственного числа, где в последних звук *-н* является конечным звуком основы. Это появление в указательных местоимениях звука *-н-* по аналогии с личными местоимениями свидетельствует о том, что и те и другие образуют в народном языковом мышлении единую морфологическую группу, выделенную из общеименной» [6, с. 44]. По мнению профессора А. Меметова, дополнительный «вставной» согласный *-н-* является рефлексом конечного *-л* указательных местоимений, утраченного в современном языке [1, с. 159].

Подробное описание местоимения *«бу»* дает Э.В. Севортян в «Словаре тюркских языков». Он пишет: «Как известно местоимение *бу* имеет две основы: *бу*, множественное число *булар* в осн. падеже и **бун – *мун* в остальных падежах. В старейших источниках представлены мн.ч. *булар* и эти две основы, при этом **бун – в* памятниках, **мун – более* распространенная основа в рукописных текстах. В дальнейшем основа *бун* – сохраняется в современных огузских и других языках (в составе падежных форм, мн.ч. *бунлар*, привативной форме *бунсуз*, наречиях *бунда, бундан*, и т.д.), форма же **мун-*, а также мн.ч. *булар* получают распространение в большей части тюркских языков. Правомерно поэтому предположить, что основы **бун – *мун* – являются общетюркской и в одной из этих форм была, по-видимому, представлена в пратюркском. Форма с открытым *-*бон* – известна в современных диалектах, например, в ногайском диалекте крымскотатарского языка, в котором во время крымской языковой экспедиции 1935-1936 гг. были зафиксированы производные основы *бонда* (здесь), *бондай* (так(ой)), и даже чистая основа *бон-* (этот): *бон келе, бон кете* (этот приходит, этот уходит, т.е. один приходит, один уходит) [4, с. 226].

Таким образом, проанализировав личные и указательные местоимения, мы пришли к следующим **выводам**:

1. Личные местоимения *мен, сен* в единственном числе при склонении претерпевают изменения в родительном, винительном, дательном-направительном падежах.

2. Личное местоимение *о* имеет особенности склонения в дательном-направительном, местном и исходном падежах.

3. Личные местоимения во множественном числе имеют изменения лишь в родительном падеже.

4. Указательные местоимения *бу, шу, о* имеют отклонения от норм при склонении в дательном-направительном, местном, исходном падежах.

Список литературы

1. Меметов А., Мусаев К. Крымтатарский язык.- Симферополь: Крымучпедгиз, 2003. – 288 с.
2. Котвич В. Исследования по алтайским языкам. – Москва: Изд. иностранной лит. , 1962. – 371с.
3. Азербайев Э.Г. О связи местоимений в японском и тюркских языках // Советская тюркология. – 1985. – №4. – с. 63–74.
4. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на букву «Б». – Москва: Наука, 1978. – 349 с.
5. Исхаков Ф.Г. Местоимение.- В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». – Москва: 1956.
6. Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики.- Петербург: 1916. – 104с.

Чанталова Г.Ш. Деякі особливості відмінювання займенників

У статті проаналізовані деякі особливості відмінювання особистих займенників *мен, сен, о* і вказівних займенників *бу, шу, о*. Розглянуті точки зору відомих учених-філологів по даній проблемі.

Ключові слова: особистий займенник, вказівний займенник, відмінювання, суфікс.

Chantalova G.Sh. Some features of declension of pronouns

Some features of declension of the personal pronouns *мен (men), сен (sen), о (o)* and demonstrative pronouns *бу (bu), шу (shu), о (o)* are analyzed in the article. The points of view of the known scientists-philologists on this problem are considered.

Key words: personal pronoun, demonstrative pronoun, declension, suffix.

Стаття поступила в редакцію 09 марта 2007 г.

УДК 811.512.145' 81'28.

ГРЕЧЕСКИЕ И ИТАЛЬЯНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В УСКУТСКОМ ГОВОРЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Мурахас М.С.

В данной статье выявлены причины лингвистической обособленности ускутского говора крымскотатарского языка, причины наличия большого количества греческих и итальянских заимствований, приведены сферы их функционирования, а также топонимические особенности с. Ускут.

Ключевые слова: говор, топонимы, греческие заимствования, итальянские заимствования.

Язык современной развитой нации представляет собой сложную систему, в которую входят, с одной стороны, стандартная, обработанная, литературная разновидность данного языка, с другой – его диалекты. Отличаясь друг от друга и от литературного языка рядом характерных черт фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, все диалекты одного языка образуют целостное единство общих, присущих им особенностей, благодаря которым язык в целом может быть противопоставлен другим языкам.

Благодаря языку, в пределах одной языковой стихии – диалекту, говору – люди группируются в более тесные, более интимные общности, еще придиричливее отличая своих от чужих.

Диалекты, наряду с памятниками древней письменности, выступают в качестве важнейшего источника при изучении истории языка.

Народные говоры, как и язык в целом, служат не только важным историческим источником для собственно историко-лингвистических исследований, но и помогают изучению истории народа. Проследивая территориальное распространение тех или иных диалектных явлений можно восстановить картины жизни народа в те отдаленные эпохи, когда еще не было письменных памятников.

Характерная особенность сложного процесса становления крымскотатарского языка состоит в том, что отдельные говоры в силу языковых, а также внеязыковых причин проходили свой исторический путь неравномерно, иногда самостоятельно.

Так, известный ускутский говор южнобережья в рамках крымскотатарской диалектологии стоит особняком в силу некоторых интеро- и экстралингвистических причин.

Под воздействием условий, вызвавших в определенный исторический период обособление говора, в нем были сохранены в течение длительного времени такие языковые явления, которых в литературной форме и в других говорах нет.

В качестве экстралингвистических причин необходимо привести исторические факты, сопутствующие и залегшие в основу становления и обособления ускутского говора.

Цель работы – выявить причины лингвистической обособленности ускутского говора, объяснить причины наличия большого количества слов, имеющих греческую и итальянскую этимологию, произвести диахронический анализ пластов, принявших участие в формировании ускутского этноса.

Греческая колонизация черноморского берега Крыма началась еще в античные времена и связана с бурным ростом греческих полисов.

С середины VIII в. началась интенсивная иммиграция в Крым византийских греков. Айдер Меметов в разделе «Греческие заимствования» пишет: «Византийская империя всеми силами старалась удержать южнобережные крымские города под своим протекторатом. Однако, поглощенная борьбой с арабами, не смогла оказать должного сопротивления тюркским племенам, которые проникли в Крым и заняли не только степную, но и южную часть полуострова».

Венецианцы появились в Крыму уже в конце XI в., а в первые годы после четвертого крестового похода итальянские источники говорят о прочно установившихся связях итальянских княжеств с Солдайей, т. е. с Судакком.

Вслед за Венецией в Крым стала слать своих торговых и политических агентов Генуя, этот старый и непримиримый конкурент Республики святого Марка. Первое документальное известие о генуэзской колонии в Кафе относится к 1282 г., но они, конечно, появились здесь гораздо раньше, избрав этот перспективный порт для создания экономического противовеса Венеции. Жестокая торговая борьба окончилась победой Генуи – и посланцы шаг за шагом вытеснили из Крыма венецианцев [2, с. 119].

В течение длительного времени значительная часть греческого населения, проживавшего в Крыму, была тюркизирована в языковом аспекте. В свою очередь, греки, ассимилированные тюркоязычными предками крымских татар, оставили в крымскотатарском языке заметные следы в виде лексических заимствований [6, с. 167].

В работе А. Гайворонского «Некоронованные короли Ускута» говорится: «Генуэзские колонии принадлежали итальянцам по старому договору с Золотой Ордой (который подтвердило затем и Крымское Ханство). Хотя хан передал эту территорию генуэзцам в бессрочное пользование, это не означало, что он отказался от всякой власти на судакском берегу. Напротив: из ханской

столицы в итальянские владения Крыма назначался специальный представитель (тудун), который защищал интересы проживающих здесь мусульман.

Согласно договору генуэзский наместник (консул) обладал в этих краях всей полнотой власти, но вот с недавних пор в большом и богатом селе Скути стали твориться вещи, до глубины души возмущившие Христофора ди Негро. Помещики из рода ди Гуаско, владевшие селами Скути, Тасили и Карагач, перестали подчиняться консулу Солдаи и стали править своими владениями самостоятельно.

Дон Антонио ди Гуаско принадлежал к весьма знатному и могущественному клану в Италии. У Антонио ди Гуаско было три взрослых сына – Андреоло, Теодоро и Деметрио. После смерти отца они лишь еще более преумножили отцовское богатство. Старший брат Андриоло ди Гуаско превратил родовое поместье, чуть ли не в королевство. Он ввел здесь особые налоги, поставил на дорогах посты для сбора платы с проходящих по его владениям, учредил собственный суд и даже поставил на видном месте символы своей судебной власти: виселицы в Скути и позорные столбы в Тасили (хотя нет сведений о том, чтобы эти виселицы когда-нибудь использовались по назначению).

Разбирая судебные споры подданных, Андреоло ди Гуаско торжественно садился у ворот ускутской церкви св. Анастасии и выносил от своего имени приговоры – например, присуждал виновных к штрафам. Эти штрафы шли на постройку собственной крепости – ведь семейство ди Гуаско обзавелось даже отдельным каменным укреплением, которое было выстроено в д. Тасили, неподалеку от Капси-хора (сохранившаяся башня этой крепости известна под названием Чобан-Куле) [3].

Известно также, что в результате проведенных в 1993 г. археологических исследований Горно-Крымской экспедицией КФ ИА НАН Украины, установлено, что строительство фортификационной крепости так и не было завершено. Помешали этому известные события 1475 г. когда на берег Крыма высадились турецкие янычары.

Консул Христофор ди Негро так и не успел рассказать генуэзским правителям о продажности чиновников Каффы и самоуправстве ди Гуаско. Скорее всего, он погиб во время османского штурма Солдаи. Андреоло ди Гуаско повезло больше: он сумел бежать от султанских войск и перебрался из Крыма в Польшу. Его связи с ханом не прервались.

Когда в 1478 г. Менли I Герей вернулся на крымский престол, он заявил, что не возражает, если прежние владельцы приморских земель вернуться в свои крымские владения, и дал понять, что не будет вмешиваться, если Генуя попытается отвоевать у Турции свои бывшие владения на полуострове.

Однако планы остались лишь планами: Генуя так и не послала военный флот в Черное море, а роду ди Гуаско никогда не суждено было вернуться в Крым [3].

Структурно-семантический анализ греческих заимствований

Кроме греческих заимствований в крымскотатарском литературном языке, широко представленных в разделе «Греческие заимствования» курса «Лексикология» А.М. Меметова, а также в работе А.С. Мазинова «Греческие и итальянские заимствования в крымскотатарском языке», в ускутском говоре обнаружено большое количество заимствований, отсутствующих в литературном языке, а также в других родственных ускутскому говорах южнобережья. Большинство из них имеет греческую и итальянскую этимологию. Вероятно, это ранние заимствования. Некоторые из них, будучи адаптированы фонетической системой ускутского говора, претерпели настолько глубокие изменения, что иногда обнаруживают лишь семантическую нить с первоначальным вариантом. Но часто вполне последовательно прослеживаются отнесенные к недавним языковым контактам.

Например: *фитича* – от греч. *Fito* – «растение» – в ускутском говоре используется в значении «гриб». Учитывая тот факт, что в крымскотатарском литературном используется вариант «мантар», также заимствованный из греческого языка невольно вспоминается утверждение Мазинова о том, что в Крыму византийские греки расселялись компактно, в тесной связи с территориально-языковыми особенностями, т.е. сохраняя диалектическое единство. Поэтому и в языковом койне, оставленном в наследство последующему этносу, отобразились данные языковые нюансы.

В семантическом плане грецизмы ускутского говора также подверглись определенным изменениям, претерпев трансформации, в результате которых их значения стали отличаться от значений языка-источника.

Так в ускутском говоре в значении «ломтик (ломоть) чего-либо» используют *«филич»* (бир филич алма, бир филич хавун). В языке источнике же, т.е. в итальянском, «филиччо» означало «по-дружески». Поделиться чем-либо по-дружески.

Ранние заимствования греческого и итальянского происхождения функционируют в ускутском говоре в следующих тематических группах:

1. Наибольшее их количество обнаружено в лексике растительного мира: *фитича, качуча, лахана, сапаранджа, чангаритля, карамитля, кьанлы кераса, кьуртлу кераса, пурзалие, маскана, гараджеумла, кукан, вачиня, уксия и т.д.*

2. В лексике, обозначающей предметы быта, домашнего обихода, утвари: *сини, саан, суфра, лиген, лискер, суфанджа, мештерне, пачавра, фучу, кулистра.*

3. В строительной лексике: кроме заимствований, присутствующих в крымскотатарском литературном языке, претерпевших определенную фонетическую адаптацию: *кирамет (чирамет), фурун и т.д.*, обнаружены лексемы *«сишифтер»* и *«ангургъа»*, обозначающая строительный материал «кругляк», вероятно восходящая к итальянскому *«ангурия»* – арбуз.

4. В лексике обозначающей продукты питания: *тупитча, фулукупта, макарна, зуми, фулту.*

5. В названиях сортов винограда: *зебеля, какру, барбу, кукурдес, кальчич, суфандэжа, татали.*

6. В названиях сортов яблок: *сынап, кандиль.*

7. В лексике разговорной речи, образуя иногда синонимические параллели. Так, к примеру, оценивая результат выполненной работы, в качестве восклицательного эпитета в крымскотатарском языке используется форма: «Пек яхшы, пек аджайип!». В ускутском же говоре кроме этой формы, сохранилась другая устойчивая – «Пек яхшы, пек *исна!*», часто используемая ускутами в речи в качестве одобрения, восхищения. Обратившись к словарю, мы находим слово «исподио» со значением «вдохновенно». Таким образом, данное выражение соответствует значению «очень хорошо, превосходно, вдохновенно».

8. Лексемы *«кана», «камия» «кешкам»* также выпадают из ряда общекрымскотатарской лексики, используясь соответственно в значениях «некий, какой-либо» (кана лаф ишитмиштир); «когда-нибудь, иногда» (камия гурушсех); «хотя бы, лишь бы» (кешкам унунен бир шей олмайиди). Лексема «кешкам» используется параллельно с вариантом «баре» в форме «берем».

Как говорилось выше, ранние греческие заимствования подверглись значительным фонетическим изменениям и были адаптированы фонетической системой ускутского говора.

Лексема *«чангаритля»* в ускутском используется в значении *«кранива»*.

Долгие поиски слова «чангаритля» в греческо-русском словаре, не увенчались успехом, пока не обратила на себя внимания частица «джа» (и глухой ускутский ее вариант «ча») часто встречающийся в греческом словаре в составе слов. Как оказалось частица «ча» – это неотделимая частица в сложных словах со значением «весьма, очень». В греческом языке после нее ставится дефис: дза – па (сильно дующий, бурный); дза – хотос (весьма сердитый, угрюмый). Таким образом, разложив слово на две составные части, получаем: «ча» и «гаритля» и вставную «н». В словаре имеется корневая – гар – в составе слова γαργαλος (гарагалос) со значением щекотание, раздражение, и γαργαλιςω (гаргалиос) со значением щекотать, раздражать. Налицо значение «весьма раздражающий, очень щекочущий», что соответствует значению ускутского номинатива.

Конечная «ла» встречается в нескольких словах чангаритля, карамитля и даже в оронимах «Кутиля», «Стиля» и т.д. Попытка найти в грамматике греческого языка постфикс, флексию $\lambda\alpha$ (ля) не принесли результатов. Но, вполне возможно, что это греческое $\lambda\alpha\alpha\varsigma$, сокр. $\lambda\alpha\alpha$, в др. $\lambda\alpha\iota$ – эпическо-поэтическое обозначение скалы, камня, т.е. «растущий на камне, скале».

2. Второе заинтересовавшее нас слово – «**карамитля**» со значением «**мята**». В крымскотатарском литературном используется форма «нане». Издавна в Ускуте использовали для заваривания чая, предварительно подсушивая ее.

При структурном анализе слово также распадается на два составляющих «кара» и «митля», вторая часть которого, а именно «митля», восходит к общеизвестному «ментос» – мята. «Кара» же с греческого переводится как «голова». Можем предположить, что это либо одна из разновидностей мяты, самая известная, стоящая первая в ряду; либо данное растение является одним из главных представителей флоры в данном этносе.

3. Ранней весной жители деревни ходили собирать у подножья гор, вдоль речек *сапаранджу*, в горах *чичен* (горный подснежник) и *касучу* – растение, внутренняя мякоть корня которого употреблялась в пищу. Если у подснежника корешок был круглой формы, то касуча имела длинный, черный корень, внутренняя часть которого представляла собой съедобную белую плотную, сладковатую мякоть.

В итальянском словаре есть слово, имеющее фонетическую схожесть с «касуча» – *cassina* (обязательная для ускутского говора вставка гласной между двумя межслоговыми согласными), имеющее значение в итальянском языке: 1) сыроварня, 2) коровник, 3) молочная лавка.

Проведя семантическую параллель с белой, сладковатой мякотью, чем-то напоминающей сыр в некой упаковке, допустимо предположить такого рода метафорическое заимствование из языка – первоисточника, для номинации данной разновидности местной флоры.

4. Растение сапаранджу местные жители также ходили собирать ранней весной вдоль реки и дороги, у подножия гор, находя ее меж колючих кустов ежевики. Лексема «*Sapore*», которая лежит в основе слова «сапаранджа», имеет значения: 1) вкус; 2) характер, колорит, оттенок; а также *spirit/lo* со значением: 1) вкусный, приятный на вкус; 2) остроумный, напряженный, колкий; 3) соленый.

Семантическая связь обнаруживается с первым переводом значения, т.е. со значением «вкусный», «приятный на вкус». Конечная «джа» – это звонкий вариант соответствующего «ча» в словах «касуча», «фитича».

5. Одним из ярких представителей местной флоры являлась трава «пурзалие», которой молодые девушки красили пальцы рук и ног в ярко-рыжий цвет так же, как хной. При структурном анализе слово распадается на два состав-

ляющих пур + залие. В греческом языке существует слово *πῦρος*, *пῦр*- огонь, производным от которого является в русском языке название цвета «пурпурный» и *δζαυθος* желтый, рыжий. В результате отсечения от данного корня не свойственных ускутскому и присоединения используемых окончаний по аналогии с собственными именами, образуется существующая форма «пурдалие», т.е. «трава, окрашивающая в огненно рыжий цвет».

Но наибольшее количество заимствований из греческого и итальянского языков сохранилось в топонимике и гидротопонимике деревни Ускут, а именно в названиях гор, скал, холмов (оронимах), долин, рек, ручьев, родников.

В работе А.В. Суперанской, З.Г. Исаевой «Топонимика Крыма» говорится: «Даже если греки в результате политических или экономических причин снимались со старого места и образовывали колонию на новом, они переносили с собой все свои обычаи. Так у греков не оставалось ни одного неназванного ручья или источника, сколько-нибудь интересной горы, скалы, куста или дерева. При этом в античной традиции каждому ручью или источнику соответствовала своя нимфа» [7, с. 27].

Данное утверждение как нельзя лучше подтверждает богатейшие топонимические названия Ускута.

Классификация топонимов – это в известном смысле классификация языков. Среди огромной массы названий многие топонимы содержат в себе элементы различных языков, и лишь немногие совершенно свободны от влияния соседних языков.

По свидетельству этнографов народ никогда не исчезает полностью. Даже при радикальных сменах народонаселения элементы языка и культуры предыдущих насельников сохраняются в языке и культуре последующих. Особенно это относится к топонимам, которые легче, чем общая лексика заимствуется из одного языка в другой и могут передаваться через посредников к народам, не имевшим контактов с теми, кто создавал определенные географические названия.

Обнаруживаемая в ускутских топонимах конечная *чча*, восходящая к генуэзской *cchia*, говорит об относительно недавнем итальянском периоде в истории селения Скути: Хапузичча, Харафичча, и т.д.

Общая классификация топонимов В.А. Жучкевича, относящаяся ко всем языкам, и подразумевающая чисто лингвистический анализ, применительно к ускутской топонимике, будет выглядеть так:

1. Названия с тюркской этимологией, коренные для данного говора, смысл которых совершенно ясен. Т.е., по Суперанской, семантически прозрачные названия, данные тюркским населением на основе своего языка в связи с характерными признаками [7, с. 68]:

*Ву-ву дагъ Пайлы хора, Къырылмыш дагъ,
Тут дереги, Суруклиме, Янъы Ускут, Доломанын
дереси, Чашлынын харасы, Аювлу, Тешик таи,
Кумурлух, Куманын ери,
Ешиллик, Хара дере, Чамлы сырт, Фундухлух и др.*

2. Названия, происходящие из тюркского языка, но измененные и даже переосмысленные за время длительного использования:

*Ташан, Пашалла, Гъайтантавлач,
Чатырмыш Устунзурла, Харабаи тулух сырт,
Уч таштогъай, Ташлы тогъай, Тырт куль,
Челишин игричи, Юрулду, Уркун, Ашагыч хыяз,
Юхарчи хыяз, Хаязич и т. д.*

3. Названия, унаследованные от другого языка (греческого или итальянского), но преобразованные применительно к фонетическим особенностям и нормам господствующего языка. Т.е., по Суперанской, семантически неясные названия неоронимического характера, вводимые в ряд подобных с помощью географических апеллятивов [7, с. 68].

Примером тюркской адаптации могут служить названия в Ускуте:

*Бияни чокъракъ, Стамайля (стам яйля)
Арпат бурун, Ставру хыр, Мучу дере, Камышилеза
Стайгъач, Каршы смав, Лучарлар, Кралич Хатмер и т. д.*

4. Названия, иноязычные для данной территории, но свято чтимые и передаваемые из поколения в поколение, вместе с рассказами о них, с историями, происходившими с жителями селения – это не только оронимы. Причем чем старше название, тем прочнее его связь с культурой региона, тем больше лингвистических и экстралингвистических ассоциаций оно вызывает:

*Папатимти, Кутиля, Скалича, Мери, Силича, Мандла,
Фросен, Ставру, Ключа, Фарон, Араня, Ай фука,
Фукортла, Чаранда, Калая, Лапата, Чакара и т.д.*

Таким образом, мы можем сделать следующие **выводы**: по количеству грецизмов село Ускут заметно отличается от общего языкового поля. Наибольшее количество лексики, несовпадающей с общеупотребительными заимствованиями в диалектах крымскотатарского языка, существует в речи уроженцев этой деревни.

Ускут – село особенное и достойно внимания специалистов различных областей: и историков, и лингвистов, и этнографов. И тот факт, что ускуты, вернувшиеся из ссылки, не находят покоя без ускутских гор и моря, еще раз подтверждает мысль о том, что прошлое, настоящее и будущее Ускута – тема далеко не одного научного исследования.

Список литературы

1. Базиев А. Т., Исаев М.И. Язык и нация. – Москва: Наука. – 1973 г.
2. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. – Москва: Мысль. – 1992. – 446 с.
3. Гайворонский А. – Некоронованные короли Ускута. – Газета Полуостров. – 16 июня 2004.
4. Жучкевич В.А. Общая топонимика. – Издательство «Высшейшая школа» – Минск. 1968. – 431 с.
5. Мазинов А.С. Греческие и итальянские заимствования в крымскотатарском языке. – Симферополь – 2003.
6. Меметов А.М. Лексикология крымскотатарского языка. – Симферополь: Крымучпедгиз – 2000. – 288 с.
7. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф. Топонимия Крыма. – Ч. I – Введение в топонимию Крыма. – Москва – 1995. – 215 с.

***Мурahas М.С.* Грецькі і італійські запозичення в ускутському говорі кримськотатарської мови**

У даній статті виявлені причини лінгвістичної відокремленості ускутського говору кримськотатарської мови. причини наявності великої кількості грецьких та італійських запозичень. Приведені сфери їх функціонування, а також топонімічні особливості с. Ускут.

Ключові слова: говір, топоніми, грецькі запозичення, італійські запозичення.

***Murahas M.S.* Greek and Italian adoptions in the Uskut dialect of Crimean Tatar language**

In the article the causes of linguistic peculiarities of the Uskut dialect of Crimean Tatar language are analyzed . Also there are reasons of the presence of a large amount of adoptions from Greek and Italian. The spheres of their functioning and toponymic features of the village Usküt are enumerated.

Key words: dialect, toponyms, Greek adoptions, Italian adoptions.

Стаття поступила в редакцію 09 марта 2007 г.

УДК 811.512.1452 33

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В СО- ВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекирова Л.И.

В статье исследуются теоретические вопросы, касающиеся прошедшего времени глагола изъявительного наклонения современного крымскотатарского языка. В ходе исследования установлено, что категория прошедшего времени изъявительного наклонения в крымскотатарском языке представляет собой сложную и многообразную по грамматической структуре и семантике систему.

Установлено, что формы прошедшего времени образуют две группы, объединенные формой и общей семой – обозначение прошедшего времени: две синтетические и девятнадцать аналитических форм. Таким образом, в современном крымскотатарском языке насчитывается 21 форма прошедшего времени. Все они с разной степенью употребительности функционируют в современном языке.

Ключевые слова: морфология, глагол, семантика, прошедшее время глагола, крымскотатарский язык.

Еще Аристотель выделял время как характерную особенность глагола в отличие от имени. Глагольное время обычно определяется лингвистами как «грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении. Эта локализация является дейктической, т.е. соотносенной прямо или косвенно с реальным или воображаемым *hic et nunc* ‘здесь и теперь’. Она заключается в указании посредством противопоставленных друг другу временных форм (глагольных времен) на одновременность, предшествование или следование события моменту речи или в случае так называемой относительной временной ориентации – какой-то другой точке отсчета» [10, с. 297-337]. Таким образом, **целью** нашего исследования является изучение прошедшего времени глагола изъявительного наклонения в современном крымскотатарском языке.

Как и в некоторых языках мира, формы времени в крымскотатарском языке могут указывать и на временную дистанцию: близость или отдаленность события. При этом локализация, даваемая категорией времени, может сочетаться с более детальным указанием времени при помощи лексических и синтак-

сических средств: обстоятельственных конструкций, придаточных предложений и оборотов, соответствующих наречий, послелогов, союзов и т.д.

В крымскотатарском языке, как и в других тюркских языках, грамматическая категория наклонения, как известно, выражает отношение действия глагола к действительности. Категория наклонения в нем, как правило, выражается специальными грамматическими формами, однако, бывают исключения. Подобным «исключением» является выделение изъявительного наклонения, которое само по себе не имеет специальной формы выражения, в отличие, например, от условного, повелительного наклонения и т.д. Таким образом, в противопоставлении различных категорий наклонения важное значение имеет индивидуализированный семантический признак.

Изъявительное наклонение глагола обычно выражает действие, которое для коммуникантов представляется как реальное, происходящее в действительности, в прошлом, настоящем и будущем в отношении к моменту речи. Формальным отличием изъявительного наклонения при противопоставлении его другим – «косвенным» наклонениям, является отсутствие у него специального грамматического показателя, который бы являлся общим для всех форм времен. С этим связано и рассмотрение некоторыми учеными его как «нулевого» наклонения, которое семантически служит для простой констатации положительного, отрицательного действий в прошлом, настоящем и будущем.

В этом наклонении действие, как правило, лишено эмоционально–волевого отношения субъекта к действию, основное значение наклонения проявляется в нейтральном контексте. Основным содержанием изъявительного наклонения принято считать выражение действия, не осложненного никакими модальными и аспектуальными оттенками. «Однако для тюркских языков это положение можно считать лишь условным, поскольку в них значение временных форм индикатива, как правило, бывает осложнено теми или иными модальными и аспектуальными оттенками. Кроме того, формы данного наклонения нередко сопровождаются модальными словами и послелогами, выражающими различные оттенки, или весь контекст подсказывает ирреальность заключенного во временных формах действия» [23, с. 10].

Изъявительное наклонение отличается от всех других форм наклонений многообразием форм времен и богатством их семантики.

При этом каждому из показателей времени изъявительного наклонения присущи индивидуальная форма и индивидуальная семантика, противопоставленные другим формам. К специальным морфологическим средствам форм времен относятся аффиксы времени, лица, числа, а также типы глагольных основ, к которым присоединяются упомянутые аффиксы.

В отношении форм времен изъявительного наклонения уместно привести высказывание выдающегося лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта: «Пути, отходящие в сторону от единственного, предписанного полностью закономерной необходимостью, могут быть бесконечно разнообразными. Поэтому языки, идущие этими путями, не могут быть подвержены исчерпывающей классификации в лучшем случае их можно сопоставлять по сходствам в главнейших особенностях их строения (данное высказывание применимо и в отношении к тюркским языкам, в семье которых крымскотатарский язык занимает свое место как один из типичных языков – Б.Л.). Это соображение даже при сравнении самых разнообразных языков позволяет найти общий масштаб их отношений к духовному развитию» [6, с. 232]. Сопоставление уровня развития грамматического строя современного крымскотатарского языка с другими языками показывает высокое духовное развитие его носителей.

Глагольные временные формы обычно определяются как «структурные морфологические единицы, в значениях которых отражены и закреплены временные отношения, в которые вступают процессы (действия)» [5, с. 66].

Наблюдается взаимосвязь разных форм времен изъявительного наклонения. Например, для выражения прошедшего действия в контекстах при определенных ситуациях могут употребляться и формы других времен.

Формы глагольных времен формировались в течение долгой истории функционирования тюркских языков. «Формы глагольных времен в тюркских языках уже с древнейших памятников предстают разветвленной системой, различающей три неотносительных, или абсолютных, времен – настоящее, прошедшее и будущее и ряд относительных» [18, с. 368].

В современном крымскотатарском языке, как и в других языках мира, глагольные времена, при их прямом употреблении, определяют событие непосредственно по отношению к моменту речи как: одновременное – настоящее время, предшествующее – прошедшее время или последующее – будущее время. При относительном употреблении, например, в придаточных предложениях и оборотах, зависящих от семантики глаголов, мысли, чувства и речи событие обычно ориентировано по отношению ко времени действия главного предложения: *Сен менден оны туттып алмакъ ичюн къыздырылгъан демирнен джезаласанъ да, мен оны санъа бермез эдим.* ‘Даже если бы ты наказал меня раскаленным железом, чтобы отобрать её у меня, всё равно я тебе её не отдал бы’.

В крымскотатарском языке существуют также специальные «относительные» времена, в частности, – среди форм прошедшего времени, дающие сложную, ступенчатую ориентацию, т.е. ориентирующие событие по отношению к какой-либо точке отсчета, локализуемой, в свою очередь, относительно момента речи. Таковы, например, формы на *-гъан эди* – «время предшества».

форма на *-ды*, – «перфект», занимающая в системе относительных времен особое место; «времена следования», например, будущее в прошедшем и времена, совмещающие следование и предшествование. Можно также выделить «времена одновременности», например, как «прошедшее одновременности» («настоящее в прошедшем») с глаголами состояния *ол* (*будь*), *тур* (*встань*), *юр* (*иди*) и т.д. Кстати, следует отметить, что термины «перфект», «имперфект» и некоторые другие, идущие от индоевропейистики и механически используемые в отношении форм времен тюркских языков, к тюркским языкам не всегда применимы, поскольку, в тюркских языках отсутствует категория вида, свойственная индоевропейским языкам.

Особый случай в строе глагола крымскотатарского языка представляет переносное, метафорическое употребление времен – возникающие синтагматические семы, когда говорящий мысленно переносится в другой временной план, он как бы заново «проигрывает» прошлые события, по семантике некоторые формы соответствуют так называемому «историческому настоящему», например, в предложении: *О заман Эльвина шеэрге кельген эди...* ‘Тогда (в то время) Эльвина приезжала в город’; или предвосхищая будущее событие в эмоциональной речи в предложении, где глагол выражен формой прошедшего времени: *Кеттик! Оьдим!* ‘Пошли! Умру!’ – в форме прошедшего времени выражены будущие действия.

В непредикативных формах глагола (вербоидах) выступает, как правило, относительная ориентация – на время существования ситуации, описываемой сказуемым соответствующего предложения. Например, деепричастные формы и формы на *-гьанда*, которые указывают на одновременность сопутствующего действия главному *Исмаил кельгенде, мен эвде эдим*. ‘Когда пришел Исмаил, я был дома’; либо на его предшествование. *Сагьлыкьлашып, о, эвге кеткен эди*. ‘Попрощавшись, он пошел домой’ и на наличие состояния результата. *Кьамбырайып отурды*. ‘Сидел сгорбившись’. «Значения одновременности, предшествования и следования действий и др. временные отношения между действиями, выражаемые глагольными формами, некоторыми языковедами выделяются в особую языковую категорию – таксис» [12, с. 89].

Средства выражения категории времени в крымскотатарском языке, как и в других языках мира, имеют большое разнообразие. Иногда в крымскотатарском языке используются на равных правах синтетические и аналитические формы, хотя по некоторым семам они различаются. Например, формы *окьугьаным – окьугьан эдим* (читал), относящиеся к формам одного грамматического времени, семантически различны.

В крымскотатарском языке категория времени не имеет зависимой связи с категорией вида, поскольку последней в таком представлении, как в индо-

европейских языках нет. Способы протекания действия, широко распространенные в крымскотатарском языке, которых некоторые тюркологи относят к категории вида, не ограничены с определенными формами времени: *шилел башила-ды* 'он начал работать', *башила-дэжакъ* 'он начнет работать' и т.д.

Категория времени и в крымскотатарском языке тесно связана с категорией наклонения, что иногда может вызывать затруднения в ее выделении. Несомненно и то, что в крымскотатарском языке главным наклонением, в котором широко развита система времен, является изъявительное наклонение. А в других – «косвенных» наклонениях противопоставление времен отсутствует или сведено к минимуму.

Крымскотатарский язык относится к типу языков, в которых имеется в наличии несколько отдельных времен в рамках прошедшего, а иногда также в рамках настоящего и будущего. Это обусловлено не только наличием относительных времен, но и существованием между соответствующими формами смысловых различий, относящихся к области аспектуальных в тюркологическом понимании значений. Яркая модальная окрашенность ряда форм времен, и особенно будущего в прошедшем, побуждает некоторых ученых исключать эти формы из категории времени и относить их к категории наклонения. В крымскотатарском языке имеются немало модально окрашенных времен, которые занимают свое определенное место в его грамматическом строе.

Привлечение сравнительных данных по неиндоевропейским языкам мира показывает, что в крымскотатарском, как и в других тюркских языках, время и наклонение выступают в нерасчлененном единстве.

В индоевропейских языках «перфект» выражает значение законченного действия, предшествующего «точке отсчета», а «имперфект» – значение незаконченного действия, одновременного точке отсчета. Часто употребляемые в тюркологии латинские термины, вполне применимые к индоевропейским языкам, не всегда подходят к тюркским языкам, в которых нет четко выраженной категории вида, свойственной индоевропейским языкам: в индоевропейских языках *perfectum* – совершенный, *imperfectum* – несовершенный вид.

Прошедшее время изъявительного наклонения среди других времен обладает самым большим количеством форм для выражения и богатой семантической палитрой.

Прошедшее время (в лингвистике для его обозначения часто используется латинский термин «претерит» – *Praeteritum*) обычно определяется как «форма финитного глагола, указывающая, что ситуация, о которой говорится в предложении, предшествует моменту речи или другому моменту, мысленно приравняемому к моменту речи» [12, с. 403]. «Другой момент» может быть отнесен к прошлому или к будущему от момента речи.

«В языках, имеющих наряду с абсолютными временами также и относительные, система граммем организуется таким образом, что в каждой из сфер абсолютного времени подсистема относительных времен как бы дублирует всю систему в целом. Например, в сфере прошедшего помимо прошедшего абсолютного (претерита) могут быть представлены следующие прошедшие относительные: настоящее в прошедшем (имперфект), прошедшее в прошедшем, или предпрошедшее (плюсквамперфект), и будущее в прошедшем» [18, с.368].

Семантические взаимоотношения в формах прошедшего времени носят сложный характер.

В сфере прошедшего времени «будущее в прошедшем, а также настоящее в прошедшем строятся как аналитические (лишь впоследствии – как сложные синтетические) формы на основе сочетания настоящего общего с прошедшим общим. Преднастоящее в прошедшем (предпрошедшее), как и остальные прошедшие относительные, везде имеет составной характер, соединяя перфект с прошедшим общим. Следовательно, лишь прошедшее общее оказывается исконным в данной подсистеме, а все прошедшие относительные времена предстают вторичными образованиями на базе прошедшего общего как результат переноса в сферу прошедшего подсистемы настоящих времен.

Для крымскотатарского языка также свойственно наличие подчиненных подразделений времени, обозначающие «моментов, предшествующих другому моменту или следующих за другим моментом (в прошедшем или будущем), который может быть либо упомянут, либо подразумеваться в соответствующем предложении» [10, с. 306]. В крымскотатарском языке это – аналитические формы, что свидетельствует о более позднем происхождении подчиненных подразделений – в кыпчакский период. Например: до-прошедшее время *-гъан эди*, потребность в его обозначении встречается настолько часто, что крымскотатарский язык выработал для этого специальную форму – эту форму перфекта прошедшего времени. Послепрошедшее время – *-аджакъ эди*, обычно это значение выражается глаголом со значением предначертания или долженствования. До-будущее прошедшее время на *-а эди*.

Временные формы в крымскотатарском языке иногда могут употребляться в невременном значении. «То, что обычно является грамматическим показателем временных отношений, может иногда употребляться для выражения других понятий. Так, например, будущее время часто употребляется для выражения предположения или догадки, относящейся к настоящему времени. Самым важным случаем невременного употребления форм прошедшего времени (претерита) является выражение нереальности или невозможности (в крымскотатарском это выражается аспектом отрицательным или невозможности). Такое употребление мы находим в предложениях, выражающих

желание, и в условных предложениях. Если мы хотим установить логическую связь между этим употреблением и нормальным временным употреблением претерита, мы можем сказать: связующее звено здесь заключается в том, что во всех этих случаях что-то отрицается в отношении настоящего времени» [10, с. 310]: *О заман онынъ парасы чокъ эди* 'в то время у него было много денег', *Онынъ парасы чокъ олса эди* 'если бы у него было много денег' и т.д. Эти предложения по значению противопоставлены обычному предложению *Онынъ парасы чокъ* 'у него много денег'.

Формы и значения прошедшего времени в крымскотатарском языке отличаются от других времен глагола многообразием функционирующих форм. События прошедшего времени имеют большое количество грамматических форм выражения. При свободной выборке примеров из литературы самое большое количество выпадает именно на прошедшее время. Это объясняется множеством и разнообразием по параметрам событий в прошлом по сравнению с настоящим и неизвестным будущим, множеством и разнообразием прошлого опыта, объективным многообразием действия и многообразием субъективной оценки этих действий говорящим.

В современном крымскотатарском языке по способу образования выделяются две группы форм прошедшего времени:

- 1) синтетические формы,
- 2) аналитические формы.

Группа прошедших синтетических времен включает две формы:

1. – *ды*;
2. – *гъан*.

Эти формы, образуемые посредством аффиксов, принято называть простыми формами.

В современном крымскотатарском языке широко развились аналитические формы глагола прошедшего времени. По своим выразительным возможностям они равноценны с остальными формами прошедшего времени и занимают в грамматической системе крымскотатарского языка важное место и имеют собственное содержание. Поэтому к аналитическим формам нельзя предъявлять «особые требования, отличные от тех, которым удовлетворяют обычные, так называемые простые формы» [20, с. 24].

Аналитические формы прошедшего времени образуются при помощи вспомогательных глаголов. В качестве аналитического элемента выступают две формы древнего тюркского глагола *эр-*, имеющего первоначальное значение 'быть', который, приняв две формы, в современных тюркских языках превратился во вспомогательные «недостаточные» (так называются они потому, что в отличие от полноценных глаголов не имеют полную парадигму измене-

ния по формам наклонений и времен) глаголы: *эди, экен*. При этом «вспомогательный глагол выполняет свою служебную функцию лишь в сочетании с определенным формативом предыдущего глагола, поэтому то значение, которое возникает в данном сочетании, неверно приписывать одному вспомогательному глаголу» [20, с. 19].

Аналитические конструкции *глагол+эди* и *глагол+экен*, а также *имя+эди* и *имя+экен*, возникшие в пракыпчакскую эпоху, исторически представляющие собой полноценные синтаксические сочетания с определенными значениями, в современном крымскотатарском языке грамматикализовались и стали показателями форм прошедшего времени.

Группа аналитических прошедших времен – сложные формы включает девятнадцать форм. Они образуют две подгруппы:

а) образуемые посредством служебного глагола *эди*: *-гъан эди, -а эди, -р эди, -джакъ эди, -макъта эди; имена и предикативы+эди*:

б) образуемые посредством служебного глагола *экен*: *-гъан экен, -а экен, -ар экен, -аджакъ экен; имена и предикативы+экен*. По сравнению с первой группой здесь отсутствует сочетание вспомогательного глагола *экен* с формой на *-макъта*: *макъта экен*. Возможно, это объясняется относительной новизной самой формы на *-макъта* в крымскотатарском языке.

В двух аналитических формах прошедшего времени одним из формообразующих элементов выступает аффикс *-гъан*. Помимо него в образовании форм аналитических времен для выражения значения прошедшего времени как главный структурный элемент участвуют глагольные формы, известные как формы настоящего и будущего времени: *-а, -макъта; -р, -джакъ*, а также имена существительные в основном и местном падежах, предикативы и имена прилагательные.

С развитием и разветвлением форм прошедшего времени в крымскотатарском языке стали более четко обозначаться формы, вступающие в оппозиции: завершенность/перфектность-незавершенность/имперфектность. Так, формы на *-ды, -гъан эди* наиболее четко выражают завершенность/перфектность действия, тогда как формы на *-гъан, -ар эди* выражают незавершенность/ имперфектность.

Помимо выражения общего значения прошедшего к моменту речи действия, каждая из форм прошедшего времени имеет свои специфические семантические оттенки.

Глаголы в прошедшем времени функционируют в формах аспектов: положительный, отрицательный, возможности, невозможности и вопросительный, которые имеют свои грамматические показатели. Следует отметить, что все синтетические формы прошедшего времени могут изменяться

по формам всех аспектов, и не все аналитические формы имеют аспекты возможности и невозможности.

А.Н. Самойлович выделял в крымскотатарском языке два негативных аспекта, которые имеют соответствующие формы:

1) отрицание действия или состояния, которое выражается аффиксом – *ма/ме*, эту форму принято называть формой отрицательного аспекта;

2) невозможность действия или состояния, которая выражается сочетанием глагола в форма на *-а* с глаголом *-ал* в отрицательной форме – *алма-* [18, с. 58], эту форму принято называть формой отрицательного аспекта.

В крымскотатарском языке развилась группа прошедших длительных аналитических времен в которую входят формы на *-макъта эди, -а эди, -р эди*.

В результате исследования мы пришли к следующим **выводам**: за формами прошедшего времени закреплена также оценка событий и действий прошлого, например: добудущее, послебудущее событие, продолжительность, отдаленность, контактность, дистантность действия в отношении к моменту речи.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – М.-Л., 1964. – С.15-23.
2. Баскаков Н.А. Тюркские языки. – М., 1960. – 27 с.
3. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969. – С.48-52.
4. Вопросы грамматики тюркских языков. – Алма – Ата . 1969. – 24 с.
5. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения. Глагол. – Л., 1990. – 66 с.
6. Гумбольдт В. Ф. Избранные труды. – М., 1984. – 232 с.
7. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962. – С. 91 – 97.
8. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л., 1948. – 157 с.
9. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.-Л., Изд-во АН СССР. 1940. – 62 с.
10. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с английского. – М., 1958. – С.297-337.
11. Кононов А.Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. //Тюркологический сборник. – Т I. – М., 1951. – 24 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь – М., 1990. – 89 с.
13. Меметов А. М. Лексикология современного крымскотатарского языка. – Симферополь. 2000. – 314 с.
14. Меметов А., К.Мусаев. Крымтатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология. Учебное пособие. – Симферополь, 2003. – 288 с.
15. Мусаев К.М., Меметов А. Крымскотатарский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Т. 2. – М., 2001. – С. 162 – 171.
16. Мусаев К.М. О глагольно-именных конструкциях в современном казахском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. – М., 1956. –29 с.
17. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука. 1964. – 281 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988. – 368 с.
19. Тумашева Д. Г. Татарский глагол. (Опыт функционально- семантического исследования грамматических категорий) – Казань, 1986. – 34 с.
20. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965. – 210 с.

21. Юлдашев А.А. К проблеме аналитизма в тюркских языках// Вопросы языкознания. – 1965. – №1. – С. 5–7.
22. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология. Ч.1. – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1959. – 248 с.
23. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань, 1986. – 28 с.
24. Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. – Казань, 1985. – С. 24-35.
25. Deny J. Gramaire de la langue Turk. – Paris. 1921. – 23 p.
26. Jankovski H. Gramatyka języka krymskotatarskiego. Poznan, 1992. – P.23-25.
27. Jespersen O. Grown and structure of the English Language. 4 ed., revised. Leipzig, Teubner, 1923. 1V, – 259 p.

Бекірова Л.І. Теоретичні питання дослідження минулого часу дієслова дійсного способу в сучасній кримськотатарській мові

У статті досліджуються теоретичні питання, що стосуються минулого часу дієслова дійсного способу сучасної кримськотатарської мови. У ході дослідження встановлено, що категорія минулого часу дійсного способу в кримськотатарській мові являє собою складну і різноманітну за граматичною структурою і семантикою систему.

Установлено, що форми минулого часу утворюють дві групи, об'єднані формою і загальною схемою – позначенням минулого часу: дві синтетичні і дев'ятнадцять аналітичних форм. Таким чином, у сучасній кримськотатарській мові нараховується 21 форма минулого часу. Усі вони з різним ступенем уживаності функціонують у сучасній мові.

Ключові слова: морфологія, дієслово, семантика, минулий час, кримськотатарська мова.

Bekirova L.I. Theoretical questions of research of the Indicative Mood of the Past Tense verbs in a modern Crimean Tatars language

For the first time in the article the theoretical questions concerning the Indicative Mood of the Past Tense verbs in the modern Crimean Tatar language are explored. During research is established, that the category of the Indicative Mood of the Past Tense verbs in Crimean Tatar language represents composite and diverse system on grammar structure and semantics .

It is established, that the forms of the Past Tense make two groups, integrated by form and common sem – notation of the Past Tense: two synthetic and nineteen analytic forms. Thus, in modern Crimean Tatar language 21 forms of the past tense are included. All of them with a miscellaneous degree of common use operate in a modern language.

Key words: morphology, verb, semantics, the past tense, Crimean Tatar language.

Стаття постуила в редакцію 12 марта 2007 г.

УДК 811.512.145

МЕТАТЕЗА И ВАРИАТИВНОСТЬ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО КОРНЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аджимуратова З.Н.

Дослідження здійснено за підтримки ДФФД України

Вариативность – наличие у двух или нескольких сходных форм одного значения, метатеза – перестановка компонентов звукового комплекса. Любая языковая единица, несмотря на то, что она в процессе своего образования и функционирования в той или иной степени подвергается унифицированию и в дальнейшем может проявлять определенную неустойчивость, как формы, так и содержания. Изменения вариативного характера могут происходить на всех уровнях языка. На наш взгляд, возможность параллельного функционирования первоначально однозначных, фонетически равноставных корней с характерной перестановкой анлаутных и ауслатных согласных обусловлена объективными закономерностями рецепторного поведения человека. Развитие корней с взаимоперемещенными согласными приводит их к значительному удалению друг от друга и образованию двух разных слов.

Ключевые слова: вариативность, изменения, метатеза, форма, содержание, перестановка согласных.

Как известно, любая языковая единица в процессе своего образования и функционирования подвергается унифицированию и в дальнейшем может проявлять определенную неустойчивость, как формы, так и содержания.

На консервативность, прозрачность тюркского корня указывали В.В. Радлов, И.А. Бодуэн де Куртене, Н.С. Трубецкой, Н.А. Баскаков и др., на его фонетико-фонологическую вариативность, изменчивость — А. Зайончковский, АН. Кононов, Э.В. Севортян, А.Т. Кайдаров и др. Так, Н.С. Трубецкой пишет: «...часто агглютинирующие языки алтайского типа с небольшим инвентарем экономно использованных фонем с неизменяющимися корнями и с отчетливо присоединяемыми друг к другу всегда вполне однозначными аффиксами и окончаниями, представляют собой технически более совершенное орудие, чем флектирующие языки...» [10, с. 77].

Сущность противоположной точки зрения достаточно полно выражена А.Т. Кайдаровым: «Вариативность, свойственную тюркскому корню, нельзя рассматривать как результат случайных изменений. Наоборот, варьирование как исторический процесс реализуется по строгим законам общей и частной фонетики тюркских языков в определенной хронологи-

ческой последовательности, в рамках фономорфологических закономерностей конкретных языков» [4, с. 32].

Целью нашего исследования является изучение метатезы и вариативности звукоизобразительного корня в крымскотатарском языке. В связи с недостаточной изученностью указанной проблемы, тема представляется **актуальной**.

Рассмотрим случаи метатезной вариативности звукоизобразительных корней в крымскотатарском и других тюркских языках.

Среди фактов варьирования структуры односложных корней в тюркских языках отмечаются случаи внутриязыкового и межъязыкового соответствия и чередования гласных и согласных звуков, образования односложных и двусложных вариантов гомогенных единиц, протезы, метатезы и долготы как факторов образования внутриязыковых вариантов односложных корней и основ. Исследуемый тип вариативности, представляющий собой взаимное перемещение анлаутного и ауслаутного согласных в корнях, встречается в целом ряде современных тюркских языков в виде соответствующих пар с одинаковыми или сходными значениями, например: як. *батыгыраа*- ‘производить учащенный топот’ — *табыгыраа*- ‘производить учащенный легкий стук’; *бичыгыраа*- ‘производить резкие трескучие звуки, громко трещать’ — *чабыгыраа*- ‘учащенно издавать резкие трескучие звуки’ (перен. ‘самоуверенно разглагольствовать’); и.т.д. [11, с. 265-283]. В крымскотатарском языке имеются такие примеры: *гуд-юръдемек* – греметь, *дюк-юльдемек* – стучать; *пат-ламакъ* – взорваться, лопнуть, *тап-тамакъ* – топтать; *пыс-ылдамакъ* – шипеть, шептать, *сип-ирмек* – мести; *патыр-дамакъ* – трещать, стучать, *тапыр-дамакъ* – топтать; *зыз-ылдамакъ* – *зув-улдамакъ* – жужжать; *къачыр-къучыр* – *чакъ-чакъ* – трещать; *фыш-ылдамакъ* – *шув-улдамакъ* – шуметь (о воде), бурлить и. т.д.

Перестановка согласных характерна и для древнетюркского, что подтверждают пары корневых морфем из словаря Махмуда Кашгарского: *pat* подр. звуку падения тяжелого предмета (МК I, 320) — *tap-tap ur*- ‘шлепать’ (МК III, 145); *qis*- ‘сжимать, сдавливать, стискивать’ (МК II, 11) — *siq*- ‘давить, жать, выжимать’ (МК II, 18) и др. В древнетурецком, по Дени, в значении ‘как, словно, подобно’ параллельно употреблялись две формы: *гиби* и *биги* [12].

Как видно из примеров, односложные корни и основы, составляющие сравниваемые пары, в подавляющем большинстве представляют собой звукоизобразительные формы с семантикой различного рода звучаний и движений. В крымскотатарском языке такие пары согласных могут подвергаться взаимной перестановке: *ç – д, д – к; п – с, с – п; п – т, т – п; в – з, з – в; къ – ч, ч – къ; ф – ш, ш – в; п – ш, ш – п*. Согласные, подвергшиеся взаимной перестановке, в других тюркских языках образуют следующие пары: *ç – к, к – ç; ç – п, п – т;*

к – ч, ч – к; к – ш, ш – к; т – к, щ – т; т – с, с – г; п – ш, ш – п; с – п, п – с. Эти согласные, отличающиеся друг от друга по месту образования, при перемещении либо подвергаются озвончению, либо сохраняют исходную форму. В семантическом плане наблюдается определенная градация степени возможного тождества, при которой значения одних корней и основ совершенно идентичны, других — близки друг к другу, третьих — сходны, четвертых — несколько отдалены, пятых — логически сопоставимы, т. е. происходит определенная филиация значений, способная привести к значительным семантическим сдвигам.

В русском и французском языках случаи метатезной вариативности корня чаще всего наблюдаются в диалектах: рус. диал. *ведмедь* < *медведь*; *долонь* < *ладонь*; франц. диал. *seche* < *chess* [1, с. 231]; диал. уральских казаков *бирёжа/бирёжна* < *жерёбая*; *кутаметь* < *текеметь* (от тюрк. *текемет* ‘орнаментированный войлочный ковер’); *жыздитць* < *зиздется*; *чикмиш* < *кишмиш*; *чикирёжка* < *кочерыжки*; *равловый* < *лавровый*; *гамазин* < *магазин*; *видьмиженок* < *медвеженок*; *намастьрь* < *монастьрь*; *рыля* < *лира* и т. д. [6, с. 84-103]; в детской речи *хассир* < *сахар*; *ливка* < *вилка*; *редевя* < *деревя*; *тяка* < *катя* [8, с. 30; 5, с. 429].

Из приведённых примеров можно заключить, что исследуемое явление имеет ряд характеристик, присущих одновременно вариативности (наличие у двух или нескольких сходных форм одного значения), метатезе (перестановка компонентов звукового комплекса) и анастрофе (обратная перестановка звуков).

Следствием указанной вариативности является образование новых корневых морфем на базе уже существующих.

Метатеза (количественная, смежная, несмежная и т. д.) в лингвистической литературе объясняется как уподобление нестандартной, непривычной последовательности звуков слова в структуре. Само же уподобление происходит на ассимилятивной и диссимилятивной основе, мотивированной артикуляторными навыками носителей конкретных языков [7, с. 293-297].

Опираясь на положение И.П. Павлова о второй сигнальной системе, по которому слово является раздражителем, а «в связанной системе клеток процесс раздражения движется туда и обратно, т. е. в двух направлениях», В.А Головин считает, что «метатеза, т. е. обратная коренная связь букв, слов, мыслей, и есть следствие, своеобразное отражение обратного движения раздражения словом в двух направлениях в коре головного мозга». В трехфонемных односложных корнях, по утверждению автора, перемещение согласных обусловлено ассоциацией: а) по сходству (*долонь* — *ладонь*, *мутно* — *туманно*, *ложбина* — *желоб*); б) по смежности (*весна* — *сев*, *нежный* — *железкий*); в) по противоположности (*путь* — *тупик*; *бары* — *рабы*) [3, с. 3].

Как видим, учёные по-разному объясняют возникновение метатезной вариативности согласных в корне. Одни причину данного явления видят в действии фонетических закономерностей, другие — в специфике артикуляторных навыков, третьи — в способности корня отражать психофизиологические процессы, происходящие в мозгу человека. Учитывая, что в приведенных примерах перемещению подвергаются многие согласные с самыми различными дифференциальными признаками, и, принимая во внимание относительность понятия об удобстве/неудобстве произнесения тех или иных сочетаний согласных, очевидно, более приемлемым объяснением природы данного явления необходимо признать гипотезу, основанную на закономерностях психики восприятия звука / звукокомплекса и охватывающую исследуемое явление в целом.

На наш взгляд, возможность параллельного функционирования первоначально однозначных, фонетически равносоставных корней с характерной перестановкой анлаутных и ауслаутных согласных обусловлена объективными закономерностями рецепторного поведения человека. Дальнейшее параллельное функционирование равнозначных корней с разной последовательностью звуков в одном языке противоречит статусу разнооформленных единиц, вследствие чего один из корней каждой пары подвергается определенным семантическим изменениям. Развитие корней с взаимоперемещенными согласными приводит их к значительному удалению друг от друга и образованию двух разных слов.

Так как наблюдаемое явление встречается не только в тюркских, но и в семитских и индоевропейских языках, по-видимому, можно утверждать, что оно имеет не случайный, а вполне закономерный, обусловленный характер.

Вывод. Возможно, что и в тюркских языках в период господства односложных корней [2, с. 18] метатезная вариативность выполняла корнеобразующую функцию, которая в последующем в отношении звукоизобразительно-нейтральной лексики в основном перешла к чередованию и другим фонетическим способам, при этом в сравнительно большей степени сохранилась в корневых морфемах звукоизобразительных слов.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М. — 1969. — 606 с.
2. Бертагаев Т. А. Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках // Понятие агглютинации и агглютинативного типа языков: (Тезисы докладов). — Л. — 1961. — 152 с.
3. Головин В. А. Отражение колебаний жизни во второй сигнальной системе. — М. — 1956.
4. Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. — Алма-Ата. — 1986.
5. Ладыгина-Котс И. Дитя обезьяны и дитя человека. — М. — 1935. — 429 с.
6. Малеча Н. М. О перестановке звуков в словах. (По материалам диалекта уральских казаков). — Уральск. 1963. — С. 84-103.

7. Пальмбах А. А., Исаков Ф. Г. Явление метатезы в тувинском и некоторых других тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – Ч. 1: – Фонетика. – М. – 1966. – С. 293-297
8. Рыбников И. А. Язык ребенка. – М.: Л. – 1926. – 83 с.
9. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – 2 изд. – М. – 1977. – 341 с.
10. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. – М. – 1960. – 177 с.
11. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М.; Л. – 1954. – 312 с.
12. Deny J. Grammaire de la Langue turque (dialect osmanli). Paris. 1921. § 886.
13. G. Turkish and Mongolian studies. London. 1962. – 237 s.

Аджимуратова З.Н. Метатеза і варіативність звуконаслідувального кореня в кримськотатарській мові.

Варіативність – наявність у двох чи декількох подібних форм одного значення, метатеза – перестановка компонентів звукового комплексу. Будь-яка мовна одиниця, незважаючи на те, що вона в процесі свого утворення і функціонування в тім чи іншому ступені піддається уніфіцированню і надалі може виявляти визначену нестійкість, як форми, так і змісту. Зміни варіативного характеру можуть відбуватися на всіх рівнях мови. На наш погляд, можливість рівнобіжного функціонування спочатку однозначних, фонетично рівносоставних коренів з характерною перестановкою анлаутних і ауслаутних згодних обумовлена об'єктивними законами рецепторного поведження людини. Розвиток коренів із взаємоперемещеннями згодними приводить їх до значного видалення друг від друга й утворенню двох різних слів.

Ключові слова: варіативність, зміни, метатеза, форма, зміст, перестановка согласных.

Adjimuratova Z.N. Metatezis and variability of soundsymbolic word in the crimeantatar language.

Variability – presence at two or several similar forms of one value, metatezis – rearrangement of components of a sound complex. Any language unit in spite of the fact that it during the formation and functioning to some extent is exposed to standardization and in the further can show the certain instability, both forms, and maintenances. Changes variability character can occur at all levels of language. In our opinion, the opportunity of parallel functioning originally unequivocal, phonetic ravnosostavnykh roots with characteristic rearrangement in the words beginning and finishing consonants is caused by objective laws receptional behaviour of the person.

Development of roots with such consonants leads to their significant removal from each other and to formation of two different words.

Key words: variability, changes, the form, the maintenance, rearrangement of consonants.

Стаття постуила в редакцію 09 марта 2007 г.

УДК 372.461–057.874:81'246.2

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛЕКСИКИ

Мамутова З.С.

В статье анализируются теоретические обоснования особенностей формирования лингвокультурологического подхода при изучении крымскотатарской лексики в школах и вузах с многонациональным контингентом учащихся. О формировании культуроведческой компетентности, взаимодействии языка и культуры, влиянии этнокультурных, этносоциальных факторов на языковые процессы.

Ключевые слова: лингвокультурология, диалект, речь, язык и культура, коммуникативный компонент, крымскотатарский язык.

Развитие языка, его лексики, теснейшим образом связано с жизнью народа и даже его отдельных слоев.

Значимым фактором в развитии языков племен и народностей являлось непосредственное и близкое общение с другими народами – носителями других языков, результатом которого были различные степени взаимодействия этих языков.

Такое временное воздействие языков друг на друга – нередкое явление и для истории развития тюркских языков [1, с. 137].

Крымскотатарский язык в его современном состоянии включает в себя элементы как общенациональные, так и территориально ограниченные (диалектные). Лингвисты уже давно обратили внимание на то, что язык сохраняет идентичные черты лишь на определенной части территории своего распространения и лишь при определенных условиях. Многие этнические процессы повлияли на языковую структуру крымскотатарского населения. Сегодня ученые-лингвисты подразделяют крымскотатарский язык на три диалекта: южнобережный, горный, степной. Интересно, что и диалекты в свою очередь подразделяются на различные говоры. Основные различия между диалектами и говорами лексического и фонетического характера [2, с. 20].

Целью исследования является анализ языковедческих, педагогических и методических источников исследуемой проблемы; формирование толерантного, заинтересованного отношения к другим языкам и культурам; расширение представления о культуре своего и других народов.

В полилингвокультурологическом обществе эффективность обучения языкам тесным образом связана с лингвокультурологической концепцией лингвистического образования. Лингвокультурологический подход к изучению крымскотатарской лексики тесно связан с рядом общелингвистических проблем, таких как специфика языкового знака (история развития языка и особенности функционирования), язык и речь (способы и формы речевой деятельности человека).

Под формированием лингвокультурологического подхода к изучению крымскотатарской лексики как учебного предмета подразумевается языковой и речевой материал.

Человек, пробуждая в себе свою языковую способность и развертывая ее в ходе языкового общения, всякий раз своими собственными усилиями создает сам в себе язык [3].

Именно владение языком позволяет человеку как субъекту общения воспринимать и постигать смыслы так, как они воспринимаются другим человеком как носителем смыслов.

Язык – носитель социальной памяти, он определяет характер и глубину познавательной деятельности народа. Обучая языку, нужно формировать языковую личность, т.е. языковую, речевую и культурную компетенцию [4, с. 285].

Проблемам изучения крымскотатарского языка, который основывается на определении взаимодействия языка и культуры, традиций крымскотатарского народа, посвящены труды многих ученых. Необходимо дифференцировать работы таких ученых, как Б. Чобан-заде, Ш. Бекторе, А. Казембека, В.В. Радлова, А. Крымского.

На современном этапе данной проблемой занимались следующие ученые: Э.Н. Наджип, Т. Бояджыев, Б.В. Змерзлый, А.Н. Гаркавец, С.М. Муталибов, В.Г. Гузеев, работы которых посвящены проблемам обогащения речи учеников этнокультуроведческой крымскотатарской лексикой.

Однако почти не исследованной является проблема языкового образования в многоязыковой среде. Это является важным для регионов, где живут представители разных этносов Крыма. Между тем формирование лингвокультурологического подхода к изучению крымскотатарской лексики невозможно без знания и осознания учащимися его структурной системы. Вопрос состоит в том, как обучать языковому материалу: сообщая учащимся сумму формально-теоретических сведений и правил по фонетике, грамматике, лексике изолированно от практики общения или формируя у обучаемых навыки владения фонетическими, грамматическими и лексическими средствами языка непосредственно в процессе речевой деятельности.

Каждый тюркский язык имеет свою исконную основу, т.е. общие черты своей лексики и грамматического строя, и, кроме того, свои характерные осо-

бенности, т.е. индивидуальные черты, приобретенные им в процессе своего развития [1, с. 137].

К особенностям, которые влияют на формирование лингвокультурологического подхода при изучении крымскотатарской лексики можно отнести следующие факторы:

- 1) осознание ближних, промежуточных и дальних целей его изучения;
- 2) единая языковая система, социокультурологически обоснованная, заложенная в языковом материале данной социальной группы и реализованная в индивидуальных языковых системах;
- 3) влияние языков друг на друга (близкое общение с другими народами – носителями других языков);
- 4) формы общения, т.е. коммуникативный компонент, который направлен на содержание учебного предмета, что зависит от плотности общения в процессе обучения.

Таким образом, ученик одновременно является субъектом учебно-познавательной деятельности и субъектом общения.

Методологическая особенность формирования лингвокультурологического подхода к изучению крымскотатарской лексики направлена главным образом на овладение лингвокультурологической, культурно-языковой коммуникативной компетенцией ознакомления с учебным материалом.

Без полноценного знания языка не может быть сформирована национальная ментальность. Национальная ментальность особо значима именно в полилингвокультурном обществе; дифференциация языка в речи билингов, полилингов необходима для повышения уровня культуры владения каждым языком [4, с. 285].

Язык нации и ее культура являются взаимосвязанным органически целым, и именно с развития языка начинается развитие культуры. С момента рождения ребенок перенимает культурные ценности (материальные и духовные), традиции и пользуется ими на протяжении всей жизни. Специфическая система традиций, взаимосвязей и взаимоотношений воплощаются в языковой деятельности представителей той или иной национальности. А достижения коммуникативной направленности невозможно без овладения необходимым объемом культурной информации; без знакомства с культурой народа, язык которого изучаешь [5].

Фактическая сторона взаимодействия языков давно является предметом исследований специалистов, где накоплено достаточно материала для обобщения.

В отличие от внутренних закономерностей развития языка эти закономерности можно назвать законами взаимодействия языков: зависимость влияния языка на язык от характера контакта между ними; зависимость влияния

языка на язык от влияния культуры; возрастание устойчивости языка по мере роста культурности народа.

Закономерности влияния языка на язык – явления экстралингвистические, лингвосоциологические.

При зависимости влияния языка на язык от характера контакта между ними основной функцией является контакт в общении их носителями или косвенного, через другие языки, особенно при общей территории с двуязычным населением. При зависимости влияния языка на язык от влияния культуры, значимым является тот язык, который является носителем влияющей культуры. Вместе со словами иногда заимствуются и словообразовательные элементы (аффиксы).

Устойчивость языков возрастает после того, как они становятся формой национальной культуры, усиливается после нормализации и упрочения его литературных традиций и роста культурности народа.

Обучая языку, нужно формировать языковую личность, то есть языковую, речевую и культурную компетенцию. Культурно-языковая компетенция личности – это не сумма сведений о языке, а достигнутый речевой опыт, речевая (дискуссионная) деятельность как признаки социализации человека [4, с. 285].

Как известно, овладение родным языком осуществляется в естественной социальной и предметной среде.

В каждом языке существуют лексические единицы, в которых присутствует специфический национально-культурный компонент. Для выделения национально-культурного компонента из языка в роли индикатора другой язык, потому что различия между языками чаще выявляются при их сравнительном изучении.

Составление русско-украинско-крымскотатарского словаря для школьников поможет учащимся и студентам приобщаться к национальной культуре народов, обогатить свой словарный запас, задуматься об общественной значимости разноязычной лингвистической подготовки, будет способствовать формированию концептуальных установок молодежи в полилингвокультурном обществе [4, с. 285].

Если речевая способность высоко развита средствами родного языка, то она должна однозначно проявиться и в иноязычной речевой деятельности [6, с. 63].

Не меньшее значение на формирование культурно-языковой компетенции личности и для обучения языками имеют речевые высказывания, более протяженные, чем предложение, а именно тексты в виде монологов или речевых форм [7, с. 91–50].

Работа с текстом увеличивает коммуникативные способности личности, объем знаний об условиях успешного общения [8, с. 126–137].

Каждой речевой форме соответствует свой массив лексического материала и специфический способ синтаксической связи между предложениями, инто-

нация, которая является особым инструментом межличностного общения и которая заслуживает специального формирования у учащихся, овладевающих устно-речевым общением на родном или иностранном языках [6, с. 97].

С точки зрения коммуникативности, для того чтобы адекватно воспринять устное или письменное высказывание на неродном языке, сообщить какую-либо информацию, учащийся должен запомнить определенные слова, усвоить те или иные морфологические формы, т.е. обладать вполне конкретным запасом языковых знаний [9, с. 42].

Речевые навыки, речевые умения, овладение языком, усвоение лексико-грамматического материала, словарная работа, знание слов, их форм, их орфоэпии составляют систему, направленную на автоматизацию языковых форм и развитие навыков в лингвокультурологическом аспекте изучения языка и речевой деятельности билингов.

Существующая языковая ситуация (смешанные языковые контакты) во многом определяет речевое поведение учащегося, влияя на формирование его речевой деятельности.

Из вышеизложенного можно сделать следующие **выводы**: формирующий аспект важен для решения проблем преподавания языка (родного и неродного).

В формировании многоязыкового сознания социализированной личности большую роль играют обучение, школа, призванные обозначать и обобщить социальный статус личности, связанных с межкультурным (в том числе и речевым) константами, которые должны строиться на вежливости, уважении и солидарности [4, с. 294].

Список литературы

1. Баскаков И.А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1969. – 380 с.
2. Эбубекиров С. Этнолингвистическая дифференциация крымтатар // Къасевет. – 1991. – № 1. – С. 20-24.
3. Свинцов В.М. Логика: Учебник для вузов. – М.: Высшая школа, 1987. – 123 с.
4. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. – Симферополь: Доля, 2002. – 392 с.
5. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1965. – 254 с.
6. Филатов В.М. Методика обучения иностранным языкам. – М.: Феникс, 2004. – 412 с.
7. Шейлз Дж. Коммуникативность в обучении современным языкам. Проект 12. Изучение и преподавание современных языков для целей общения. Европейский совет. 1995.
8. Синельникова Л.Н. Опыт анализа образа Чичикова в терминах современных теорий коммуникации // Социоллингвистика: XXI век. – Луганск: Знание, 2002. – С. 126–137.
9. Азизханова Ю.Д. О коммуникативном подходе к обучению иностранному (неродному) языку // Литературный язык – Ташкент. – 2000. – № 5. – С. 42.

Мамутова З.С. Особливості формування лінгвокультурологічного підходу до вивчення кримськотатарської лексики

У статті аналізуються теоретичні обґрунтування особливостей формування лінгвокультурологічного підходу під час вивчення кримськотатарської лексики у школах і вищих навчальних закладах із багатонаціональним контингентом учнів. Про формування культурознавчої компетентності, взаємодії мови та культури. вплив етнокультурних, етносоціальних факторів на мовні процеси.

Ключові слова: лінгвокультурологія, діалект, мовлення, мова і культура, комунікативний компонент, кримськотатарська мова.

Mamutova Z.S. Features of forming of lingua-cultural approach to the study of Crimean Tatars vocabulary

Article deals with theoretical grounding of peculiarities of forming an approach to lingua-cultural studying of Crimean Tatar vocabulary at multicultural schools. Forming of cultural competence, interaction of language and culture. impact of ethnic-cultural and ethnic-social factors on language processes are shown in the article.

Key words: lingua-culturology, dialect, speech, language and culture, communicative component, Crimean Tatar language.

Стаття постуила в редакцію 16 марта 2007 г.

УДК– 81'1.512.145

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКО- ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аджимамбетова Г.Ш.

В тюркологии пока не существует общепринятой семантической классификации наречий. Однако большинство исследователей распределяют наречия на две группы: определительные и обстоятельственные. В статье рассматриваются определительные наречия и их классификация. Эта классификация позволяет выявить то общее, что присуще наречиям в целом, и установить специфические особенности отдельных групп и подгрупп наречий.

Ключевые слова: наречие, качество, манера, интенсивность действия, количество.

Соотношения предметов и явлений в пространстве и времени осуществляется в различных действиях. Наличие любого действия всегда предполагает наличие субъекта и объекта действия. Соотношения между субъектами и объектами, выступающие в форме различных действий, бывают связаны с количественными и качественными показателями. В языке выразителями этих качественных и количественных соотношений между предметами-явлениями и действиями являются наречия. Как определители действия качества наречия указывают на обстоятельства, при которых оно протекает: на время, место, способ, причину и цель его протекания. Количественная характеристика действия заключается в выражении меры действия, его границ.

Цель статьи: рассмотреть и детализировать суть качественных (определительных) наречий в современном крымскотатарском языке. Не менее важным мы считаем систематизацию истоков и характера формирования адвербутов.

По сей день в тюркском мире отсутствует единая общеприемлемая семантическая классификация наречий. Огромное количество частных проявлений восходит к сложным этногенетическим процессам, которые мотивированы месторасположением. В лингвистике констатируют две группы наречий: качественные и обстоятельственные.

Так, Казем-Бек в своей работе «Общая грамматика тюркско-татарского языков» [3, 1846] предлагает несколько групп наречий. Прилагательные-наречия по значению он подразделяет на 6 групп: наречия времени, места, вопросительные, сомнения и утвердительные.

Наречия, происходящие от имён существительных, автором выделяются

в следующие группы: наречия темпорального значения, места, вопросительные, сомнения и утвердительные.

Наречия, образованные путём присоединения суффикса (в понятии аффиксов) – *че* к различным словам, автор называет «качественно-относительными».

Автор «Грамматики якутского языка» С.Б. Ястремский [9, 1900] ограничивается только лишь списком отдельных наречий, не уделяя внимания семантической классификации.

Более расширенное деление наречий мы видим в классической работе Н.К. Дмитриева «Грамматика кумыкского языка». Наречия по значению он делит на: наречия времени, места, образа действия, наречия степени, наречия утверждения или отрицания [2, с. 92]. В последующей своей работе «Наречие в татарском и русском языках» Н.К. Дмитриев совершенно по-иному ставит вопрос о разработке проблем отнесения слов к той или иной категории в тюркской системе: «... в содержание наречия входит некое понятие абстрактности, отвлечённости. Наречие является, таким образом, определённым коэффициентом действия (глагола) или же признака (прилагательного)» [2, с. 45].

В «Грамматике узбекского языка» А.Н. Кононов по значению делит наречия на четыре разряда: качественные наречия, количественные наречия, качественно-обстоятельственные наречия, обстоятельственные наречия.

Он отмечает, что обстоятельственные разряды наречий в большинстве случаев обслуживаются именами существительными. Их он делит на: наречия места, времени, образа действия, меры и степени, отрицания и утверждения [4, с. 214].

Ещё более раздробленную классификацию предлагает Л.А. Покровская в «Грамматике гагаузского языка» [7], где она делит наречия на шесть групп, подразделяя каждую группу ещё на несколько подгрупп по способу образования: наречия образа действия, направления и места, времени, количества, меры и степени, причины и цели, наречия *вар* и *юк*.

Из просмотренных работ можно сделать такой вывод: в тюркологии установилось деление наречий на два основных грамматико-семантических класса: 1) наречия качественные и 2) наречия обстоятельственные.

В решении данной проблемы крымскотатарское языкознание придерживается общей классификации, хотя существуют некоторые различия при определении количества разрядов.

А.Н. Самойлович в своей работе «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» [8] отмечает, что категория наречий очень слабо развита и отличается неустойчивостью. В работе показаны образования наречий. По значению наречия не разделены на группы, а перечисляются в общем списке под названием «Главнейшие наречия». Къуртмоллаев Э.А. в «Татар тилининь грамматикасы» [10] делит наречия на четыре группы: наречия времени, места, образа действия и наречия степени.

тикасы» [5] наречия делит на четыре группы: 1) наречия места, 2) наречия времени, 3) наречия образа действия, 4) конечный пункт совершения действия.

Авторы учебного пособия «Крымтатарский язык» [6] выделяют семь лексических групп наречий: 1) наречия образа и способа действия, 2) наречия количества и меры, 3) наречия усиления и ослабления качества, 4) наречия времени, 5) наречия пространства, 6) наречия причины, 7) наречия цели.

Большой вклад в изучение категории наречия внесла русская лингвистика. Выдвинутое уже в самом начале XIX века деление наречий на два основных грамматико-синтаксических разряда: а) качественных, определяющих качество действия, свойства; б) обстоятельственных, указывающих на различные обстоятельства, при которых совершается действие – получило новое обоснование, углубление и дальнейшее развитие. Классификация наречий по семантическому признаку связывается с установлением синтаксических функций каждого семантического разряда наречий. Вместе с тем устанавливается связь между семантико-синтаксической и морфологической классификацией наречий. «Деление наречий на качественные и обстоятельственные, – подчёркивает В.В. Виноградов, – соответствует двум основным морфологическим разрядам наречий, соотносительным с именами существительными и именами прилагательными» [1, с. 340].

Итак, из данных определяются два основных разряда наречий: качественные (определительные) и обстоятельственные.

В основном, эта классификация берётся за основу при классификации наречий в тюркологии. И в современном крымскотатарском языке мы прием её за основу. Эта классификация позволяет выявить то общее, что присуще наречиям в целом, и установить специфические особенности отдельных групп и подгрупп наречий.

По своему лексическому составу все наречия крымскотатарского языка можно разделить на два лексико-семантических разряда: определительные наречия и обстоятельственные наречия.

Определительные наречия

Под определительными наречиями мы понимаем такие, которые отражают внутреннюю сторону развития действия или проявления признака. Этот класс наречий противопоставляется обстоятельственным наречиям, указывающим на разные внешние обстоятельства, при которых происходит действие или проявляется признак. Определительные наречия обозначают качество признака или действия, а также указывают на количественные оттенки действия или качества, свойства, признака состояния, а также меру и степень действия, качества, интенсивность действия. Выделяются две подгруппы определительных наречий: наречия образа или способа действия (наречия качества) и наречия количества (наречия степени).

Наречия образа или способа действия

Эта группа наречий выражает способ, манеру, степень, интенсивность, образ действия, передаваемые глаголом, с которым они вступают в определительное словосочетание. Сюда входят наречия, отражающие качественную сторону процесса или признака независимо от того, от какой части речи они образованы (медленно, чётко, кубарем, волоком, по-лисьи). Грамматическим показателем этой группы являются вопросительные местоимения и конструкции: *насыл? 'как?'*, *насыл этип? 'как?'*, *не тарзда? 'каким образом?'* В предложении наречия образа действия могут обозначать самые различные оттенки действия. В связи с этим наречия можно разделить на несколько подгрупп:

А.) Наречия образа действия с оттенком, выражающим качество действия. Они показывают как или каким образом совершается действие, и примыкают к глаголу, прилагательному, причастию и деепричастию: *яхшы 'хорошо'*, *ярамай 'плохо'*, *бедава 'бесплатно'*, *енгиль 'легко'*, *ичтен 'про себя'*, *фукъаре 'бедно'*, *чий 'в сыром виде'*, *тирилей 'живьём'*, *эзберден 'наизусть'*, *агъзавий 'устно'*, *тизден 'по колено'*, *тынч 'спокойно'*, *догъру 'прямо'*. Например: *Мен кене кыызгъа бакъам, онынъ янындаки офицерлер кыызгъын-кыызгъын сёйлешелер* [13, с.20]. '*Я снова смотрю на девушку, парни стоящие рядом, очень интересно беседуют. Окъу къарайым, эзберден билесиньми?*' [11, с.41]. '*Прочти, я посмотрю, знаешь ли ты наизусть стихотворение'*. Сеттар къарт да онъа *татлы-татлы* кулип, огге адымладылар [13, с.120]. '*Старик Сеттар нежно улыбаясь, прошёл вперёд'*.

Б.) Наречия, выражающие образ совершения действия: *токътамаздан 'бесперерывно'*, *ягълап 'маслом'*, *шекерлеп 'сахаром'*, *ачыкътан-ачыкъ 'явно'*, *эсен-аман 'благополучно'*, *талмай 'без устали'*, *даветсиз 'без приглашения'*, *къолайлыкънен 'с лёгкостью'*, *эпкикликнен 'с силой'*, *апансыздан 'внезапно'*, *бекленильмезден 'неожиданно'*, *мытлаккъа 'обязательно'*, *шубесиз 'без проблем'*, *явашчыкътан 'осторожно'*.

Ашагъыда исе, Нарын озени *эпкикликнен* акъа эди [15, с.24]. Внизу река Нарын текла *с силой'*. Амма аллы койюлернинъ балалары мектепке *дюзгюн* къатнай, мектепни вакътында битире [13, с.92]. '*Но дети видных сельчан школу посещают бесперерывно, заканчивают её вовремя'*. Эр шей *бекленильмеден, апансыздан* олды [15, с.23]. '*Всё произошло внезапно, неожиданно'*.

В.) Наречия образа действия с оттенком выражающим манеру, способ, форму совершения действия: *анда-мында 'туда-сюда'*, *яланаякъ 'босиком'*, *яланбаш 'без головного убора'*, *джаяв, 'пешком'*, *айры 'отдельно'*, *татарджа 'по-татарски'*, *русча 'по-русски'*, *немседже 'по-немецки'*, *зорнен 'с трудом'*, *шай 'так'*, *япалакъ-япалакъ 'хлопьями'*, *баштан-аякъ 'с ног до головы'*, *серт-серт 'злобно'*, *бир бакъыштан 'с первого взгляда'*.

Осман соба тубюнде *айры* джатты [11, с.11]. '*Осман лёг рядом с печкой порознь от всех'*. *Озь тилинде* бир коп шей айтты, халкъны макътады [11,

с.14]. ‘Он хвалил людей, и что-то много говорил *на своём языке*’. Эсмери кьыз командирни *баштан-аяк* козьден кечирди [12, с.4]. ‘Смуглая девушка оглядела командира *с ног до головы*’.

Г.) Наречия образа действия с временным оттенком, выражающим интензивность, мгновенность совершения действия. Они могут указывать, с одной стороны, на высокую степень качества или интензивности действия, с другой – на недостаточную интензивность или ослабление степени качества.

Наречия выражающие высокую степень качества или интензивности действия, можно разделить на несколько разновидностей:

1) указывающие на наличие качества или интензивности действия в достаточной степени, в полном объёме: *чалт* ‘быстро’, *тез* ‘быстро’, *тойгъан-джа* ‘досыта’, *сыкъ* ‘часто’, *аджеле* ‘быстро’, *бир кереден* ‘сразу’, *аджелеликнен* ‘с поспешностью’.

Автобус сигналыны *сыкъ* бере [13, с.105]. ‘Автобус *часто* сигналил’. *Тез-тез* тюфегини азырлады [13, с.83]. ‘Он *быстро* приготовил ружьё’. Вар оджа абланъа сув кетир, *чалт* бол [11, с.40]. ‘Иди, принеси воду своей тёте учительнице, *быстро*’. Эх, шимди ордуда олса эди, бутюн къасеветлерден *бир кереден* арыныр эди [16, с.222]. ‘Эх, был бы он сейчас на службе, от всех переживаний избавился бы *сразу*;

2) указывающие на высокую степень наличия этих признаков: *яп-янгъыз* ‘совсем одиноко’, *дос-догъру* ‘на самом деле’, *ачыкъ-айдын* ‘подробно’, *пек* ‘очень’, *пек яхшы* ‘очень хорошо’.

О, Акъбашны *пек* севе эди. Буны Асан *пек* яхшы биле эди [13, с.129]. ‘Он *очень* любил Къарабаша. Это Асан знал *очень хорошо*’. Гвардии татарларны *бек* сюемиз биз, – деди [11, с.16]. ‘Гвардейских татар мы *очень* любим’. Табакъ байлары ондан *пек* къоркътылар [13, с.72]. ‘Богачи его *очень сильно* испугались’.

На ослабление степени качества или слабую интензивность действия указывают наречия: *аз* ‘мало’, *бираз* ‘немного’, *яваш* ‘медленно’, *кимерде бир* ‘иногда’, *текаран* ‘немного’, *яваш-яваш* ‘медленно’, *сийрек-сернек* ‘редко, мало’.

О къафасында къайнашкъан шубелерден *кимерде бир* озю биле къоркъа эди [10, с.14]. ‘Он *иногда* сам боялся от появившихся в голове мыслей’. Бизлер бири-биримизге *текаран* узакълашсакъ да, гонъюмиз якъын олеун [15, с.13] ‘Хотя мы и *немного* отделимся друг от друга, пусть наши сердца будут рядом’.

Д.) Наречия образа действия с оттенком, выражающим уподобление, сравнение данного действия с предыдущим, с другим. В крымскотатарском языке данные наречия образуются при помощи аффикса – джа/-дже, -ча/-че, -джасына/джесине: *яньыджа* ‘по-новому’, *башкъаджа* ‘по-другому’, *озюн-*

дже ‘по-своему’, *китапча* ‘по-книжному’, *мусульманджа* ‘по мусульмански’, *инсанджасына* ‘по-человечески’, *балаларджасына* ‘по-детски’.

Догъру япасынъ, Абибуллаева, – дей комиссар. – *Коммунистче* [16, с.48]. ‘Правильно делаешь, Абибуллаева, говорит комиссар. – *По-коммунистически*’. Офицер онъа тез-тез *русча* аньлатмагъа башлады [13, с.143] ‘Офицер стал ему объяснять быстро *по-русски*’. *Шериатча* яман бир иш болмагъанын бильдирген [11, с.9]. ‘То, что ничего плохого не произошло, он объяснил *по-закону*’.

Е.) Наречия образа действия с оттенком, выражающим физическое состояние человека: *ырджайып* ‘улыбаясь’, *яваш* ‘тихо’, *сессиз* ‘шепотом’,

Алименинъ къулагъына шиир *сессиз* айтылды. ‘Стихотворение для Алиме рассказали *шепотом*’.

Ж.) Наречия образа действия с оттенком, выражающим психическое состояние человека: *джан-юректен* ‘от всей души’, *эеджанланып* ‘воодушевленно’, *ачувнен* ‘со злостью’, *темиз юректен* ‘чистосердечно’, нефретнен ‘с ненавистью’, *джан гонъюльден* ‘от души’, *асретликнен* ‘с тоской’, *эпкинликнен* ‘порывисто’, *иддетнен* ‘гневно’, *сабырлыджа* ‘терпеливо’.

Ниярнен бойле къолайлыкънен таныш олгъанына *юректен* къуванды [10, с.23]. ‘Он *от всей души* порадовался такому лёгкому знакомству с Ниярой’. Козьлери къызаргъан, череси топракъ кесильген Эмин анасына *ачувнен* тикленип бакъты [10, с.102]. ‘С покрасневшими глазами и злым лицом, Эмин *со злостью* смотрел на маму. Дигер аскер *сабырлыджа* тюшти де, орталыкъны козетти [14, с.15]. Другой солдат *терпеливо* вышел из машины, оглядел окрестность’.

З.) Наречия образа действия, выражающие действие, выполненное группой, а не единым лицом: *бирге* ‘вместе’, *бирден* ‘все сразу’, *бирликте* ‘все вместе’, *джумлеси* ‘все вместе’, *берабер* ‘вместе’, *обаларнен* ‘кучами’.

Къол тутуштыкъ *барабар* агъа-къардаш, чыкъып кеттик агъамны ёкъламагъа [11, с.12]. ‘Два брата *вместе* вышли на поиски своего брата’. Саба къайтырсыз, бу гедже *берабер* отурайыкъ, – деди начальник [12, с.6]. ‘Вернётесь утром, эту ночь проведём *вместе*, – сказал начальник’. Кочеджек адамларнынъ шейлери *обаларнен* азыр тура эди. ‘Собранные вещи переезжающих людей стояли *кучами*’.

Количественные наречия

Количественные наречия выражают количественную характеристику действия, свойства, состояния, указывая на интенсивность действия и состояния или степень качества и признака. Грамматическую и семантическую черту их определяет вопросительная конструкция из местоимений: не къадар? ‘сколько?’ В их образовании часто участвуют слова-элементы *бир* ‘один’, *аз* ‘мало’, *чокъ* ‘много’. Например: *бир аз* ‘немного’, *аз бучукъ* ‘немножко’, *бир тарча* ‘немного’, *бир дирем* ‘немного’.

Количественные наречия можно разделить на следующие группы:

А.) Наречия, выражающие действие в количественном отношении: *бирер-бирер* 'по-одному', *бир къач кере* 'несколько раз', *учю де* 'втроём', *эки къат* 'вдвойне', *учь къабат* 'втройне', *беш бетер* 'пятикратно'.

Куню къалып оларгъа къол созгъан сонъ, даа яман, *беш-бетер* болып къалды [11, с.10]. 'После того как жизнь стала зависеть от него (от хозяина), жить стало *в пять раз* хуже'. Олар *учю де* ёл бою, базан чамургъа батып, чаптылар [13, с.144]. 'Иногда попадая в грязь, они весь путь бежали *втроём*'.

Б.) Наречия, выражающие меру и величину действия: *чокъ* 'много', *аз* 'мало', *азчыкъ* 'немного', *бираз* 'немного', *аз бучукъ* 'немножко', *бир парча* 'немного', *бир дирем* 'немного', *яры-ярыгъа* 'наполовину', *парчалап* 'в розницу', *ай-айгъа* 'помесячно', *ярым-юрты* 'наполовину', *чокъ* 'много', *баягъы* 'немного', *козь къарарынен* 'приблизительно'.

Авджылар *чокъ* беклемедилер [13, с.84]. 'Охотники *долго* не ждали. Эмиросман акъай бир шейлер даа сёйлей, лякин мен онынъ сёзлерини *ярым-юрты* эшитем [13, с.91]. 'Эмиросман ещё что-то говорит, но я слышу его *наполовину*'. Мен *бираз* отурайым [15, с.62]. 'Я *немного* посижу'. О энди баягъы озюне кельди [15, с.76]. 'Он уже *немного* пришёл в себя'.

В.) Наречия, выражающие действие в полном объёме: *бутюнлей* 'полностью', *толу* 'до верху', *рыкъма-рыкъ* 'до отказа', *толусынен* 'полностью', *бойдан-бойгъа* 'во всю длину'.

Зал *рыкъма-рыкъ* толу [13, с.62]. 'Зал *полон до отказа*'. Бабам энди койден бус-бутюн къайтып кельди [13, с.72]. 'Отец вернулся с села *полностью*'. Онынъ кокнен къошулгъан еринде аз кемерли бир сызыкъ *бойдан-бойгъа* созулгъан [13, с.92]. 'Дугообразная линия на небе *протянулась во всю длину*'.

Г.) Наречия, выражающие кратность действия: *яныдан* 'снова', *бир даа* 'ещё раз', *кене* 'снова', *къайтабаитан* 'снова', *джангъы баитан* 'снова'.

Эмирханнынъ ичине *къайтабаитан* джан кире [17, с.24]. 'В Эмирхана *снова* поселяется жизнь'. *Джангъы баитан* язгъалавгъа башлайман [11, с.20]. 'Снова начинаю готовиться к лету'. Оларнынъ группасында тербиеленди, шу мектепни битирди, шимди исе *кене* шу мектепте оджапче олып чалыша [16, с.175]. 'Он воспитывался в их группе, закончил эту школу, а сейчас *снова* работает учителем в этой школе'.

Подводя итоги результатов проведённого исследования, можно сделать **следующие выводы:**

– наречия в крымскотатарском языке можно разделить на определительные и обстоятельственные. Определительные наречия обозначают качество признака или действия, а также указывают на количественные оттенки действия или качества, свойства, признака состояния, а также меру и степень действия, качества, интензивность действия. Выделяются две подгруппы определительных наречий:

- наречия образа или способа действия (наречия качества),
- наречия количества (наречия степени).

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык. – М.Л.: Учпедгиз, 1947. – 802 с.
2. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.-Л. 1940. – С.219
3. Казем – Бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. – 2-е изд. Казань. 1846. – 457 с.
4. Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. – М.-Л.: Изд. АН СССР – 1960. – 446 с.
5. Къуртмоллаев Э.А. Татар тилинин грамматикасы. I кыбысым. Фонетика ве морфология.
- Кърым АССР: Девлет нешрияты – 1940. – 212 с.
6. Меметов А.М., Мусаев К. Крымтатарский язык. Ч. 2. Морфология. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2003. – 288 с.
7. Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. – М.:Наука, 1964. – 298 с.
8. Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. – Петроград, 1916. – 104 с.
9. Ястремский С.Б.. Грамматика якутского языка. – М., 1938. – 228 с.

Художественная литература

10. Болат Ю. Анифе. – Ташкент: Гъафур Гъулямадына Эдебият ве санат нешрияты – 1969.
11. Гирайбай А. Санки дюнъя йыкъылды – Симферополь: Доля. – 2001. – 24 с.
12. Дерменджи А. Баш эгмегенлер. Повесть. Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1979. – 247 с.
13. Ипчи У. Икяелер. Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1972. – 207 с.
14. Муедин Р. Ана къайгъысы. – Акъмесджит: Таврия. – 1995. – 5 с.
15. Нагаев С. Бинъ бир олюмни енъип. Весикъалы повестлер: Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1987. – 207 с.
16. Осман А. Повестлер. Икяелер. Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1988. – 400 с.
17. Шемъи-заде Э. Козьяш дивар. Поэма-дастан. – Акъмесджит: Таврия. 1993. – 128 с.

Аджимамбетова Г.Ш. Означальні прислівники в сучасній кримськотатарській мові

У тюркології поки не існує загальноприйнятої семантичної класифікації прислівників. Однак більшість дослідників поділяють прислівники на дві групи: означальні та обставинні. У статті розглядаються означальні прислівники та їх класифікація. Ця класифікація дозволяє виявити те загальне, що властиве прислівникам в цілому, й встановити специфічні особливості окремих груп і підгруп прислівників.

Ключові слова: прислівник, якість, манера, інтенсивна дія, кількість.

Adjimambetova G. Sh. Attributive adverbs in the modern Crimean Tatar language

There isn't conventional semantic classification of adverbs in turkology yet. But most researchers subdivide adverbs in two groups: attributive and adverbial. Attributive adverbs and their classification are examining in the article. This classification allows to show up that common, that is distinctive to adverbs in general and determines specific peculiarities of separate groups and subgroups of adverbs.

Key words: adverb, quality, manner, intensiveness of the action, quantity.

УДК 811.512.1452 373.46.

ИЗУЧЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекиров Р.А.

Данная статья посвящена исследованию сельскохозяйственной лексики крымскотатарского языка. Ставятся следующие задачи: собрать, систематизировать и классифицировать группу слов-терминов плодоводства и виноградарства.

В ходе исследования установлено, что сельскохозяйственная (плодово-ягодная) лексика как древняя и обширная часть словарного состава крымскотатарского языка представляет собой интерес для изучения ряда проблем крымскотатарской лексикологии.

Ключевые слова: лексика, сельскохозяйственная, плодово-ягодная, крымскотатарский язык.

Крымский полуостров был одним из древнейших центров садоводства, где с незапамятных времен выращивались многочисленные сорта винограда, абрикоса, персика, грецкого ореха, миндаля, фисташки, груши, яблони, граната, инжира, маслины, фундука и других культур [25, с. 31].

Одним из первых, кто указал на этот факт в своем фундаментальном труде, был известный крымский садовод Л.П. Симиренко: «Там, в Крыму, я не чувствую себя ни чужим, ни посторонним, я принимаю горячо к сердцу его интересы, и тут я как бы приобрел вторую родину» [25, с.40].

Уникальные природно-климатические условия Крымского южного побережья и предгорья еще в древности обусловили специализацию этих районов в сельском хозяйстве на развитие культур садоводства и виноградарства.

В результате миграции и исторических контактов между народами значительная часть этих плодовых культур широко распространилась и в других странах. В свою очередь садоводство и виноградарство Крымского полуострова в древние времена пополнялось новыми видами и сортами из соседних стран Передней Азии, Ближнего Востока и Средиземноморья.

Необходимо отметить, что сельскохозяйственная лексика крымскотатарского языка до настоящего времени не являлась предметом отдельного исследования, что и является подтверждением **актуальности** выбранной нами темы. Таким образом, **целью** нашего исследования является освещение степени изученности заявленной темы на современном этапе.

Садоводством и виноградарством в Крыму занимались киммерийцы и тав-

ры, скифы и первые греческие колонисты, сарматы и булгары, кыпчаки и крымские татары.

Однако, дальнейшее развитие, эти отрасли сельского хозяйства, получили в период существования Боспорского государства, Херсонеса и Мангупского княжества, Булгарского, Кыпчакского и Крымского ханств.

Не будет преувеличением утверждение, что именно скифско-эллинический и сарматский периоды в земледельческой истории Крыма оставили наиболее глубокий след в развитии культуры садоводства и виноградарства в Крыму.

Мощный пласт скифско-эллинической земледельческой культуры и лексики был приумножен в период существования булгарского ханства Кубрата и Батбаяна, кыпчакского ханства Токсобы хана, Тугор хана, крымского улуса Золотоордынского каганата Узбек хана, Ногай хана, Тохтамыш хана и в период расцвета династии Гираев.

О высокой культуре садоводства и виноградарства крымчан, задолго до присоединения Крыма к России, свидетельствуют воспоминания Х.Х. Стевена основателя Никитского Ботанического сада. Крымские синапы и виноград, по его данным, уже в тот период были предметом обширной торговли с соседями [25, с.33]. Многие сорта плодовых культур и винограда имеют местное, крымское происхождение. Например, сорт винограда «*Къара эжим*», хорошо известного как «*Черный доктор*», происходит из местности близ Судака и нигде не произрастает [23, с. 89].

По словам К.И. Габлиця, в середине XVIII столетия яблоня была доминирующей плодовой культурой в Крыму. Так, он пишет: «*Яблоню находят во всех садах, притом в сортах, плоды которых созревают от июля до сентября. Они достигают чаще средней лишь величины, и некоторые из них очень вкусны. Лучший зимний распространен по соседству Судака. Его плоды плоско-шаровидной формы, одеты в темно-красную рубашку, отличаются относительно большим объемом и приятным кислым вкусом*» [26, с. 25].

Развитие садоводства и виноградарства не могло не повлечь за собой и развития сельскохозяйственной (плодово-ягодной) лексики, что проявилось в последствии в богатстве словарного состава крымскотатарского языка. В течений столетий происходило сортообразование плодово-ягодных культур и, соответственно, возникновение новых названий (лексем).

По степени разработанности этой проблемы в языкознании, прежде всего, следует отметить материалы диссертации Ишанкулова Юсуфа, в которой он рассмотрел вопросы происхождения, эволюции и этимологии названий плодов в узбекском языке. При этом Ю.К. Ишанкулов опирается на исследования грузинских, абхазских, таджикских, узбекских и других авторов [13, с. 6-8].

Особый научный интерес представляют доводы Л.О. Варик, изложенные ею в своей диссертации [6, с. 27]. Садоводческая лексика в русском языке сравнительно молода. Это связано с недостаточной развитостью садоводства в России в древности и в средние века, а также с ее климатическими условиями.

Нетрадиционно представлены доводы Л.М. Костенко в диссертации по исследованию терминов садоводства [17, с. 7]. Украинская терминология садоводства также сравнительно молода. Большую часть сельскохозяйственной лексики украинского языка составляют заимствования из тюркских языков, основу которого можно отыскать в кумано-кыпчакском языке. Это связано с историческими, этническими, культурными контактами крымскотатарского и украинского народов.

Сам факт появления подобных исследований позволяет сделать вывод, что в русском, украинском и узбекском языкознании данная тематика не исследована, не разработана и не классифицирована. Поэтому мы при подходе к изучению данного вопроса столкнулись с отсутствием соответствующего материала.

Немалую помощь в нашем исследовании могут оказать труды известного садовода-помолога Л.П. Симиренко, занимавшегося сортоописанием крымских садов в конце XIX- начале XX вв.

Исследования словарного богатства общенародного крымскотатарского языка, в том числе профессиональной и специальной лексики в связи со сказанным имеют свою значимость.

К профессиональной мы относим и сельскохозяйственную лексику. За последние 10-15 лет очевидны значительные успехи в отыскании, собирании и обработке лексики крымскотатарского литературного языка и диалектов, ее систематизации и классификации.

Укажем, например, работу профессора А.М. Меметова, в которой частично исследована плодово-ягодная лексика: *алма тереги – яблоня, эрик – слива, шедьтали – персик, бадем – миндаль, кираз – черешня, армут – груша и др* [20, с. 33].

Интересны также работа Э.Ш. Меметовой „Къырырымтатар тилининъ услубиети” [21, с. 15] и диссертация А.М. Куртсеитова „Структурно-семантический анализ крымскотатарских фразеологизмов”, например, *дагъ джи-леги – лесная клубника, земляника* [19, с. 42].

Однако эти работы специально не исследуют сельскохозяйственную лексику и лишь косвенно касаются проблем изучения плодово-ягодной лексики.

Например, в монографиях проф. А.М. Меметова указанная нами лексика рассматривается с точки зрения происхождения крымскотатарской лексики как источник в целом, или с позиции расположения и отнесения той или иной лексики крымскотатарского языка в общем разделе лексикологии крымскотатарского языка.

В работах же Э.Ш. Меметовой и А.М. Куртсеитова рассматриваемая лексика оценивается соответственно с точки зрения стилистической окраски или нахождения в составе фразеологизма.

Флодово-ягодная (сельскохозяйственная) лексика как древняя и обширная часть словарного состава крымскотатарского языка представляет собой интерес для изучения ряда проблем крымскотатарской лексикологии.

Необходимость и значимость исследования этого общего для истории культуры и языка крымских татар вопроса отмечают представители различных наук, в том числе и лингвисты, изучающие отдельные составные элементы садоводческой лексики языков различных систем [20, с. 3]. Указанные акценты правомерны и в отношении плодово-ягодной лексики крымскотатарского языка.

Как мы упоминали выше, исследования в области формирования лексики крымскотатарского языка проводились, но сельскохозяйственной лексики эти исследования касались косвенно.

В настоящий момент автором поставлена задача, собрать, систематизировать и классифицировать группу слов-терминов плодоводства. При этом главное внимание, как нам представляется, следует уделить:

- 1) сбору, изучению, обобщению и систематизации сведений из разных источников по древнейшей истории плодоводства Крымского полуострова;
- 2) выявлению сферы употребления и распространения данной лексики в письменных памятниках;
- 3) исследованию этимологии и истории нескольких родовых и видовых терминов;
- 4) установлению ориентировочного времени появления и распространения названных культур и их наименований;
- 5) прослеживанию эволюции происхождения, изменения и потери того или иного наименования в изучаемой лексике.

Материалом для исследования могут также послужить языковые данные первоисточников (письменные памятники древнетюркского языка, материалы современного крымскотатарского литературного языка и живых народных говоров, другие письменные источники), а также сведения античных авторов, доказательства палеонтологических, историко-археологических, этнографических, ботанических (помологических, ампелографических) исследований.

Для решения поставленной задачи необходимо использовать наработанную уже в общем языкознании методологию подобных исследований. Из которой, прежде всего, мы бы выделили: сравнительно – исторический, описательный, сопоставительный, функциональный и типологический приемы и методы исследования [11, с.5].

В методологическом отношении одним из сложных и актуальных аспектов остается исследование названной нами лексики в сравнительно-историческом, семасиологическом, этимологическом и других планах [11, с. 8].

В современной тюркологии изучение сельскохозяйственной общетюркской лексики и дополнение на этой основе словарей, других лексикографических изданий отдельных тюркских языков остается актуальным направлением в тюркском языкознании. Отметим среди них лексику крымскотатарского языка, которая в силу известных причин остается малоизученной в современном тюркском языкознании.

Вывод. Актуализация проблемы связана с перспективами развития крымскотатарского языка, его взаимообогащения и взаимовлияния с другими тюркскими языками, взаимоотношением крымскотатарского литературного языка и крымскотатарских диалектов, с развитием крымскотатарской литературной речи, повышением культуры трансляции крымскотатарской речи и разработки научной терминологии.

Список литературы

1. Асатиани Л. Лексика виноградарства в древнегрузинском и в диалектах современного грузинского языка. – Тбилиси: АКД. – 1950.
2. Атлас плодов. – СПб.: Издание Императорского Российского Общества Плодоводства. – Выпуск III. – 1905.
3. Атлас плодов. – СПб.: Издание Императорского Российского Общества Плодоводства. – Выпуск IV. – 1906.
4. Вавилов Н.И. Ботанико-географические основы селекции. – Избр. труды в 5 томах. – М.-Л. – 1960.
5. Вавилов Н.И. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. – Избр. труды. – Т. V. – 1965.
6. Варик Л.О. Лексика садоводства в русском языке донационального периода. – Дисс. ...доктора филол. наук. – Киев, 1980. – 245 с.
7. Джанашиа Б.П. Абхазская лексика виноградарства и виноделия. – Тбилиси: АКД. – 1955.
8. Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л., 1972.
9. Жаримбетов А. Тюркизмы в русских названиях фруктовых деревьев и кустарников// Советская тюркология. – 1974. – №4.
10. Иванова Р.Я. Названия сортов винограда в современном русском языке. – М.: АКД. – 1973.
11. Иванова Л.П. Методы лингвистических исследований. – Киев: ИСДО, 1995. – 87 с.
12. Ильинский А.Н. О необходимости уточнения понятий и терминов в плодоводстве и терминологии.// Тр. Плодоовощного института им. И.В. Мичурина. – Т. XVIII. – Воронеж. – 1965.
13. Ишанкулов Ю. Опыт историко-этимологического анализа названий плодов в узбекском языке. – Автореф. дисс. ... к. филол. наук. Ташкент, 1977. – 27 с.
14. Киреевский И.В. Флора наших среднеазиатских владений по алфавитному порядку гусемных названий растений. – СПб. – 1874.
15. Колесников В.А. Плодоводство Крыма. – Симферополь: Крымиздат, 1951. – 576 с.

16. Кононов А.Н. Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского комитета тюркологов // Советская тюркология. – 1974. – №4.
17. Костенко Л.М. Лексико-семантическая и словообразовательная структура украинской терминологии садоводства. – Автореф. дисс...к. филол. наук, Запорожье, 2005. – 24 с.
18. Куртсеитов А.М. Структурно-семантический анализ крымскотатарских фразеологизмов. – Автореф. дисс...к. филол. наук, Симферополь, 2006. – 20 с.
19. Куртсеитов А.М. Структурно-семантический анализ крымскотатарских фразеологизмов. – Дисс... к. филол. наук, Симферополь, 2001. – 163 с.
20. Меметов А.М. Лексикология крымскотатарского языка. – Симферополь: Крымупедгиз, 2000. – 288 с.
21. Меметова Э.Ш. Къырымтатар тилининъ услубиети. – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2001. – 144 с.
22. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. – М., 1967.
23. Негруль А.М. Происхождение культурного винограда и его классификация. – Ампе-лография СССР. – Т. I. – М.: Пищепроиздат, 1946.
24. Севортян Э.В. Этимологичесий словарь тюркских языков. – М., 1974.
25. Смирненко Л.П. Местные стародавние сорта плодовых культур Крыма. – Симферополь: Таврия, 1996. – 240 с.
26. Смирненко Л.П. Крымское промышленное плодоводство. – М.: Издание Комитета при Симферопольском отделе императорского российского общества садоводства, 1912. – 742 с.

Бекіров Р.О. Вивчення сільськогосподарської лексики в кримськотатарській мові.

У статті вперше робиться спроба дослідження сільськогосподарської лексики кримськотатарської мови. Ставляться наступні задачі: зібрати, систематизувати і класифікувати групу слів-термінів плідівництва і виноградарства.

У ході дослідження встановлено, що сільськогосподарська (плодово-ягідна) лексика як дреня і велика частина словникового складу кримськотатарської мови являє собою інтерес для вивчення ряду проблем кримськотатарської лексикології.

Ключові слова: лексика, сільськогосподарська, плодово-ягідна, кримськотатарська мова.

Bekirov R.A. Analysis of agricultural lexicon in Crimean Tatar language.

For the first time the attempt of research of agricultural lexicon of Crimean Tatar language is done in the article. The following problems are put: to collect, to systematize and to categorize group of the words – terms of fruit-farming and wine-growing.

During research is established, that the agricultural (fruite-berrylike) lexicon as an ancient and vast part of vocabulary of Crimean Tatar language represents concern for analysis of a set of problems of Crimean Tatar lexicology.

Key words: lexicon, agricultural, fruite-berrylike, Crimean Tatar language.

Стаття постуила в редакцію 09 марта 2007 г.

Раздел 2 КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82 (091) (4 УКР=КРМТАТ) Ю 36

ТВОРЧЕСТВО ШАКИРА СЕЛИМА: ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ

Юнусов Ш.Э.

В статье на основе эпического сказа крымскотатарского поэта Шакира Селима «Къырымнамe» рассматриваются вопросы преемственности, архитектоники и авторской позиции.

Ключевые слова: мотив, пафос, крымскотатарская лирика, собирательный образ.

Необходимость постепенного отвыкания от синдрома депортированного как психологии, тормозящей динамику естественного развития, сопряжена с активной интеллектуальной и практической деятельностью во всех сферах нашего бытия. Постепенное воспитание потенциально конкурентоспособных молодых людей выносит на повестку дня и такую проблему, как «косвенное воспитание» через искусство, где художественная литература должна играть немаловажную роль.

А где эта литература и разве это литература? Ведь она представляет собой некий синтез национального и чуждого, другими словами – пример космополитизма, скажете вы. И будете отчасти правы. Но бросаться в крайности и делать софистские выводы не стоит, ибо развитие художественной литературы никогда не прекращается, а бывают лишь времена застоя и динамики. Шамиль Алядин в свое время высказал мысль, что всю нашу семидесятилетнюю литературно-художественную продукцию надо выбросить. Переживания такого маститого прозаика можно разуместь, однако нельзя забывать, что определенный процент создания высокохудожественных произведений всегда имел место. В поствоенный период их создавали Амет Озенбашлы – «Дюнюмизин джанлы левхалары» («Живые мотивы нашего прошлого», 1954), Эшреф Шемьзаде – «Козьяш дивар» («Стена слез», 1958-59), Шамиль Алядин – «Иблисининъ зияфетине давет» («Приглашение к дьяволу на пир», 1979) и др.

А между тем в нашей литературе последних лет наметились позитивные тенденции, примером чему может служить, например, проблема исторических прототипов в незавершенном романе Шамиля Алядина (1912-96) «Ту-

гъай-бей», типическое в прозе старейших писателей Ибраима Паши, Рустема Муедина и начинающей Гульнары Усеиновой, попытка Исы Абдурамана посредством художественной формы показать своеобразие родного языка (поэма-дестан «Тамыр» – «Корни»), философские мотивы в стихах Идриса Асанина и, конечно же, социально-психологический и ментальный аспекты в романе Айдына Шема «Нити судеб человеческих». Особо надо отметить, что по части создания глубоко художественных и исторически реалистических произведений преуспела наша московская диаспора (Эрнст Кудусов, Якуб Бекиров, Эдем Оразлы, Рефат Аппазов). Названные и неназванные произведения можно объединить под общим мотивом осмысления далекой и близкой истории народа, читая которые, невольно задумываешься над той банальностью, что времена цензуры ушли в прошлое, дав творцам возможность раскрыть свой истинный талант [1, с. 63-75].

Но **целью** нашего исследования является творчество другого художника слова – Шакира Селима, автора дестана «Къырымнаме» [2], который, пожалуй, можно назвать явлением в новейшей крымскотатарской литературе.

Не нами замечено, что скороспелое произведение порою быстро меркнет. Над отмеченным же эпическим сказом поэт работал около десяти лет. Поэтической зрелости Шакира Селима предшествовали долгие годы. Сообразно социально-политической ситуации, его творчество не обошлось и без некоторых дифирамбов «родной партии». Однако в его лирике всегда чувствовалось нечто задушевное и искреннее, умение же выразить это нечто ниспосылается свыше.

О новом повороте в творчестве поэта в пострепатриационный период говорят мотивы покаяния за свои ошибки, сожаления по безвозвратно упущенным возможностям («Пешман» – «Раскаяние»), беспристрастной оценки социальной и ментальной болезни народа, обращение к истокам («Яралангъан гюркюлер» – «Раненые песни», «Багъчасарай»).

Известно, что, если целью настоящего художника является создание высокохудожественного произведения, то к задаче литературоведа относится его аналитическое рассмотрение. В этом контексте и привлекает наше внимание вышеупомянутый дестан, который, про всем его оригинальном решении остался почти незамеченным. Помнится, в одной из статей Шакир Селим своего наставника Эшрефа Шемьи-заде назвал «одним из чудес крымскотатарской поэзии XX века». Присущая перу и, соответственно, полету мысли последнего особенность создавать в отдельных своих произведениях широкую историческую панораму с подобающими лирическими отступлениями («Днепрльстан» (1931 г.), «Козьяш дивар» – «Стена слез») оказала естественное влияние на творчество нашего современника. Но кроме этой связи есть не менее прочная нить – нить, связующая не столько поколения, сколько века.

Один конец этой нити – в руках у общепризнанного поэта средневековья Ашыка Умера с его метафорично-поэтическим обращением к творцам своей эпохи, названным «Шаирнаме». Изысканность выражений, филигранность ритма, смысловая отшлифованность поражают. Строфы Ашыка Умера из-за своей легкости и читабельности создают ощущение некоей пронизывающей разум и сердце плавности, неопикуемой сладости.

Средневековье! Сколько в его поэзии неподдельной чистоты и откровения, сильных чувств и мистики, возвышенного и иносказаний, виртуозной архитектоники, наконец.

Пожалуй, отмеченный дестан Шакира Селима – программное полотно, которое посвящено размышлениям автора над реалиями последнего десятилетия Крыма прошлого столетия применительно к судьбе крымскотатарского народа, где преломляются личные и общественные мотивы. «Къырымнаме» получилось произведением многоплановым, которое доводит до логического конца ряд тем, рассматривавшихся в более ранних произведениях поэта (стихотворный сборник «Севги алеви» – «Огонь любви»). При отсутствии видимой сюжетной линии, дестан рисует собирательный образ своего народа, материалом для которого служат отнюдь не фантастические вещи. Вызванный событиями социально-политического характера «крик души» подстегивает поэта и призывает к откровению (вспомним стихотворение «Бар сеснен» – «Во весь голос»). Пафосное обращение поэта генерируется чувством своей ответственности перед историей. Дестан, несущий в себе историческую и философскую нагрузку, нацелен на то, чтобы подобно всевидящему оку, аналитически созерцающему свысока, увидеть наши уязвимые ментальные слабости и предупредить о них. В части «Къузгунлар» («Черные вороны») опасения автора за дальнейшую судьбу народа вызваны наличием среди нас тех самых «воронов», которые являют собой пример блаженного идиотизма:

«Къузгунлар бугунь де тынч-раат ятмай,
Истидат корьселер, отьлери патлай,
Менменликте эждат олюсин атлай.
Аля чокъучыны къайрай къузгунлар...
Тек сагълам емишни ашайлар къуртлар,
Дарма-дагъын олды ханлыкълар, юртлар.
Озюмизден чыкъкъан мийсиз манкъуртлар
– Арамызда юрьген къара къузгунлар
Къырымым, Къырымым, джан ве тенимсинь,
Эки дюньяда да сен тек менимсинь.
Бир парча топракъта бою-энимсинь –
Лятиме сокъулмаса олды къузгунлар...» [2, с. 16-17]

Использование таких элементов архитектоники, как джынас, редиф, аллитерация, изафетная конструкция, газельная форма и др. говорят об эрудированности поэта и склонности его к сохранению традиций тюркского стихосложения.

Оригинальный подход к теме: поэт строит дом на исторической Родине, каждый камень которого выложен заботливо, и с неподдельным вниманием посвящен конкретным людям – родителям, родственникам и тем, кто приближал день репатриации («Эв» – «Дом»). Эти камни весьма дороги его сердцу, они – словно безмолвные свидетели благодарности поэта-строителя за память о них. Некоторая минорность здесь понятна: былого уже не вернуть.

Однако, думать, что Шакир-ага, подобно А. Фету, всегда меланхоличен и погружен в тоску, вряд ли справедливо. Свойственные его характеру афористичность, по-отцовски вдумчивый стиль ведения диалога, свойственная художникам слова риторичность, манера забавничать, умение занять окружающих, естественно, сказались и на дестане «Къырымнаме». Часть дестана, названная «Судаклы ногъай» («Судакский ногаец»), убежден, никого не оставит равнодушным. Эта часть выгодно отличается от других тем, что рассчитана даже на рядового, немыслящего высокими категориями читателя. Извечная тема взаимоотношения степняков и южнобережцев находит свою развязку в шуточном ключе: приезд ногайца в Судак на своей арбе, груженной зерном, овсом и мукой, и дальнейшее развитие событий, связанных с его судьбой, раскрыто в доброжелательной форме и как бы лишено всякой натянутости. Здесь есть что-то от Мемета Нузета (1888-1934) – мастера эклога, создавшего в свое время ряд поистине неувядаемых лирических произведений («Зевкъыма кете» – «Наслаждение», 1927 г., «Къудалыкъ» – «Сватовство», 1927 г., «Койде къыш» – «Зима в селе», 1928 г., «Нишанлыма кеткенде» – «По дороге к моей помолвленной», 1928 г.) [4, с. 78-85]. Кстати, об этом поэте Э. Шемьи-заде написал следующее: «Мемет Нузет, взятые им из народного творчества драгоценные словесные алмазы, отполировав еще лучше, подобно бриллиантовым камешкам, нанизанным на женское ожерелье, мастерски нанизав их на стихотворные строфы и строки прозаических произведений, вернул своему народу» [5].

Еще свежо в памяти то торжество, когда Шакир Селим как представитель ногайского племени читал это стихотворение – стихотворение «Судаклы ногъай» на юбилейном вечере южнобережца Аблязиза Велиева, и зал, впечатленный и, видимо, необычайно удивленный искусству компромиссов поэта, долго рукоплескал:

«...Манъа кимсе ногъай демей,

Къыпыкъ ёкътыр козиомде,

Ничюн бойле олды экен,
Деп шашаман озюм де.

Мына бугунь кьаршынъызда
Къыпыкъсыз ногъай тура.
Бельки онынъ дамарында
Чель-Судакъ къаны ура...»

Обращение к указанной теме небеспочвенно. Вопрос о перво- или второ- степенности того или иного диалекта крымскотатарского языка иногда низводится до уровня «театра абсурда». Данный разговор вызывает особую неприязнь на фоне постепенного сужения круга общающихся на родном языке. А ведь как печально осознавать, что на современном этапе развития крымскотатарского языка формируется бездиалектный этнос, который лишается корней, подпитывающих его язык, рождает космополитизм, уничтожая колорит, своеобразие собственно языка и уникальность народа. Но, как известно, в каждой шутке есть доля правды. К ней наш поэт и прибегает...

Бывают произведения, которые мы называем «шахэсер» (т.е. наиболее оригинальное, удавшееся и возможно программное произведение). Такой частью рассматриваемого дестана мы бы назвали «Къырымлы шаирлер» («Крымские поэты») [2, с. 23-32], в которой Шакир Селим упоминает шестьдесят национальных поэтов, ушедших в мир иной. И не только упоминает, ибо почти каждая отдельная строфа (четверостишие) лаконично характеризует конкретного поэта и имеет законченный смысл. Беспристрастность в оценке творчества и личности – налицо. Для примера:

«Алтанълы – ал танъга алдангъан шаир,
Тили коммунистче баллангъан шаир,
Бош хаял ичинде саллангъан шаир,
Омрюне языкъ, деп янсакъ не олгъан?

Энвер Селяметтир энъ сонъки шаир,
Ондан сонъ шаир догъмады, хайыр,
Худам, оны бизден айрыджа айыр,-
Назына отъмекдай тойсакъ не олгъан?

Рахметли Бурнаш да чокъ сатыр язды,
Йиненен къуюсын нафиле къазды,
Ялынъыз бир къач ширири саздыр,
«Сакъавланма каджай»гъа кульсек не олгъан?»

Вывод. А в конце дестана автор информирует, что «Къырымнаме» даа битмей языла!» («Къырымнаме» имеет свое продолжение»). Оно и понятно: поэт должен выразить свою жизненную позицию в отношении тех проблем, которые звучат с настойчивостью аукционного молотка.

Список литературы

1. Бартов И.Г. Сквозь пелену времен.- Тверь.- 1998.- 268 с.
2. Селим Ш. Къырымнаме // Ыылдыз.- 2000.- № 6.- С. 3-33
3. Селим Ш. Бар сеснен // Ыылдыз.- 1986.- № 6.- С. 3-21
4. Юнусов Ш.Э. Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века: традиционное мировоззрение и меняющийся мир.- Симф.: Доля.- 168 с.
5. Шемьи-заде Э. Эс, таглы ель, талгын-талгын.- Ташкент.- 1974.- С. 24

Юнусов Ш.Е. Творчість Шакіра Селіма: проблеми поетики.

У статті на основі епічного сказу кримськотатарського поета Шакіра Селіма «Къырымнаме» розглядаються питання наступності, архітектоніки та авторської позиції.

Ключові слова: мотив, пафос, кримськотатарська лірика, збирчий образ.

Yunusov Sh.E. The Creative way of Shakir Selim and the problems of his poetic.

In the article on the basis of the lyrical poem by the Crimean-Tatar poet Shakir Selim «Krimname» the problems of poetic links, structural patterns and the author's idea are examined.

Key words: motive, pathos, Crimean-Tatar lyric, collective image.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2007 г.

УДК 820/89 (100-87).

ЛЮБОВНОЕ ЧУВСТВО, КАК ОСНОВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ

Усеинов Т.Б.

Дослідження здійснено за підтримки ДФФД України

В предложенной статье раскрывается место и роль понятия “любовь” в формировании средневековой поэтической образной системы, подкреплённой необходимым текстологическим материалом.

Ключевые слова: любовное чувство, система образов, возлюбленная, влюблённый.

Целью нашей статьи является определение места и роли любовного чувства в формировании средневековой поэтической образной системы. Не является секретом, что основной тематикой всех течений средневековой восточной мусульманской поэзии является *лирика*. В этом смысле, *крымскотатарская письменная народная силлабическая поэзия* не стала исключением.

Согласно средневекового восточного мировосприятия, *любовь* лежит в основе всего мирского. Это чувство несменно сопутствует человеку на протяжении всей его жизни. Оно, и только оно, определяет и регулирует существование индивида в системе земных и божественных ценностей, что подтверждает **актуальность** нашего исследования.

Приведём по этому поводу слова Э.Д. Джавелидзе:

“Любовь объявлялась теологическим принципом созидания Бога и была причиной космического овещствления, ею начиналось и ею кончалось восхождение и нисхождение духа. *Любовь* предстаёт перед нами основой рождения человека, его нравственного совершенствования, эстетического переживания и экстатического видения” [1, с. 247].

Любовь, в понимании средневекового поэта, – не просто физическое состояние, это скорее философское понятие, присутствие которого в жизни человека обязательно.

Всё в мире имеет своё начало и свой конец. Любое физическое явление проходит стадии появления, развития, расцвета, увядания и исчезновения. И только *любовь* бессмертна. Это чувство причиняет огромные страдания и должно отталкивать от себя, однако оно привлекает и притягивает к себе всё новых и новых ашыков (влюблённых).

Любовь разрушительна и, в то же время, созидательна. Она, на первый взгляд, приносит человеку мучения, а в итоге, “вкусивший” невзгоды молодой человек, испытывает удовлетворение и счастье от происходящего. Более того, он стремится, вновь и вновь, пережить это чувство. Казалось бы, внешне несовместимые эмоциональные переживания “мирно соседствуют” в рамках данного чувства.

В средневековой крымскотатарской поэзии всех течений “*любовь*” неразрывно связана с понятием “*страдание*”.

Цель, которую несёт это чувство – духовное совершенствование через физическое уничтожение. Данный мотив был достаточно скрупулёзно разработан и широко применялся поэтами Востока.

Э.Д. Джавелидзе приводит слова о любви великого турецкого поэта-суфия, ашыка “всех времён и народов”, который впервые в тюркской письменной народной поэзии назвал себя ашыком – *Юнуса Эмре (конец XIII века – 1320-21)*:

“*Любовь* – это различные несчастья, которые играют человеком” [1, с. 250].

Будучи той основой, на которой и строится вся средневековая восточная поэзия, *любовное чувство* выступает, как самостоятельный компонент в *системе образов*, задействованной в лирике.

Как было сказано выше, *любовь* может унижить, истребить *влюблённого*, в то же время, она может противостоять и в силах перебороть в человеке, испытывающем её, отрицательные качества: себялюбие, эгоизм, чёрствость, страсть к материальным благам..., и для этого совсем не требуется физического или же материального превосходства.

Основным признаком *влюблённого* – одного из составных компонентов подавляющего большинства сюжетов, неизменного персонажа (явного или предполагаемого), является то, что он и днём, и ночью должен думать о своей *красавице*, не представляя своего существования без неё.

Любовь приводит молодого человека в состояние безумства, “его сознание мутнеет” и он входит в состояние экстаза.

Ашык не следует морально-этическим нормам, его не интересует общественное мнение, для него есть лишь она – *возлюбленная*.

Объект поклонения – цель его жизни. Он восхищается, поклоняется, оберегает её и в этом стремлении доходит до неадекватного поведения (позиции).

В виде примера, можно привести народную стихотворную форму (кошма) *Ашыка Омера (...-1707)*. На протяжении целого стихотворного произведения, поэт перечисляет целый перечень одушевлённых и неодушевлённых объектов (предметов), от которых он охраняет девушку (от Месяца, Ветра, Солнца):

1. ...Doğan aydan esen yelden

Seni güнден sakımrım...

Подстрочный перевод:

1. ...От взошедшей Луны и дующего Ветра,
От Солнца тебя я оберегаю...
[6, с. 45].

Абсурдность сложившейся ситуации нарастает с каждым бентом. Во втором четверостишии *влюблённый* ревнует красавицу “к розе на её щеке”:

2. ...Yanağına güller sokma
Seni andan sakınıgım...

Подстрочный перевод:

2. ...За щёку не вставляй (всовывай) розы* –
От розы тебя я оберегаю...
[6, с. 45].

В третьем бенте описывается неправдоподобная (невероятная) ситуация, когда *влюблённый*, “столь погрузившийся в любовное чувство”, “оберегает” *возлюбленную* от трёхгодовалого ребёнка:

...3. ...Üç yaşında kardaşım var
Seni andan sakınıgım...

Подстрочный перевод:

...3. ...Есть у меня трёхгодовалый брат –
Тебя от него я оберегаю...
[6, с. 45].

И, наконец, кульминацией сюжета служит последнее четверостишие. *Влюблённый*, казалось бы, обезумел – он оберегает *возлюбленную* от себя самого.

В данном контексте вспоминается широкоизвестная и воспетая арабская история любви “*Лейля и Меджнун*”, имя *влюблённого* молодого человека в которой переводится именно так – “обезумевший от любви, влюблённый до безумия” (“Меджнун”):

...3. ...Sen bir kuzu ben bir kurdum
Seni benden sakınıgım.

Подстрочный перевод:

...3. ...Ты – ягнёнок, я же волк,
Тебя от себя я оберегаю.
[6, с. 45].

Главным поступком любого *влюблённого* является то, что он должен отказаться от собственной души и победить свой *нефис* (в *араб.* произношении – “*нефе*”) – стремление к материальному обогащению. Огонь любви к *краса-*

---

* За щёку не вставляй (всовывай) розы – восточные женщины, и по сей день, для красоты и приятного аромата, прикрепляют поверх уха базилик или же другие приятно пахнущие цветы [Т.У].

вице должен уничтожить в нём всё то, что связывает его с бранным миром. Данная постановка вопроса выглядит актуальной не только для “*Божественной любви*”, но и для “*Любви земной*”.

Средневековые поэты дивана (а впоследствии, и народные поэты-ашыки) сравнивают *любовь* с огнём, который сжигает грудь *влюблённого*, превращает его сердце и душу в пепел (шашлык):

...4. Ateş-i aşk bağrım eyledi kebab

Çektığım felaket olunmaz hisab...

Подстрочный перевод:

...4. Огонь любви превратил мою грудь в шашлык,

Нет счёта мною испытываемому несчастью (беде)...

[5, с. 52].

Любовь, как символ духовного, не идёт ни в какое сравнение с материальными ценностями. Данная позиция доминирует в средневековой лирике и всячески популяризируется. Устами *влюблённого* автор, при первой же возможности, озвучивает данный постулат:

...4....Şöyle bir dilbere malik olaydım

Değişmezdim ben dünyadaki mala.

Подстрочный перевод:

...4....Если стал бы я обладателем такой красавицы,

Не разменял бы я [её – Т.У.] на имущество (состояние, богатство) мира...

[5, с. 47].

В этом случае поэтом проводится параллель между понятиями “*красавица*” (“*dilber*”) и “*любовь*”. Эти два понятия уравнены между собой.

В следующем примере автор объясняет свои мысли более широко:

...2. Tamahım yok bu dünyanın malına

Atlasına dibasına şalına

Ben de Mecnun gibi dostun yoluna

Terkettiğim namus ile ar olsun...

Подстрочный перевод:

...2. Не желаю страстно (не зарюсь) на имущество (состояние, богатство) этого мира,

На его атласы*, на его тафту**, на его кашемир *** [ткань – Т.У.].

И я, подобно Меджнуну, на дорогу друга

То, что брошу [под ноги объекта поклонения – Т.У.], пусть честь (достоинство) и смущение (стыд) будет...

* *Атлас* – текст. атлас.

** *Дуба* – текст. шёлковая ткань с разводами, тафта.

*** *Шал* – текст. кашемир (ткань).

[5, с. 287].

Любовь заставляет молодого человека терпеть унижения и находиться на чужбине. Он чувствует себя одиноким, покинутым, больным (любовным чувством) и нет ни лекаря, ни лекарств, а значить состояние его безвыходно:

...5. Diyar-ı gurbette kalmışım garib
Ne bir dürlü em buldum ne bir tabib...

Подстрочный перевод:

...5. На чужбине я остался в одиночестве (одиноким),
Не смог найти ни лекарства, ни лекаря...

[5, с. 79].

Беспощадное чувство является причиной того, что положение влюблённого на чужбине усугубляется с каждым днём, с каждой минутой – он “сгинается под тяжестью невзгод” и разлуки, со своей возлюбленной, превращаясь в лук* (“keman”):

1. ...Diyar-ı gurbette halim yamandır
Eyledi kaddimi keman ayrılık...

Подстрочный перевод:

1. ... Не завидное (плохое) положение (состояние) у меня на чужбине,
Превратила разлука рост мой в лук* [военное оружие – Т. У.]...

[5, с. 141].

Любовь воспринимается и описывается в Средневековье, как чувство безграничное, величественное, зависящее только от воли Всевышнего. Пред этим чувством человек выглядит беспомощным, он может предложить лишь душу и сердце, а повлиять на ход любовных перипетий (событий), увы, не в его компетенции. Человек, порой, если и не составная часть любви, то та маленькая деталь, которая, возможно, и существует для того, чтобы в сравнении с ней ощущалось всё разнообразие и необъятность этого чувства.

Авторы, в рамках *системы образов “любовь – влюблённый”*, достаточно часто, сравнивают *любовное чувство* с океаном или морем, тем самым, подчёркивая его величие. Молодой человек не страшится, с головой бросается в пучину и намерен испытать всё, что предначертано ему Роком. Однако исход событий, в каждом из случаев, может быть самым непредсказуемым:

...3. Aşkın ile hasbıhalin söylerim
İnüp aşkın deryasını boylarım...

Подстрочный перевод:

...3. В любви к тебе буду вести интимный разговор (беседовать по душам),
Опустившись [уйдя с головой – Т.У.], измерю [длину – Т. У.] море твоей любви...

* *Кеман* – воен. лук.

[6, с. 36].

Есть целый ряд разновидностей *любви*, описанных в крымскотатарской ашыкской поэзии: “*Божественная любовь*” к Всевышнему, “*Любовь к мальчику, к юноше, к молодому человеку*” (имеется ввиду любовь к Богу, только в несколько иной интерпретации), “*Земная любовь*” к девушке-красавице, “*Любовь к материальным богатствам, славе*” и т. д.

Вывод. *Любовь* – чувство, которое разделяется на, как минимум, две ступени в своём развитии. Начальной, самой простой и самой отдалённой от Бога, считается *бренная земная любовь* во всех её проявлениях (к девушке, к родным и близким, к материальным благам, богатствам и т. д.).

В процессе же эволюции это чувство должно превратиться, перерасти в завершающую ступень – *Божественную любовь*, которую постичь, увы, дано не каждому человеку.

Это удел избранных.

Список литературы

1. Джавелидзе Э.Д. У истоков турецкой литературы II. Юнус Эмре. – Тбилиси: “Мецниереба”, 1985. – 290 с.
2. Усеинов Т. Б. Народная литература Крымского ханства // VIII Сходознавчи читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції, 2-3 червня. – Київ. 2004. – С.100-102.
3. Усеинов Т. Б. Размышления о поэзии Крымского ханства. – Симферополь: Оджакъ. 2005. – 164 с.
4. Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы VI-XII вв. – М.: Главн. ред. восточн. лит-ры изд-ва “Наука”. 1974. – 254 с.
5. Elçin Ş. Gevheri Divani (Inceleme-Metin-Dizin-Bibliografya). – Ankara. 1998. – 763 s.
6. Elçin Ş. Aşık Ömer. – Ankara: Kültür bakanlığı, 1999. – 123 s.
7. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik lugat / Haz. F. Devellioglu. – Ankara: Aydın Kitabevi. 2001. – 1195 s.

Усеїнов Т.Б. Любовне почуття, як основа середньовічної поетичної образної системи.

У запропонованій статті розкривається місце й роль поняття “любов” у формуванні середньовічної поетичної образної системи, підкріпленій необхідним текстологічним матеріалом.

Ключові слова: любовне почуття, система образів, кохана, закоханих.

Useinov T.B. Love feeling, as a basis of medieval poetic figurative system.

In offered article the place and the role of concept “love” in formation of the medieval poetic figurative system is opened, supported by a necessary textual material.

Key words: love feeling, the system of images, beloved, in love.

Стаття поступила в редакцію 09 марта 2007 г.

УДК – 894.321(71)

ТИПЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ РАССКАЗЕ

Джемилева А.А.

В статье рассматриваются проблема повествования, типы повествования и их выражение в малой эпической форме. На материале рассказов современного крымскотатарского писателя Таира Халилова «Фесильген кьокьусь» («Запах базилика») и «Чал атым» (Мой чалый конь) делается попытка осмысления типов повествования.

Ключевые слова: повествование, типы повествования, повествователь, рассказчик, автор, первое лицо, третье лицо.

Цель нашей работы – раскрыть тип повествования от третьего лица, рассмотреть способы его проявления в современном крымскотатарском рассказе.

Актуальность выбранной темы связана с её неизученностью в национальном литературоведении. Поскольку крымскотатарская новеллистика чётко выраженному нарративному анализу не подвергалась, данная работа является апробативным исследованием. В статье лишь намечены некоторые аспекты, по которым впредь могли бы проводиться исследования.

Для того, чтобы разобраться в формах художественного повествования необходимо уяснить сам термин «повествование» Прежде всего отметим, что для отечественного литературоведения традиционна форма «повествование», а не «наррация» [11, с. 340]. По этой причине и мы в своих исследованиях будем придерживаться аналогичной точки зрения.

Понятие **повествование** в широком смысле подразумевает общение некоего субъекта, рассказывающего о событиях субъекта с читателем и применяется не только к художественным текстам. Очевидно, полагает Н.Д. Тамарченко, следует прежде всего соотнести повествование со структурой литературного произведения. При этом нужно разграничивать два аспекта: «событие, о котором рассказывается», и событие самого рассказывания» [10, с. 300]. По мнению большинства учёных, термин «повествование» соответствует исключительно второму «событию».

А.П. Чудаков определяет повествование как «весь текст эпического литературного произведения за исключением прямой речи (голоса персонажей) могут быть включены в повествование лишь в виде различных форм несоб-

ственно-прямой речи). В повествовании выделяется описание, рассказ о событиях (иногда повествованием называют только его), рассуждение» [14]. В.А. Сапогов исходит из сходной трактовки повествования: это «в эпическом литературном произведении речь автора, персонифицированного рассказчика, сказителя, т. е. весь текст, за исключением прямой речи персонажей. Повествование, которое представляет собой изображение действий и событий во времени, описание, рассуждение, несобственно-прямую речь героев, – главный способ построения эпического произведения...» [9, с. 280].

Авторы работ, посвящённых классификации видов повествования, – как в русском, так и в западном литературоведении – сам термин повествование никак не оговаривают [6].

Кроме того, различаются рассказ о событиях одного из действующих лиц, адресованный не читателю, а слушателям-персонажам, и рассказ об этих же событиях такого субъекта изображения и речи, который является посредником между миром персонажей и действительностью читателя. Только рассказ во втором значении следует при более точном словоупотреблении – называть «повествованием». Например, вставные истории в рассказах Таира Халилова «Биринджи кьар» («Первый снег»), «Чимган дагъларында» («В горах Чимгана»), Сабрие Сеутовой «Ишанч, Умют ве Севги» («Вера, Надежда, Любовь») считаются таковыми именно потому, что они функционируют внутри изображенного мира и становятся известными читателю благодаря основному рассказчику, который передаёт их читателю, обращаясь непосредственно к нему, а не к тем или иным участникам событий.

Попытку обоснования необходимых разграничений находим в фундаментальном труде Ж. Женетта «Повествовательный дискурс»: «В своём первом значении *recit* обозначает повествовательное высказывание, устный или письменный дискурс, который излагает некоторое событие или ряд событий. Во втором значении *recit* обозначает последовательность событий, реальных или вымышленных, которые составляют объект данного дискурса, а также совокупность различных характеризующих эти события отношений следования, противопоставления, повторения и т.п. В третьем значении, учёные полагают, что наиболее архаичном, *recit* также обозначает некое событие, однако это не событие, о котором рассказывают, а событие, состоящее в том, что некто рассказывает нечто, – сам акт повествования как таковой» [6].

В научной литературе разграничениям такого рода специального внимания не уделяется; более того, господствует тенденция к растворению различий и расширительному пониманию терминов. Так, в монографии В. Шмида «Нарратология» противопоставляются «классическая теория повествования», в центре внимания которой, – «посредник между автором и повествуемым миром», и

«структуралистская нарратология», для которой главный признак повествования – «определённая структура излагаемого материала», а именно «атемпоральная» структура «истории», «изображение события» [15, с. 11-13]. Повествование, – пишет учёный, противопоставлявшееся непосредственному драматическому исполнению, связывалось с присутствием в тексте голоса опосредующей инстанции, называемой “повествователем” или «рассказчиком» [15, с. 11].

При избранном нами подходе, дифференцирующем «акты рассказывания» в зависимости от их адресата, категория повествования может быть соотнесена с такими различными субъектами изображения и их речи, как *повествователь*, *рассказчик* и «*образ автора*». Общей для них является посредническая функция, и на этой основе возможно установление различий.

Наиболее важной представляется проблема **повествователя** и **рассказчика**. Литературоведы предлагают несколько путей её решения. Первый и самый простой – противопоставление двух вариантов освещения событий: 1- дистанцированного изображения безличным субъектом персонажа, именуемого в третьем лице, и 2- высказываний о событиях от первого лица, как правило, участника событий. «Персонифицированных повествователей, высказывающихся от своего собственного, «первого» лица, естественно назвать рассказчиками», – считает В.Е. Хализев [1, с. 236]. Литературоведы Р. Уэллек и О. Уоррен также полагали, что рассказчик легко отличим от автора именно благодаря форме от первого лица, а третье лицо они связывали с позицией «всеведущего автора» [13, с. 239-240].

Как показывают специальные исследования, между типом речевого субъекта и названными двумя формами повествования нет прямой зависимости: «В повествовании от третьего лица может выражать себя или всезнающий автор, или анонимный рассказчик. Первое лицо может принадлежать и непосредственно писателю, и конкретному рассказчику, и условному повествователю, в каждом из этих случаев отличаясь разной мерой определённости и разными возможностями» [6; 5].

Выделим функции повествователя и рассказчика. Повествователь – тот, кто сообщает читателю о событиях и поступках персонажей, фиксирует ход времени, изображает облик действующих лиц и обстановку действия, анализирует внутреннее состояние героя и мотивы его поведения, характеризует его человеческий тип, не будучи при этом ни участником событий, ни – что ещё важнее – объектом изображения для кого-либо из персонажей. Специфика повествователя определена положением «на границе» вымышленной действительности.

Здесь необходимо подчеркнуть, что повествователь – не лицо, а функция. Но функция может быть прикреплена к персонажу – при том условии, что персонаж в качестве повествователя будет совершенно не совпадать с ним

же, как с действующим лицом. Невидимое присутствие – традиционная прерогатива именно повествователя, а не рассказчика.

Повествователь, в отличие от автора-творца, находится **вне лишь того изображённого времени и пространства**, в условиях которого развёртывается сюжет. Поэтому он может легко возвращаться или забегать вперёд, а также знать предпосылки или результаты событий изображаемого настоящего. Но его возможности вместе с тем определены из-за границ всего художественного целого, включающего в себя изображённое «событие самого рассказывания».

Повествователю противопоставляется рассказчик, который находится не на границе вымышленного мира с действительностью автора и читателя, а целиком **внутри изображённой реальности**. Намечается ещё одна отличительная особенность между повествователем и рассказчиком: если повествователя внутри изображенного мира никто не видит и не предполагает возможности его существования, то рассказчик непременно входит в кругозор либо повествователя, либо – персонажей – слушателей рассказа.

Итак, рассказчик – субъект изображения, достаточно объективированный и связанный с определённой социально-культурной и языковой средой, с позиций которой он и изображает других персонажей. Повествователь же, напротив, по своему кругозору близок автору-творцу. В то же время по сравнению с героями – он носитель более нейтральной речевой стихии, общепринятых языковых и стилистических норм. Чем ближе герой автору, тем меньше речевых различий между героем и повествователем.

Таким образом, «посредничество» повествователя помогает читателю прежде всего получить более достоверное и объективное представление о событиях и поступках, а также и о внутренней жизни персонажей. «Посредничество» же рассказчика позволяет войти внутрь изображенного мира и взглянуть на события глазами персонажей. Третий – промежуточный вариант – когда автор-творец стремится уравновесить внешнюю и внутреннюю позиции. В таких случаях образ рассказчика и его рассказ могут оказаться «мостиком» или соединительным звеном.

Художественной литературе доступны разные способы повествования. Одной из наиболее распространённых форм эпического повествования является *рассказ от третьего лица*. Повествование от третьего лица имеет свои преимущества в изображении внутреннего мира. По мнению А. Есина, это именно та форма, которая позволяет автору без всяких ограничений вводить читателя во внутренний мир персонажа и показывать его подробно и глубоко [3, с. 240].

Повествование от третьего лица имеет преимущества и в изображении художественного времени. Такой тип повествования наиболее свободно обращается с художественным временем: оно может подолгу останавливаться

на анализе скоротечных психологических состояний и очень кратко информировать о длительных периодах, не несущих психологической нагрузки. Наконец, психологическое повествование от третьего лица даёт возможность изобразить внутренний мир не одного, а нескольких персонажей, что при другом способе делать гораздо сложнее.

В рассказе Таира Халилова «Фесильген кьокьусы» («Запах базилика») повествование ведётся от третьего лица. Автор-повествователь раскрывает перед нами небольшой отрезок из жизни героя Сеитя ага. Он живёт один, сыновья женились, дочь вышла замуж. За них сердце спокойно, не переживает. Сеитя ага тревожится о последнем, младшем сыне. Проводил сына в армию, но тоска по сыну сдавливала сердце. Здесь автор подчёркивает чувство любви к сыну, гордость отца.

Повествование незаметно переходит к самому герою: «Тёплая комната и горячий кофе погрузили в размышления». Причём автор никак не выделяет слова, принадлежащие Сеитя ага от слов повествователя. Но мы явственно чувствуем, что это мысли героя, а не повествователя. *«Ах, ты старость! Правильно, что этот настоящий мир называют обманчивым. Кто бы мог подумать, что он доживёт до этих дней! Если бы ему пятьдесят лет назад сказали об этом, он бы не поверил. Чего только не видел, чего не перенёс».* Следующее предложение – это слова повествователя (автора): *«Огонь и ветер войны сломали весь народ»* [16, с. 151].

Писатель показывает безграничность любви Сеитя ага к сыну. Идея рассказа растворена в образе отца и сына, и между ними никогда не прерывается связь. В каждом письме отец посылал сыну веточку засохшего базилика, который рос возле дома. Образ базилика – это вечная связь времен, связь поколений. Базилик – символ памяти, надежды, веры.

Но старик не смог дождаться младшего сына из армии. *«Рефат не успел увидеть в последний раз доброе, дорогое лицо отца. Оставшись один на свежей могиле отца, он горько заплакал. Да и отцовская последняя мечта угасла при воспоминании о младшем сыне...»* [16, с. 153].

Финал рассказа эмоционально и психологически точен, заставляет нас задуматься над величайшей проблемой – проблемой жизни и смерти. Таким образом, писатель удачно нашел “авторскую” форму, в которой воплотил свои интенции, провел тончайшую работу для раскрытия внутреннего мира героя, показал силу его характера. Так, находящийся вне текста повествователь, даёт достоверное и объективное представление о жизни героя.

Не менее интересно построение повествования в рассказе «Чал атым».

Повествование ведётся в традиционной манере – от третьего лица. лица автора. Сюжет рассказа несложен. Главный герой произведения – пожилой

человек Абляким ага. На свадьбе он вспоминает события, которые произошли 32 года назад. Эти воспоминания составляют основной композиционный стержень. Как видим, рассказ охватывает большой временной промежуток. Подчеркнём, что при таком способе повествования для автора нет тайн в душе героя: он знает о нём всё, может проследить детально внутренние процессы, объяснить причинно-следственную связь между впечатлениями, мыслями, переживаниями.

Писатель повествует о юношеских годах героя. *«В те далёкие годы, Абляким был ещё подростком. Ему очень нравилась девушка Инджифе. Но он был простым табунициком лошадей и мог об этой девушке только мечтать. Абляким смотрел за лошадьми, но особенно ему нравился чалый конь, который всегда ему покорялся. Подросток любил чалого, этому коню в конюшне не было равных. Вместе с ним нас коней более старший по возрасту Решат, который тоже любил Инджифе».*

Писатель правдоподобно описывает события, при которых он не присутствовал, во всяком случае внутри текста его нет. Такое изложение предоставляет выбранный им тип повествования от третьего лица. Повествователь комментирует течение психологических процессов и их смысл как бы со стороны, рассказывает о тех душевных движениях, которые сам герой не замечает или в которых не хочет себе признаться. *«Когда Абляким узнаёт, что Решат женится на Инджифе, это вызывает досаду и обиду героя. После свадьбы, Абляким не знал, куда себя деть, сердце его колотилось, душа горела огнём. Сам не заметил, как пришёл в конюшню. Быстро нашёл своего чалого коня и, прижавшись к гриве, горько заплакал. Кому он мог сказать о своей любви к Инджифе? Кто бы ему поверил? Писатель мастерски рисует перерождение героя: «Он улыбнулся, глядя на восходящее солнце, затем посмотрел на мир совершенно серьёзным и взрослым взглядом».* Глубокомысленное замечание автора проясняет суть происходящего: *«В эту ночь Абляким простился со своим детством»* [16, с. 137]. Оригинальная форма подачи материала вызывает сопереживание герою, а вместе с тем помогает прояснению идеи. А воспоминания героя позволяют окунуться в атмосферу произведения, почувствовать дух того времени и проникнуться сочувствием и пониманием к нелёгкой доле героя.

Таким образом, можно прийти к следующему **выводу**: повествование в произведениях Таира Халилова «Фесильген кьокьусы» («Запах базилика») и «Чал атым» («Мой чалый конь») мы можем определить как повествование от третьего лица. Писатель облачил свою точку зрения в верно найденном типе изложения событий, который позволил раскрыть события с совершенно иных ракурсов.

Список литературы

1. Введение в литературоведение /Под ред. Г.Н. Поспелова. – М., 1988. – 236 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 75 с.
3. Есин А.Б. Психологизм. //Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Чернец Л.В., Хализев В.Е., Эсалнек А.Я. и др: Под ред. Чернец Л.В. – М.: В.Ш., 2004. – 240 с.
4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс //Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. /пер. с франц. – М., 1998. – Т. 2. – С. 62-64
5. Ильин И.П. Нарративная типология // Современное зарубежное литературоведение. – С. 67-68.
6. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX XX вв. – М., 1994.
7. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. – М., 1972. – С. 33-34.
8. Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов //Проблемы истории критики и поэтики реализма. – Куйбышев, 1981. – С. 42-66.
9. Сапогов В.А. Повествование //Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 280-286.
10. Тмарченко Н.Д. Акт рассказывания: повествователь, рассказчик, образ автора //Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Чернец Л.В., Хализев В.Е., Эсалнек А.Я. и др; Под ред. Чернец Л.В. – М.: В.Ш., 2004. – С.300-310.
11. Тмарченко Н.Д. Повествование в ряду композиционно-речевых форм // Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Чернец Л.В., Хализев В.Е., Эсалнек А.Я. и др; Под ред. Чернец Л.В. – М.: В.Ш., 2004. – С. 339-348.
12. Толстой Л.Н. Полн. Собр. Соч.: В 90 т. – М., 1951. – Т. 30. – С. 19.
13. Уоррен О., Уэллек Р. Теория литературы. – М., 1978. – С. 239-240.
14. Чудаков А.П. Повествование //Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. – Т.5. – Стб. – 813 с.
15. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 11-13.

Художественная литература:

16. Халилов Т. Биринджи кьар (Первый снег): Повести и рассказы. – Т.: Издательство литературы и искусства, 1987. – 160 с.

Джемилева А.А. Типи оповідання в сучасній кримськотатарській розповіді

У статті позглянуто проблему розповіді, типи розповіді та їх вираження у малій епічній формі. На матеріалі оповідань сучасного кримськотатарського письменника Таїра Халілова «Фесильген кьокьусь» («Запах базилика») і «Чал атым» («Мій чалий кінь») зроблено спробу осмислення типів розповіді.

Ключові слова: розповідь, типи розповіді, розповідач, оповідач, автор, перша особа, третя особа.

Djemileva A.A. Types of narration in the modern Crimean Tatar story

The article deals with the problem of narration, types of narration and their revealing in minor epic forms. It is based on short stories of the modern Crimean Tatar writer Tair Khalilov "Fesigen kokusi" ("The Scent of balzic"), "Chal atim" ("My Grey Horse"). It is tried to interpret the types of narration.

Key words: narration, types of narration, narrator, reteller, author, narration from the first person, narration from the third person.

УДК 82.512.145 «19»: [17+111.852]

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. ПАШИ

Сеферова Ф.А.

В работе рассматриваются вопросы формирования этико-эстетических идеалов героев произведений И. Паши. Цель данной публикации дать возможность читателям посмотреть через призму сегодняшнего дня на события 70 – 80-х годов XX века на основе творчества И. Паши.

Ключевые слова: эволюция, символ, этика, коллизия, личность, социальный, фольклор.

В середине 60-х годов в крымскотатарскую литературу пришла плеяда писателей нового поколения. Среди них были люди разного жизненного опыта (И. Паши взялся за перо, будучи уже зрелым человеком, а Э. Умеров – студентом Литературного института). Однако их объединяло внимание к вопросам нравственности, интерес к этическим проблемам. Рождённый в 1918 году, И. Паши заявил о себе как о писателе только в начале 70-х, выпустив сборник «Цветок и кровь», включавший девять рассказов, в том числе и давший название изданию. Сверхидея этого творения – ответственность человека за жизнь окружающих как моральная основа формирования гражданских качеств личности («Тайна Халиде», «Не прячь лицо от ветра», «Телеграмма»). Небезынтересен писателю и процесс нравственного становления личности («Сбор фундука»). Через восприятие подростка автор передает события довоенной жизни в одном из уголков Крыма, к которому обращены все его мысли, его глубокие чувства, его генетическая память. **Целью** данной статьи является рассмотрение вопросов формирования этико-эстетических идеалов героев произведений И. Паши.

«Цветок и кровь» – название, которое И. Паши дал отдельному рассказу и всему сборнику. Автор словно бы призывает читателя обратить внимание на рассказ и вдуматься в символику названия книги, объединившей под одной обложкой разные по тематике и мировосприятию произведения. «Кровь» – это и война во всех её проявлениях: когда рвутся снаряды и свистят у виска пули, когда физические и нравственные страдания испытывает и стар. и млад (юная медсестра тяжело ранена в ногу), это и послевоенное лихолетье, трагическое и тягостное. (После долгих поисков Рустем, спасённый медсестрой, находит Азизе далеко от родных краёв – в местах депортации; см. также рассказы «Равнодушный к детям» («Бала севмез»), «Телеграмма»).

А что же за символ «цветок»? «Цветок» для И. Паши – это медсестричка, внешне хрупкая и нежная, а внутренне сильная и мужественная. Её несгибаемая воля способна поддержать любого раненного, любого ослабевшего. Её лицо и душа подобны эдельвейсу, который крымские татары называют «тавр чичеги» (цветок тавра). Он взращён под крымским солнцем и поэтому способен выдержать любой ураган [1, с. 25]. Даже поверженный, он тянется к солнцу. Устами Азизе И. Паши формулирует своё эстетическое кредо: «Человеческая жизнь должна быть прекрасной как цветок» [1, с. 3] (см. также рассказы «Телеграмма», «Тайна Халиде» – «Халиденинь сыры», «В больнице» – «Хастаханеде» и т.д.). В повествовании о судьбе Азизе и Рустема И. Паши затронул столько нравственных проблем (долг и честь; мировосприятие и жизненные обстоятельства; моральные основы формирования гражданских качеств личности, способность видеть прекрасное), что рассказ превратился в социально-философское повествование о прошлом крымскотатарского народа, его настоящем и будущем, а герои в своих лучших проявлениях, преодолевая тяготы жизни, в том числе и военные, не теряют способности радоваться бытию и выступают хранителями земной и душевной красоты. В середине 70-х годов прошлого века И. Паши заявил себя как приверженец производственной темы. Почти единодушное мнение критиков выразил А. Осман в статье «Звёзды Паши» («Пашининь йылдызлары»): «Почти все события, даже самые актуальные, в произведениях И. Паши происходят на производстве. Главный вопрос, беспокоящий его героев [И. Паши], – это вопрос производства» [2]. И. Паши находит своих героев и на улице, и в заводском цеху, и на железобетонном комбинате. Несомненно, это связано с биографией писателя: ведь он много лет был пролетарием, и рабочая среда была ему близка, именно она подчиняла себе все помыслы будущего писателя.

Ильяс Караев – центральный герой повести «Звёздные ночи» («Йылдызлы геджелер»), способен думать только о производстве (например, об обеспечении теплом жилого дома, находящегося в его ведении). Все другие жизненные вопросы у него на втором плане. Главное – «затвердевшие части бетонного раствора на трубах», которые «мешают отопительной системе зданий», «арматура, старые трубы, сваленные в кучу и ржавеющие под дождём» и т.д. Директор комбината, Караев работой просто болен. Даже дома за едой, он неотступно думает о производстве и много говорит о нём. Читателя не покидает чувство, что он имеет дело с винтиком какого-то сложного агрегата, а напряжённый производственный процесс, который И. Паши описывает очень скрупулёзно, неумолимо затягивает его в технические дебри. Караев – типичный технар: он не смотрит в небо, не видит красок мира, не живёт полнокровной жизнью, а ведь повесть называется «Звёздные ночи».

На производственном собрании директор Караев вместе с бригадой рабочих ломает голову над «сложной» задачей: «Затвердевшие части бетонного раствора на отопительных трубах мешают отопительной системе зданий» [3, с. 6]. После долгих обсуждений мастер Эмиров легко решает спорный вопрос, предложив «заварить конец трубы». Конфликт наконец-то улажен.

Заметим, что эта повесть и в отношении сюжета, и в плане композиции повторяет широко распространенную в СССР банальную «производственную повесть», главным для автора является производственный конфликт, который иногда доводится до абсурда. Сюжет такого произведения развивается под стать конфликту. Однако Б. Чобан-заде верно подмечено, что «в основе сюжета должно находиться событие, взятое из жизни» [4, с. 28].

Желая проследить нравственные принципы Караева, автор ставит его в нестандартную ситуацию. Однако выпавшие на долю персонажа испытания выливаются лишь в пересуды да разговоры, описанию которых, кстати, в повести уделено слишком много внимания. В результате характер героя И. Паши так и остался нераскрытым.

Известный психолог А.С. Андреев в статье «Психологические корни экологических проблем» приходит к выводу, что «среди характерных черт советского человека можно выделить «конформность» (стремление к идеалам и указаниям) и «ригидность» (скованность). Именно эти особенности находятся в противоречии с «креативностью» (творчество) и самоактуализацией (выражение самого себя) – основными признаками гуманистических идеалов свободного человека в свободном мире» [5, с. 101; 6].

Нельзя сказать, что Караев, главный персонаж повести, изображен как идеальная личность. Именно такими недугами как «конформность» и «ригидность» страдает этот герой. Караева ничто не может оторвать от проблем производства, даже смерть матери. В самые тяжелые минуту директор находит свое утешение не у родного очага, в кругу родных, а на железобетонном комбинате среди рабочих.

Совершенно справедливо мнение А. Османа, утверждающего, что в конце произведения читатель начинает жалеть Караева и хочет воскликнуть: «Товарищ, подождите! Оглянитесь вокруг, ведь есть другая жизнь – ею надо жить!» [2]. Увлечение автора изображением производственного процесса, повторяясь, мешает раскрытию внутреннего мира героя.

Несомненно, одно: духовной и нравственной опорой человека являются родная земля, родной дом. Грубое вмешательство прогресса в жизнь человека разрушает традиционное мировоззрение, нравственные нормы, способствует возникновению псевдоидеалов [6, с. 17].

В данном случае, очевидно, что директор железобетонного комбината Ильяс Караев страдает от одиночества, так как лишён духовной связи с пред-

шествующими поколениями, а, следовательно, нравственной опоры. Он стонет родной матери, дома, отделён от природы.

Заметим, что тема дома и родного очага не теряла своей актуальности во все исторические периоды. Если в начале XX века герой И. Гаспринского Молла Аббас покидает благодатный край и возвращается на родину, где «царит угнетение и невежество», а герои Дж. Сейдамета Кырымэра утверждают, что «в иерархии ценностей – Земля, Мать, Отечество, все понятия должны быть для человека святыми», то герои произведений 20-30-х годов, вдохновленные новыми переменами, рассуждают о службе во благо родине, о просвещении народа и человеческом достоинстве. Попавшие в места депортации персонажи так и не обретают дома, очага, которые могли бы согреть их сердца.

Именно таковыми станут главная героиня Урие Эдемовой Фатма картанай (бабушка), которая «безутешно ждет без вести пропавшего сына и каждое утро спешит на железнодорожную станцию»; «совестливая» Макпуле, героиня Черкез-Али, которая так и не обрела семьи и родного очага. Таков и герой романа Эмиль Амига Рустем, с волнением смотрящий на звездное небо в поисках «звезды счастья». Таковы и герои И. Паши: заботясь о пользе народа и «выполняя указания партии и правительства», они сторонятся родного очага.

В литературе распространено мнение, что «в это время из-под пера писателей вышло немало таких книг, где в роли героев выступают персонажи, наделенные всевозможными добродетелями или пороками, которые предназначены были проиллюстрировать верную идею, но при этом оказывались ходульными, очень далекими от реальной жизни и живых человеческих характеров» [7, с. 101-110]. Однако, на наш взгляд, И. Паши в познании внутреннего мира человека своего времени идет своим путем, изображая его в процессе труда. В этой сфере и раскрывается главное в нравственном содержании человека.

В повести «Одна неделя» («Бир афта») [8] И. Паши, раскрывая традиционную для крымскотатарской литературы тему нравственного самосовершенствования, находит интересный угол зрения в ее освещении.

Герой этой повести – один из тех, кого «переехало колесо истории». Судьба крымского татарина Меджита Аппазова, еще подростком депортированного из Крыма, мучимого тоской по зеленым холмам, маленькому домику с черепичной крышей, звездному небу и песням жаворонка на заре – по всему, что называется его родиной, становится предметом глубоких раздумий писателя о смысле человеческой жизни и родине, о чувствах и долге.

Сюжет повести довольно прост. М. Аппазов – руководитель хозяйства «Сары голь» («Желтое озеро»), вот уже целую неделю пребывает в беспокойном состоянии. Слова некогда проходившего в его хозяйстве практиканта, а

ныне секретаря райкома Ш. Велиева о том, что «Аппазов работает устаревшими методами», заставили его вспомнить былое [8, с. 18].

Когда-то Меджит Османович из-за эгоистических побуждений препятствовал работе молодого талантливому специалисту Ш. Велиева. Освоивший в юности профессию тракториста, но не сумевший по объективным причинам получить высшее образование, Меджит Османович опасается молодых специалистов, видя в них конкурентов. При любой возможности он старается уколоть их и даже обвинить в недееспособности. Чтобы утвердить себя, Аппазов постоянно напоминает, что он – директор, начальник. Студента-практиканта Шевкета Велиева, как неопытного, он отправляет в бригаду рабочих-подсобников, дабы тот «познал труд простого рабочего». Постепенно отношения между Аппазовым и Велиевым натягиваются, словно «струны скрипки, готовые вот-вот лопнуть» [8, с. 9].

Сложен и противоречив образ М. Аппазова. Автор стремится нарисовать психологически многогранный характер человека, выросшего на почве крымскотатарской жизни, впитавшего ее традиции и понятия. Создается впечатление о человеке ярком и сильным, способном и на самоотверженный труд, и на подвиг, и на возвышенное чувство. И все же Аппазову не хватает обаяния. Усилия писателя не вносят в образ героя необходимой гармонии. Завидная энергия, трудолюбие, честность, свойственная Аппазову, сама по себе не является гарантией успеха в деятельности руководителя.

И. Паши, воплощая в Аппазове исторически сложившееся черты директора-хозяйственника, формировавшегося в обстановке восстановления народного хозяйства в первое послевоенное двадцатилетие в деревне, показывая жесткую схематичность его мировидения и некоторую грубость характера, задумывается о перспективе его эволюции, о возможности владения таких этических качеств, которые бы не вступали в противоречие с требованиями человечности. Таким образом, повесть посвящена также не менее актуальной проблеме – столкновению разных стилей руководства – бюрократического и творческого. В центре внимания И. Паши оказывается идейно-нравственный конфликт между представителем старшего поколения, человеком эгоистичным, и творчески мыслящим представителем молодого поколения.

В образе секретаря райкома Шевкета Велиева выявился характер нового человека. Кодекс чести, предписывающий быть великодушным к старшему по возрасту, слабому и побежденному сопернику, вошел в его сознание и сердце как священная заповедь и слился с природными свойствами его правильного характера. В свое время критика отметила «творческие достижения автора в создании образа современного человека» [9, с. 436].

Сам автор говорит: «Моя повесть «Одна неделя» («Бир афта») – о человеке с узким кругозором, который очень просто понимает правду жизни, но старается «казаться современным человеком». И, продолжая мысль, добавляет: «но в моих произведениях всегда за производственными проблемами и фактами стоит человек и его судьба» [10].

«Борьба за успех, – пишет литературовед М.П. Ткачук, – неминуемо соотносится с моральной деградацией и часто несет за собою этическую, а то и физическую гибель героя» [11, с. 220]. В повести все развитие сюжета подчинено теме преодоления Аппазовым одиночества и «спуска» директора с его «горькой высоты» к людям. Именно в близости, в общении с простыми тружениками села ждет его духовно-нравственное обновление.

Таким образом, человеческое достоинство в повести И. Паши меряется не только суровыми нравственными критериями, выстраданными в горниле войны, депортации и в погоне за высокими производственными показателями.

Аппазов-руководитель, разьедаемый спесью, равнодушен к людям: «Мы живем в космическую эпоху. А это эпоха ускорения. Надо спешить, спешить», – говорит он. («Биз космик девирде яшаймыз. О исе чабиклик девиридир. Ашыкъмакъ, ашыкъмакъ керек», – дей о) [8, с. 17]. По этой причине он совершает ряд нравственных предательств по отношению к друзьям и подчиненным.

В повести лейтмотивом проходит символ духовной высоты – небо. Оно то лазурное и бездонное, то в ярких звездах-алмазах: «бездонное иссиня-бархатное небо с рассыпанными на нем яркими звездами кажется волшебным куполом над головой»... («Мавы кок юзюнде исе йылдызлар сепильген, олар гуя башынънынъ тѣлесинде къапакълангъан киби корюне...») [8, с. 17]. Однако не каждому, кто достигает высот, обеспечены чистота помыслов, бескорыстие. Выдержит ли Аппазов, потерявший доверие своих подчиненных – односельчан, проверку на этой высоте еще раз, покажет время, ибо кристальная чистота и величие неба только для тех, кто не изменяет себе, правде, не прельщается карьерой.

По И. Паши добро и зло являются прирожденными свойствами человека. Они являются причиной раздвоения человеческой природы, «корнем» земных страданий и мучений. Писатель как бы постоянно обдумывает доброе и злое начала в своем герое, пытаясь определить, какое же из них поможет ему понять смысл жизни. Восхищение Меджита Аппазова звездным небом, стремление к высокому и любовь в земле, говорят о его желании нравственного обновления. Такова, на наш взгляд, этическая коллизия творчества И. Паши. Ведь не случайно автор образно сравнивает героя с вековым дубом, глубоко ушедшими корнями в землю, и подчеркивает, что он не гнется даже в сильные бури [8, с. 30].

Таким образом, противостояние различных этических принципов составляет основу сюжета повести. В небольшом по объему произведении, несмотря на многообразие художественных приемов, все-таки чувствуется заданность темы, сосредоточенность писателя на производственно-бытовой сфере человеческих отношений. Многие страницы повести отведены рассказу, как Аппазов овладевал специальностью тракториста, а вот как Меджит Османович стал директором – автор не обмолвился ни словом.

Образом Аппазова автор показывает, как драматична и сложна жизнь тех людей, которые при стечении обстоятельств (война, депортация, послевоенное лихолетье), в которых проявилась их житейская неустроенность, воспитание, образование и культура, нередко ошибаются, а в попытках обрести достойную жизнь сбиваются с пути и страдают. Позднее И. Паши напишет в эссе: «Главный герой моей повести директор совхоза Меджит Аппазов все время жил в страхе, что его уволят с занимаемой должности» («Бир афта» повестимнинь баш къараманы совхоз директоры Меджит Аппазов бутюн вакъыт мени озь вазифемден чыкъараджакълар, деген къоркъунен яшады, – дей И. Паши) [9, с. 30].

В противоположность Аппазову, Велиев, «выросший» до уровня секретаря райкома, привлекает к себе людей своим душевным отношением, основанным на чувстве справедливости.

Свой идеал человека и руководителя И. Паши воплощает в образе Ш. Велиева, личная порядочность, выдержка, преданность правде которого способствуют душевному прозрению М. Аппазова. Вызывает интерес также проблема преемственности поколений, которую затрагивает И. Паши, но изображает он эти отношения односторонне и явно облегченно.

«То, что происходит на наших глазах, правильно оценит только следующее поколение, – говорит И. Паши. – Добросовестный писатель обязан говорить обо всем, что мешает нравственному совершенствованию, но он, мне кажется, не должен отталкиваться от правды факта, только факта, имею в виду. Надо увидеть явление». («Эр бир анълы инсаннынъ, хусусан языджынынъ баш вазифеси халкънен бирге адымламакъ, халкънен берабер яшамакътыр. Мен эдебиятнынъ эсас вазифесини инсангъа инсан олып яшамагъа ярдым этмесинде корем») [9, с. 35]. В каждом явлении мастер слова стремится увидеть его социально-нравственный смысл, взаимосвязь фактов. Общество и природа, человек и обстоятельства, которые его формируют и в которых он действует, предстают в повести в единстве.

Вывод. На основе анализа названных произведений можно прийти к такому выводу, что именно в 60-ые – 80-ые годы XX века в крымскотатарской литературе «в критериях общественно-нравственных ценностей можно было увидеть новый подход к духовному содержанию личности» [10, с. 98]. Крым-

скотатарские прозаики пытаются показать героев, которые желают разобраться в себе, в мире, осмыслить причины трагической дисгармонии личного и общественного. Писателей привлекает внутренний драматизм эпохи. Главным становятся не события, а их воздействие на души людей, отражение минувшего в настоящем.

Список литературы

1. Паши И. Къан ве чичек. – Ташкент: Гъафур Гулям адына бедийи нешрияты, 1970. – 23 с.
2. Осман А. Пашининъ йылдызлары. // Ленин байрагы. – 1979. – 6 январь.
3. Паши И. Йылдызлы геджелер. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1978. – 180 с.
4. Чобан-заде Б. Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ деври. // Йылдыз. – 1993. – № 1. – С. 3 – 44.
5. Андреев А.С. Телесно-ориентированный метод гештального подхода как одно из средств решения социальных проблем. // Ученые записки КГИПУ. – 2001. – Выпуск 2. – С. 88-92.
6. Андреев А.С. Психологические корни экологических проблем // Тезисы крымского международного семинара «космическая экология и ноосфера». – Симферополь, 1999. –С. 101-102.
7. Гей Н., Пискунов В. Эстетический идеал советской литературы. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962.
8. Паши И. Бир афта. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1982. – 232 с.
9. Нагаев С., Фазылов Р. Къырымтатар эдебият тарихы. – Акъмесджит: Къырымдевокъув-педнешир. – 2001. – 640 с.
10. Наша беседа с писателем И. Паши 2-8 февраля 2003 г.
11. Ткачук М.П. Жанрова структура прози Івана Франка (бориславський цикл та романи з життя інтелігенції) Монографічне дослідження. Науковий редактор і післямова доктора філологічних наук професора Р.Т. Трам'яка. – Тернополь, 2003 – 384 с.

Сеферова Ф.А. Аксиологічні аспекти у творчості І. Паши

У статті розглядаються питання формування моральних поглядів героїв прози І. Паши. Мета даної публікації – дати можливість читачам подивитися через призму сьогодення на основі творів І. Паши.

Ключові слова: еволюція, символ, етика, колізія, особистість, соціальний, фольклор.

Seferova F. A. Axiological aspects in the I. Pashi creation

I. Pashi have brought new word vision to Crimean Tatar prose, new original thinking. Axiological aspects of social – aesthetic ideals, being embodied in ideological content analyzed works, are revealed there.

Key words: ethics, aesthetic, moral universals, dichotomy, folklore.

Статья поступила в редакцию 09 марта 2007 г.

УДК – 398

ЭЛЕМЕНТ ЗАПРЕТА В КОМПОЗИЦИИ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Абдулганиева М.С.

Крымскотатарский фольклор, как и устное творчество других народов, отражает становление мировоззрения, ментальности крымскотатарского этноса. Крымскотатарские волшебные сказки, в своей структуре содержащие различные композиционные элементы, также включают в свой состав пару «запрет – нарушение запрета». Указанные элементы композиции волшебной сказки традиционно восходят к древним табу, к периоду тотемизма. В крымскотатарских образах, особенно в свадебном, мы находим проявления различного рода табу и процедур инициации.

Крымские татары, продолжая древние традиции, с принятием ислама, естественно, восприняли все нормы мусульманской религии, которая предписывала свои ограничения и запреты.

Ключевые слова: крымскотатарский фольклор, волшебные сказки, табу, тотемизм

Целью нашего исследования является элемент запрета в композиции крымскотатарской волшебной сказки. Поскольку крымскотатарские сказки на сегодняшний день явление недостаточно изученное, нам представляется **актуальной** задача нашего исследования.

Крымскотатарский фольклор, как и устное творчество других народов, отражает становление мировоззрения, ментальности крымскотатарского этноса. Крымскотатарские волшебные сказки, в своей структуре содержащие различные композиционные элементы, также включают в свой состав пару «запрет – нарушение запрета». Указанные элементы композиции волшебной сказки традиционно восходят к древним табу, к периоду тотемизма.

В заметках А.Н. Бернштама о быте и культуре крымских татар конца XIX – начала XX вв. «Материализованная религия» мы находим такое описание крымскотатарского двора и жилища: «...часто к колонне дома на террасе прикрепляют голову барана, которого режут во время праздника Курбан-Байрам. Череп при жилище обыкновенно служит выражением некоего священного покровительства по отношению к дому... Форма такого почитания есть пережиточная форма тотемизма у крымских татар. Подобное же мы наблюдаем и с головой лошади, что, однако, имеет отношение не к одному жилищу, а ко всему хозяйству. Голова лошади вешается на плетень, окружающий дом, или укрепляется возле хозяйственной постройки» [2, с.39]. То есть тотемизм

тические верования у крымских татар сохранялись довольно долго, а в некоторых обрядах «живут» и по сей день.

Табу, запреты, в древней культуре исполняли защитную и регулирующую функции. Так запрет убивать тотемное животное и запрет на половые отношения внутри одного тотема считаются самыми древними.

Целями табу считают: охрану важных лиц (вождей), предметов; защиту более слабых от магической силы вождей; защиту от опасностей, связанных с прикосновением к трупам (мертвецам) и с едой; охрану важных жизненных актов (роды, брак, инициация); защиту людей от могущества и гнева богов и демонов; охрану нерожденных и маленьких детей от опасностей, в связи с их зависимостью от действий родителей [8, с. 39 -41].

Защищая и охраняя, табу давало возможность культурной и религиозной идентификации определенной группы людей, этносу. Так, например, запретам в старообрядчестве изначально отводились многообразные функции, и, прежде всего, функции защиты и разграничения в отношениях с иноверным миром, а также регулирующая функция для случаев, когда избежать контактов с «миром» не представлялось возможным.

Основанием для выработки *защитных запретов* служила уверенность, разделявшаяся представителями большинства старообрядческих согласий, в том, что близость пришествия Антихриста и кончины мира требует особых мер для сохранения ритуально чистой среды и пространства в эти «последние времена» [9].

В крымскотатарских обрядах, особенно в свадебном, мы находим проявления различного рода табу и процедур инициации. Так, известно, что жених мог навестить невесту только на третий день после сватовства, да и то, посещать ее тайно, переговариваясь через окно, избегая встречи лицом к лицу, как с невестой, так и с будущей тещей. Обычай посещения невесты до совершения бракосочетания назывался «пенджере». Перед свадьбой жениху производили ритуальное бритье, невесте окрашивали волосы и ногти хной, а перед входом в дом невесты жених получал еще и побои от своих друзей.

Обычай избегания родителей невесты содержит в себе элементы первобытных отношений эпохи переходного периода от матриархата к патриархату [7, с. 16].

В сказке «Лювкьулакь огьлан» («Парень с медвежьими ушами») мы встречаем целый комплекс проявления функции «нарушение запрета». Так, на третий день свадьбы визиря, подружки невесты выводят девушку во двор, где её замечает медведь, а ночью, он её похищает через окно. Здесь налицо нарушение изоляции девушки (невесты) перед браком (или в связи с физиологическим циклом) - вывели во двор; во дворе происходит встреча с будущим, к тому же, тотемным, супругом – медведем: далее – близко к обычаю «пенджере» – медведь постучал в окно, девушка выплянула и была похищена медведем.

Похищение жен – одна из пережиточных форм обряда, бытовавшего у многих народов, в том числе и у крымских татар [7, с.17].

Другого рода запреты в анализируемых нами сказках связаны с контактом с чужим миром, миром магических сил. Так в сказке «Зюльбюер кыз» («Девушка Зюльбюер») отец запрещает сыновьям охотиться в восточной части леса, в сказке «Алтынбашнен Хыярбаш» («Златовласка и Огуречноволосяя») девочка по приказу мачехи идет на реку пасти теленка, вспоминая свою мать, она долго плачет и, наконец, засыпает. Известно, что сон в древности мог восприниматься как временная смерть. Нарушив, таким образом, табу сна, далее девочка вступает в контакт с персонажем-Дарителем. А в сказке «Джумерт ве Къызгъ-анч» («Щедрый и Скупой») действие происходит на мельнице – традиционно магической территории. Несмотря на высказанный запрет, Джумерт остается на мельнице, вследствие чего подслушивает разговор джиннов.

Встречается, так сказать, потенциальный запрет говорить в сказке «Падишанынъ масалы» («Сказка о падишахе»), когда, не дав возможности проговориться о проделках жены падишаха, последняя приказывает убить дочку падишаха. Такой же потенциально нарушенный запрет мы находим в варианте сказки «Таз огълан» («Лысый юноша»). Здесь удалившийся по делам падишах получает весть о дочери, которая якобы сожительствует с одним из визирей.

В заключение можно сделать следующие **выводы**: крымские татары, продолжая древние традиции, с принятием ислама, естественно, восприняли все нормы мусульманской религии, которая предписывала свои ограничения. Ко времени принятия крымскими татарами ислама сказка была уже сформирована, как фольклорный жанр, и, переживая различные трансформации сюжета и т.д. исламские запреты проникли в содержание крымскотатарских волшебных сказок. Анализируя сборник «Сказки и легенды татар Крыма» мы находим, что сознание и быт рассказчиков уже прочно связаны с культурой ислама. Если говорить о композиции крымскотатарской волшебной сказки, то, мы считаем, здесь запреты и рекомендации для мусульман, часто пронизывающие содержание сказки, проявляют себя в виде различных элементов композиции и требуют отдельного анализа.

Список литературы

1. Акъыллы кирпинен айнеджи тильки. – Ташкент: Чолпан, 1990. – 223 с.
2. Бернштам А.Н. Жилище Крымского предгорья// Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: Доля . 2005. – С. 39 – 41.
3. Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь: Доля . 2005. – 576с.
4. Мудрость веков. (Традиционное мусульманское воспитание). Часть II. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2000. – 192 с.

5. Сказки и легенды татар Крыма: фольклорный сборник. – М.: Новости, 1992. – 352 с.
6. Тылсымлы юзюк. Халкъ масаллары. – Акъмесджит: Таврия, 2006. – 80 с.
7. Шевкет Энвер. Архаичные элементы народной свадебной обрядности и обычаев крым-татар.// Къасевет. – 1990. – № 1/18. – С.16 –22.
8. Фрейд З. Тотем и табу. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 256 с.
9. [http// www. ruthenia.ru](http://www.ruthenia.ru)
10. Записи на фольклорной практике, произведенные З. Нафеевой (Карахалиловой)

Абдулганиева М.С. Елемент заборони в композиції кримськотатарської чарівної казки
Кримськотатарський фольклор, як і усна творчість інших народів, відбиває становлення світогляду, ментальності кримськотатарського етносу. Кримськотатарські чарівні казки, у своїй структурі утримуючі різні композиційні елементи, також включають у свій склад пари «заборона – порушення заборони». Зазначені елементи композиції чарівної казки традиційно започатковані з древнього табу, з періоду тотемізму. У кримськотатарських обрядах, особливо у весільному, ми знаходимо прояви різного роду табу і процедур ініціації.

Кримські татари, продовжуючи древні традиції, з прийняттям ісламу, природно, сприйняли всі норми мусульманської релігії, що пропонувала свої обмеження і заборони.

Ключові слова: кримськотатарський фольклор, чарівні казки, табу, тотемізм.

Addulganieva M.S. Element of prohibition in composition of Crimean Tatar magic fairy-tale
Crimean Tatar folklore, as well as a verbal creation of other people, reflects becoming of world view, mentality of Crimean Tatar ethnos. Crimean Tatar magic fairy-tales, containing different composition elements in the structure, also plug in the composition the pair «prohibition – violation of prohibition». The indicated elements of composition of magic fairy-tale traditionally ascend to the ancient taboos, to the period of totems. In Crimean Tatar ceremonies, especially in wedding, we find the displays of a different sort of taboos and procedures of initiation.

Crimean Tatars, continuing ancient traditions, with acceptance of Islam, naturally, accepted all norms of Muslim religion which ordered the limitations and prohibitions.

Key words: Crimean Tatar folklore, magic fairy-tales, taboo, totem

Статья поступила в редакцию 16 марта 2007 г.

Раздел 3 ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК=512.161

MALOV' UN SÖZLÜĞÜNE GÖRE YENİ UYGUR TÜRKÇESİNİN HOTEN AĞZINDAKİ SES OLAYLARI

Güllüdağ N.

Malov “Uygurskie Nareçiya Sintszyana. Tekstı, Perevodı, Slovar.” Moskova 1961 adlı eserinde Uygur Bölgesinden, Hoten, Yarkend, Kaşgar, Aksu, Turfan, Kuçar ağızlarından derlemeler yapmıştır. Bunları metinler, sözlük ve Rusça çevirisiyle birlikte neşretmiştir. Eserin sonunda 4375 kelimelik bir sözlük vardır. Biz çalışmamızda, Malov’un bu eserinin sözlük bölümünü esas alarak, buradaki sözcüklerin, Yeni Uygur Türkçesindeki şekli ile mukayesesini yaparak, Hoten ağzındaki ses değişmelerini ortaya koymaya çalıştık.

Anahtar Kelimeler: Yeni Uygur Türkçesi, Hoten Ağzı, Malov.

1.0 GİRİŞ

Doğu Türkistan, Çin’in toplam alanının yaklaşık altıda birini kaplayan en büyük idari birimdir. Türk dili tarihi içerisinde önemli bir yeri olan Uygur Türkçesi, bu bölgede yaşayan 7 milyondan fazla Uygur tarafından ana dil olarak konuşulmaktadır.

Kaşgarlı Mahmud, Uygur Türkçesini “halis Türkçe, en doğru Türkçe” olarak anmaktadır [2, s. 107]. Reşit Rahmeti Arat, Uygur Türkçesi için, “Türkçe, Çuvaş ve Yakut lehçeleri müstesna olmak üzere bugünkü Türk şiveleri için bir ana dil mahiyetindedir” demektedir [1, s. 398].

Uygur Türkleri, 1930’ lu yıllardan sonra (1930’lu yıllara kadar Çağatay Türkçesini kullanmışlardır) Urumçi ağzını merkez kabul eden Kaşgar, Aksu, Kumul, Turfan ve İli vilayetlerinin ağızlarıyla birlikte Uygur Türklerinin tamamına yakınının dilini içine alan, merkezî bir şiveyi edebî dil hâline getirmişlerdir. Uygur Türkçesi, bugün Kazakistan’da Kiril alfabeli , Doğu Türkistan’da ise Arap alfabeli bir yazı dili olarak varlığını devam ettirmektedir. Tarihî Uygurca ile karıştırılmaması için Yeni Uygurca veya Modern Uygurca olarak da adlandırılan bugünkü Uygurca, Türk dilleri sınıflandırmalarında Doğu Türkçesi grubu içinde yer alır. Uygurcaya en yakın dil Özbekçedir. Doğu Türkistan’da Urumçi, eski Sovyetler Birliğinde ise İli ağzı temel alınarak kurulmuş olan Yeni Uygur yazı dilinin bir çok ağzı vardır [5. s. 25].

Kazakistan'daki Uygurların dili ise Tarançi ağızıdır. Kaşgar ağızı, Yeni Uygur yazı dilinin temelini oluşturmuştur, fakat özellikle 1960'lardan sonra İli ağızı yazı dili üzerinde etkisini arttırmış ve bazı özelliklerini yazı diline kazandırmıştır. Yazı dilinde aynı kelime için iki değişik imlânın kullanılması gibi tutarsızlıkları da daha çok bu duruma bağlamak gerekir [8, s. 21-22].

Talat Tekin'e göre; Doğu Türkçesi olarak da anılan Yeni Uygurcanın pek çok ağızı vardır. Bunlar kuzey ve güney ağızları olmak üzere başlıca iki grupta toplanır:

1. Güney ağızları:

a. Kaşgar-Yarkend ağızı.

b. Hoten- Kerija ağızı.

c. Aksu ya da Maralbaşı-Karaşar ağızı.

2. Kuzey ağızları: Çin Türkistanının kuzey-doğu ve doğu bölgeleri ile batı Türkistanda konuşulur. Bu ağızlar şunlardır:

a. Kuça-Turfan-Hami ağızı (Çin'de)

b. Tarançi ağızı (Kazakistan, Kırgızistan, Özbekistan ve Türkmenistan).

Bunlardan başka asıl Uygur bölgesi dışında kalan şu ağızlar da vardır.

c. Lobnor ağızı: (Lobnor vahasında Çarhalık ve Miran'da)

d. Hoten ağızı: (Batı Moğolistan'da Ubsu, Nur, Çirgis gölleri arasında)

Yeni Uygur yazı dili güney ağızları üzerine kurulmuştur [10, s. 136-137].

Yeni Uygurca ağızları Fundamenta'da güney ve kuzey ağızları olmak üzere ikiye ayrılır. Shaw (1875) tarafından genel olarak Türkî diye belirtilen bu grupta şu ağızlar mevcuttur.

1. Kaşgar-Yarkend ağızı, yeni Hisar ağızı ile.

2. Hoten Kerija ağızı , Çerçen ağızı ile.

3. Aksu ağızı (aynı Dolan ile Maralbaş ve Karaşar ağız özellikleri).

Bu günkü yazı dilinin esası olan otonom Uygur Devleti Nsin-Chiang'da kullanılan güney ağızı bu ülkenin güney ve güney-batı bölgelerinde konuşulur. Kuzey ağızları Çin Türkistan'ının doğu ve kuzey-doğu bölgeleri ile batı Türkistanda konuşulur. Onlar ikiye ayrılır:

4. Kuça, Turfan, Hami ağızları.

5. Tarançi ağızı.

Yukarıda zikredilen ağızlardan oldukça kuvvetle fark göstermesine rağmen, Yeni Uygurca'nın ağızlarından birisini daha saymak gerekir.(Salar Ağızı)

6. Salar ağızı: Hsün-ha otonom bölgesinde

7. Lobnor ağızı: Lobnor vahalarında

8. Hoten ağızı: XIX. yy. sonlarında Kalmuk savaş esirlerinin çocukları olan Batı Moğolistan içinde ile Cihirgis-Nur gölleri arasında 400 çadır Hoten bulunmaktaydı.

9. Sarı Uygurlar Sentral-Kansu. Sunan ve Yükuda bölgesinde kullanılır [9. s. 529].

Yukarıdaki ağız sınıflandırmaları az çok coğrafi yerleşime göre yapılmıştır. Bildiğimiz gibi Batı-Türkistan vahalarında 2000 yılı aşkın bir süredir önemli karayolları bulunmaktadır. Bu yüzden belirli ağızların korunması için bu sahanın durumu müsait olmamıştır. Aslında Yeni Uygurca ağızlar arasındaki fark oldukça azdır. Bu da sınıflandırma için zorlukları beraberinde getirmektedir.

Uygur Türklerinin ağızları hakkında farklı görüşlerin olması Uygur Türkçesini ağızlara ayırmada kullanılan usul ve ölçütlerin çeşitli olmasından kaynaklanmaktadır. N.İ. İlminskiy bütün Doğu Türkistanda Uygurların kullandığı bir dil olduğunu şive farkının ise az olduğunu belirtmektedir. S. Ye. Malov, İlminskiy 'in görüşünü desteklemekle beraber Lopnur ağzını ayrı göstermektedir. G. Yaring, belirsiz geçmiş zaman eki –Miş'i ölçü olarak Uygur dili ağızlarını kuzey ve güney olmak üzere ikiye ayırır [4, s. 13].

Uygur Türkleri, zengin bir edebiyat geleneğine sahiptir. Altun Yaruk, Nom Bitig, Maytrisimit gibi eserler bu dönemde verilmiştir. Budist ve Maniheist Uygur edebiyatından sonra Uygur Türkleri tarafından meydana getirilen eserler; Müşterek Orta Asya edebî dilinin mahsulleridir. XV yüzyıldan sonra Müşterek Orta Asya Türkçesinin tarihi mirasına bağlı olarak ortaya çıkan Çağatay Edebiyatı XIX yy. başlarına kadar Uygur Türklerini de içine alan bir dil ve edebiyat alanı olmuştur [3, s.169-170].

S.Ye. Malov “Uygurskie Nareçiya Sintszyana. Tekstı. Pervodı. Slovar” Moskova 1961 adlı eserinde Uygur Bölgesinden, Hoten, Yarkend, Kaşgar, Aksu, Turfan, Kuçar ağızlarından derlemeler yapmış, bu derlemeleri metinler, sözlük ve Rusça çevirisiyle birlikte neşretmiştir. Eserin sonunda 4375 kelimelik bir kelime hazinesinin olması da ayrı bir öneme haizdir.

Biz çalışmamızda, Malov'un [6] bu eserinin sözlük bölümünü esas alarak, buradaki sözcüklerin, (her sözcüğün yanında hangi ağıza ait olduğu verilmiştir) Yeni Uygur Türkçesindeki şekli ile mukayesesini yaparak, Hoten ağzındaki ses değişmelerini ortaya koymaya çalıştık.

2.0 ÜNLÜLER

2.1 Ünlü Kalınlaşması

i > ı

kih (YUT) > kış “kırk”, kismak (YUT) > kıs “ilmikli kapan”, kimar (YUT) > kımar (Ar.)“kumar”, kil- (YUT) > kıl- “yapmak”, kizil (YUT) > kızıl “kırmızı”,yamin (YUT) > yamın “büro”, ogri (YUT) > ogır “hırsız”, sarig (YUT) > sarıg “sarı”,sasik (YUT) > sasık “çürük”,sodayi (YUT) > sodayı (Ar.)“özlem”, taki (YUT) > takı “daha, halen”, tatlik (YUT) > tatlıg “tatlı”, sila- (YUT) > sıla- “okşamak”, sim (YUT) > sım (Far.)“mil”, sin- (YUT) > sın- “kırılmak, batmak”, sir (YUT) > sır “cila”, tagarçi (YUT) > tagaçı “çuvalcı”, piçak (YUT) > pıçık

“bıçak”, sogçı (YUT) > sogçı “yetim”, bayiki (YUT) > bayıki “deminki”, kerındaş (YUT) > karındaş “kardeş”, agri (YUT) > agrı “hasta”, aginak(YUT) > agınak “uzun,sallanan küpe”, alvasti (YUT) > alvastı “albastı, şeytan”, aldi (YUT) > aldı “ön”, aldinki (YUT) > aldındaki “önceki”, yagi (YUT) > yağı “düşman”, kizar- (YUT) > kıza- “ateşlenmek”, kiliç (YUT) > kılıç “kılıç”, kildur- (YUT) > kıldur- “kıldırmaq”, kırmızı (YUT) > kırmızı “kırmızı”, kiskaç (YUT) > kıskaç “cımız”, kişkir- (YUT) > kışkiit- “davet etmek”, keci (YUT) > kıcı “hardal”, zigir (YUT) > zıgıi “keten”, kargış (YUT) > kargış “lanet”, kasıval (YUT) > kasıval “kerpeten, kıskaç”, ketik (YUT) > katık “yoğurt”, yigim (YUT) > yığın “yığın, toplam”, kamçı (YUT) > kamçı “kamçı”, yig- (YUT) > yığ- “toplamak”, hazir (YUT) > haziri (Ar.) “şimdi”, hanika (YUT) > hanıkam “hanımefendi”, diñdiñ (YUT) > diñdiñ “tıpır tıpır etme”, esil- (YUT) > esil- “asılmak”, is (YUT) > ı s “koku”, altmiş (YUT) > atmış “altmış”, hanım (YUT) > hanım “hanım”, iş-tan (YUT) > iştan “pantolon”, çik- (YUT) > çık- “çıkmaq”, kig (YUT) > kığ “doğal gübre”

i > a

paytima (YUT) > paitama “ayak bezi”, ayiki (YUT) > bayıki “deminki”, ogurli- (YUT) > ogurla- “çalmak”, mumli- (YUT) > mumla- “mumlamak”, ramizan (YUT) > ramazan (Ar.) “ramazan”, sayri- (YUT) > sara- “kuş cıvıldaması”, sirli- (YUT) > siila- “cilalamak”, toyli- (YUT) > toila- “düğün yapmak”, tasmiçi (YUT) > tasmaçi “kemerci”,

tolgi- (YUT) > tolga- “döndürmek”, taşli- (YUT) > taşla- “atmaq”, oyni- (YUT) > oina- “oynamak”, againi (YUT) > againa “erkek kardeş”, akli- (YUT) > akla- “kabuğunu temizlemek”, kaşli- (YUT) > kaşla- “kaşmaq”, bayiki (YUT) > bayaka “deminki”,

yumşi- (YUT) > yumşa- “yumuşamak”, yıgli- (YUT) > yığla- “ağlamak”, haydi (YUT) > haida “ünlem”, çili- (YUT) > çıla- “ıslatmaq”, kakiri- (YUT) > gakra- “kükremek, bağırmaq”, onli- (YUT) > onla- “düzeltmek”, oti- (YUT) > ota- “yabani otları koparmak”

ohşi- (YUT) > ohşa- “benzemek”, çugli- (YUT) > çugla- “toplanmaq”, şakiri- (YUT) > şakira- “şakırdamak”, anli- (YUT) > anla- “anlamak”, kadi- (YUT) > kada- “takmaq”, essilamueleyküm (YUT) > assalamaleikum (Ar.) “merhaba”

e > a

kelem (YUT) > kalem (Ar.) “kalem”, sesik (YUT) > sasık “çürük”, ketik (YUT) > katık “yoğurt”, kerındaş (YUT) > karındaş “kardeş”, çarşembe (YUT) > çâşambe (F) “çarşamba”, mepe (YUT) > mapa “iki tekerli araba”, nametmençililik (YUT) > namatmançilik “keçe esnaflığı”. saet (YUT) > saat (Ar.) “saat”, salamet (YUT) > salamat (Ar.) “sağlık, sıhhat”, sendel (YUT) > sandal (Far.) “sandal”, sendeleç alma (YUT) > sandeleç alma “elma çeşidi”, sepra

(YUT) > sapre (Ar.)“kusma”, tügmen (YUT) > tügüman “değirmen”, tembur (YUT) > tamur “tambur”, terep (YUT) > tarap (Ar.)“taraf”,terike (YUT) > tarik (Ar.)“yol” , parçe (YUT) > parça (Far.)“parça”, dane (YUT) > dana (Far.)“tane”, havançe (YUT) > avança (Ar.)“havan”, adem (YUT) > adam (Ar.)“insan”, ekel- (YUT) > akel- “ulaştırmak”, amanet (YUT) > amanat (Ar.)“emanet”, meşuk (YUT) > maşuk (Ar.)“sevgili”, kegez (YUT) > kagaz “kâğıt”, hezret (YUT) > hazret (Ar.)“hazret”

yanduruvet- (YUT) > yanduvat- “kusmak”, heklik (YUT) > hakla (Ar.)“haklı”, helk (YUT) > halka (Ar.)“halk”, düget (YUT) > duvat (Ar.)“mürekkep hokkası”, elley (YUT) > elilla “ninni”, hunise (YUT) > humsa (Ar.)“eşcinsel”, körek (YUT) > korak “körük”, essilamueleyküm (YUT) > assalamaleikum (Ar.)“merhaba”, eyt- (YUT) > ait- “konuşmak”, eyvan (YUT) > aivan “teras”, ağıçem (YUT) > ağaça “hanım abla”, divane (YUT) > divana (Far.)“dilenci”, daçen (YUT) > daçan “kuruş”, lezzet (YUT) > lezza (Ar.)“lezzet”, hencer (YUT) > hancar (Ar.)“hançer”, perice (YUT) > pica (Far.)“peçe”

ö > o

öy (YUT) > oi “ev”, körük (YUT) > korak “körük”

ö > u

görüstanlık (YUT) > gurustallık (Far.)“mezarlık”, çögün (YUT) > çugun “sürahi”

ü > u

bücek (YUT) > buc (Ar.)“köşe”, düldül (YUT) > duldul (Ar.)“Peygamberimizin devesi”, dünya (YUT) > dunya (Ar.)“dünya, zenginlik”, dürbün (YUT) > durbul (Far.)“dürbün”, gülhana (YUT) > gulhana “çiçek bahçesi”, görüstanlık (YUT) > gurustallık (Far.)“mezarlık”, güllük (YUT) > gulluh “gül bahçesi”, gül (YUT) > gul (Far.)“çiçek, gül”, çögün (YUT) > çugun “sürahi”, kündüz (YUT) > kunduz “gündüz”, sünbül (YUT) > sumbul (Ar.)“sümbül”üçün (YUT) > uçun “için”, cüp (YUT) > cup (Far.)“çift”, zümret (YUT) > zumret (Far.)“zümrüt”, essilamueleyküm (YUT) > assalamaleikum (Ar.)“merhaba”

2.2 Ünlü Genişlemesi

i > e

meslihet (YUT) > meslehet (Ar.)“tavsiye”, egri (YUT) > ögre “eğri”, bayiki (YUT) > bayekı “deminki”, mügdi- (YUT) > mügüde-“uykuya dalmak”, nayiti (YUT) > nayeti (Ar.)“çok”, midiri- (YUT) > midile- “kıpırdamak”, pürki- (YUT) > püke- “serpmek”, revendiçilik (YUT) > revendeçilik (Far.)“seyyar satıcılık”, piş- (YUT) > peş- “yetişmek, pişmek”, sözli- (YUT) > sözle- “söylemek”, siz (YUT) > sez “siz”, sekilek (YUT) > sekelek “kadın tarağı”, seri (YUT) > sere “her defasında”, tiktür- (YUT) > tektür- “diktirmek”, tile- (YUT) > tele- “istemek”, tiz (YUT) > tez “diz”, amin (YUT) > amen

(Ar.)”amin”, Bürki- (YUT) > Bürke- “örtmek”, yörgi- (YUT) > yögre- “sarmak”
yüklü- (YUT) > yükle- “yüklemek”, hazir (YUT) > hazer (Ar.)“hazır”, dessi-
(YUT) > desse- “üzerine basmak, ezmek”, iç- (YUT) > êç “içmek”, çibili- (YUT)
> çibele- “sarmak”, çişli- (YUT) > çişle- “dişlemek”, vezir (YUT) > vezer
(Ar.)“vezir”, mesiçi (YUT) > peseçi “ayakkabıcı”, kiydür- (YUT) > keidur-
“giydirmek”, kim (YUT) > kem “kim”, bir (YUT) > ber “bir”, igiçi (YUT) > igiçe
“abla”, bina (YUT) > bena (Ar.)“bina”, yi- (YUT) > ye- “yemek yemek”, kepin
(YUT) > kepen (Ar.)”kefen”, enigu (YUT) > ine “işte o”

u > a

soguk (YUT) > sugak “soğuk”, huşluk (YUT) > hoşlak “hoşnutluk”, ogul
(YUT) > ugal “oğul”, soru- (YUT) > sura- “sormak”, bogunak (YUT) > boganak
“havadaki toz”

boguz (YUT) > bogaz “yem, gıda”, kaçugu (YUT) > kâçiga “şahin”, argumak
(YUT) > argamak “yarış atı”, munda (YUT) > manda “çalılık, bitki”, boyun (YUT)
> boyan “boyun”, oyun (YUT) > oyan “oyun”, şorluk (YUT) > şurlak “tuz madeni”,
yumulak (YUT) > yumalak “yuvarlak”, sual (YUT) > saval (Ar.)“soru”, soktur-
(YUT) > soktar- “dövdürmek”

u > e

rus (YUT) > resle (Far.)”dürüst”, muhabbet (YUT) > mehebbet (Ar.)”sevgi”

u > o

kursak (YUT) > korsak “kursak, mide, karın”, şul (YUT) > şol “şu”, eşşaptul
(YUT) > eşşaptol “şeftali çeşidi”, bolaptu (YUT) > bolapto “tamam”, cadu (YUT)
> cado , “büyük bıçak”, huş (YUT) > hoş (Far.)“hoş”, huşluk (YUT) > hoşlak
“hoşnutluk”, çokuluk (YUT) > çokoluk “yükseklik, şu (YUT) > sol “şu”, tepe”,
şaptul (YUT) > şeptol (Far.)“şeftali”, bugday (YUT) > bogdai “buğday”, kulak
(YUT) > kolak , “kulak”, şundag (YUT) > şondah “böyle”

ü > e

neşpüt (YUT) > neşvet (Far.)“armut çeşidi”, tüzük (YUT) > tüzek “doğru, dürüst”,
könül (YUT) > könel “gönül”, ölüm (YUT) > ülem “ölüm”, ötük (YUT) > ütek
“ayakkabı”, kömül- (YUT) > kömel- “gönüllü olmak”, bugün (YUT) > bügen “bugün”,
ölük (YUT) > ülek “ölüm”, ölüm (YUT) > ölem “ölüm”, ötküz- (YUT) > ötkez-
“geçirmek”, körün- (YUT) > küren- “görünmek”, körün- (YUT) > küyen- “gözükmek”

2.3 Ünlü Daralması

a > ı

maysa (YUT) > maısı “ilkbahardaki ilk yeşillik”, piçak (YUT) > piçık “bıçak”.
dora (YUT) > durı (Far.)“ilaç”, harman (YUT) > hııman “harman”. kuta (YUT) >
kutı “kutu”, tamaka (YUT) > tamakı “tütün”, kanda (YUT) > kenı “nerede”. şuta
(YUT) > şutı “merdiven”

e > i

ket- (YUT) > kit- “gitmek”, elley (YUT) > elilla “ninni”, eşek (YUT) > işek “eşek”, yette (YUT) > yeti “yedi”, neçak (YUT) > niçek “ne zaman”, meşedin (YUT) > mişedin “buradan”, perence (YUT) > perica (Far.)”örtü”, tere (YUT) > teri “deri”, perihan (YUT) > pirihon (Far.)”falcı”, perice (YUT) > piice “(Far.)”peçe”, es (YUT) > is “hafıza”, et- (YUT) > it- “etmek, yapmak”, er (YUT) > ir “koca”, enigu (YUT) > ine “işte o”, yelim (YUT) > ilim “yapıştırıcı”, ez- (YUT) > iz- “ezmek, çiğnemek”, bayveççe (YUT) > beivetçi “mirasyedi”, bel (YUT) > bil “bel”, ber- (YUT) > bir- vermek”, heç (YUT) > hic (Far.)”hiç”, çemen (YUT) > çimen (Far.)”çimen”, kekeç (YUT) > kikeş “dilsiz”, şenbe (YUT) > şembi (Ar.)”cumartesi”, rende (YUT) > yendi “rende”, çine (YUT) > çini “porselen”, deve (YUT) > doi “dev”, iger- (YUT) > igir- “örmek”

o > u

dozah (YUT) > duzah (Far.)”cehennem”, çoñkur (YUT) > çukur “çukur”, çoruk (YUT) > çuruk “çarık”, şota (YUT) > şuta “merdiven”, boya- (YUT) > buya- “boyamak”, boy (YUT) > bui “boy”, polat (YUT) > pulat (Far.)”demir”, soy- (YUT) > suy- “deri yüzmek”, kol (YUT) > kul “el, kol”, oçaklık (YUT) > uçalık “ocaklı”, oçuk (YUT) > uçuk “açık”, oğuçi (YUT) > uguçi “zehirci”, okur (YUT) > ukur “ahır”, tonur (YUT) > turun “fırın”, toşkan (YUT) > tuşkan “tavşan”, tonu- (YUT) > tunu- “tanınmak”, oku- (YUT) > uku- “okumak”, bova (YUT) > buva “büyük dede”, yogan (YUT) > yugan “büyük”, tohu (YUT) > tuhi “tavuk”, soguk (YUT) > sugak “soğuk”, ogal (YUT) > ugal “oğul”, soru- (YUT) > sura- “sormak”, şorluk (YUT) > şurlak “tuz madeni”

ö > ü

tögmen (YUT) > tügmen “değirmen”, töge (YUT) > tüge “deve”, möşük (YUT) > püşük “kedi”, tömür (YUT) > tümü “demir”, körüş- (YUT) > kürüş- “görüşmek”, köter- (YUT) > küter- “kalkmak”, möşük (YUT) > müşük “kedi”, göş (YUT) > güş (Far.)”et”

bölek (YUT) > bülek “ayrı”, öçke (YUT) > üçkö “keçi”, çögili- (YUT) > çügül- “dönmek, dolaşmak”, töşek (YUT) > çüyek “döşek”, çönek (YUT) > çünek “saban izi, evlek”, öz (YUT) > üz “kendî, öz”, öy (YUT) > üi “ev”, körün- (YUT) > küyen- “gözükmek”, köm- (YUT) > küm- “gömmek”, kör- (YUT) > kür- “görmek”, köç- (YUT) > küç- “taşınmak”, körün- (YUT) > küren- “görünmek”, köter- (YUT) > kütür- “kalkmak”, ölüm (YUT) > ülem “ölüm”, ötük (YUT) > ütek “ayakkabı”, ölük (YUT) > ülek “ölü”

2.4 Ünlü İncelmesi**a > e**

naşiker (YUT) > neşiké (Far.)”kavun”, bayveççe (YUT) > beivetçi

“mirasyedi”, muhabbet (YUT) > mehebbet (Ar.)”sevgi”, sepra (YUT) > sapre (Ar.)”kusma”, makan (YUT) > mekan (Ar.)”mekân”, manlay (YUT) > meñi
“alın”, salam (YUT) > selem (Ar.)”selam”, sendal (YUT) > sendél (Far.)”örs”,
sepra (YUT) > sepré (Ar.)”safra”, tacigül (YUT) > tecgül (Far.)”kırmızı çiçek”,
pa (YUT) > pelek “ot”, lazim (YUT) > lézim (Ar.)”lazım”, ayna (YUT) > éinék
(Far.)”ayna”, hesap (YUT) > ésép (Ar.)”hesap”, apar- (YUT) > aper- “getirmek”,
yaman (YUT) > yémél “kötü”, baraver (YUT) > beraber (Far.)”beraber”, ha.....ha
(YUT) > he.....he “ya....ya”, hemra (YUT) > hémçé (Far.)”yol arkadaşı”, çatak
(YUT) > çidek “tartışma”, ziba (YUT) > zive (Far.)”güzel”, uka (YUT) > ükem
“küçük kardeş”, vay (YUT) > vei “vay, ünlem”, gunalik (YUT) > ginéllik
(Far.)”günah”, pavan (YUT) > pèvén “avcı, yavcı”, şemşat (YUT) > şemşet
“kılıç”, lilla (YUT) > lille (Ar.)”Allah”, ayile (YUT) > éilé “aile”, çaç (YUT) >
çeç “saç”, şaptul (YUT) > şeptol (Far.)”şeftali”

a > i

uça (YUT) > uruçi “cetvel, ölçek”, jumşat- (YUT) > yumşit- “yumuşatmak”,
laçin (YUT) > liçin “şahin”, agamça (YUT) > agamçi “ip, halat”, kandasen (YUT)
> kanisen “neredesin”, çatak (YUT) > çidek “tartışma”

u > ü

mezlum (YUT) > mezzüm (Ar.)”kadın”, pentur- (YUT) > pendür- “aldatmak”,
su (YUT) > süi “su”, mubarek (YUT) > mübarek (Ar.)”mübarek”, muştum (YUT)
> müşt (Far.)”yumruk”, çugu- (YUT) > çügül- “dönmek, dolaşmak”, uka (YUT) >
ükem “küçük kardeş”

2.5 Ünlü Düzleşmesi

u > ı

soluk (YUT) > solık “delik”, tonu- (YUT) > tonı- “tanımak”, seypuñ (YUT) >
sèipiñ “terzi”, boyun (YUT) > boyın “boyun”, baldur (YUT) > baldır “önce”

u > i

gunalik (YUT) > ginellik (Far.)”günah”, kaçugu (YUT) > kâçiga “şahin”

ü > i

küyogul (YUT) > kiyoglan “damat”, neşpüt (YUT) > neşvit (Far.)”armut”

2.6 Ünlü Yuvarlaklaşması

a > o

dervaza (YUT) > dervoza (Far.)”şehir kapısı”, aptava (YUT) > aptova (Far.)”maşrapa”,
yak (YUT) > yok “yok”, duahan (YUT) > duahon (Far.)”üfürükçü”, hatun (YUT) >
hotun “hatun”, ma (YUT) > mo “soru eki”, perihan (YUT) > pirihon “falçı”

a > u

oglan (YUT) > oglun “delikanlı, oğul”, sugar- (YUT) > sugur- “sulamak”, dola
(YUT) > dolu “omuz”, dora (YUT) > duru (Far.)”ilaç”, şuta (YUT) > şutu “merdiven”

e > ö

tüge (YUT) > tügö “deve”, üçey (YUT) > üçöge “bağırsak”, deve (YUT) > dögor (Far.)”dev”, deve (YUT) > dör (Far.)”dev”, egri (YUT) > ögre “eğri”, öçke (YUT) > üçkö “keçi”

e > ü

ünce (YUT) > yüncü “inci”, jüger- (YUT) > yügür- “koşmak”, külke (YUT) > külgü “gülüş”, köter- (YUT) > kütür- “kalkmak”, körset- (YUT) > kösüt- “göstermek”, jüger- (YUT) > yügür- “koşmak”, günce (YUT) > güncü (Far.)”pirinç“

i > ü

pış- (YUT) > püş- “olgunlaşmak”, siydik (YUT) > südük “sidik”, tiz- (YUT) > tüz- “dizmek”, tepçiri- (YUT) > tēpçür- “erimek”

2.7 Ünlü Türemesi

hemmeyle (YUT) > hemmēneme (Far.)”hepimiz”, mügdi- (YUT) > mügüde- “uykuya dalmak”, agri- (YUT) > ağır- “hasta olmak”, su (YUT) > süi “su”, helk (YUT) > halka (Ar.)”halk”, vaht (YUT) > vakit (Ar.)”zaman”, oğlan (YUT) > ogul “oğlan”, köylek (YUT) > kögilek “gömlek”, şükür (YUT) > şükri (Ar.)”şükür”, perk (YUT) > pēkı (Ar.)”fark”, vec (YUT) > veci (Ar.)”yöntem, sebep”, üçile (YUT) > üçöile “üçü birlikte”, zümret (YUT) > zümüret (Far.)”zümrüt”, ademzat (YUT) > adamizat (Ar.)”insan”, rus (YUT) > urus “rus”, sukçi- (YUT) > sukıç- “kaşımak”, pütkü (YUT) > pütük “mektup”, kuyt- (YUT) > kurut- “kurutmak”, haman (YUT) > hıman (Far.)”harman”, üçey (YUT) > üçöge “bağırsak”, jügrı- (YUT) > yügür- “koşmak”, tügmen (YUT) > tügüman “değirmen”

2.8 Ünlü Düşmesi

kakiri- (YUT) > gakra- “kükremek”, çögüli- (YUT) > çügül- “dönmek, dolaşmak”, hunise (YUT) > humsa (Ar.)”eşcinsel”, terike (YUT) > tarik (Ar.)”yol”, çamagur (YUT) > çamgur “turp”, emse (YUT) > emisē (Far.)”o halde, eğer”, emizek (YUT) > emçēk “kadın göğsü”, jügrı- (YUT) > yügür- “koşmak”, işaret (YUT) > şēnē (Ar.)”işaret”, padişa (YUT) > patşa (Far.)”padişah”, çigir (YUT) > çıgrık “çıkırık”, cakali- (YUT) > çagla- “ilan etmek”, ayile (YUT) > hayle “aile”, yonu- (YUT) > yon- “yontmak”, keriz (YUT) > kerz (Ar.)”borç”. işit- (YUT) > it- “işitmek”, karaürük (YUT) > kayüyük “erik ağacı”, agri- (YUT) > ağır- “hasta olmak”, emiri (YUT) > emyi (Ar.)”emir”, lilla (YUT) > lla “Allah”. taşa (YUT) > taş “dış”, sile (YUT) > sle “siz, sizler”, soru- (YUT) > sor- “savurmak”, munaki (YUT) > munak “üzüm çeşidi”, padişa (YUT) > padşa (Far.)”padişah”, küyogul (YUT) > kiyoglan “damat”, tepçiri- (YUT) > tēpçür- “erimek”, deve (YUT) > dör “dev”, şükür

(YUT) > şükri (Ar.)“şükür”, şaptula (YUT) > şeptol “şeftali”, essilamueleyküm (YUT) > assalamaleikum (Ar.)“merhaba”

2.9 Yarı Ünlünün Tam Ünlü Haline Gelmesi

peyda (YUT) > peida (Far.)”peyda olmak”, haydi (YUT) > haida “haydi, ünlem”, öy (YUT) > üi “ev”, öy (YUT) > oi “ev”, bugday (YUT) > bogdai “buğday”, paytima (YUT) > paitama “ayak bezi”, toyli- (YUT) > toila- “dügün yapmak”, paypak (YUT) > paipak “yün çorap”, manlay (YUT) > manlai “alın”, şeyge (YUT) > şeige “şuraya”, vay (YUT) > vai “vay, ünlem”, aylık (YUT) > aılık “aylık”, kurguy (YUT) > kurgui “küçük şahin”, lay (YUT) > lai “kil”, maymun (YUT) > maimun (Far.)”maymun”, koy- (YUT) > koi- “koymak”, toyluk (YUT) > toilik “başlık parası”, oymak (YUT) > oimak “yüksük”, guy (YUT) > gui “şeytan”, çay (YUT) > çai “çay”, turumtay (YUT) > turumtai “avcı kuş”, ay (YUT) > ai “ay”, eyt- (YUT) > eit- “konuşmak”, soyma (YUT) > soima “kelek”, toy (YUT) > toi “dügün”, paypak (YUT) > baipak “çorap”, üy (YUT) > üi “ev”, bay (YUT) > bai “zengin”, ayvan (YUT) > aivan (Far.)”teras”, ayna (YUT) > einek (Far.)“ayna”, may (YUT) > mai “yağ”, büyma (YUT) > büima “kıyafet kıvrımları”, vay (YUT) > vei “vay, ünlem”, söy- (YUT) > söi- “öpmek”, kuyt- (YUT) > kuit- “kurutmak”, peyşenbe (YUT) > peişembe (Far.)“perşembe”, seyşenbe (YUT) > seişembe (Far.)“salı”, tolunay (YUT) > tolamai “dolunay”, kiygak (YUT) > kiigak “kenar”, boyun (YUT) > boin “boyun”, boy (YUT) > bui “boy”

3.0 ÜNSÜZLER

3.1 Ünsüz Düşmesi

yer (YUT) > ye “yer”, süydük (YUT) > südük “sidik”, siler (YUT) > sle “siz, sizler”, kızar- (YUT) > kıza- “ateşlenmek”, tagarçi (YUT) > tagaçı “çuvalcı”, sayri- (YUT) > sara- “kuş cıvıldamak”, tarbus (YUT) > tavuz “karpuz”, köynek (YUT) > könek “gömlek”, boyal- (YUT) > boya- “boyamak”, altmış (YUT) > atmış “altmış”, ötkerme (YUT) > ötkeme “süzgeç”, pordak (YUT) > podak “erkek üreme organı”, utuval- (YUT) > uturvat- “kaybetmek”, tur- (YUT) > tu- “kalmak”, titret- (YUT) > titet- “titretmek”, yırt- (YUT) > ît- “yırtmak”, tavar (YUT) > tava “çin ipeği”, tarbus (YUT) > tavuz “karpuz”, arhar (YUT) > âka “dağ keçisi”. ortak (YUT) > otak “ortak”, dar (YUT) > da (Far.)”dar ağacı”, bayrak (YUT) > bayak “bayrak”, ayir- (YUT) > ayi- “ayırarak”, arpa (YUT) > apa “arpa”, arslan (YUT) > aslan “arslan”. yarma şaptol (YUT) > yama şaptol “yarma şeftali”, jirt- (YUT) > ît- “yırtmak”, yurt (YUT) > yut “kasaba”. yurtçilik (YUT) > yutçılık “yurtçuluk”, harduk (YUT) > haduk “yorgunluk”, dorga (YUT) > dôga “amir, üst”, bar (YUT) > vâ “var”,

hüner (YUT) > hüne (Far.)”hüner”, çar (YUT) > ça “alaca”, depter (YUT) > depte (Far.)”defter”, beri (YUT) > vei “hepsi, her şey”, kirpik (YUT) > kipik “kirpik”, kirpiklik (YUT) > kipiklik “kirpikli”, arka (YUT) > âka “arka”, kavak (YUT) > kava “kabak”, kar (YUT) > kâ “kâr”, yorga (YUT) > yoga “at”, bazar (YUT) > bazâ “pazar”, erkek (YUT) > ekek “erkek”, gerden (YUT) > geden (Far.)”boyun”, derya (YUT) > deye “nehir”, derd (YUT) > dëd (Far.)”keder, hastalık”, kurut- (YUT) > kuit- “kurutmak”, yüz (YUT) > üz “yüz”, piyale (YUT) > piale (Far.)”kâse”, hay (YUT) > ha “haydi, ünlem”, öydek (YUT) > ödek “ördek”, keyin (YUT) > kein “arka, sonra”, juy- (YUT) > yu- “yıkamak”, buyruk (YUT) > buruk “emir”, gayip (YUT) > gaip (Ar.)”gizli, saklı”, baha (YUT) > baa (Ar.)”fiyat”, şah (YUT) > şa (Far.)”şehzâde”, ul (YUT) > u “o”, çal- (YUT) > ça- “müzik âleti çalmak”, sürt- (YUT) > sür- “temizlemek”, vaht (YUT) > vah (Ar.)”zaman”, ayrıl- (YUT) > arıl- “ayrılmak”, ey (YUT) > i “ey”, maraş- (YUT) > mara- “gözlemek”, isteş- (YUT) > iste- “aramak”, boguzlaş- (YUT) > boguzla- “kesmek”, süñgüç (YUT) süñüç “su yolu”, süpürge (YUT) > süpüre “süpürge”, kögilek (YUT) > köinek “gömlük”, yalangaç (YUT) > yalanaç “çıplak”, kañşañ (YUT) > kañşa “kaş arası, çıkıntı”, duva (YUT) > dua (Ar.)”dua”, işit (YUT) > it “köpek”, tanap (YUT) > tana “bitki lifi, bitki ipi”, kakhah (YUT) > kahka “gülme, çığlık”, kandasen (YUT) > , anisen “neredesin”, tügüt (YUT) > tügö “deve”, gürünc (YUT) > güncü (Far.)”pirinç “, körset- (YUT) > kösüt- “göstermek”, yelim (YUT) > ilim “yapıştırıcı”, kanda (YUT) > kenı “nerede”, perence (YUT) > perica (Far.)”peçe”, tömür (YUT) > tümü “demir”, çuñkur (YUT) > çukur “çukur”, manlay (YUT) > meñi “alın”, naşiker (YUT) > neşike (Far.)”kavun çeşidi”, hesap (YUT) > esep (Ar.)”hesap”, lilla (YUT) > lla “Allah”, buyru- (YUT) > bûr- “emretmek”, oçaklık (YUT) > uçaluh “ocaklı”, işit- (YUT) > it- “işitmek”, karçiga (YUT) > kâçiga “şahin”, havançe (YUT) > avança (Ar.)”havan”, tögürmen (YUT) > tügüman “değirmen”, tambur (YUT) > tamur “tambur”, sagat (YUT) > saat (Ar.)”saat”, otak- (YUT) > ota- “yabani bitki koparmak”, ağıçem (YUT) > agaça “hanım abla”, deve (YUT) > doi “dev”, pürki- (YUT) > püke- “serpmek”, hemmeylen (YUT) > hemmeneme (Far.)”hepimiz”, perk (YUT) > pekı (Ar.)”fark”

3.2 Ünsüz Türemesi

ya (YUT) > yar “yay”, , kişkir- (YUT) > kışkiri- “davet etmek”, kosak (YUT) > orsak “mide, kursak”, çigir (YUT) > çigrık “çıkırık”, ayile (YUT) > hayle “aile”, deve (YUT) > dögör “dev”, yna (YUT) > einek (Far.)”ayna”, şu (YUT) > şol “şu”, yögi- (YUT) > yögre- “sarmak”, ügü (YUT) > üngür “mağara”, könek (YUT) > könlek “gömlük”, vah (YUT) > vaht (Ar.)”zaman”, işare (YUT) > şaret (Ar.)”işaret”, kögü (YUT) > kögüm “görüşme”, çeçke (YUT) > çeçker “öğle

vakti”, muş (YUT) > müşt (Far.)“yumruk”, agamça (YUT) > argamçi “kalın ip”, uka (YUT) > ükem “küçük kardeş”

ünce (YUT) > yüncü “inci”, çugu- (YUT) > çügül- “dönmek, dolaşmak”, sual (YUT) > saval (Ar.)“soru”, hek (YUT) > halka (Ar.)“halk”

3.3 Ünsüz Değişmesi

r > i

pir (YUT) > pii (Far.)”pir, koca”, perice (YUT) > piice (Far.)“peçe”, kiçkir- (YUT) > kışkıit- “davet etmek”, sirli- (YUT) > siila- “cılalamak”, hazir (YUT) > hazii (Ar.)“şimdi”, hüner (YUT) > hünei (Far.)“hüner”, zigir (YUT) > zıgii “keten”, sugur- (YUT) > sugui- “ipi iğneden geçirmek”, sir (YUT) > sii “cila”, tömürçi (YUT) > tömüüçi “demirci”, tersa (YUT) > teisa (Far.)”Hıristiyan”, attur- (YUT) > attui- “ip eğirmek”, kirkak (YUT) > kııgag “kenar”, iger- (YUT) > igii- “örmek”, eger- (YUT) > egii- “dokumak”, kör- (YUT) > köi- “görmek”ü harman (YUT) > hiiman (Far.)“harman”, perence (YUT) > piice (Far.)“peçe”

v > b

kovzak (YUT) > kobzak “kabuk”, tevip (YUT) > teyip (Ar.)”hekim”, hever (YUT) > hëbër (Ar.)”haber”, baraver (YUT) > beraber (Far.)“beraber”

j > y

julgun (YUT) > yulgun “ılgın ağacı”, jumulak (YUT) > yumalak “yuvarlak”, jigli- (YUT) > yıgla- “ağlamak”, jurt (YUT) > yurt “ülke”, jür- (YUT) > yür- “yaşamak”, jigirme (YUT) > yıgıme “yirmi”, jip (YUT) > yip “ip”, jirt- (YUT) > yırt- “yırtmak”, juvaş (YUT) > yuvaş “sessiz, yavaş”, jumşi- (YUT) > yumşa- “yumuşamak”, jig- (YUT) > yıg- “toplamak”, jum- (YUT) > yum- “yummak”, jumşat- (YUT) > yumşat- “yumuşatmak”, jürek (YUT) > yürek “kalp”, jiñne (YUT) > yiñne “iğne”, jügri- (YUT) > yügür- “koşmak”, jumşat- (YUT) > yumşit- “yumuşatmak”, jigin (YUT) > yıgın “yığın”

g > v

haga (YUT) > hava “hava”, cuga (YUT) > cuva “kürk”, düget (YUT) > duvat (Ar.)“mürekkep hokkası”

v > g

tuvak (YUT) > tugak “kapak”, sovak (YUT) > sugak “soğuk”, deve (YUT) > dögör (Far.)“dev”

n > m

peyšenbe (YUT) > peişembe (Far.)”perşembe”, hunise (YUT) > humsa (Ar.)“eşcinsel”, şeşenbe (YUT) > seişembe (Far.)”salı”, tolunay (YUT) > tolamai “dolunay”, şenbe (YUT) > şembë (Far.)”cumartesi”, kan (YUT) > kamkus “kan”, düşenbe (YUT) > düşembe (Far.)”pazartesi”, şenbe (YUT) > şembi (Ar.)“cumartesi”, hemmeylen (YUT) > hemmeneme (Far.)“hepimiz”, yeni (YUT) > yem “yeni”

r > y

nevre (YUT) > nevye (Far.)"torun", torva (YUT) > toyva "torba", küknevre (YUT) > kükünnevye "torun evladı", kerek (YUT) > keyek "gerek", zümret tag (YUT) > zümyet tag "Zümrüt Dağı", irade (YUT) > iyade (Ar.)"irade", körün- (YUT) > küyen- "gözükmek", emiri (YUT) > emyi (Ar.)"emir", karaürük (YUT) > kayäyük "kara erik"

ç > t

çişlik (YUT) > tişlik "dişli", çüş- (YUT) > tüş- "düşmek", bayveççe (YUT) > beivetçi "mirasyedi"

r > l

musurman (YUT) > musulman (Ar.)"Müslüman", midiri- (YUT) > midile- "kıpırdamak"

h > g

ohan- (YUT) > ogan- "uyanmak", ustuhan (YUT) > ustugan (Far.)"kemik"

m > p

möşük (YUT) > püşük "kedi", mesiçi (YUT) > peseçi "ayakkabıcı"

n > l

teñne (YUT) > teñle "leğen", dürbün (YUT) > durbul (Far.)"dürbün", azgan (YUT) > azgal "yaban gülü", yaman (YUT) > yemel "kötü"

l > n

palal (YUT) > palan "yumuşatılmış saman", köylek (YUT) > könek "gömlek", köylek (YUT) > köinek "gömlek"

y > g

köynek (YUT) > kögilek "gömlek", üçey (YUT) > üçöge "bağırsak", sodayi (YUT) > sodagı (Ar.)"özlem"

3.4 Tonlulaşma

k > g

sak (YUT) > sag "sağ", külke (YUT) > külgü "gülüş", kakiri- (YUT) > gakra- "kükremek", kandak (YUT) > kaidag "nasıl, hangisi", üñkür (YUT) > üngür "mağara"

tugluk (YUT) > tuglug "bayraklı", serik (YUT) > serig "sarı", uluk (YUT) > ulug "büyük", uruk (YUT) > urug "meyve çekirdeği", aşlik (YUT) > aşlıg "tahıl, yiyecek", bağlaklik (YUT) > bağlaglıg "bağlı", andak (YUT) > andag "böyle", aşlik (YUT) > aşlıg "yiyecek, tahıl", çişlik (YUT) > çişlıg "dişli", şundak (YUT) > şundag "böyle", kiçik (YUT) > kiçig "küçük", kuraşlik (YUT) > kuraşlıg "bileşim", kuyrukluk (YUT) > kuruklug "kuyruklu", cakali- (YUT) > çağla- "ilan etmek", kebiristan (YUT) > gurustan (Far.)"mezarlık", serik (YUT) > sarig "sarı", kıygak (YUT) > kııgag "kenar", ünkür (YUT) > üngür "mağara"

t > d

murat (YUT) > murad (Ar.)”murat, istek”, toñ (YUT) > doñ “titreme”, pentur- (YUT) > pendür- “aldatmak”, çatak (YUT) > çidek “tartışma”

p > b

mehbup (YUT) > mehub (Ar.)”sevgili”, pit (YUT) > büge “bit”, paypak (YUT) > baipak “çorap”

3.5 Tonsuzlaşma

c > ç

cakali- (YUT) > çagla- “ilan etmek”, güürinc (YUT) > güürinç (Far.), keci (YUT) > kıcı “hardal”

g > h

kig (YUT) > kih “gübre”, şundag (YUT) > şondah “böyle”

g > k

tüg- (YUT) > tük- “bağlamak”, sorag (YUT) > sorak “soru”, sag (YUT) > sak “sıhhatli”, kig (YUT) > kık “doğal gübre”, gulaç (YUT) > kulaç “kulaç”, üleg (YUT) > ülek “ölü”

z > s

taz (YUT) > tas “kel”, aciz (YUT) > acis (Ar.)”güçsüz, kadın”, eziz (YUT) > ezis (Ar.)”aziz, saygıdeğer”, kevez (YUT) > keves “pamuk”

3.6 Süreksizleşme

h > k

tahta (YUT) > takta (Far.)”tahta”, tehi (YUT) > takı “daha, halen”, ahtar- (YUT) > aktar- “toprağı kazmak”, vaht (YUT) > vakıt (Ar.)“zaman”, arhar (YUT) > âka “dağ keçisi”

3.7 Sızıcılışma

b > v

gurbetçilik (YUT) > gurveçilik (Ar.)”gurbetçilik”, yolbas (YUT) > yolvas “kaplan”, ziba (YUT) > zive (Far.)”güzel”, bar (YUT) > vâ “var”, tarbus (YUT) > tavuz “karpuz”

ç > ş

eçkü (YUT) > eşkü “keçi”, kamçuk (YUT) > kamşuk “ağız”, kekeç (YUT) > kikeş “dilsiz”

k > h

sakal (YUT) > sahal “sakal”, kık (YUT) > kih “gübre”, takta (YUT) > tahta (Far.)”tahta”, baktur- (YUT) > bahtur- “bakmaya zorlamak”, cik (YUT) > cih “çok fazla”, akşam (YUT) > ahşam (Ar.)”akşam”, şundak (YUT) > şondah “böyle”, güllük (YUT) > gullah”gül bahçesi”

3.8 Benzeşme

yamanlık (YUT) > yamallık “kötülük”, mezlum (YUT) > mezzüm (Ar.)“kadın”, görüstanlık (YUT) > gurustallık“mezarlık”, ustuhan (YUT) > ussuhan (Far.)“kemik”

3.9 Metatez

sözbek (YUT) > söznek “frenji”, yörgi- (YUT) > yögre- “sarmak”, torva (YUT) > tovyta “torba”, kenizek (YUT) > kezinek “kraliçe kölesi”, çiray (YUT) > çiyar “yüz”, tonur (YUT) > turun “fırın”

4.0 Hece Türemesi

köz (YUT) > közlek “göz”, resul (YUT) > rusulilla (Ar.)“Allah’ın elçisi”, uça (YUT) > uruçi “cetvel, ölçek”, pa (YUT) > pelek “ot”, sog (YUT) > sugak “soğuk”, aldinki (YUT) > aldındaki “önceki”, rus (YUT) > resle (Far.)“dürüst”, elley (YUT) > elilla “ninni”, çedir (YUT) > çidiilig “çadır”, nim (YUT) > nimşek “yarım, buçuk”, könek (YUT) > köinek “gömlek”, küknevre (YUT) > kükünnevyta “torun evladı”, kan (YUT) > kamkus “kan”

4.1 Hece Düşmesi

şehir (YUT) > şe (Far.)“şehir”, tögürmen (YUT) > tügmen “değirmen”, üstün (YUT) > üst “üst”, işaret (YUT) > şene (Ar.)“işaret”, dorilik (YUT) > duru (Far.)“ilaç”, yayla (YUT) > yal “yele”, nahayeti (YUT) > nayeti (Ar.)“çok”, kebiristan (YUT) > gurustan (Far.)“mezarlık”, muştum (YUT) > müşt (Far.)“yumruk”, taşki (YUT) > taş “dış”

bücek (YUT) > buc (Ar.)“köşe”, yanduruvet- (YUT) > yanduvat-“kusmak”, oynivet- (YUT) > oina- “oynamak”, kögilek (YUT) > könek “gömlek”, buyru- (YUT) > bür- “emretmek”, inavet (YUT) > inam (Ar.)“merhamet”, ecayip (YUT) > ecep (Ar.)“ilginç”, şeriet (YUT) > şeri (Ar.)“şeriat”, kiyim (YUT) > kîm “kıyafet”, cimiki (YUT) > cimî (Ar.)“hepsi, herşey”, kakli- (YUT) > kak- “kurutmak”, içimlik (YUT) > iç “içki”, teriliş- (YUT) > teri- “ekmek”, manaşu (YUT) > muşu “işte bu”, nererse (YUT) > nerse “ne, bir şey”, takaşli- (YUT) > takaş- “yürüme”, sapli- (YUT) > sap- “saplama”, palançi (YUT) > palan (Ar.)“birisini”, perence (YUT) > pica (Far.)“peçe”, koşmak (YUT) > koş “çift”, tinli- (YUT) > tın- “sakinleşmek, dinlemek”, enigu (YUT) > ine “işte o”, dorilik (YUT) > durı (Far.)“ilaç”, irade (YUT) > irem “istek”, kirik (YUT) > kırk “kırk”, işaret (YUT) > şaret (Ar.)“işaret”, kögilek (YUT) > köñlek “gömlek”, yeni (YUT) > yem “yeni”, yayla (YUT) > yal “yele”

4.2 Ünsüz Tekleşmesi

neççe (YUT) > neçe “kaç”, uttur- (YUT) > utur- “oyunda kaybetmek”, uşşak

(YUT) > uşak “küçük”, şallak (YUT) > şalak “kirli, pasaklı” callap (YUT) > calap (Ar.)”deri tüccarı”, hummar (YUT) > humar (Ar.)”sarhoşluk”, yette (YUT) > yeti “yedi”

4.3 Ünsüz İkizleşmesi

hemel (YUT) > hemmel (Ar.)”mart”, gunalik (YUT) > ginellik (Far.)“günah”, apar- (YUT) > appar- “ulaştırmak”, upa (YUT) > uppa “pudra”

Kaynaklar

1. Arat R.R. Uygur Türkçesinin Türk Dili Tarihindeki Yeri. – Makaleler cilt 1, Ankara, 1987. – S. 398-403.
2. Banguoğlu T. Uygurlar ve Uygurca üzerine. – TDAY Belleten, 1958. – S. 87-113
3. Buran A. – Alkaya E. Çağdaş Türk Lehçeleri. – Elazığ, 1999.
4. Emet E. Yeni Uygur Türkçesi Dialektleri Üzerinde Yapılan Çalışmalar ve Uygur Dialektlerinin Tasnifi Hakkında Görüşler. – Tömer Dil Dergisi, A.Ü. – Sayı 10, Mayıs. – 1993. – S. 10-13.
5. Erdağı B. Uygurlar ve Yeni Uygurca. – Çağdaş Türk Dili. – Ocak 1998. – Sayı 119. – Cilt X. – S. 25-34.
6. Malov S.E. Uygurskie Nareçiya Sintszyana. Teksti, Perevodı, Slovar. – Moskova, 1961.
7. Necipoviç N.E. Yeni Uygur Türkçesi Sözlüğü. – Rusçadan Çev: Yrd. Doç. Dr. İklil Kurban. – Ankara: TDK Yay. 1995.
8. Öztopçu K. Uygur Atasözleri ve Deyimleri. – İstanbul. 1992.
9. Pritsak O. Das Neuuygurische. – Philologiae Turcicae Fundamenta. – 1. Cilt. – Wiesbaden, 1959. – S.525-563.
10. Tekin T. Ölmez Mehmet. – İstanbul:Türk Dilleri. 1999.

Kısaltmalar

Ar : Arapça

Far : Farsça

YUT : Yeni Uygur Türkçesi

Голлюдаг Н. Зміни звуків говору Хотена новоуйгурської мови згідно словнику Малова.
У своєму творі «Уйгурські наріччя Синцзяна. Тексти, переклади. словник.» (Москва. 1961) Малов провів дослідження говорів Хотена. Яркентда. Кашгара. Аксу. Турфана і Кучара уйгурської мовної сім'ї. Ці роботи видані разом з текстами, словниками і перекладами на російську мову. У кінці книги є словник, що складається з 4375 слів. Узавши за основу словник книги Малова, нами була зроблена спроба показати звукозміни говору Хотена у порівнянні з новоуйгурською мовою.

Ключові слова: новоуйгурська мова, говір Хотена. Малов.

Голлюдаг Н. Изменения звуков говора Хотена новоуйгурского языка согласно словаря Малова.

В своем произведении «Уйгурские наречия Синцзяна. Тексты, переводы. словарь.» (Москва. 1961) Малов провел исследования говоргов Хотена. Яркентда. Кашгара Аксу. Турфана и Кучара уйгурской языковой семьи. Эти работы изданы вместе с текстами, словарями и переводами на русский язык. В конце книги имеется словарь, состоящий из 4375 слов. Взяв за основу

словарь книги Малова, нами была сделана попытка показать звукоизменения говора Хотена в сравнении с новоуйгурским языком.

Ключевые слова: Новоуйгурский язык, говор Хотена, Малов.

Gulludag N. The phonetic occurrences in hoten patois of the new uygur turkish according to Malov's dictionary

Malov in his work "Uygurskie Nareçiya Sintszyana. Teksti. Perevodi, Slovar." Moscow 1961" had investigated patois of the regions Hoten, Yarkund, Kashgar, Aksu, Turfan and Kuchar in the Uygur territory. He translated these texts into the Russian Language. gave 4375 the vocabulary about 4375 words. of the end of work. in this paper the investigated the phonetic occurrences in Hoten patois.

Key words: New Uygur Turkish, Hoten patois, Malov.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2007 г.

УДК=512.161

AZİZ GÖKDEMİR'İN “İÇ İÇE GEÇMİŞ İSTANBUL ÖYKÜLERİ” ADLI ESERİ'NİN İKİLEMELER AÇISINDAN ANLAMSAL VE SÖZDİZİMSEL GÖRÜNÜMLERİ

Aşkın Balcı H.

İkilemeler dilimizde güçlü anlatımı sağlayan en önemli öğelerdendir. Türkçe, eski dönemlerde bile ikilemeler yönünden başka dillerle karşılaştırmaya gerek duyulmayacak kadar zengin olduğunu göstermiştir. İkileme kullanmadaki amaç, anlatımı pekiştirmek ve güçlendirmektir. Bu özelliğin Türkçede sıklıkla bulunması Türkçenin, sanatlı ve güçlü bir anlatıma yönelen “edebi dil” olduğunun göstergesidir. Bu zenginlikten yola çıkarak biz de bu çalışmamızda Aziz Gökdemir'in “İç İçe Geçmiş İstanbul öyküleri” adlı eserinde sıklıkla başvurduğu ikilemelere anlamsal ve sözdizimsel olarak yaklaşılmaya çalışacağız.

Anahtar kelimeler: Öykü, İkileme, Anlambilim, Sentaks.

1.0 GİRİŞ

Bir bütünü anlatacak biçimde zamanda ve mekânda düzenlenmiş her türlü cümle dizilimi “metin” olarak adlandırılır [5, s. 93]. Bu dizilimi anlamlı bir bütün yapanlar ise art arda, birbiri yerine kullanılan veya anlamı kuvvetlendirmek için kullanılan kavramlardır. Her metin anlam bütünlüğü oluşturan metin parçacıklarının toplamıdır. İşte bu metin parçacıklarının birliği metnin içeriğini, onların anlamsal, sözdizimsel özelliklerini oluştururlar. Bu sözdizimsel ve anlamsal özellikler sayesinde verilmek istenilen mesaj daha iyi anlaşılacaktır.

Dil, tıpkı onu oluşturup işleyen beyin gibi, bugün bile birçok noktası aydınlatılmamış bulunan karmaşık bir düzendir. Bu karmaşık düzen içinde insanlar konuşurken ve yazarken bir konu hakkında bilgi vermek veya verilecek olan bilgiyi pekiştirmek için uygun ifadeler bulmak isterler. Bunlar için dillerde değişik anlatım şekilleri ve teknikleri bulunmaktadır. Kelimelerle, deyimlerle, atasözleriyle, vurguyla hatta ikilemelerle yapılabilecek olan bu pekiştirme ve anlamı güçlendirme kuralları dilden dile farklılık göstermektedir. Türk dilinde de pekiştirme ve anlamı güçlendirme tekniğine sıkça başvurulmaktadır. Özellikle başka dillerde çok görülmeyen “ikilemeler” Türk dilinin esnekliğini bir kez daha açığa vurmaktadır.

Türkçede birçok ikileme şekli bulunmaktadır, ancak hangi ikileme şekli olursa olsun anlama yeni boyutlar kazandırmaktadır. Bazen aynı sözcüklerin tekrarıyla; bazen anlamları birbirine yakın ya da karşıt sözcüklerin tekrarıyla;

bazen de sesleri birbirini andıran iki sözcüğün yan yana kullanılması biçimleriyle karşımıza çıkar.

Türkçe de kaç tane ikileme şeklinin olduğu, edebiyatta ve şiirde hangi görevleri üstlendiklerini görünce ikilemelerin dili ve anlamı ne kadar zenginleştirdiklerini görmek mümkündür. Dili zenginleştirme özelliğinin yanı sıra ikilemelerin yabancı diller aracılığıyla yaşattığı büyük bir sorun vardır. Bu sorun kendisini çeviri alanında göstermektedir, çünkü yabancı dilden Türkçeye veya Türkçeden herhangi bir dile yapılan çevirilerde ikilemeler ya çevrilmemekte ya da metnin bağlamından çıkarılması istenmektedir. Çeviri alanında yaşanan bu sorun, sözcüklerin tek başlarına bir eylemi, bir durumu, bir varlığı, kavramı anlatmaya yetemediğini bir kez daha ortaya koymaktadır.

Dilimizde iki ve daha çok sözcüğün bir araya gelmesiyle anlam ve yapı bakımından bütünlük sağlayan, ama yargı sağlamayan söz birlikleri vardır. Bu tür birliklerin bütünlüğü bozulamaz. Bu açıklamayı bir örnekle somutlayabiliriz:

Arabayla gittik.

İki sözcüklü kısa bir cümleden oluşan bu yapı “Araba” ve “gitmek” eylemiyle kurulmuştur.

Eski, gri renk arabayla, yavaş yavaş gittik.

Bu cümle, altı çizili iki ayrı sözcük öbeğinden oluşmuştur. “Araba” kelimesi “eski” ve “gri” sözcükleriyle nitelenmiştir; gitmek eylemi de “yavaş yavaş” ikilemesiyle nasıllık yönünden belirtilmiştir. Birinci cümleye göre ikinci cümlede daha zengin bir anlatım özelliğinin varlığı açıkça görülmektedir. Bu iki öbek, cümle içinde bölünmemesi gereken bir bütünlük yapısındadır. Bölündüğünde anlam daralır ya da bozulur.

Bilindiği gibi ikilemeler, Türkçenin en eski ürünlerinden beri görülen ve bugün de güçlü bir eğilim olarak beliren bir özelliktir. Dilcilikte hendiadyoin [1] adını alan ikilemeler Alman dilinde “Reduplikation” [8, s. 427] olarak adlandırılırlar. Bu sözcükler başka dillerde çok seyrek kullanılırken Türkçede bu anlatım yoluyla çok değişik nitelikte, anlam ve ses açısından son derece ilgi çekici birleştirmeler göze çarpmakta, olağanüstü güçlü ve etkileyici anlatım biçimleri ortaya koyarak sevilen bir Türkçe yapı halini almıştır [12]. H. Marchand [19, s. 60-69] bunu Alman dilinde şu şekilde ifade etmektedir:

“Mehr als in anderen Sprachen geniessen im Türkischen Doppelungen eine charakteristische Beliebtheit ...”

(Başka dillere göre Türkçede ikilemeler daha fazla sevilmiştir).

İkilemelerin Türkçedeki bu özelliği yüzünden bir çok şair ve yazar eserlerinde bu anlatım türünü sıkça kullanmakta ve eserlerindeki cümle yapılarını bu şekilde zenginleştirmektedirler.

Aziz Gökdemir de bu yazarlar arasında yer almaktadır. Yazar "İç İçe geçmiş İstanbul Öyküleri [10]" adlı eserinde İstanbul şehrini konu alarak içindeki insanların yaşamları hakkında bilgi vermektedir. Kitabın arka sayfasında yer verilen şu sözler eseri ve yazarını daha iyi tanıtmaktadır:

"İç İçe Geçmiş İstanbul Öyküleri" genç bir yazarın ilk kitabı, ama bu sıradan bir ilk kitap değil. Aziz Gökdemir, son derece ustaca geliştirdiği bir kurgu çerçevesinde klasik öykünün bütün özelliklerini kullanıyor. "İç İçe Geçmiş İstanbul Öyküleri" kahramanları ve mekanlarıyla gerçekten iç içe geçmiş öykülerden oluşan klasik bir öykü kitabı olarak da, postmodern bir roman olarak da okunabilir. İstanbul'un -belki de artık olmuş- özgün kişilikleriyle kısa bir şehir turuna çıkmaya hazırlanırken, ruhunuz unuttuğunuz bazı hatıraların kekremşi tadıyla sarsılacak."

Bu eserde bu özelliklerinin yanı sıra ilk dikkati çeken metin parçacıkları "ikilemelerdir". Çünkü yazar birçok değişik ikileme çeşitlerine baş vurmuştur. Tabii ki bunun sebebi eserini daha akıcı ve anlaşılır kılmaktır.

2.0 YÖNTEM

"İç içe geçmiş İstanbul öyküleri" adlı eserin bu özelliği yüzünden ikilemeleri anlamsal olarak "yansıma sözcüklerle oluşan, biri olumlu biri olumsuz sözcüklerle oluşan, bir kelimenin ek almadan anlamsal olarak iki kez tekrar edilmesiyle oluşan, zıt anlamlı sözcüklerle oluşan, eş anlamlı sözcüklerle oluşan, yakıştırma sözcüklerle yapılan ikilemeler veya diğer adıyla "m" kullanımı ile yapılan, ikisi de Türkçede anlam ifade etmeyen ikilemeler şeklinde; sözdizimsel olarak "belirteç, sıfat, yüklem görevinde ikilemeler" başlığı altında incelenmeye çalışılacaktır. Tümce anlambilimi² olarak ele alınacak olan ikilemeler sayesinde anlam konusunun ne denli kapsamlı ve önemli olduğu bir kez daha gözler önüne serilecektir.

İkilemeler hakkında çok fazla bilgi olmasına rağmen bir eser üzerinde incelemeye Türk dilinde fazla rastlanmamaktadır. Hâlbuki eser üzerinde yapılan bir inceleme öğrenciler açısından daha görsel ve daha anlaşılır hale

¹ Öykücü ilk ve orta Öğretimini İzmir, Ankara ve İstanbul'da tamamladı. İşletme Fakültesi'nde mezun olduktan sonra (1989) Amerika'da Yüksek Lisans Eğitimi gördü. Bu sırada gazeteci, kamyonet şoförü, hastane görevlisi, fotoğrafçı, çevre araştırmacısı ve sekreter olarak çalıştı. Şu sıralar Amerika'da Teknoloji yazarlığı/redaktörlüğü ve çevirmenlik yapıyor, bu ülkedeki Türklerin yaşamına ilişkin öyküler ve bir roman üzerinde çalışıyor. Türkiye'yi sık sık ziyaret ederek ve medya kanalıyla, yakından izliyor. Bir öyküsü Almanya'nın sesi radyosunda yayımlandı. Öykülerinde başarılı bir kurgu çerçevesinde geleneksel öykünün bütün özelliklerini kullandığı görülür.

² Tümce anlambilimi: Bu kavram daha çok belirli bir dilin anlam açısından incelenmesi sırasında, o dile özgü anlatım kalıplarının niteliklerinin belirlenmesi için kullanılmaktadır.

gelebilmektedirler. Bu yüzden bu makalede metin bazında bir inceleme yapılarak ikilemeler anlamsal ve sözdizimsel incelenecektir.

3.0 ESERE GÖRE İKİLEMELERİN ANLAMSAL ÖZELLİKLERİ

Göstergebilimin de bir kolu olan anlambilim³ veya semantik (Alm. Semantik, İng. Semantics, Fr. Semantique, Yun. Semasemeion), bir metin içindeki ifadelerin ve onların dile getirdiği anlam arasındaki bağıntıyı inceleyen bir bilim dalı olarak dilde yerini almıştır. Bağlamdan bağımsız olarak salt cümlelerin, kelime topluluklarının ve kelimelerin anlamı ile ilgili olduğu belirtilir. Bu tanımlarda dil kullanıcıları, kullanım ortamları ve amaçları dikkate alınmaz. Anlamın soyut bir biçimde zihinde oluşumu ve nesne ile onun simgesel tasarımı arasındaki ilişki üzerinde durulur [13; 21; 9; 17; 16; 25; 29]. Van Dijk [27] anlambilimin bir ifadenin anlamına odaklandığını ve anlamın doğadaki olaylardan türediğini vurgulamaktadır.

Anlambilimin dilcilikte ve dilbilimde yeni bir alan olarak ortaya çıkmasını Alman dilcisi K. Reisig'in bir çalışmasına borçluyuz. "Latin Dilbilimi üzerine Dersler" adlı 1826-27 yıllarında hazırlanan ancak 1839'da basılan kitabında (Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft) Reisig, dilbilgisi içinde Semasiologie⁴ adlı bir dal belirlemiştir. Ancak bu dalın doğrudan doğruya anlam konusuna eğilip geniş kapsamlı bir yapıt hazırlayan ve ona ayrı bir alan niteliği kazandıran, Fransız dilcisi M. Bréal'dir [3, s. 16].

Anlambilim felsefi ya da mantıksal ve dilbilimsel olmak üzere iki farklı açıdan ele alınmaktadır. Felsefi ya da mantıksal yaklaşım, göstergeler ya da sözcükler ile bunların göndermeleri arasındaki bağlantıya ağırlık verir ve adlandırma, düz anlam, yan anlam, mecaz anlam, eşanlam vs. gibi özellikleri inceler. Dilbilimsel yaklaşım ise, zaman içinde anlam değişiklikleri ile dilin yapısı, düşünce ve anlam arasındaki karşılıklı bağlantı gibi konular üstünde durmaktadır. Anlambilime farklı yöntem ve amaçlarla yaklaşılsa da, her iki alan da insanların dilsel anlatımlardan nasıl anlam çıkardıklarını açıklamaya çalışmaktadır.

Anlambilim, öncelikle okunanın doğru ve eksiksiz anlaşılmasını ilke edinen bir bilimdir. Bir insanın okuduğundan yararlanabilmesi buna bağlıdır. Yazarın ya da konuşmacının söylediğini doğru ve eksiksiz anlayamayan bir insan, anlatılanlardan doğru ve yararlı sonuçlar çıkaramaz. Yazarın görüşleriyle kendi görüşlerini karşılaştırıp sentez yapıp sağlıklı bir sonuca ulaşamadığı gibi bilmediği bir konu hakkında doğru bilgiler çıkaramaz. Öyleyse anlambilimi, sadece Türkçe dersine ait görmek yanlış olur. Matematik, Fen ve Sosyal Bilimlerin de temelinde okuduğumuzu "doğru anlama" olduğuna göre anlambilimin önemi bir kez daha

³ Değişik kitaplarda "gösterge-im, Anlam öğretisi" olarak ta kullanılmaktadır.

⁴ Türk dilinde "Kavrambilim" olarak ta tanımlanmaktadır.

ortaya çıkmaktadır. Bir insan çok kitap okuyabilir. Bu, elbette övülecek, övünülecek bir edimdir. Ancak çok okuyan kişi, okuduklarını doğru anlamıyorsa kalıcı ve doğru şeyler edinemeyecek, yanlış yorumlar geliştirip sadece kendi düşüncelerine inanan biri olup çıkacaktır. Oysa okuma edimi belli bir sıraya göre gerçekleşerek iki aşamadan oluşmaktadır: a)Yazarın ne dediğini anlama, b)Yazarı yargılama.

Yazarın ne dediğini anlamak istiyorsak okumanın bu evresinde yazarın ele aldığı konu, yardımcı düşünceler, ana düşünce ve anlatım yöntemi ile edebi tür saptanır. Okur, bu evrede kişisel görüş ileri süremez. Yazarın görüşünün doğru ya da yanlış olduğunu belirtemez. Sadece doğru bir şekilde anlamakla yetinir. Sınavlarda öğrencilerden istenen de bu doğru saptama işidir. Bu evre herkes için aynıdır. Yani herkes, yazarın ele aldığı konuyu, düşünceleri ve biçim özelliklerini aynı şekilde saptar. Kimse diğerinden farklı sonuç çıkaramaz. Matematikteki sonuçlar nasıl kesinse, okumanın bu evresi de öyledir.

Yazarı yargılama evresi, yazarın söyledikleriyle kendi görüşlerimizi karşılaştırıp bir sonuca ulaşıyoruz. Yazarın görüşlerini beğenip olduğu gibi benimseyebiliriz. Bu görüşlere karşı çıkıp reddedebiliriz ya da görüşlerden bazılarını alıp farklı bir sonuca ulaşabiliriz. Bunu yapabilmek için önce yazarın söylediklerini doğru anlamak gerektir çünkü çoğu zaman kelimeler birbirlerinin yerine kullanılmaktadır. Kelimeler arasındaki ayırımı çözebilmek için aralarına kesin bir çizgi çekmek gerekmektedir. Burada devreye dilbilimin bir kolu olan anlambilim girmektedir. Bu çalışmada dilbilimsel olarak ele alınacak olan anlambilim, kelimelerin anlamından ve kullanımından yola çıkılarak verilmeye çalışılacaktır.

3.1 YANSIMA (ALM: ONOMATOPOÏE, İNG: ONOMATOPOEIA) SÖZCÜKLERLE OLUŞAN İKILEMELER

Yansıma sözcükler, doğada duyulan seslerin taklit edilmesiyle oluşan sözcüklerdir. Bu sözcüklerde ses-anlam ilişkisi güçlüdür çünkü dillerde kullanılan kelimeler ile kelimelerin gösterdiği varlık ve nesne arasında yaşanan toplum tarafından kabul edilmiş ortak bir anlam ilişkisi mevcuttur. Doğada canlı ve cansız varlıklar tarafından çıkarılan değişik sesler ile doğadaki seslerin olduğu gibi dile aktarılarak farklı sözdizimsel ve anlamsal adlandırılmaların olduğu yansımali sözcükler sayesinde daha iyi anlaşılacaktır. İşte bu özelliklerinden dolayı diğer kelimelerden ayrılan bir nitelik taşırlar ve genellikle ikileme biçiminde bir genişleme gösterirler. Hemen burada belirtelim ki, bu türdeki ikilemelere başka dillerde rastlamamız hemen hemen olanaksızdır.

Yansıma sözcükleri ikileme olarak Aksan [1] dört gruba ayırmaktadır. Bunlar yalnızca belli bir eylem, bir oluş, bir durum için kullanılanlar, birden çok eylemi betimleyen yansımali ikilemeler, dereceleme gösteren yansımali ikilemeler, yansımali ikilemelere dayanan üçlü biçimlerdir. Yazar Aziz Gökdemir eserinde bu gruptardan

sadece ikisine yer vermiştir. Birincisi yalnızca belli bir eylem, bir oluş, bir durum için kullanılanlar ikileme şeklidir. Bu öğeleri yazar bir eylemi ses açısından betimleyerek onu daha canlı, daha güçlü bir anlatıma kavuşturmak için kullanmıştır.

“Mum yanarken, ikonaların önünde *mırıl mırıl* eğlenirken beni seyrederdilerdi, özellikle Barış.” (s.184)

Aslında “mırıl mırıl” ikilemesi alçak ve anlaşılmaz bir ses çıkararak konuşma anlamına gelmektedir. Sessiz konuşma eylemi bu örnekte kendisini zevksiz bir eğlenme şeklini ifade etmek için kullanılmıştır. Ayrıca anlamsal olarak hafif bir aşağılama sezilenmektedir.

İkinci olarak yazar, dereceleme gösteren yansımali ikilemeleri de eserinde kullanmıştır. Nesnelere hareketlerinde güçlüklerin yaşandığını belirtmek için:

“Trafik dur kalk, *tingir tingir* ilerliyordu” (s.138).

Bu tür bir örneği tercih etmiş olabilir. Bu tür ikilemeler bir eylemin, bir oluşun gerçekleştiği anda çıkan sesin yüksekliğine göre ayrı biçimleri bulunduğunu gösterir. Örneğin, bir sıvı kaynatılırken kaynamanın gücü ve yüksekliği fıkır fıkır ya da fokur fokur biçiminde belirtilmektedir. Bu örnekteki “tingir tingir” ikilemesi de bu gruba uyan bir ikileme şeklidir ve eylemin çok iyi olmadığını gösterirken vurgu birinci sözcükteki vurgulu hecededir. Yukarıdaki örneklerde ve Korkmaz’ın [15, s. 222] da ifade ettiği gibi yansımali adların özel bir durumu vardır. Bunlar her ne kadar bir türemiş kelime görünümünde olsalar da, bu türeme asıl kelime türetimine temel oluşturan birer ses genişlemesinden ibarettir. Seslerin türetme eklerindeki gibi birer işlevi yoktur. Bu nedenle, ses genişlemesine uğramış yansımali sözler de birer yalın ad niteliğindedir. Ancak, kendine özgü farklı bir tür oluşturmakta ve öykülerde sıkça kullanılmaktadır.

3.2 BİRİ OLUMLU BİRİ OLUMSUZ KELİME KULLANIMIYLA [20] VEYA İKİSİ DE OLUMSUZ KELİMEYLA OLUŞAN İKİLEMELER

Bu ikileme türünün özelliği kullanılan kelimelerin birinin olumlu birinin olumsuzluk ekiyle kullanılmasıdır. Fiil olarak Türkçe de kendini gösteren bu ikileme şeklini eserde şu örnekte görmek mümkündür:

“Otoyolun öte tarafına kendimizi *atar atmaz* hava tekrar açıyor” (s.184).

“Elim, cebimdeki çekirdek torbasına gidiyor *ister istemez*” (s.173).

Yapılan eylemin hemen gerçekleştiğini ifade etmek için yazar bu ifade şeklini kullanarak anlamsal olarak direk olumsuzluğu değil de bir işin ne zaman gerçekleştiğini belirtmek istemiştir. Cümlelerin morfolojik yapısına bakılırsa:

at – ar	at – maz
Fiil geniş zaman	Fiil olumsuzluk 3. kişi
iste – r	iste – mez
Fiil – Geniş zaman eki	Fiil olumsuzluk 3. kişi

Bu kullanımda fiillerin kökü aynı kalırken gelen eklerin değiştiği görülmektedir. Bu eklerin birinin olumlu birinin olumsuzluk bildiren ek olduğu açıkça görülmektedir.

Bu tür ikilemelerin diğer bir türü ise her iki ögenin de olumsuzluk ekiyle oluşmasıyla gerçekleşmektedir.

“Bizim sokak kapısına doğru yürürken kapı açıldı. Barış çıktı gönülsüz gönülsüz selamlaştık”(s. 142).

Anlamsal olarak bir işin yapılması istenilmediği halde mecburiyetten yapıldığı ifade edilmek istenmiştir. Bu ikilemenin de morfolojik yapısına bakılırsa:

gönül – süz	gönül – süz
İsim olumsuzluk	İsim olumsuzluk

her iki kelimenin başı isim kökenli ve eklerin aynen tekrar edildiği görülmektedir. İkileme biçimindeki bu genişlemelerde ikilemeler cümledeki görevleri açısından artık ad olmaktan çıkıp başka biçimlere girmektedir.

3.3 BİR KELİMENİN EK ALMADAN ANLAMSAL OLARAK İKİ KEZ TEKRAR EDİLMESİYLE OLUŞAN İKİLEMELER

Ek almadan da Türkçede aynen tekrar edilen kelimelerden ikilemeler türetmek mümkündür. Anlamı daha da güçlendirmek için kurulan bu tür cümleler okuyucuların daha fazla ilgisini çekmektedir. İncelenen eser de yazar bazı eylemleri daha fazla pekiştirmek istemiş ve bu yola başvurmuştur.

“Ağır ağır yürüdüm” (s.141).

“Çiçekleri torbadan avuç avuç alıp toprağa bırakıyorum” (s.189).

“Gelip buraya yol kenarında kurulmuş tezgâhlardan alırdık, yeni yeni toplanmış” (s.188).

Birinci örnekte yapılan eylemin niteliğini belirtmek için, ikincisinde eylemde gerçekleşen durumun niceliğini belirtmek üçüncüsünde ise yapılan eylemin zamanını vurgulamak gibi nedenlerden dolayı eserde ek almadan aynı kelimelerin tekrarıyla oluşan ikilemelere başvurulmuştur.

3.4 ZIT ANLAMLI (ALM: ANTONYMS, İNG: ANTONYMY) SÖZCÜKLERLE OLUŞAN İKİLEMELER

Birbirine karşıt kavramları karşılayan sözcüklerdir. Zıt anlamlı sözcükler iki zıt noktayı belirtirler. Örneğin; “güzel” sözcüğünün karşıtı “itici” olamaz çünkü iticilikte sevimsizlik anlamı da vardır. Oysa “güzel” sözü sevgiyi beraberinde ifade etmez. Bunun karşıtı ancak “çirkin”dir. Aynı durum eylemlerde de görülür. Örneğin; “sevmek” eyleminin karşıtı “sevmemek” değildir. Çünkü “sevmek” iyi bir duygunun varlığını bildirir. “Sevmemekte” ise bu duygunun bulunmadığı anlamı vardır. Oysa karşıtlıkta, olan duygunun tam karşıtı olmalıdır; bu da “nefret etmektir”. Bu nedenle karşıtlıkla olumsuzluğun farkını görmek önemlidir.

Aksan [4, s. 127] zıt anlamlı kelimeleri beş grupta incelemektedir. Bunlar İkili, biçimsel ilişkili, ilişkisel, dereceli, yön gösteren karşıtlık olarak ifade edilmektedir. İkilemeler bu kısımda Aksan'ın sınıflandırmasına göre incelenecektir.

Birçok eserde olduğu gibi Aziz Gökdemir'in "İç İçe Geçmiş İstanbul Öyküleri" adlı eserinde de İkilemeler zıt anlamlı şekilleriyle kullanmıştır. Yazar, ortaya çıkan durumun sürekliliğini vurgulamak için:

"Bu yoldur hani yetmiş beş sene önce sizinkiler kağnılarla *gece gündüz*, yağmur çamur üzerinden yürüyüp kendilerini dar attılar Meriç'in ötesine." (s.188)

ikilemesini kullanmıştır. Anlambilimde İkili karşıtlıklar [4, s. 129] adı verilen bu zıt anlamlı sözcükler kutupsal tersanamlılık adı altında da toplanmaktadır. Bu türdeki Türkçe kökenli ad soylu sözcükler önemli bir yer tutmaktadır. Bunlara, bir ögesi yabancı kökenli olan , çiftleri ve yine ikili karşıtlık gösteren gibi eylemler eklenebilir. Yukarıdaki örnekte görülen ikileme biçimi yani "gece gündüz" Türkçe kökenli ad soylu kelimelerdir.

Yazar eylemin sonunda ortaya çıkan durumun nedenini belirtmek için yine ikilemelerden faydalanmıştır:

"Köylülerden bazılarıyla ahşap olmuştuk artık *gide gele*..." (s.188).

İlişkisel karşıtlık [4, s. 130] olarak adlandırılan bu ikilemede kelimeler birbirleriyle ilgili kavramlar arasındaki karşıtlığı belirtmekte, aynı konuyla ilgili, fakat zıt anlamlı olan sözcüklerden oluşmaktadır. Adı geçen kelimeler hem Türkçe kökenli hem de yabancı kökenli olabilmektedir.

Eylemin hangi yöne yapıldığını belirtmek istediği zaman Aziz Gökdemir:

"Bir süre yalnızca *sağa sola* yavaşça dönerek bunu seyrediyorum." (s.186)

yön gösteren karşıtlıktan yararlanmıştır. Bu karşıtlıkta direkt olarak yön kavramları ön plana çıkmaktadır.

Burada hemen belirtmeliyiz ki zıt anlamlı ikilemelerdeki örnekler birden çok sınıflandırmaya dahil olabilir. Türk dilinin anlambilim açısından belirgin olan ikilemelerden yararlanma özelliği zıt anlamlı kelimeler açısından da görülmekte ve bu tür ikilemeler yeni anlamlar yansıtacak biçimde, ikili şekilde kullanılmaktadır.

3.5 EŞ ANLAMLILIK (ALM: SYNONYM, İNG: SYNONYMS) SÖZCÜKLERLE OLUŞAN İKILEMELER

Diller zamanla gelişir ve bu gelişim içinde her varlık ayrı ad kazanır. Kavramlar için de nitelikleri sezildikçe ayrı anlatım yolları aranmıştır. İki yada daha çok sayıda göstergenin aynı anlama gelme, aynı gösterenlerin aynı gösterileni belirtme özelliği [28, s. 97] taşıyan sözcükler bu şekilde ifade edilmektedir. Aynı kavramı karşılayan, birbirinin yerine kullanılabilen, aralarında hiçbir ayırım olmayan bu sözcükler genellikle bir dile başka dillerden gelen sözcükler ile o dilin kendi söz varlığındaki sözcükler arasında eş anlamlılık görülür.

Blommfield'e göre her dilsel biçim değişmez ve özel anlam içerir. Eğer bu biçimler farklı sesletimlere sahipse onların anlamlarında farklı olacağı düşünülemez. Ünlü dilbilimci eşanlamlılığı kabul etmemektedir [26]. W.E Collinson ise eşanlamlılık arasında 9 farkı tanımlamıştır. İki ya da daha çok sayıda göstergenin aynı anlama gelme, ayrı gösterenlerin aynı gösterileni belirtme özelliği [28] Bloomfield'e göre, her dilsel biçim, değişmez ve özel anlamlar içerir. Eğer bu biçimler farklı sesletimlere sahipse, onların anlamlarının da farklı olacağını düşünülmektedir diyerek gerçekte eşanlamlılığı kabul ettiğini belirterek [26] eşanlamlılıklar arasında 9 belirgin farkı şu şekilde tanımlamıştır:

1) Daha genel refuse-reject (reddetme-geri çevirme), 2) daha yoğun repudiate-refuse (inkâr-reddetme), 3) daha duygusal reject-decline (reddetme-geri çevirme), 4) daha yansız thrifty-economical (tutum-ekonomik), 5) daha uzmanlık gerektirici decease-death (ölüm-ölüm), 6) daha edebî passing-death (geçici-ölümlü), 7) daha konuşma diline özgü turn down-refuse (geri çevirme-reddetme), 8) daha yerel flesher-butcher (etçi-kasap), 9) daha yerinde daddy-father (baba-baba) [26, s. 142-143].

Lyons'a göre, ideal olan dil her biçimin tek bir anlamı olduğu dildir. Ne var ki, bu ideal herhalde hiç bir doğal dilde gerçekleşmez. İki ya da daha çok biçim aynı anlamı çağrıştıracaktır [18, s. 358].

Bloomfield'in görüşünün aksine Lyons, eşanlamlılığı kabul ediyor görünmektedir. Ancak o da, bunu belirli koşullara bağlamıştır: Bütüncül eşanlamlılığın bilişsel ve duygusal açıdan anlamları özdeş olan kelimeler arasında gerçekleşebileceğini varsaymaktadır, çünkü kimi kelimeler bilişsel açıdan özdeş olsalar da duygusal açıdan özdeş değildir. Dilciler, görüldüğü gibi eşanlamlılık konusunda tam bir anlaşmaya varabilmiş değildir; kimi dilciler dilde eşanlamlılık bulunmadığını ileri sürerken, kimi dilciler eşanlamlı birimlerin yadsınamayacağını ifade etmişlerdir.

Eşanlamlı Sözcükleri Aksan [4, s. 126] "Anlambilim" adlı kitabında ikiye ayırmaktadır. "Her ögesi Türkçe olanlar" ve "Türkçesiyle birlikte yabancı ögeleri de taşıyanlar" olarak adlandırılan eşanlamlı kelimeler Türkçenin sözcük yapısının eşanlamlılarından zenginliğini bir kez daha göstermektedir. Aslında eşanlamlı sözcüklerin bir arada kullanımı Türkçe açısından bir dil kusurudur. Böyle kullanımlar "duruluk ilkesi" ne aykırıdır, ancak ikilemeler açısından bu tür örnekleri görmek mümkündür. Yazar, karşılıklı konuşmalarda kahramanlarla karşılaşmasının ve günün tasvirini yapmak için eşanlamlı ikilemelerden;

"Günün ilerlemiş saatinde ses seda kesilmişti." (s.136)

Türkçe Arapça

yararlanmıştır. “Türkçesiyle birlikte yabancı öğeleri de yaşayan” eşanlamlı ikilemesi bulunan bu örnekte bir Türkçe bir Arapça kelime bulunmaktadır. Türkiye Türkçesinde bugün Dil Devrimi döneminde türetilerek dile yerleşen birçok kelimeyle bunların Osmanlıcadan gelen, yabancı dillerden dilimize giren eşanlamlıları bir arada kullanılmaktadır. Bu ikileme örneğinde de bunu açıkça görmek mümkündür.

“İç İçe Geçmiş İstanbul Öyküleri” adlı eserde bu eşanlamlı ikilemelerin yanı sıra yakın anlamlı ikilemeler de sıkça kullanılmıştır. Korkmaz’ın [14, s. 67] iki ve daha çok kelimenin birbirine yakın anlam taşıması aralarında küçük bir anlam farkının bulunması şeklinde tanımladığı yakın anlamlı kelimeler birçok anlambilim kitabında “eşanlamlılık” başlığıyla verilmektedir. Zeynep Korkmaz’ın dışındaki anlambilim üzerine yazılan kitaplarda bu tanıma pek rastlanmamaktadır. Zaten Korkmaz da diğer anlambilim terimlerinin diğer yabancı dillerdeki karşılıklarını verirken yakın anlamlı kelimelerin karşılıklarının vermemiştir. Aslında yakın anlamlı sözcüklerin çokluğu bir dil zenginliği; eş anlamlı sözcüklerin çokluğu ise bir dil zayıflığıdır ve bu başlıkların ayrı ayrı belirtilmesi gerekmektedir, çünkü yakın anlamlı sözcüklerin bir arada kullanımı anlatım kusuru sayılmaz. Öykümüzdeki şu örnekler bu alana ilişkin örnekleri teşkil etmektedir;

“Ben eşe dosta bakarım” (s.175).

Bu örnekte, eş ve dost ikilemeleri yakın anlamlı şekilleriyle verilmeye çalışılmıştır. Türkçe sözlükten [24] kelimelerin anlamına bakarsak “eş” kelimesi birbirinin aynı olan veya birbirine çok benzeyen iki şeyden her biri tanımıyla verilmektedir. “Dost” kelimesi ise Farsça kökenli bir kelimedir ve sevilen, güvenilen, yakın arkadaş, gönüldaş, iyi görüşülen kimse, düşman karşıtı bir kelime olarak tanımlanmaktadır. Bilindiği gibi insanlar birbirlerine benzeyen sevdikleri insanlarla dostluk ve arkadaşlık ederler, bu yaklaşımda bu iki kelime ikileme açısından yakın anlamlıdır. “Eş dost” ikilemesinin bir kavramı pekiştirme, güçlendirmedeki etkileri bir yana bırakılırsa ve tümce anlambilimi açısından ele alınırsa tümceye önemli bir anlatım gücü, etkinlik kazandırdığı yadsınmamaktadır. Örnekte ikilemede yönelme durumu eki “-e,-a” işlevi açısından bağlayan durumundadır. Ek çeşitli kullanılış biçimleri dolayısıyla adı fiile amaç, maksat, sebep ilgisi ile bağlama, fiildeki hareketin yerini belirleme, belirteç görevinde ikilemeler yapma gibi daha birçok farklı görevler yüklenmiştir. Yazar bu ikilemenin yanında ortaya çıkan söz konusu durumun önemsizliğini belirtmek durumunda kaldığında;

“Önce bir süre havadan sudan sohbet ettik.” (s.132)

ikilemesini kullanmıştır. “-den” çıkma durumu ekiyle kullanılan ikileme. kullanılış biçim ve özellikleri dolayısıyla eklendiği adı fiile sebep, sonuç, zaman bildirme, bir bütünü veya bütünün parçasını oluşturma, yakın, eş ilişkiler kurma

gibi çeşitli işlevler için kullanılmıştır.Örnekte yakın anlam ilişkisi kuran ek cümlede ad ile fiil arasındaki geçici anlam bağına kurmak üzere adın girdiği durumu karşılayan ek görevi üstlenmiştir.Diğer bir örnekte yazar olayların güç durumlarda gerçekleştiğini vurgulamak istediğinde;

“Bu yoldur hani yetmiş beş sene Önce sizinkiler kağnılarla gece gündüz yağmur çamur üzerinden yürüyüp kendini dar attılar Meric’in ötesine.”(s. 188)

ikilemesinden yararlanmıştı. Burada herhangi bir ek göze çarpmamaktadır.

Yakın ve eş anlamlı ikilemeler görüldüğü gibi anlamsal olarak bildirişim kolaylığı sağlamakta, anlatım olanaklarının ve sözvarlığının gelişmesine katkıda bulunmaktadır. İkilemeler açısından bu tür eş anlamlı ve yakın anlamlı kelimelere “anlamdaş ikilemeler” terimi kanımızca bir üstterim olarak gösterilebilir. Çünkü her iki unsurda da benzer anlamla ilgili bir durum söz konusudur.

3.6 YAKIŞTIRMA SÖZCÜKLERLE YAPILAN İKİLEMELER VEYA DİĞER ADIYLA “m” KULLANIMI İLE YAPILAN İKİLEMELER

Her dilsel yapı onu üreten bilişsel işlemlerin izidir. Bu bilişsellik ışığında anlamsal olarak ikilemeleri biri anlamlı biri anlamsız sözcüklerle oluşturmak mümkündür. Türkçede özellikle ikinci kelimenin başı sıklıkla “m” ve bazı örneklerde “b,p,s, ” sesiyle başlar [23, s.92-108]. Bu ikilemelerde amaç bizce aynı kelimeyi tekrar etmeden ses değişikliği sayesinde anlatım gücünü vurgulamaktır. Aslında bu tür ikilemeler Türkçenin anlamsal ve sözdizimsel incelemelerin yanı sıra fonetik açısından da incelenebileceğini açıkça göstermektedir.

İkilemelerin bu türünde ilk kelime genelde ek almaz ve şekil olarak şu şekilde karşımıza çıkar;

Asıl kelime $\emptyset$ Birinci kelime	m,b,p,s sesiyle başlayan anlamsız kelime İkinci kelime
---	---

Eserdeki örneğe geçmeden önce şu açıklamaları da yapmak yerinde olacaktır. Sesbilimsel olarak incelenebilecek olan bu tür aslında bazı seslerin dudaksıllaşması (Alm: Labialisierung, İng: Labialization) üzerine büyük önem arz etmektedir. Bazı kelimelerde çeşitli sebeplerle düz ünlülerin yuvarlaklaşması veya ünsüzlerin dudak ünsüzlerine dönmesi gibi ifade edilecek olan bu kural işte bu ikilemelerde kendisini göstermektedir. Bazı kitaplarda ses oyunlarıyla yapılan ikilemeler olarak adlandırılan bu ikileme çeşitlerini pekiştirmek istersek Türkçede şu örnekleri verebiliriz; Okul **mokul** , ütü **mütü** , çöp **möp**, cicili **bicili**, eski **püskü**, süs **püs**, kaba **saba**. Yazar eserinde biri anlamlı biri anlamsız sözcüklerle oluşan ikilemeleri diğer ikilemelere nazaran daha az kullanmıştır. Eylemin güç durumlarda gerçekleştiğini belirtmek üzere,

“Bir dakika falan diye bir şey geveleyerek son anda *dirsek mirsek* kendimi dolmuşa attım.” (s.132)

ikilemesini kullanmıştır. “Dirsek mirsek” ikilemesiyle birinci kelimeyi anlamlı, ikinci kelimeyi “m” sesiyle anlamsız olarak ifade etmeyi yerinde bulmuştur. Diğer yabancı dillerde bu türün örnekleri olduğu gibi Almanca’da ve İngilizce’de de buna örnek verilmesi mümkündür. Örneğin ; Ruckzuck, humpty-dumpty. Yabancı dildeki örneklerde de Türkçede olduğu gibi ikinci kelimedeki ses özellikleri benzerlik göstermektedir.

3.6 İKİSİ DE TÜRKÇEDE ANLAM İFADE ETMEYEN İKİLEMELER

İkilemelerde birinci kelime anlamlı, ikinci kelime anlamsız olarak ifade edildiği gibi her ikisi de anlam ifade etmeyebilir. Bu tür ikilemelerde de ses olaylarının olduğu görülmektedir. Yazar, nesnelere anlamsızlığı belirtmek için;

“Zaten niye böyle *abuk sabuk* şeylerden konuşuyoruz ki şimdi durup dururken.” (s.76)

şahsın niteliğini belirtmek istediği zaman ;

“neyse, kardeşim, seninki bindi *kerli ferli* de adam...” (s.139)

kullanmıştır. Kimi zaman yalnızca ses benzerliği yeterli olan bu ikileme şekli özellikle konuşma dilinde ve diyaloglarda tercih edilmektedir.

4.0 ESERDE İKİLEMELERİN SÖZDİZİMSEL ÖZELLİKLERİ

Eserimizde anlamsal olarak belli sınıflandırmalara tabii tutulan ikilemeler sözdizimsel bakımından da incelenecektir. Bilindiği gibi sözdizimi yada diğer adıyla sentaks dilin cümle yapısını, cümle türlerini, kelimelerin birleşme usulleri ile kelime gruplarını inceleyen gramerin büyük ve önemli bir koludur. Nasıl ki, dili düşüncenin aynası olarak kabul ediyorsak, düşüncemizi muhatabımıza iletmemizin yegâne yolu da, cümledir. Cümle, kelimelerin rast gele sıralanışıyla değil, onların belli kurala göre birleşmesinden meydana gelen bir bütündür. Meselâ : “soğuk hava” şeklindeki sıfat tamlaması, kelimelerin yerlerinin “Hava soğuk” şeklinde değiştirilmesiyle cümleye dönüşür. Dolayısıyla kelimeler, ancak cümle içinde anlam ve değer kazanır. Duygu ve düşüncelerimiz, kelimelere döküldüğünde belli bir hüküm taşıyan cümle meydana gelir. Duygu , düşünce, hüküm, cümle aralarında sıkı bağ olan ve birbirlerinden ayrı düşünülmemeyen kavramlardır. Bir başka deyişle dil, seslendirilmiş düşünce, düşünce ise, sessiz bir dildir diyebiliriz. Nasıl ki; cümleye söz dizimi diyorsak, söz dizimi de, dilin yapısı demektir. Yeryüzünde konuşulan bütün dillerin kendilerine has yapı özellikleri vardır. Bir dili diğer dillerden ayıran özellik, kelime varlığından ziyade cümledeki kelimelerin sıralanış düzenindeki farklılıklardır. İkilemelerde sözdizimsel şekilde farklı özellikler arz etmektedir.

İkilemeler fiil veya fiilimsilerden önce gelip onları nitelerse belirteç görevinde, isimden önce gelip ismi nitelerse sıfat görevinde, ismin herhangi bir hal ekini alırsa isim görevinde, tek başına yargı bildirirse yüklem görevinde kullanılırlar. Bu anlayıştan yola çıkarak yazarın kullandığı ikilemeleri bahsettiğimiz görevlere göre sınıflandırmaya çalışalım.

4.1 BELİRTEÇ GÖREVİNDE KULLANILAN İKILEMELER

Fiillerin, fiilimsilerin ve sıfatların veya kendine benzeyen kelimelerin anlamlarını etkileyen, bazen güçlendiren bazen zaman kısıtlayan kelimelere Türkçede belirteç denir. Türkiye Türkçesinde aslında belirteç olan kelimeler sayılacak kadar azdır. Belirteçler genellikle diğer kelime sınıflarından alınan sözlerle kurulmuştur. Dolayısıyla bir ada, sıfata belirteç niteliği kazandıran, onların dildeki kullanılış biçimleri ve yüklendikleri görevlerdir.

Belirteçler, sıfatların ve kendi türünden olan belirteçlerin anlamını kısmak, güçlendirmek, sınırlandırmak için de kullanılmakla birlikte, asıl kullanım alanları fiillerin yanındadır. Belirteç oluşları eylemlere etkileri ya da eylemlerle tümlenişlerinden anlaşılır. Türk dilindeki ikilemeler, fiili etkiledikleri zaman belirteç olur [7, s. 84]. Öyküde de adlardan kurulan ikilemeler belirteç olarak kullanılmıştır.

- "İlkokuldan arkadaşım Nedim ile yan yana poz vermişiz, elimizde birer oyuncak ayı büyüdüğümüz halde anı olsun diye sakladığımız ayıcıklar" (s.108).

- "Evlerinde herkesle, öküz babasıyla bile rahat rahat konuşurdum da ona yaklaşmazdım bir türlü" (s.109).

- Hıyar hıyar tuttuğum günlüklerde çamaşır sepetine atılmaya utanılan kirli donlar gibi dolapların dibinde tıklı kaldı" (s.110).

Verilen örneklerde ikilemeler fiillerden önce gelip onları nitelediği için belirteç görevinde kullanılmıştır. Sıfatlardan kurulan ikilemelerde belirteç görevindedir. Bu açıklamada şu örnekle pekiştirilebilir;

- "Bilardo topu kafalı şoförün daha ben binmeden ilk yolcuyla başlayan muhabbetti yoğurtçuya vardığımızda iyiden iyiye koyulaşmıştı" (s.133).

"İyiden iyiye" ikilemesindeki "iyi" kelimesi sıfattır ve istenilen, beğenilen nitelikleri taşıyan, beğenilecek biçimde olan anlamına gelir. Ayrıca fiilimsilerin bir türü olan ulaçlardan kurulan ikilemelerde belirteç olarak kullanılır [7, s. 84];

"Köylülerden bazılarıyla gide gele tanıştık" (s.188).

Yansıma sözcüklerle kurulanlarda bu görevi üstlenebilir;

"Mum yanarken ikonaların önünde murıl murıl eğlenirken beni seyrederdilerdi, özellikle Barış tabii" (s. 108).

Örneklerden de anlaşıldığı gibi eserde yazar ikilemeleri belirteç olarak sıkça kullanmıştır. Türkiye Türkçesinde belirteç olarak bilinen pek çok sözcüğün dışında, çoğu kez öteki sözcük türlerinin de –ikilemeler de olduğu gibi – cümle içinde belirteç olarak kullanıldığı bir kez daha görülmektedir.

4.2 SIFAT GÖREVİNDE KULLANILAN İKILEMELER

Türkiye Türkçesinde sıfatlar adlarla yakın ilgileri olan kelimelerdir ve görevleri itibariyle bir adla birlikte söylenmeleri gerekir.Eserimizde ikilemeler sıfat olarak ta kullanılmıştır;

- “Milki gülümsüyor, kaç yıldır yüzünde görmediğim muzip mahcup ifadesiyle...” (s.185).

- “Neyse kardeşim, seninki bindi kerli ferli de adam” (s. 139).

- “Zaten niye böyle abuk sabuk şeylerden konuşuyoruz ki şimdi durup dururken...” (s.176).

İkilemeler bu örneklerde sıfat görevi üstlenmekte ve niteledikleri adı anlam bakımından güçlendirmekte, çoğaltmakta ya da abartmaktadır. Sıfat şeklindeki ikilemeler görüldüğü gibi daha çok niteleme sıfatı görevi üstlenmektedir. Türkçede her tür kelimeden kurulan ikileme sıfat olmaktadır.

4.3 YÜKLEM GÖREVİNDE KULLANILAN İKILEMELER

İkilemeler tek başına yargı bildirirse yüklem görevinde kullanılırlar. Cümlede oluş, iş ve hareket bildiren kelime veya kelime grubu şeklinde eserde karşımıza çıkan ikilemeler şu şekildedir;

“Kapı açıldı, şoförün elleri kol vitesinde gitti geldi” (s.135).

“Hey gidi hey, diyor. Şunların boya bak şimdi çıtır çıtırdır ...” (s.184)

“İç içe geçmiş İstanbul Hikayeleri” adlı eserde sözdizimsel olarak ikilemeler sıfat,belirteç ve yüklem görevi üstlenerek anlatımı güçlendirmeye çalışmışlardır.

5.0 SONUÇ

Bu çalışmamızda öykücü Aziz GÖKDEMİR’in “İç içe Geçmiş İstanbul Öyküleri” adlı yapıtını anlamsal ve sözdizimsel özellikler bakımından incelemeye çalıştık. Cümlelerin veya kelimenin anlamını güçlendirmek, onlara hareket kazandırmak, olayları sürekli bir hareket içinde geçtiğini belirtmek amacıyla ikilemelerin anlamlarını ve cümle içerisindeki görevlerin üzerinde durduk. Bu dil Özelliklerini başarılı bir biçimde uygulayan bu yazarın, anlam bakımından da ne kadar başarılı olduğunu belirtmeye çalıştık.

Кайнаklar

1. Aksan D. Türkçenin Gücü. – Ankara: Bilgi yayınları, Ankara, 1990.
2. Aksan D. Türkçenin Söz Varlığının Anlam Açısından Özellikleri. – Ankara: Ankara Üniversitesi Yayınları, 1991.
3. Aksan D. Anlambilim, ilgi alanları ve Türkçe. – A.Ü. Tömer Dil Dergisi, Doğan Akşan Özel Sayısı, 1994.
4. Aksan D. Anlambilim. – Ankara: Engin Yayınevi, 1999.
5. Aksan Yeşim – Mustafa Aksan Metin Kavramı ve Tanımlar. – Dilbilim Araştırmaları, Hitit Yayınevi, 1991.
6. Aktaş T. Yapı ve Anlam Bakımından Almanca ve Türkçede İkilemeler – Türk Dil Kurumu, Türk Dili Dergisi, Sayı 539, Ankara, 1996. – S. 565-575.
7. Atabay Neşe – Sevgi Özel Sözcük Türleri. – İstanbul: Papatya yayıncılık, 2003.
8. Duden Grammatik Dudenverlag, Mannheim, 1995.
9. Finegan E. – Besnier, N. Language: Its Structure and Use – San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, Publishers, 1989.
10. Gökdemir A. İç içe geçmiş İstanbul öyküleri. – Gendaş Kültür, 1998.
11. Gülensoy T. Türkçe El Kitabı. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2000.
12. Hatiboğlu V. Türk Dilinde İkileme. – Ankara.: Genişletilmiş 2. Baskı, 1981.
13. Hofmann T. R. Realms of Meaning. – London: Longman, 1993.
14. Korkmaz Z. Gramer Terimleri Sözlüğü – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1992.
15. Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2003.
16. Leech G. The Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1988.
17. Lyons J. Semantics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
18. Lyons J. Kurumsal Dilbilimine Giriş. – Türk Dil kurumu Yayınları, Ankara, 1983. – S. 67.
19. Marchand H. Alliteration, Ablaut und Reim in den türkischen Zwillingsformen. – In: Oriens 5, 1952.
20. Müller H.G. Morphophonologische Untersuchungen an Reduplikationen im Türkischen. – Philosophische Dissertation angenommen von der Neuphilologischen Fakultät der Universität Tübingen, 2003.
21. Palmer F. R. Semantics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
22. Tanzimat'tan Bugüne Edebiyatçılar Ansiklopedisi. – İstanbul: Aziz Gökdemir – C.I. – 2001.
23. Tietze A. Die Wiederholung mit verändertem Wortbeginn im Türkischen. – In: UAJ 25, 1953.
24. Türkçe Sözlük. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2005.
25. Ullmann S. Semantics: An Introduction to the Study of Meaning. – Oxford: Basil Blackwell, 1962.
26. Ullmann S. Semantics. – Harper and Row publishers, 1979.
27. Van Dijk, T. A. Studies in the Pragmatics of Discourse. – The Hague: Mouton Publishers, 1981.
28. Vardar B. Açıklamalı Dilbilim Terimleri Sözlüğü – İstanbul: ABC Yayınevi, 2. Baskı, 1998.
29. Yule G. Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 2000.

Ашкін Балджи Х. Смыслові і синтаксичні значення пароповторних вислівів у творі Азіза Гökdemira «Стамбульські розповіді».

Пароповторні висліви – це значущі частини мови, що сприяють більш яскравій передачі значення. З давніх часів турецька мова була незрівняно багатомовною завдяки пароповторним вислівам. Пароповторні вислівові використовуються з метою посилення передачі сенсу значення. Ця особливість турецької мови – показник того, що він є літературною мовою, що володіє високохудожніми засобами вираження. У своїй роботі, ґрунтуючись на пароповторних вислівах твору Азіза Гökdemira «Стамбульські розповіді», ми спробували розглянути їх смислові і синтаксичні особливості.

Ключові слова: розповідь, пароповторні вислівові, лексикологія, синтаксис.

Ashkyn Baldzhy Kh. Смысловые и синтаксические значения пароповторных выражений в произведении Азиза Гокдемира «Стамбульские рассказы».

Пароповторные выражения – это значимые части речи, способствующие более яркой передаче смысла. С давних времен турецкий язык являлся несравнимо богатым языком благодаря пароповторным выражениям. Пароповторные выражения используются с целью усиления передачи смысла значения. Эта особенность турецкого языка – показатель того, что он является литературным языком, обладающим высокохудожественными средствами выражения. В своей работе, основываясь на пароповторных выражениях произведения Азиза Гокдемира «Стамбульские рассказы», мы попытались рассмотреть их смысловые и синтаксические особенности.

Ключевые слова: рассказ, пароповторные выражения, лексикология, синтаксис.

Ashkyn Baldzhy Kh. The view of reduplications from the point of semantics and syntactics that aziz gökdemir applied in his work “İç İçe Geçmiş İstanbul Öyküleri”

Reduplications are the major elements in Turkish supplying strong exposition in language. When comparing with other languages, Turkish language is very rich, even in ancient periods, from the point of view of reduplication. The main aim of using reduplication is to stiffen and strengthen the meaning. This eminent feature of the Turkish language proves its “literary language” characteristic. Starting out from this richness in Turkish, I will try to deal with reduplications from the point of semantics and syntactics that Aziz Gökdemir applied in his work “İç İçe Geçmiş İstanbul Öyküleri”.

Key words: Short Story, Reduplications, Semantics, Syntactics

Статья поступила в редакцию 16 марта 2007 г.

УДК=512.161

XV YÜZYIL DIVAN EDEBIYATI ŞAIRLERINDEN NECÂTİ BEY DIVAN'INDA GEÇEN MAZMUNLARLA İLGİLİ BİR İNCELEME

Çınar M.

Bu çalışmada XV yüzyılda yaşayan ve Klasik Türk Edebiyatının önde gelen şairlerinden Necâti Bey'in divan'ında geçen mazmunlar incelenmiştir. Bu mazmunların analizleri kendi şiirlerinden örneklerin yanı sıra Eski Türk edebiyatıyla ilgili değişik kaynaklar taranarak açıklanmaya çalışılmıştır. **Anahtar kelimeler:** XV yüzyıl Necâti Bey, Edebiyat, Divan, Mazmunlar. Âb-ı hayat. Süleyman, Âdem, Ebrû ve Bülbül.

Giriş

Altı yüzyılı aşkın uzun bir dönemi kapsayan ve üç kıtaya hâkim olan Osmanlı İmparatorluğu geniş coğrafyasıyla ve uzun bir tarihi süreciyle Türk kültürü ve edebiyatı içinde önemli bir yere sahip olmuştur. XV yüzyıl, Osmanlı Devleti için içte isyanlar ve karışıklıklar, dışarıda ise, savaşlarla geçen bir dönem olarak tarihte yerini almıştır [24, s. 399]. XV yüzyılda Divan edebiyatı büyük bir gelişme göstererek yükselme ve klasikleşme dönemine girmiştir. İstanbul'da saray çevresinde yetişen şairler, Fars Dili ve Edebiyatına duydukları ilgi ve hayranlık sonucu İran şairlerinin etkisinde kalmışlar ve bu şairleri taklit etmeye başlamışlardır. Böylece Farsça'dan birçok kelime ve tamlama Türkçe'ye girmeye başlamıştır [15, s. 104]. Ancak Necâti başta olmak üzere Türkçe'nin ses ve anlam inceliklerini kavrayan, konuşma dilini şiir dilinin esası yapmaya çalışan Türkî-i Basit (Sade Türkçe) tarzında gazel yazan Şehzade Korkut vb. gibi şairlerde kendilerini hissettirmeye başlamışlardır [21, s.288].

Kaynaklarda yer alan her türde ve her konuda manzum ve mensur pek çok eser, bu yüzyılda yazılmaya başlamıştır. Divan tertip etmemiş, ya da divanı kaybolmuş sayısız şairin şiirleri nazire mecmualarını doldurmuştur. Örneğin Ömer b. Mezid (ö.1436)'in "Mecmûatü'n-Nezâir-i", Eğdirli Hacı Kemal (ö.1512)'in "Câmiü'n-Nezâir-i ve Edirneli Nazmî (ö.1513)'nin "Mecmâü'n-Nezâir-i'sini "saymak mümkündür. Dolayısıyla 15. yüzyılda pek çok şair yetişmiş ve bu şairlerin gazel türü şiirin gelişmesine büyük katkıları olmuştur [6, s. 368].

Yüzyılın gazel tarzında şiir söyleyen en büyük şairi Necâti'dir. Zira o, konuşma dilinin canlılığını bozmadan şiir yazmada oldukça başarılı bir şair olarak bilinmektedir [15, s. 105]. Önceki dönemlerde olduğu gibi bu dönemin

de padişah, şehzade, vezir ve devletin ileri gelenlerinin çoğu şairdir. Örneğin Sultan II.Murad Türk Dili ve Edebiyatının gelişmesinde büyük katkıda bulunmasının yanı sıra, sanatçıları koruyan, aydın kişiliğinin yanında güzel sanatlardan anlayan ve divan sahibi olan ilk Osmanlı padişahı olma özelliğine sahiptir [23, s. XV; 21, s. 290].

Bu çalışmada XV yüzyılın gazel alanındaki en büyük şairi olan, kesin olmamakla beraber hicrî 914 yılında Edirne’de doğan ve ihtiyar bir kadının himayesi altında büyüyen Necâtî (ö.1509)’nin [23, s. XV-XX; 18, s. 12-22; 4, s. 11] divanında yer alan mazmunların kısa tanımı yapılarak her biri ayrı başlık altında ele alınmıştır. Necâtî aşağıdaki beytinde âb-ı hayati şöyle dile getirir:

Lûfun suyu ile konda bir ol Şehâ ki çün

Âb-ı Hayâta benzemez olsa hezârâb [23, s. 33].

Âb-ı Hayât: Âb-ı Hızır, Âb-ı Hayvan, Âb-ı Bekaa gibi adlarla anılan Âb-ı Hayâtın kaynağı karanlıklardır [5, s. 121]. Zulmât, zulûmât, zulmet denilen ve menbaı meçhul diyarda bulunan bir sudur ki içen ölmez, dünya durdukça yaşar. Bu suyu ilk olarak Hızır ve İlyas Peygamber bulup içmişlerdir. Rivayete göre daha sonra Allah bu pınarı insanların gözünden saklamıştır. İskender zulûmât’a kadar gittiği halde bu suyu bulamamıştır [17, s. 65; 5, s. XV]. Edebî dilde saf, latif ve güzel söze de işaret etmektedir [5, s. 39].

Olubdur Âsafâ ‘ahdinde çünkim

Kemâlün kadri keyvâna berâber.

Âsâf: Süleyman Peygamberin Veziri İbn-i Berhiyâ’nın adıdır. Kur’ân-ı Kerim’de tavsîf edilmiştir. Nüsha, tılsım, vefik gibi garip isimler ile simyânın mücidi olarak telâkki edilip [5, s. 106], bu ünlü kişinin üstün meziyetleri nedeniyle sonradan bu ünvan kendisine verilmiştir [5, s. 115].

Bâğ-ı ruhunda dâne-i hâline ey perî

Meyl eylesek aceb midir, âdem değimliyiz.

Âdem: Semavî dinlere göre, Allah’ın yarattığı ilk insan ve ilk peygamberdir [8: 19, s. 6].

Gün yüzü tulû eyleyicek subh-ı safâda

Besbelli idi âfet-i devrân olacağı

Âfet-i devrân: Aşkkların güzeller için kullandıkları bir tabirdir [1, s. 11; 19, s. 8].

Yürü yıllarla yelersen yetemezsin ey dil

Şol cihetden ki perî şiveli âhûdur bu.

Âhû: Geyik, ceylan ve karacaya verilen bir adıdır. Türk edebiyatında birçok teşbihlere neden olmuştur. Gözlerinin iri ve siyah oluşu sevgilinin gözünü hatırlatır. Vahşetlerinden güç, avlanmalarından kinâye olarak da haşin dilberlere benzetilmişlerdir. Sevgilinin yüzü Kâ`be’ye benzetildiği zaman, göz âhûsu ortaya çıkar. Çünkü Kâ`be’de avlanmak yasaktır. Bir gül bahçesi olarak anılan yüz, âhû gözlerle daha da güzelleşir [17, s.91; 1, s. 19; 19, s. 14].

Her lahza gün yüzüne solar sâye perçemin

Her dem kemend-i nâz otar aye perçemin.

Aya Kement Atmak: Boş işlerle uğraşmak anlamına gelmektedir. Rivayete göre, sihirbazlar okuyup üfürdükten sonra hilâl halindeki aya kement atıp göklere çıkarlardı. Divan edebiyatında kement, düşmanın veya hayvanın boynuna uzaktan atılan ilmikli kalın ipin adıdır. Eskiden kadınlar alınları üzerine gelen saçlarını, perçemlerini yarım daire şeklinde kıvrırarak kaşları ucundan yüzleri üzerine bırakırlardı. Bu da şairlerde aya kement atmak hayalini uyandırmıştır [17, s. 113].

Ser-i kâyunda bilir gamzelerinde hâlim

Şol ki Bağdât'a vara tuş ola ayyârlara

Ayyâr: Kelime anlamı hilekâr ve dolandırıcı demektir. Divan edebiyatında sevgili ve onun gözleri ayyâra benzetilmiştir. Sevgilinin sürekli huysuzluk yaparak fitne çıkarmasının bir nedeni de bu ayyârlığıdır [19, s. 49; 17, s. 124; 1, s. 56].

Saç zülfünü ruhuna ki 'anber gulâm ola

Aç gün yüzün ki mâh-ı nevîşi temâm ola.

'Anber: Hint denizlerinde yaşayan bir çeşit ada balığından elde edilen yumuşak, yapışkan ve kara renkte güzel kokulu bir maddedir. Dolayısıyla Divân şairleri, kokusu ve rengi münasebetiyle anberden sürekli bahsederler. Şaire göre sevgilinin saç daima misk ve anber kokar. Sevgilideki hat ve ben ise anberin ta kendisidir [19, s. 23; 1, s. 33].

Sen olasın deyü yer yer asılıp âyînler

Gelene gidene eyler nazarı döne döne.

Âyîne: Ayna. Güzeller, aynaya bakarak kendi güzelliklerinin farkına varırlar, yine ona bakarak süslenirler. Sevgili ayna karşısına geçince kendisini seyretmeye doyamaz ve uzun müddet aynanın karşısından ayrılamaz. Şair, aynaları asmasının sebebinin sevgilinin gelmesine bağlamıştır [19, s. 47; 17, s. 118; 1, s. 55].

Gül yüzü dağıttı sabrım nakdini bülbül gibi

Nev- bahâr erişti bengânı-ı cünûnumdur benim.

Bahâr: Yeni bahar anlamına gelen bu mevsim, Divân edebiyatında en çok üzerinde durulan mevsimlerden biridir. Başta gül, lâle, sünbül, menekşe olmak üzere çiçeklerin en gözde oldukları mevsimin bahar oluşu ve bu çiçeklerinde sevgilideki güzellikten birer iz bulundurduğuna inanıldığı için şairler baharı diğer mevsimlerden daha üstün tutmuşlardır. Zaman zaman, Nevruz nedeniyle şiirler yazmışlar ve bunları çoğunlukla devlet büyüklerine sunup dünyalıklara da kavuşmuşlardır [19, s. 54; 17, s. 127].

Dün hüzn ile olmışdı kara yire berâber

Bu gün neden irişdi bu mikdâra benefşe.

Benefşe: Menekşe. Divân şiirinde kokusu, koyu rengi, boyunun eğriliği ve şekil yapısıyla anılmıştır. Baharın ve çemenin en belirgin unsurlarından biridir. Sevgilinin beni menekşeye benzetilir. Bazen sevgilinin ayva tüyü yerine de kullanılır. Benefşe

renk ve kokusu yönünden de miske benzetilir. Benefşe, demet halinde pazarda satılmasıyla da sevgilinin saçını andırır [19, s.66; 1, s. 84].

*Bülbüller öter şevk ile ezhâr küşâde
Peymâne be-kef olsa nola yâr küşâde.*

Bülbül: Divân edebiyatı bülbül den ayrı düşünülemez. O, şakıyışlarıyla ağlayıp inleyen, durmadan sevgilisinin güzelliklerini anlatan ve ona aşk sözleri arz eden bir âşığın timsalidir. Bazen âşığın kendisi, bazen canı, bazen de gönlü olur. Bülbül güle âşık kabul edilir. Nasıl bülbül gülsüz olamazsa, âşık da maşûksuz olamaz. Gülün dikenleri nasıl bülbülün ciğerini delerse, sevgilinin eziyetleri de âşığın bağırmı deler [19, s.77; 17, s. 146; 1, s. 116].

*Ne gönül kodu ne göz hâl-i ruh u ârız-ı yâr
Oda yanmaz suya batmaz nice câdûdur bu.*

Câdû: Cadı, büyücü demektir. Divân edebiyatında sevgilinin gözü, gamzesi, saç, kakülü ve ayva tüyleri başta olmak üzere onun insanları kendisine cezbettiği bütün güzellikleriyle, cadılık özelliklerine sahiptir. Câdû veya büyücü birde şairin kendisine yakıştırdığı sıfat olarak karşımıza çıkmaktadır. Bunun nedeni ise şairin söylediği bütün şiirlerin sihir gibi tesirli olmasındandır [19, s. 80; 17, s. 150; 1, s. 121].

*Çün periler cilve-gâhıdır pınarı çeşminin
İli olsa tan değıldir çeşme-sârı çeşminin.*

Çeşme-Peri: Pınar başlarının perilerle meskûn olduğuna dair bir inanış vardır. Eskiden kadınlar cin ve perilere basmamak için gece çeşmeye yanaşırlarken destûr diye seslenirlerdi [17, s.170; 1, s. 157].

*Dün gördü Cür 'a dökütüğümü pîr-i meykede
Bugün beni onarmayan onun ilencidir.*

Cür'a: Yudum. Eskiden içki kadehinin dibinde kalan son yudumun yere dökülmesi âdettendi. Şairler bu durumu şiirlerinde dile getirirlerken, aslında şarabın mucidi olan Cem'in ruhunu ta'zîm ederlerdi. Bir başka ifadeyle kadehte kalan bir yudum içkinin Cem'in hakkı olduğunu söylerlerdi. Dolayısıyla son yudumunda yere dökülmesiyle Cem'in rûhu şâd olduğuna inanırlardı [19, s. 94; 17, s. 159; 1, s. 148].

*Her kişünün zulmine sultân olanlar dâd ider
Bana kim dâd ide ki iden zulmi sultandır bana.*

Dâd: Şair burada dâd kelimesini adâlet, doğruluk, ihsân ve vergi manalarında kullanmıştır [1, s. 159; 17, s. 176].

*Baş koyup taş eşğinde cân verenler döstüm
Ömr-i sermed kesb eder Dârü's-Selâmiler gibi.*

Dârü's Selâm: Selamet yurdu, barış yurdu anlamına gelen bu kelime. Bağdat ve Mekke'ye verilen bir addır. Kur'ân-ı Kerîm'de de "Cennet" anlamında zikredilmektedir [19, s. 107; 17, s. 156; 1, s. 168].

*Isırdı mıydı leblerini, söğdü ağzıma
Ma'zûr tut Necâtî hele diş kirasıdır.*

Diş Kirası: Ramazan ayı boyunca iftar sofrası düzenleyerek muhtaç ve kimsesizlere oruç açtırmak ve bunların yanında dostları da iftara davet etmek Türk örf ve adetlerinden idi. Özellikle zengin konaklarında düzenlenen iftarlardan sonra davetlilerden birinin Kur'ân-ı Kerim okuması ve ardından da ev sahibinin misafirlerine hediye takdim etmesi gelenektendi. Davetlilere sunulan bu hediyelere de diş kirası adı verilirdi. Diş kirası genellikle para şeklinde olurdu. Ancak son zamanlarda iftar davetlilerinin mevki ve makamlarına göre kıymetli taşlardan yapılmış tesbih, lüle, ağızlık vb. gibi eşyalarda verilmeye başlanmıştır. Divân şairleri ise diş kirasına bûse ve öpücük kelimelerinde ekleyerek bu iki kelimeyi şiirlerinde sıkça kullanmışlardır [19, s. 118; 17, s. 189].

*Ahdinde kimse eylemesin çerha ilticâ
Dârü'l-emânda olana hâcet değil hisâr.*

Dârü'l-emân: Sığınılacak yer, emniyet yurdu gibi mânâlar altında kullanılan bu kelime, özellikle Bektaşilik'te tarikata gireceklerin ikrâr verdikleri yerdir. Yine tarikat mensuplarından herhangi biri bir suç işlerse burada suçunu itiraf ederdi. Bazen de kötü ruhlu insanların şerrinden kurtulmak için ibadethanelere sığınılırdı. Dolayısıyla o zamanlarda böyle yerlere dârü'l-emân adı verilirdi [19, s. 107].

*Zülfün ucundan gönüller düştüğün gören sorur
Ejderhâdır kim ağızdan nâr-ı sûzân yağdırır.*

Ejderhâ: Büyük yılanı ejderhâ denmektedir. Edebiyatta ejderhâ, sevgilinin saçları yerine kullanılmıştır. Çünkü sevgilinin kıvrım kıvrım olan saçları bir ejderhâyı andırmaktadır. Yine sevgilinin saçları uçlarının bolluğu ile de tek başlı bir ejderhâya benzetilmiştir [19, s. 136; 1, s. 211; 17, s. 203].

*Ey Necâtî kilik-i gevher-bârına kıymet mi var
Dürr olur her kim ol ebr-i nîsân yağdırır.*

Ebr-i Nîsan: Divân edebiyatında ebr-i nîsân nisan bulutu anlamına gelmektedir. Nisan ayında yağın yağmur kıymetli bir taş olan sedefin karnına düşünce inci, yılanın ağzına düşünce zehire dönüşürmüş. Allah'ın hikmetidir ki aynı yağmur tanesi birinin karnında zehir, diğersininde ise inci oluyor. Ayrıca nisan bulutları yağmurun müjdeleyicisi oldukları için tabiatın yeniden canlanıp uyanmasına neden olmaktadır. Bu bakımdan da bulutlar bereketi temsil etmektedir [19, s. 130; 1, s. 199].

*Kemân ebrularına incinüb peykâmuna geçdüm
Gel ey tîr-i müje billâhi lûtf eyle geçenden geç.*

Ebrü: Kaş anlamına gelmektedir. Divân edebiyatında kaş, güzellik unsuru olarak önemli bir yere sahip olduğu için tek başına ele alınmış, bazen de göz, gamze, kirpik, yüz ve saç ile birlikte işlenmeye çalışılmıştır. Kaş, saçtan sonra sevgilinin ikinci sıradaki güzellik unsuru sayıldığı için fitne yönü ile ele alınır ve göz ile

ortak yanının olduğu dile getirilir. Yani kaş, sevgilinin saçı ile yakınlık kurup (göz, kirpik, gamzeyi) fitneye ortak etmek istemektedir. Ayrıca kaş, hem şekil, hem de görünümler bakımından hilâle ve mihraba benzetilmiştir [14, s. 214-246].

Kadd ü zülf ü dehenin oldu elif lâmla mîm

Ol sebebdan dil ü cân lezzetin oldu elemîn.

Elif, lâm, mîm: Divân edebiyatında sevgilinin boyu elife benzetilir. Arap alfabesinin ilk harfi elif olduğu için âşık da sevgilinin güzellik kitabında ilk defa elif boyunu okur. Divân şairleri elifin yanında zülfe benzettikleri lâm'ı sevgilinin ağızına teşbih ettikleri mîm harfini de zikrederler ve Kur'ân-ı Kerim'in birkaç yerinde geçen Elif-Lâm-Mîm âyetlerine işaret ederler [7]. Necâtî de sevgilinin kendine elem ve acı verdiği için bu üç harften oldukça lezzet aldığını söyler [19, s. 137; 17, s. 208].

Gül devri durur gonca-leb-ü hokka-dehenler

Tak eyler isek bâdeyi esrâr çekerler.

Esrâr: Sırlar, Arapça bir kelime olan sırrın çoğulu esrârdır. Aklın ve insan gücünün eremeyeceği bütün işlere sır denir. Hint kenevirinden elde edilen uyuşturucu ve keyif verici bir madde adına da sır denmektedir. Sevgilinin ağız ve dudağının, küçük oluşu ve hatta görünmeyişi de sırra teşbih edilmiştir. Ayrıca o ağızdan sözün çıkması mümkün değildir. Dolayısıyla ağzın içi henüz söylenmemiş sırlarla doludur. Ancak dudaklar esrâr özelliğine sahip oldukları için içeni sarhoş ederler. Sevgilinin güzelliğini gören âşık esrâr içmişçesine hayranlığını gizleyemez ve o anda kendinden geçer [19, s. 141; 1, s. 235; 17, s. 215].

Dâl-i devlet gösterir zülf-i dilâvîzin senin

Câ cemâlin mushafından her kaçan kim fâl açar.

Fâl: Kitap açmak, kahve telvesine bakmak, iskambil kağıdı dökmek, bakla atmak vs. sûretiyle geleceğe bakmaya denir. Gelecekte yine vuku bulacak olayları keşfetmeye çalışmaya fala bakmak denir. Şair, canım ne zaman senin cemâlin mushafından fâl açacak olsa, gönüllere sefa veren saçının kıvrımları devlet kelimesinin başında bulunan dal harfini gösterir demektedir [17, s. 228; 19, s. 147; 1, s. 250].

Kaddini öğmek Necâtî'nin değil haddivelî

Söylenir kumrî gibi serv-i hisâmân üstüne.

Fâhte-Serv: Üveyik kuşu, yabancı güvercin. Güzel sesli ve hoş görünüşlü bir kuşun adıdır. Genellikle sık yapraklı ağaçlara (kavak, servi) vb. gibilerine konarak kendini avcı kuşlardan korumakla bilinen bu kuşu, divân şairleri servi ile birlikte kullanmışlardır [19, s. 146; 17, s. 226].

Ey Şehenşâh-ı felek-mertebe-vü-mihr-mihî

Görmedi çeşm-i felek sencileyin pâdişahi.

Felek: Gökyüzü, talih, baht, kader anlamlarına gelmektedir. Edebiyatta felek, daha çok şikâyet yerine kullanılır. Divân şairleri tarafından daha çok yükseklik, yücelik, genişlik, sonsuzluk, parlaklık gibi özellikleriyle anılmıştır. Sevgili, felektan bile yüksek

değerdedir. Felek ancak onun sarayı olabilir. Âşığın çektiği acı ve ızdıraplardan dolayı ettiği âh ve figânlar da felek kadar sonsuzdur [19, s. 149; 17, s. 230].

*Avladı, öldürdü, ben kendiliğimden ölmedim
Şeh süvâra lâyıķ-ı fıtrâktir cismim benim.*

Fitrâk: At eyerinin terkesine torba ve heybenin bağlandığı kayış veya örme ipin adıdır. Firâk sözü Türkçe de hem terki, hem de terki bağ yerine kullanılmıştır. Şair beyitte, âşığa seslenerek ona ey âşık! Sevgilinin siyah saçlarına baş koyma, temayül etme; çünkü bir gün biçare başın atın terkesine asılır demektedir [17, s. 234; 1, s. 269].

*Bir şerbet içdi leblerümün firkatinde kim
Her derd hasta gönlüme şimdi devâ gelür*

Fürkât: Ayrılık anlamına gelen fürkât, Divân edebiyatında daha çok firâk, hasret, hecr ve hicrân gibi eşanlamlılarıyla kullanılır. Âşığın en belirgin özelliği firkat içinde olmasıdır. Firkat ona büyük ızdırap verse de o, bu durumdan çok az şikâyetçi olur. Sevgilinin rakiple ilgilenmesi, ayrılık acısının giderek çoğalmasına neden olur. Firkat nedeniyle âşık kan yutar, ölümcül hasta olur, toprağa döner, geceleri sabahlara kadar ağlar. Âh çekmekten beli bükülür, kanlı gözyaşı akıtır, gam ve keder içinde kalır. Necâtî yukarıdaki beytinde sevgiliye seslenerek ona ey sevgili! “ hasta gönlüm, senin dudaklarının ayrılığında öyle acı bir şerbet yudumladı ki şimdi bütün dertler ona deva gibi gelmekte” demektedir [19, s. 162; 16, s. 96].

*Sinem üzere zahm-ı gamzen râhat-ı cândur bana
Gamzen okları ile ölmek hâb-ı barandur bana.*

Gamze: Sevgilinin süzgülün ve anlamlı yan bakışlarına gamze adı verilir. Divân şiirinde gamze en çok ok ve kılıca benzetilir. Bir ok olan gamzenin hedefi can, gönül, ciğer, sine ve yürektir. Sevgili süzgülün bakışlarıyla yay olan kaşlarından kirpik oklarını hedefine doğru atar. Belirli bir yöne doğru atılan bu oklar hiçbir zaman hedefinden şaşmaz. Âşık ise, bu okların gönlünden hiç ayrılmamasını diler; çünkü devamlı olarak sevgilinin bakışlarını görmek ister [19, s. 162; 1, s. 277; 17, s. 236].

*Gözlerün 'ayn-ı 'inâyetdür kime ide nazar
Kirpüğün sehm-i sa 'âdetdür kime ola nasîb.*

Göz: Divân edebiyatında göz, sevgiliye ait bütün özellikleri taşıdığı için en çok sözü edilen bir unsur olarak karşımıza çıkmaktadır. Âşık; zalimlik, gülmek, nazlanmak, alay etmek gibi sevgiliye zıt davranışların olmasının yanı sıra şehlalik (ela göz), mahmurluk, öfke vb. gibi unsurlarda onun sıfatlarından sayılmaktadır. Sevgili âşık üzerinde gözüyle çok etkilidir. Onun gözleri mânâlı bakışlarıyla âşığa bir şeyler anlatmaya çalışır. Bu anlatış bazen ok şeklinde âşığın gönlüne girip onu yaralar. Yine sevgilinin gözü daima sihir gücüne sahiptir. Âşıkları büyülemekte üstüne yoktur. Öyleki süzgülün bir bakış ona yeter [16, s. 86; 19, s. 169; 1, s. 156].

Gül hasretinle yollara dutsın kulağını

Nergis gibi kıyâmete dek çeksin intizâr.

Gûş: Kulak demektir. Divân şiirinde kulak, kıvrımlı olduğu için şekil yönüyle güle benzetilir. Kulağın burulması nedeniyle tanbur ile birlikte zikredilir. Zira tanburu akord eder gibi âşğın kulağında burmak gerekir. Bu işi ya sevgili ya da felek yapar. Kulak bazen bir kuyuya, bazen de içine şarap doldurulan bir kadehe benzetilir [19, s. 171; 1, s. 295].

Nitekim bârân olıcak zerreye kalmaz vücûd

Ey güneş ekşim demâdem etti nâ-peydâ beni.

Güneş-zerre: Zerre; bir arpa ağırlığı kadar hafif olan karıncaya benzemese dahi Türkçede, gözle görülemeyecek derecede küçük olan her şeye zerre denir. Güneş, ışınlarını her yere dağıttığı için cömertliğin sembolü sayılmıştır. Divân şiirinde güneş, sultan olan sevgiliyi temsil etmektedir. Güneşe göre toz ve zerre, sevgiliye nisbetle âşğın acizliğini anlatmaktadır [19, s. 176; 1, s. 247].

Kapına gelsin ko gâh ey perî bî-dillerin

Şehlere âdet durur her hafta divân eylemek.

Hafta Divânı: Padişahlar, haftanın belli bir günü tahtlarına oturup halkın dertlerini ve isteklerini dinlerlerdi. Buna da hafta divânı denilmekteydi. Âşıklarda, padişahlar gibi sevgililerinden, haftanın belli bir günü bir araya gelerek dertlerini dinlemelerini isterlerdi, Divân şiirinde buna da hafta divânı adı verilir [17, s. 250].

Her İbrahim izzet Kâ'be 'sinde

Halilullâh yâhud Edhem olmaz.

Halilullâh: Allah dostu demektir. İbrahim Peygamber Halilullâh'tır. Rivayete göre Hz. İbrahim ateşe atıldığı zaman Cebrâil onu havada tuttu ve dileğini sordu. O da "Ben Allah'ın kuluyum. Hâcetim O'nadır, sana değil. Allah ne dilerse yapsın" dedi. Allah'ta onu dost edindiği için adı halilullâh oldu [19, s. 185; 5, s. 53].

Zâhidâ adı harâbâtın cihân-âbâddır

Gör esâs-ı meykede bir kâfirî bün yâddır.

Harâbât: Divân şairleri harâbât kelimesini meyhane anlamında kullanmışlardır. Şairlere göre sevgilinin kırmızı şarabı andıran tatlı dudakları bir harâbâttır. Meyhânenin tozu toprağı âşğın gözüne sürme olur ve bütün sırlar orada ortaya dökülür. Divân şairi için de meyhâne; hayatın zorluklarını unutturmak için adeta bir sığınak durumundadır [19, s. 192; 17, s. 255; 1, s. 326].

Hatunda kim ol zülfi-perîşân yazılıpdur

Gûyâ ki gubâr üstine reyhân yazılıpdur.

Hat: Divân edebiyatında " hat " kelimesi çeşitli anlamlar altında mütalaa edilirken bu kelime hakkında farklı görüşler ortaya atılmıştır. Bir grup şair, şiirlerinde hattı; yanak, dudak, ben, saç ve çene ile birlikte kendini gösterdiği için genelde hûb olarak kullanıldığını söylerken, bir diğer grup ise, hat kelimesinin

yazı anlamına geldiğini dile getirmiştir. Divân şiirinde sevgilinin güzelliği unsurlarından olan ağız; goncaya, boy; serviye, göz, nergise, yüz; güle, dilber; bahara benzetilirken, hat yani ayva tüyleri de yeşilliğinden dolayı çemene teşbih edilmiştir. Necâti'de yukarıdaki beytinde” Ey sevgili! ayva tüylerinin üzerine, dağınık zülüflerin öyle bir yayılmış ki; sanki toprağın üzerini fesleğenler kaplamış gibidir.” demektedir [19, s. 196; 17, s. 260].

Kaşların fikri ile döndü hilâle kâmetüm

Gerçi cânım kılca gelmez ey hilâl-ebriû sana.

Hilâl: Yeni ay demektir. Ay bir ışık kaynağıdır. Ayın ışığı ise; güneş gibi ateş değil, nurdur. Bu nur yüzüyle ay, sevgiliden başkası değildir. Ona sevgilinin eli değmemiş, kimse yanına yaklaşmamıştır. Sevgilinin kendisi ay olduğu gibi yanağı, yüzü ve alnı da ay gibidir. Ayın yüzündeki karanlıklar sevgilinin yüzündeki ayva tüyleridir. Ay, sevgilinin gece renkli saçları arasında durur. Sevgili o kadar güzeldir ki ay ona ancak kul olabilir [19, s. 208; 17, s. 111; 1, s. 369].

Zulmetde kaldı tâlib-i mâu'l hayat-ı aşk

Ey hıızr-ı dil-nüvâs ü İskender-likâ yetiş .

Hıızr: Âb-ı hayât'ı içip ölümsüzlüğe kavuşan kişidir. Peygamber veya veli olduğu hususunda çeşitli görüşler vardır. Halk inanışında büyük bir yer edinmiş olup Kur'ân-ı Kerîm'de Musâ Peygamber ile olan macerası anlatılır. (Kur'ân-ı Kerîm de Kehf Sûresi) [10] Hıızr'ın İlyas Peygamber'e verilen bir lakap olduğunu söyleyenlerde vardır. Onun Nuh, Musa veya İskender zamanlarında yaşadığı hususunda rivâyetler varsa da ölümsüzlüğe kavuşmasının İskender zamanında gerçekleştiği görüşü yaygındır. Edebiyatta, sevgilinin birçok özelliği Hıızr'a benzetilir. Dolayısıyla sevgilinin ayva tüyleri Hıızr'a teşbih edilir. Çünkü âşık gözyaşları denizinde boğulmak üzere iken Hıızr'a benzetilen sevgiliden imdat beklenmektedir. Zira sevgilinin yüzü âb (su) olunca ayva tüyleri de bu su üstünde yürüyen Hıızr olur [19, s. 240; 17, s. 268; 1, s. 365].

Büse ahd etti Necâti'ye lebin gûyâ Mesîh

Mu'cize izhârı için mürdeye cân arz eder.

Mesîh-İsâ: Dört büyük kitaptan biri olan İncil'in nâzil olduğu peygamberdir. Anası Hz. Meryem Cebrâil'in bir üflemesiyle gebe kaldığı için babasız dünyaya gelmiştir. İsâ; nefesi ile ölüleri diriltir ve hasta olanları ayağa kaldırır. Sevgilinin dudağı da can bağışlayıcı olduğu için Hz. İsâ'ya benzetilmiştir. Bazen de şairlerin şiirleri ve sevgiliden gelen sabâ yelinin diriltici özelliğine sahip olduğu için İsâ'ya benzetilmektedir [17, s. 283; 19, s. 235; 1, s. 449].

Hurşîd-i cihân-tâbını kızıl mankırâ soymaz

İksîr-i fenâ tâlibi kallâşlarık biz.

İksîr: Ortaçağ kimyacılarının çok tesirli ve herhangi bir maddeyi altına dönüştürecek kadar kuvvetli olduğuna inandıkları bir maddedir. İksîr hayâlî bir

cisim olup, hakkında pek çok görüş ve fikir vardır. Divân şiirinde bulunmazlığı yönünden kıymetli bir madde olarak ele alınırken, bazen de manevi güç yerine kullanılmıştır [19, s. 228; 1, s. 424; 17, s. 281].

Devr-i meclis ki bugün zevk u safâ hürmetidir

El açın vakt-i sabûh erdi du'â hürmetidir.

Kadeh Duâsı: Şarap, boğazı dar olan bir şişeden veya sürahiden kadehe dökülürken, bu esnada duyulan “kulkul sesini” sarhoşlar duâya benzetirler. Harâbât âlemlerinde kadehler doldurulurken rindânın aldıkları ihtimâm ve haz âdeti duâyı dinlemek ve duâya iştirak etmek manzarasını arz etmektedir [17, s. 292].

Gide mi ey seng-dil zülfün hayâli sîneden

Çün bilirsin muhkem olur kâfir ettiği binâ

Kâfir Binâsı: Divân edebiyatı şairleri, yüksek ve sağlam yapılan binalara kâfirî bina yani; kuvvetli bina derlerken münşîler de şeddâdî bina adını vermişlerdir. Necâtî ise, yukarıdaki beytinde sevgiliye seslenerek, “Ey taş yürekli sevgili! saçının hayâli kalbimden hiç çıkmıyor; bilirsin ki kâfirin inşa ettiği kuvvetli bina bile senin taş yüreğinin yanında oldukça zayıf ve temelsiz kalır” demektedir [17, s. 295].

Zâhiri râst olup bâtım kimin kec ise

Kalemin gibi kalem kıl dilin andan iki dil.

Kalem: Divân edebiyatında kalem, kara mürekkep içinde olduğu için âşîğa benzetilir. Âşıқта sevgilinin kara saçı, beni, kaşı gözü vs. içinde kendini kaybetmiş kara yaslar içindedir. Sevgilinin boynu ve belindeki inceliğinin yanı sıra kaşı da şekil itibariyle kaleme benzetilir. Sevgilinin saçı, bazen kalem olarak ele alınırken yüzündeki ben de o kalemin ucundan dökülen bir damla mürekkebe teşbih edilir. Yine aynı kalem sevgilinin ayva tüylerini de nokta nokta yazmıştır [19, s. 253; 1, s. 484].

Nice suna çarh Çini kâse ile nukt-ı gam

Devr elinden ben ki câm-ı şâdmânî gözlerim.

Kâse: Cam, toprak, çini vs. gibi maddelerden yapılan kadehlere kâse denir. Divân edebiyatında kâse, daha çok içki ve şarap aracı olarak kullanılmıştır. Yine kâse, insan gönlünü almak için benzetmelerde de kullanılmıştır. Ayrıca divân edebiyatında ay, güneş ve âşığın gözü de kâseye benzetilir [19, s. 258; 1, s. 492; 17, s. 308].

Her dem ey kaşı kemân sînede peykâmundan

Dil-i bi-çâre neler çekdüğün Allâh bilir.

Kaş: Divân edebiyatında kaş, güzellik unsuru olarak önemli bir yere sahip olduğu için tek başına ele alınır. Bazen de göz, gamze, kirpik, yüz ve saç ile birlikte işlenmeye çalışılmıştır. Kaş, hem şekil hem de görüntü bakımından gökyüzündeki hilâle benzetilir. Hilâl sevgilinin kaşını görünce boynunu bükerek ve âşîğa; “Allâh yardımcın olsun” der. Çünkü sevgilinin kaşını ok gibi keskin olduğu için âşığın sinisini derinden yaralamaktadır. Yine Divân edebiyatında kaş, kavisli olduğundan dolayı mihraba benzetilir [14, s. 216; 19, s. 261; 16, s. 142].

*Kıymazdı bana gamze-i bed-mest sâkiyâ
Koltuk vezîri olmasa yanındaki kabak.*

Koltuk veziri: Divân şiirinde koltuk veziri; dalkavuk, akıl kâhyası ve yordakçı gibi değişik anlamlar altında kullanılmıştır. Necâti yukarıdaki beytinde şarap doldurucusuna seslenerek, “Ey sâkî! Yanındaki koltuk veziri olan kabak, sana yordakçılık edip cesaret vermeyeydi bana bed-mest gamzen kıyamazdı” demektedir [17, s. 324].

*Gamdan necât ister isen sen Necâtîyâ
Dil kur 'asını câm-ı mey-i erguvâna at.*

Kur'a: Eskiden kur'a; ok atmak, şans denemek amacıyla zar fırlatmak, numara, isim çekmek vs gibi tesâdüfe bağlı kararlar almak için kullanılmaktaydı. Bu durum bize Oğuz Han'ın oğullarının kendi aralarında memleketi taksim ederken ok kullandıklarını hatırlatmaktadır [17, s. 329; 1, s. 527].

*Leb-i rengînine fi 'l-cümle olur idi şebîh
Nesne yaratsa Hudâ la 'l-i Bedağşân 'dan öte.*

La'l: Kırmızı ve değerli bir süs taşıdır. Yakuta benzeyen bu taşın en değerlisi Bedağşân dağlarında olur. La'l, Divân edebiyatta en çok sevgilinin dudağı için kullanılmıştır. Bazen âşığın gözü ve gözyaşları da la'le benzetilmiştir [19, s. 283; 17, s. 337; 1, s. 541].

*Ben Necâtî lebleri şevkiyle bî-huş olmuşam
Sen beni sanma şarâb-ı erguvândan geçmişem.*

Leb: Dudak anlamında kullanılan bu kelime, Divân şiirinde en fazla üzerinde durulan güzellik unsurlarından biridir. Görünüşündeki güzellik, renk, darlık, yuvarlaklık, kenarındaki ben, ayva tüyleriyle çevrili oluşu, konuşma, söz, ağız oluşturucu vs. gibi yönleriyle dudak, divân şairlerinin vazgeçemeyecekleri bir güzellik unsurudur. Dudağın gülümsemesi âşık için fevkâlade bir durumdur. Şair yukarıdaki beyitte, “Ey Necâtî! Sen beni erguvan renkli şarap ile sarhoş olmuşum sanma. Ben asıl onun pembe dudaklarının şevkinden dolayı kendimi kaybetmişim” demektedir [19, s. 285; 1, s. 555; 17, s. 337].

*Anunçün kimseye vermez selâm ol nâzenîn
Lebleri nâzik durur zahmet verir dendân-sîn.*

Lüknet: Pelteklik anlamına gelen lüknet dil basıklığı olup, söz söylerken dilin tutulması demektir. Arapça bir harf olan sin harfinin keskin dişleri sevgilinin ağzını testere gibi yaralamaktadır [17, s. 340; 1, s. 555].

*Sen yanından sürdüğünce ben eşîğîn gözlerim
Kim gider âdet durur ma 'zul olanlar Ka 'be 'ye.*

Ma'zuller: Eskiden yaşları ilerlemiş olan memurlar tekâüd'e yani emekliye ayrılarak inziva köşesine çekilmeden önce dünya çirkinliğinden temizlenmek için Hicaz'a giderler ve hacı olarak dönerlerdi. Hacı olan bu kişilerin çoğu ömürlerinin geri kalan kısmını ibadet yaparak geçirirdi. Bu kişilere ma'zuller denirdi [1, s. 591; 17, s. 348].

Ehl-i dilber göricek âyîned e tasvîrünü

Bağrına basmış durur İsa'yı Meryem sandılar.

Meryem: Hz. İsa'nın annesi: Davûd Peygamber'in soyundan İmran adlı bir zatın kızıdır. 15 yaşındayken, adı Kur'ân'da geçen Yusuf Neccâr'a nişanlanmış, elenmeden önce Cebrâil vasıtasıyla üflenip gebe kalmıştır [12]. Yahudiler ona çok eziyetler etmişlerdir. Nişanlısı onu alıp Nâsıra'ya götürmüştür. Filistin Kralı Herod, doğacak bütün erkek çocuklarının öldürülmesini emredince Mısır'a gitmişlerdir. Meryem, Hz. İsa'nın göge çekilmesinden bir müddet sonra vefat etmiştir. Divân şiiirinde Meryem, Hz. İsa'yı doğurması, Cebrâil tarafından üfürme yoluyla gebe bırakılması vb gibi husûsiyetlerle ele alınır [19, s. 307; 1, s. 623].

Yine ol gözleri âhû seni Mecnûn itmiş

Ey Necâtî gözüne yine beyâban görünür.

Mecnûn: Kelime anlamı deli demekse de daha çok Leylâ ile Mecnûn hikayesinin erkek kahramanı olarak bilinir. Benî Âmir kabilesinden şair Kays b. el-Mülevvahü'l-Âmirî (ö. 670-690)'nin [3, s. X; 22, s. 349] lakabıdır. Rivâyete göre Emeviler devrinde yaşamış Kays adlı bir beyzâdenin lakabıdır. Divân şiiirinde şairler, kendilerini Mecnûn olarak görürler. Necâtî'de yukarıdaki beyitte kendine seslenerek, "Ey Necâtî! O ceylan gözlü seni yine Mecnûna çevirmiş. Haydi artık, gözüne çöl görünüyor" demektedir [19, s. 300; 17, s. 349; 1, s. 596].

Mîm ağzın dâl zülfün cânım u ömrümededir

Hey elâ gözlüm meded şol mîm ü dâlından meded.

Mîm Ağzı: Şairler, sevgilinin ağzını Arap harflerinden mîm harfine benzetmişlerdir. Bu harfin başı yuvarlak, ortası ise açık yazılır. Divan şiiirinde sevgilinin ağzı, mîm harfinin yuvarlak kısmı kadar küçük kabul edilir [19, s. 321; 17, s. 356].

Leblerin mühr-i Süleymân oldığıyçün ey perî

Her yâned e ejderhâlardır nige-h-bânın senin.

Mühr-i Süleyman: Hz. Süleyman, babası Davûd gibi peygamberdir. Aynı zamanda padişahlıkta yapmıştır. İnsanların ve cinlerin onun buyruğunu yerine getirdiklerine inanılır. Onun üzerinde Allâh'ın adı yazılı çok kıymetli bir yüzüğüde vardır. Hz. Süleyman, bununla bütün yırtıcı hayvan ve kuşlara hükmetmeyi başarmıştır. Yüzüğün üzerindeki üçgenler tılsımlı kabul edildiğinden sevgilinin dudağı da bu mühre benzetilir [19, s. 344; 17, s. 445].

Necâtî'ye dolaştun diyu hayli

Sabâ ol zülf-i müşg-efşâna girdi.

Müşg: Misk demektir. Divân şiiirinde en çok söz konusu edilen koku ve maddelerden biridir. Kokusu ve siyah rengi ile sevgilinin kokusu, ayva tüyleri, beni, kaşı, saçları, vb. gibi güzellik unsurlarında miske benzetilir. Çin, Hıta, Hutun kelimeleri, miskin çıktığı yeri; âhû da misk keçisini bildirir. Özellikle sevgilinin saçları misk ile dolu bir pazar gibidir. Sevgili ölü ise onun mezarında biten otlar,

misk kokan saç gibidir. Âhû, sevgiliyi kıskandığından dolayı içine kan oturur ve bundan da misk meydana gelir. Zira misk, kurumuş ve pıhtılaşmış kan demektir [19, s. 344; 17, s. 93; 1, s. 755].

*Bezmine bir nahl-i rengin bağladı kim yaraşır
Andan itse lutf yollarını istifsâr gül.*

Nahil: Gümüş veya balmumundan yapılma ağaç taklidi süse nahil adı verilir. Düğünlerde insan boyunu aşan nahiller yapılır, dallarına meyve ve yaprak olarak süs eşyaları takılırdı. Bu nahiller daha sonra gelinin önünden geçirilerek gerdek odasına bırakılırdı. Özellikle padişâh düğünlerinde nahiller sokak gösterilerinde kullanılır ve balmumundan yapılma eşsiz güzellikte olanlarla meydanlar süslenirdi [19, s. 347; 17, s. 372; 1, s. 798].

*Her ağaç dibine soldi söyler nat-ı peleng
Bâğa gel kim taraf-ı gülşen hûbdur mergûbdur.*

Nat-ı Peleng: Divân şiirinde nat-ı peleng, kaplan postu anlamına gelmektedir. Yukarıdaki beyitte şair, güneşin ağaç yaprakları arasında nüfuzunu ve yaprak gölgesinin yerlerde kaplan postu gibi benek benek görünmesini tasvir etmektedir [17, s. 376].

*Nevbahâr-ı lûtfi bezl itse kerem ni'metlerin
Sath-ı sebze sahn-ı çînî ola hansâlâr gül.*

Nevbahâr: Divân edebiyatında en çok üzerinde durulan mevsim bahardır. Başta gül, lâle, sümbül, menekşe olmak üzere çiçeklerin en gözde oldukları mevsim bahardır. Bunların sevgilide var olan güzellikten birer iz bulundurmaları, bağ ve bahçenin bahar mevsiminde güzelleşmesi, akarsuların baharda daha coşkun akması vs. gibi hususlardan dolayı şairler bu mevsimi diğer mevsimlerden üstün tutmuşlardır. Öyleki şairde, hazândan kaçış ve bahara karşı bir özlem vardır. Necâti'de yukarıdaki beytinde bahardan bahsederken "lütfünün ilkbaharı cömertlik nimetlerini saçacak olsa yeşillikler birer çini sofraya olur, gülde sofraya donatan" demektedir [19, s. 357; 1, s. 828].

*Göz yaşını Necâti eder yüzüne nikab
Miskîn meges ki etdiği işlerden utanır.*

Nikâb: Yüz örtüsü, peçe demektir. Divân şiirinde sevgilinin saç yüzünün nikâbıdır. Âşık ise, sevgilinin güzelliğini örten bunun bir an önce açılmasını ister [19, s. 359; 1, s. 836].

*Lebinin hattı sahîh olmadıyıçün cânâ
Kalem-i sumi komuş nokta-i şekdir dehenin.*

Nokta-i şekk: Divân edebiyatında şüphe işareti şüpheli nokta demektir. Bugün herhangi bir yazıda iyi anlaşılmayan yahut kelime anlamı itibariyle okunamayan kısımların kenarına soru işareti konulmaktadır. Eskidende soru işareti yerine kenara bir çizik atılır, veya "mühim" anlamını ifade eden mim harfi konulurdu. Çizik

atmak anlamına gelen nokta-i şek ise, bir harf olmadığı gibi kare işaretine (‘) benzemektedir. Pek çok şairin divânının kenarında bu tür işaretlere sıkça rastlamak mümkündür [19, s. 361; 17, s. 386].

*Var perî âlemd ammâ sanma âdemden kaçır
Hıdmetünden utanub kendüzini pinhân ider.*

Perî: Cinlerin dişilerine verilen addır. Bunları gören olmadığı için çok güzel ve çekici olduklarına inanılır. Çeşme, pınar ve hamam gibi yerler perilerin yurdu sayılır. İnsanlardan kaçır ve göze görünmezler. Bazı insanları kendilerine âşık etmeleri ve çeşitli görüşler alabilmeleri, bir görünüp bir kayboluşları vs. gibi özellikleriyle sevgilinin özelliklerini taşırlar. Necâtî yukarıdaki beyitte “Ey sevgili! Dünyada peri denen şey elbette vardır. Perilerin insandan kaçtığını sanma. Onlar, sana hizmette utandıkları için kendilerini gizlemektedirler” demektedir [19, s. 369; 17, s. 396].

*Ey boyu servim elif gibi yolunda doğruyum
Râ kaşınla dâl zülfün etmesinler beri redd.*

Râ Kaş: Divân şairleri sevgilinin kavisli kaşını Arap harflerinden “râ” ya benzetmişlerdir. Necâtî’de yukarıdaki beytinde, sevgilinin servi boyunu elif’e, kaşını râ’ya, zülfünü dâl harfine benzeterek teşbih yapmıştır [17, s. 402; 1, s. 870].

*Acır isen gel Necâtî derd-mende acı kim
Ne leb-i dilber nasîb oldu ne helvâ-yi rakib.*

Rakîb: Divân şiirinde âşık-mâşuk ikilisi arasında âşık ile yarışan ve ona ortak olmaya çalışan bir kişidir. Rakip, âşığın nazarında çok kötü biridir. Çünkü o âşığa sevgili kadar eziyet eder. Necâtî yukarıdaki beyitte Ey sevgili! ” Eğer birisine acımak istiyorsan, gel Necâtî’ye acı ki, bugüne kadar ona ne sevgilinin şeker dudağını emmek ne de rakibin helvasını yemek nasib olmuştur” demektedir [19, s. 374; 17, s. 403; 1, s. 875; 18, s. 58].

*Bu cism-i nizâr üzre döküp jâle-i eşki
Çün rişte-i cân gevher-i mânâda nihânız.*

Rişte: İplik anlamına gelmektedir. Divân şiirinde sevgilinin saç ve canı ipliğe benzetilir. Can ipliği, sevgiliyle ilgili her şeye dolandır. Saçın ipe benzetilişi ise, âşıkları bağlamak veya asmak gibi işlerde kullanıldığındandır [14, s. 216; 18, s. 377; 1, s. 894].

*Hattı-izârı yere iki subh olur mîsâl
Kim biri kâzib ola biri sâdka sehes.*

Sabâh: Sabah. Divân şiirinde sabah hem bir zaman unsuru hem de tabiat hali olarak ele alınır. Güneşin ilk ışıklarıyla tatlı tatlı esen sebâ yeli insana bir rahatlık verir. Çünkü sevgilinin yüzü sabahın aydınlığına teşbih edilir. Zira sevgili uykudan yeni uyanmış ve gözlerinin mahmurluğu üstünde olduğu için sevgiliye baygın baygın bakar. Onunla birlikte geceleyen âşık ise, sabahın olmasını hiç istemez. Sevgilinin yanağı üstündeki ayva tüyleri subh-ı kâzib (yalancı fecir) olarak kabul edilir ve

yanagın üstünden giderilmesiyle subh-ı sâdık (tan yerinin ağarması) ortaya çıkar [18, s. 383; 1, s. 904].

Necâti'ye dolaştun diyu hayli

Sabâ ol zülf-i müşg-efşâna girdi.

Sabâ: Doğu yönünde hafif hafif esen rüzgâra sabâ denir. Sabâ yelinin divân şiirinde kullanımı, sevgilinin kokusunu taşıması, dağıtması ve yayması esası üzerine kurulmuştur. Zira o,âşığa sevgiliden haber getiren bir postacı olmanın yanı sıra, onun saçından etrafa yayılan misk, anber ve reyhan kokusunu taşımaktadır. Âşık bazen kendini sabâ'nın ellerine bırakır ve sevgilisine götürmesini ister [18, s. 383; 17, s. 417; 1, s. 903].

Şâkiyâ çünkü değil kimseye devlet bâki

Gel sabûhî edelim var ola devlet bâkî.

Sabûhî: Gecedan içilmeyip artan ve mahmurluğu sökmek veya neşe tazelemek için sabahın ilk ışıklarıyla birlikte içilen şaraba verilen addır [17, s. 418; 1, s. 905].

Tırnaklar ederdî tırmalayıp gökyüzün hilâl

Çünkü saçın uzun geceler âh eder seher.

Saç Dökmek: İstenmedik şekilde meydana gelen büyük bir felaketin karşısında çok müteessir olan insan; bir takım tabii olmayan hareketlerde bulunur. Örneğin tırnaklarıyla yüzünü parçalar, parmaklarıyla saçlarını yolar, ellerini yırtar, haykırır, bayılır vs. gibi gayri ihtiyari davranışlar sergilerdi. Bazı bölgelerde ölümlerin ardından ağlamaları için “nevhaber” (ağıtıcı kadınlar) tutulurdu. Bu kadınlar saçlarını çözüp, yüzlerine doğru dağıtarak cenazenin ardından giderler, yaptıkları bu işin karşılığında da ücret alırlardı. Böylece de bu kadınlar kendilerine bir matem havası vermiş olurlardı [17, s. 418].

Meclisde sâkî desti ile el bir eyleyüb

Şol gül gibi şarâbı ayağa düşürdiler.

Sâkî: Kadeh içinde içki sunan kişiye sâkî adı verilir. Divân şiirinde bezm (eğlence) âleminin en önemli unsurlarından biri sâkîdir. Meclise neşe ve canlılık verende odur. Ortada dolaşarak içki dağıtmak onun görevidir. Şairin gözünde sevgili bir sâkîdir. Bir başka ifadeyle sâkî sevgili konumundadır. Bazen sâkî mutrib (şarkıcı) olarak da görev yapar. Bütün bu hallerde sâkî mutlaka güzelliği ile dikkat çeker. Âşık, içkiden değil sâkinin güzelliğinden sarhoş olur [18, s. 387; 1, s. 915].

Ol serv kimün ahına meyl eyledi 'aceb

Kangı yil esdi k'ol yüzi gül bu yana gelür.

Serv: Divân şiirinde adından en çok söz edilen ağaç selvidir. Sevgilinin boyu için hem benzeyen hem benzetilendir. Selvinin su kenarında düşünülmesi halinde bir ırmak, çemen, bezm (eğlence) vs. gibi unsurlar kendini gösterir. O bir süs ağacıdır. Yaz-kış yeşil kalır. Hafif rüzgarla salınışı sevgilinin yürüyüşünü andırır. Sevgili gezintiye çıkınca bahçedeki selviler, onun boyunu görebilmek için bahçenin

duvarından baş kaldırırılar. Servilerin yemyeşil bahçeleri çevreleyen duvarların arkasında yıllarca sessiz bekleyişleri de sevgilinin fidan boyunu görme arzusundan kaynaklanmaktadır [18, s. 400; 17, s. 434; 1, s. 944].

Gönlümün sırça-sarâyın ey perî hüfz etmeğe

Hindü-yî hâl-i ruhundur perde-dârı çeşmimin.

Sırça Saray: Tuğladan ve çiniden yapılarak çok güzel süslenen yere sırça saray adı verilir. Necâtî yukarıdaki beyitte periler kadar güzel olan sevgiliye seslenerek, "Ey sevgili! benim gönlüm sırça saraydır. Buranın kapısı gözümdür. Senin siyah benim ise, burayı muhafaza için kapının önünde duran perde çavuşudur" demektedir [17, s. 401].

Geh var dedi dehânına ağıâr gâh yok

Ol hâtem oldu dîv-i Süleymân oyuncağı.

Süleyman: Davûd peygamberin oğludur. O da babası gibi bir peygamberdir. On iki yaşındayken babasının yerine tahta geçmiştir. Hem padişah hem peygamber olmuştur. Divân edebiyatında Süleyman Peygamber, özellikle yüzük, karınca, *Hüdûd* ve *Belkıs* ile birlikte anılır [11]. Sevgilinin dudakları mühüre benzetildiğinde Süleyman Peygamberden bahsedilir. Şair sevgilisine Süleymanlık yakıştırdığı zaman onun ihtişamından bahsetmektedir. Karınca aczini; Süleyman ise iktidar ve gücün timsâli olarak tezât içinde verilir. Şair övdüğü kişiye Süleyman dediği zaman kendisini karınca kadar âciz gösterir [18, s. 411; 17, s. 445].

Yazıldı müşg ile şeref-i âfitâbda

Tumârlar ki tura-i anber-feşân asar.

Şeref-i Âfitâb: Halk arasında "eşref saati" anlamında kullanılan bu kelime, şeref-i şems (güne), şeref-i kamer (ay) gibi kelimelerin istilâhî anlamlarını da taşımaktadır. Örneğin yukarıdaki beyitte geçen âfitâb, sevgili denilen sultanı temsil eder. Bazen güneş sevgiliye; bazen de sevgili güneşe benzetilir. Güneşe göre toz ve zerre sevgiliye nispetle âşığın âcizliğini anlatır. Güneş, parlaklığı ve aydınlığıyla sevgilinin yanağını temsil eder [18, s. 176; 17, s. 460].

Gamınla âhımı görüp de rakîb raks eyler

Karanı gecede şeytân şinâb ile oynar.

Şihâb: Kıvılcım anlamına gelen şihâb, gökte kayan yıldız demektir. İnanişâ göre, şeytan, bazı haberleri öğrenebilmek için melekler âlemine ve arş'a yaklaştıkça melekler yıldızları atarak onları kovalardı [9]. Halk arasında yıldız kayması denilen olayın aslı da budur. Bir diğer inanişâ göre, ateş söndürülmeden ortada bırakılarak gidilirse şeytan gelir, ateşteki kıvılcımlarla oynar ve yangın çıkarır. Dolayısıyla bu efsane ateşin külle örtülmesi veya tamamen söndürülmesi için oluşturulmuştur [18, s. 432; 17, s. 464; 1, s. 998].

Hâlin var iken hat nedir ol la'l-i ter üzre

Teşdid ne lâzım ki kayalar şeker üzre.

Teşdid: Arap harfleri işaretlerinden olup, bir harfî iki kere okutmaya yarayan

işarete şedde denir. Örneğin, cennet, sünnet sözlerinde birer (n) bulunduğu halde üzerine bir işaret gelmekle iki defa okunur. Çoğu zamanda tarağa benzetilir. Şair yukarıdaki beyitte,” lâtif dudaklarının üzerinde ben var iken ayva tüyleri ne oluyor diyerek şeker sözünün üzerine şedde koymaya gerek olmadığını “söylemektedir [17, s. 477; 1, s. 1094].

*Şöyle kim ardıncadur dâ'im Züleyhâ-veş sabâ
Sezmezem gül Yûsufınun kala dâmanı dürüst.*

Yûsuf u Züleyhâ: Hz. Yûsuf, güzellikte eşi ve benzeri olmayan insan örneği olarak İslam edebiyatında sembolize edilmiştir. Yûsuf ve Züleyhâ kıssası, Kur'ân'da “hikâyelerin en güzeli” [13] olarak nitelendirilmiştir. Türk ve İran edebiyatlarında Yûsuf ve Züleyhâ mesnevî tarzında en çok işlenen konulardandır [20; 5, s. 201; 18, s. 484; 17, s. 504; 2].

*Perhiz öğredir bana zâhid kişilenir
Miskîn gam-ı nigârı nebilsin yenir sanır.*

Zâhid: Allah'ın buyruklarını yerine getirmekle birlikte, şüpheli şeylerden de kaçınan kişi demektir. Bunlar dini konularda anlayışı kıt, her işin ancak dış kabuğunda kalabilen, derinlere inmesini beceremeyen, ilim ve imanı dış görünüşüyle anlayan, bunu da ısrarla başkalarına anlatan ve durmadan topluma öğütler veren kişiler olarak bilinirler. Şairler daima Zâhidin karşısında âşığı görürler. Çünkü zâhid de olan özellikler âşıktadır yoktur. Zâhid aşkı inkar ettiği için bu duruma düşmüştür. Zâhidlerin tek emelleri cennete kavuşmaktır. Bunun için güzellikleri görmezler ve başkalarını sıkarak onlara sürekli ıstırap ve acı verirler [18, s. 488; 17, s. 506; 1, s. 1164].

*İki zülfün iki ejder gibi görüldüğü için
Orta yirinde lebün mâhr-i Süleymân görünür.*

Zülf: Yüzün iki yanından aşağı doğru sarkan saç lülesine zülf denir. Divân şiirinde en çok kullanılan güzellik unsurlarından biri olan zülf; Mû, gîsû, vb gibi adlar altında da ele alınır. Dolayısıyla sayısız teşbîh ve mecâzlarla konu olmuştur. Özellikle saçın, perişan, düzensiz, dağınık ve uzun oluşu âşığın aklını başından alır ve onu kendine esir eder. Misk ve anber bile sevgilinin saçı kadar güzel kokamaz. Çünkü rüzgâr, bu kokuyu alıp âşığa götürür. Âşığa göre saçın rengi daima siyahtır. Asla başka bir renkte olmaz [18, s. 384; 14, s. 216; 16, s. 82].

Sonuç

Edebiyatsız millet, dilsiz insana benzer. Türk milletinin altı asır boyunca bedîî zevkini oluşturan Divan edebiyatı, İslam medeniyetinin etkisi altında gelişmiş, zamanla harikulade örnekler vermiş ve sonunda yavaş yavaş yerini Batı kültürü etkisinde bir edebiyata bırakmıştır. Her edebiyatın olduğu gibi Divan edebiyatının da kendine özgü bir düşünce, zevk ve hayat anlayışının olduğu bir gerçektir. Geçen zaman ile paralel olarak değişime uğrayan hayat şartları, Divan edebiyatına has

özellikleri, zevkleri, sanat anlayışlarını da ortadan kaldırmış ve bu edebiyat yaşanılan hayatın bir parçası olmaktan çıkmıştır. Bugün Divan edebiyatının anlaşılamayışının başlıca nedeni de bu olsa gerek.

Tezkireler; XV yüzyıl mesnevisinde Şeyhî ve Ahmed Paşa'nın, kasidede, Necâtî'nin ise gazelde en usta şair olduğunu yazmaktadır. Tezkirelere göre; Necâtî'nin şiirdeki başarısı halk söyleyişini, deyim ve atasözlerini kullanmakta gösterdiği ustalıktan kaynaklanmaktadır. Şair, gerçekten de şiirde atasözlerini ve deyimleri bol kullanarak, Türkçe kelimelerden redif ve kafiye yaparak, Türkçe'nin şiir dili olmasında büyük çaba göstermiştir. Şairin bu özelliği onun daha çok rindâne ve âşikâne konulu gazellerinin özelliği, dilinin sadeliği ve hayâllerindeki inceliği ile duygularındaki içtenliği olarak nitelendirilmektedir.

Sonuç olarak Necâtî'nin vücuda getirdiği edebiyat tarihine dair eserlerinden ziyade, divanında ve diğer eserlerinde yer alan şairin, şahsiyetini ve sanatını ortaya koyduğu şiirlerinde, XV yüzyıl edebiyatının özelliklerini başarıyla yansıttığı görülür. Yine şair, divanında kaleme almış olduğu mazmunlar konusunda da mahir biri olarak değerlendirmeli ve ele alınmalıdır.

Kaynaklar

1. Develioğlu F. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lûgat. – Ankara: Aydın Kitabevi Yayınları, 2002.
2. Dolu H. Menşeinden Beri Yusuf Hikayesi ve Türk Edebiyatındaki Versiyonları (Basılmamış Doktora tezi). – İstanbul: İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, 1953.
3. Gölpınarlı A. Fuzûlî Divanı. – İstanbul: İnkılap ve Aka Yayınları. 1961.
4. İslam Ansiklopedisi. – Necâtî Bey Maddesi. – C.IX. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi. 1988.
5. Karahan A. Nef'î Divanını'dan Seçmeler. – Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları. 1985.
6. Köprülü M.F. Türk Edebiyatı Tarihi. – İstanbul: Ötüken Yayınları, 1981.
7. Kur'ân-ı Kerim, Bakara, Ankebût, Lokmân ve Secde Sûreleri.
8. Kur'ân-ı Kerim, Bakara Sûresi âyet, 30.
9. Kur'ân-ı Kerim Cin Sûresi, âyet. 8-10.
10. Kur'ân-ı Kerim, Kehf Sûresi, âyet. 84.
11. Kur'ân-ı Kerim Neml Sûresi, âyet, 15.
12. Kur'ân-ı Kerim. Yasin Sûresi, âyet. 20.
13. Kur'ân-ı Kerim, Yusuf Sûresi, âyet. 3.
14. Kurnaz C. Hayâlî Bey Divanının Tahlili. – İstanbul. 1996.
15. Mengi İ. Eski Türk Edebiyatı Tarihi. – Ankara: Akçağ Yayınları. 2004.
16. Mermer A. Vecdî ve Divançesi. – Ankara, 2002.
17. Onay A.T. Eski Türk Edebiyatında Mazmunlar. – İstanbul: Milli Eğitim Bakanlığı Yayınları. 2004.
18. Pala İ. Necâtî. – İstanbul: Timaş Yayınları. 1998.
19. Pala İ. Ansiklopedik Divan Şiiri Sözlüğü. İstanbul: Kapı Yayınları. 2004.
20. Ramazanoğlu M.S. Hazret-i Yûsuf aleyhisselâm. – İstanbul: Erkem Yayınları. 1980.
21. Soysal M.O. Eski Türk Edebiyatı Metinleri. – İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 2002.
22. Talat A. Eski Türk Edebiyatında Mazmunlar. – İstanbul: MEB. Yayınları. 1996.
23. Tarlan A.N. Necâtî Beg Divanı. – İstanbul: MEB. Yayınları. 1997.
24. Uzunçarşılı H.İ. Osmanlı Tarihi. – C.II. – Ankara. 1975.

Çınar M. Дослідження віршованих форм творів поета класичної літератури XV століття Неджаті Бея.

У даній роботі були досліджені віршовані форми, використані в збірці творів видатного поета класичної турецької літератури XV століття Неджаті Бея. Аналіз вказаних віршованих форм був проведений після ретельного дослідження як творів даного автора, так і різних джерел Старотюркської літератури.

Ключові слова: XV вік, Неджаті Бей, зібрання творів, література, віршовані форми, Сулейман, Адам, Ебру і Соловей.

Çınar M. Исследование стихотворных форм произведений поэта классической литературы XV века Неджати Бея.

В данной работе были исследованы стихотворные формы, использованные в сборнике произведений выдающегося поэта классической турецкой литературы XV века Неджати Бея. Анализ указанных стихотворных форм был произведен после детального исследования как произведений данного автора, так и различных источников Старотюркской литературы.

Ключевые слова: XV век, Неджати Бей, собрание сочинений, литература, стихотворные формы, Сулейман, Адам, Эбру и Соловей.

Çınar M. Research of the verse forms in works of poet of classic literature of XV age of Nedzhaty Bey.

In this work the verses used in the Collection of Nedzhaty Bey one of the most eminent poet of his age in the fifteenth century were studied. The analysis of these verses were studied through scanning various sources related to old Turkish Literature as well as his own poetry.

Key words: The fifteenth century, Nedzhaty Bey, Literature, Collection, Verse, Süleyman, Adem, Eyebrow and Nightingale.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2007 г.

УДК 811.512.161'36'373/81.253

ОМОНИМЫ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Миниахметова Э.Х.

В статье представлены сложные вопросы употребления лексических омонимов в современном литературном турецком языке. Лексическая омонимия рассматривается в сравнении (на фоне) смежных явлений – омофонии, омографии и грамматической омоформии. Выявлены различные формы омонимии и представлен их системный анализ.

Ключевые слова: турецкий язык, омоним, омонимия, омоформа, омограф, омофон, лексика, полисемия.

В настоящее время одним из сложных вопросов омонимии в турецком языке является выявление и классификация различных форм лексической омонимии, а также исследование смежных с ней явлений на других уровнях языка, фонетическом и морфологическом.

Существующие исследования омонимии базируются на поверхностном подходе к предмету. Наряду с омонимией не изучены и не систематизированы смежные с ней явления, относящиеся к грамматическому, фонетическому и графическому уровням турецкого языка.

Целью настоящей статьи является выявление различных форм лексической омонимии.

Омонимы в турецком языке и их формы

В лексической системе турецкого языка есть слова, которые пишутся и звучат одинаково, но имеют совершенно разные значения. Такие слова называются лексическими омонимами, а звуковое и грамматическое совпадение разных языковых единиц, которые семантически не связаны друг с другом, называется омонимией.

Омонимы в словарях даются отдельными статьями и обозначаются светлыми римскими цифрами. Например:

yaşlı I пожилой, в годах, немолодой;

yaşlı II в слезах [4, с. 240].

Koridorda yaşlı bir adam vardı. – В коридоре был какой-то **пожилой** человек.

Bayan başını kaldırarak yaşlı gözlerini sildi. -- Женщина, подняв голову, вытерла свои **прослезившиеся** глаза.

В отличие от многозначных слов лексические омонимы не обладают предметно-семантической связью, то есть у них нет общих семантических признаков, по которым можно было бы судить о полисемантизме одного слова.

Существуют различные формы лексической омонимии:

а.) Полная лексическая омонимия – это совпадение слов, принадлежащих к одной части речи, во всех формах. Примером полных омонимов могут служить слова:

kurt I (-du) волк.

kurt II (-du) червь, червяк [4 с. 1413].

Gece, ahıra giren kurt koyunları boğmuş. – **Волк, который ночью вошел в хлев, задушил овец.**

Bu yıl elmalara kurt düşmüş – **В этом году на яблоки напали черви.**

Слово **kurt** в обоих значениях является именем существительным.

Данные слова не различаются в произношении и написании, совпадают во всех падежных формах единственного и множественного числа:

kurt-lar – волки; черви;

kurd-u – волка; червя;

kurt-suz – без волка; без червя;

kurd-un – у волка, у червя;

kurt-lar-dan – (от) волков, (от) червей.

Bu ormanda kurtlar da yaşıyor. – **В этом лесу живут и волки.**

Elmaların içinde kurtlar var, yeme! – **Внутри яблок есть черви, не ешь!**

Hayvanat bahçesindeki kurdu gördün mü? – **Ты видел волка, находящегося в зоопарке?**

Elmanın içindeki kurdu görünce az kalsın kusacaktı. – **Увидев червя внутри яблока, он чуть было не вырвал.**

Sibiryâ'da kurtsuz orman yoktur. – **В Сибири нет лесов без волков.**

Kurtsuz meyve olur mu? – **Бывают фрукты без червей?**

Kurdun dişleri keskindir. – **Волчьи зубы острые.**

Elmanın içindeki kurdun boyu 1.5 cm'dir. – **Длина червя внутри яблока полтора сантиметра.**

Ölmüş eşek kurttan korkmaz – **Ему нечего терять. (Умерший осел волка не боится.)**

Meyvenin içindeki kurttan tiksindir misin? – **Ты испытываешь брезгливость к червям внутри фруктов?**

Как видим, здесь есть совпадение в звучании и написании во всех грамматических формах.

б.) При неполной (частичной) лексической омонимии совпадение в звучании и написании наблюдается у слов, принадлежащих к разным частям речи, не во всех грамматических формах:

yüz I сто;

yüz II лицо [1, с. 938].

yüz-ler – сотни, **yüz-ler** – лица (здесь есть совпадение в звучании и написании);

yüz-ce – лицом, **yüz-ler-ce** – сотни (здесь нет совпадения в звучании и написании).

Здесь оба слова принадлежат к разным частям речи (первое слово – имя существительное, второе – имя числительное), поэтому совпадение в звучании и написании во всех грамматических формах невозможно.

Kurban yüz kilo geldi. – Жертвенного мяса получилось **сто** килограммов.

Yüzü, yüz değil ki burunmuş kalmış. – Его **лицо** не лицо, покрылось морицинами.

Adamda yüz yok ki! – На нём нет **лица!**

Yüzler, rakamların sağdan sola doğru sıralanışında üçüncü basamaktaki rakamın bulunduğu yerdir. – **Сотни** – это место цифры на третий ступени при написании числа справа налево.

Vapurda tamdik yüzler de vardı. – На пароходе также были знакомые **лица**.

Yüzce çirkin de sayılmazdı. – Нельзя было сказать, что ее **лицо** некрасивое.

Greve yüzlerce kişi katıldı. – В забастовке приняли участие **сотни** человек.

По структуре омонимы можно разделить на корневые (непроизводные) и производные.

Первые имеют непроизводную основу. Это могут быть слова одной и той же части речи или разных частей речи:

koca I муж, супруг.

koca II огромный, громадный [4, с. 1336].

Bi zamanda koca bulmak kolay değil. – В настоящее время найти **мужа** не легко.

Elinde koca bir paket vardı. – У него в руке был **огромный** пакет.

Слово **koca** в первом значении является именем существительным, во втором – именем прилагательным.

Омонимичными могут быть и грамматические формы слов одной части речи. **Например:**

yüzmek I сдирать шкуру;

yüzmek II плавать, утонуть [1, с. 940].

Kasap, haftada 5-6 koyun getiriyor, mezbahada yüzüyor ve dükkândaki çengellere asıyordu. – Мясник раз в неделю привозил 5-6 овец, в скотобойне **сдирал с них шкуру** и вешал их на крюки в лавке.

Çocuk havuzda yüzüyor – Ребенок **плавает** в бассейне.

Mutfak pislik içinde yüzüyor – Кухня **утопает** в грязи.

Вторые (производные) возникли в результате словообразования, имеют, следовательно, производную основу. Например:

belli I известный [1, с. 107].

Своим происхождением это слово связано глаголами «*bellemek – заучивать, запоминать*» и «*bilmek – знать*», и в турецком языке означает «*herkesçe bilinen – узанный каждым человеком*».

Belli olaylardan sonra o buraya gelemez – После известных событий он не сможет сюда приехать.

belli II имеющий какую-либо талию [4, с. 264].

Данное слово образовано от слова «*bel – поясница, талия*» словообразовательным аффиксом *-li*.

Odaya ince belli kız girdi – В комнату вошла стройная девушка.

Итак, омонимами называются слова, которые пишутся и произносятся одинаково, но имеют разные, не связанные друг с другом лексические значения.

Омоформы, омофоны и омографы в турецком языке

Наряду с омонимией следует рассматривать смежные с ней явления, относящиеся к грамматическому, фонетическому и графическому уровням языка.

Одно значение слова может иметь непроизводную основу, другое – производную основу или же оба значения могут иметь производную основу. Например:

Слово **at** имеет два значения:

at – 1. лошадь; 2. брось [4, с. 154].

Слово **at** в значении «лошадь» имеет непроизводную основу, является существительным в именительном падеже. А в значении «брось» образовано от глагола **atmak** – бросать, то есть имеет производную основу; это – глагол в повелительном наклонении единственного числа второго лица.

At ile eşek yarışamaz – Ишаку с лошадью не тягаться.

Çorbaya tuz at – Положи соли в суп.

Значения слов, имеющих производную основу, в словарях не указываются, дается только основное значение слова.

Так слово **adım** также имеет два значения. В словаре дается только основное значение слова, а слово, полученное от имени существительного **ad**, не указывается:

adım – 1. шаг; 2. моё имя [4, с. 25].

Lütfen, iki adım ileri çıkınız. – Пожалуйста, сделайте два шага вперед.

Adım Hasan – Моё имя Хасан.

Слово **adım** в значении «шаг» имеет непроизводную основу и является именем существительным, а в значении «мое имя» образовано от имени существительного **ad** с аффиксом принадлежности первого лица единственного числа **-ım**.

Слово **keser** имеет два значения:

keser – 1. топорик; 2. он порежет [4, с. 1279].

Bana keser lâzım. – Мне нужен **топорик**.

Bunu kim keser? – Это кто **порежет**?

Здесь оба слова являются однокоренными, образованы от глагола **kesmek**. Слово **keser** в первом значении является именем существительным, образованным от причастия настоящего-будущего времени. Во втором значении это глагол **kesmek** в форме третьего лица единственного числа настоящего-будущего времени.

Слово **biliyor** также имеет два значения:

biliyor – 1. знает; 2. точит [4, с. 293].

Ali biliyor. – Али **знает**.

Ali biliyor. – Али **точит**.

Слово **biliyor** в обоих значениях имеет производную основу. Они образованы от двух глаголов, имеющих разные основы: **bil-mek** – знать, **bilemek** – точить.

Из приведенных выше примеров **at**, **adım**, **keser** и **biliyor** видим, что эти слова по своей природе выходят за рамки лексики, так как принадлежат иному уровню языка и изучаются в разделе морфологии и словообразования.

Как мы заметили выше, среди созвучных форм выделяются омоформы – слова, совпадающие лишь в какой-нибудь одной грамматической форме (реже – в нескольких). Поэтому будет правильно относить данные примеры не к омонимам, а к омоформам.

Примерами омоформ могут служить имена существительные, прилагательные, числительные с одной стороны, и глагол в форме повелительного наклонения второго лица единственного числа:

aç – голодный, *aç!* – открой!; *al* – алый, *al!* – возьми!; *ara* – промежуток, *ara!* – ищи!; *barış* – мир, *barış!* – помирись!; *bin* – тысяча, *bin!* – сядь!; *boya* – краска, *boya!* – покрась!; *çek* – чек, *çek!* – тяни!; *devir* – эпоха, *devir!* – переверни!; *dik* – вертикальный, *dik!* – пошей!; *görüş* – взгляд, *görüş!* – встретись!; *gül* – роза, *gül!* – смейся!; *kaç* – сколько, *kaç!* – спрячься!; *kat* – этаж, *kat!* – добавь!; *uç* – острое, *uç!* – лети!; *yar* – пропасть, *yar!* – коли!; *yat* – яхта, *yat!* – ложись!; *yaу* – лук, *yaу!* – распространяй!; *yaz* – лето, *yaz!* – плыви!; *yüz* – сто, *yüz!* – плыви!

Кроме того, омоформами являются причастие настоящего-будущего времени и утвердительная и отрицательная формы глагола третьего лица единственного числа в этом же времени, причастие на **-dik** и утвердительная форма глагола первого лица множественного числа в прошедшем вре-

мени, причастие на **-acak** и утвердительная форма глагола третьего лица единственного числа:

gelir – 1. доход; 2. он придет [4, с. 833].

Bir köylünün gelir kaynağı nelerden oluşur? – Из чего состоят источники доходов крестьянина?

Öğretmen üniversiteye saat kaçta gelir? – В котором часу придет преподаватель в университет?

çıkamaz – 1. тупик. 2. он не выйдет [4, с. 474].

Burası çıkamaz sokaktır. – Здесь тупиковая улица.

Bugün Ali dışarıya çıkamaz. – Сегодня Али не выйдет на улицу.

tanıdık – 1. знакомый. 2. мы узнали [4, с. 2131].

Burada tanıdık kimse bulamadık. – Здесь нет знакомых.

Biz onu tanıdık. – Мы его узнали.

gelecek – 1. будущий; 2. он придет [4, с. 830].

Ali gelecek yıl dönmelidir. – Али должен вернуться в будущем году.

Kızımız saat kaçta gelecek? – В котором часу придет ваша дочь?

В турецкой речи значения омонимов и омоформ обычно легко разграничиваются благодаря контексту, смыслу предложения. Однако при небрежном построении предложений может возникнуть нежелательная двусмысленность, мешающая быстрому восприятию текста. Это видно на указанном выше примере. Естественно, что подобной двусмысленности следует избегать. Для этого достаточно дополнить предложения новыми членами, в данном случае дополнением:

Ali Rusça biliyor. – Али знает русский язык.

Ali bıçağı biliyor. – Али точит нож.

В турецком языке много слов, которые пишутся одинаково, но произносятся по-разному. Такие слова называются омографами. Они имеют ударение на разных слогах и в зависимости от места постановки ударения имеют совершенно разные значения:

Dağları, kalın bir sis tabakası kaplamıştı. – Горы были покрыты толстым слоем тумана.

Maalesef o, kalın kafalıdır. – К сожалению, он тугодум [4, с. 1169].

Benimle beraber burada kalın. – Оставайтесь здесь вместе со мной.

В первых двух примерах в слове «*kalın*» ударение падает на последний слог, в третьем – на первый слог.

Омографов множество. Примерами могут служить слова: **benim, doktorum, açın, atın**. Здесь значения слов зависят от ударения:

Benim arabam siyahtır – Моя машина черная.

– *Hasan, sen misin!* – *Хасан, это ты?*

– **Benim** – **Я**.

В первом примере слово **benim** является притяжательным местоимением (ударение падает на последний слог), во втором – личным местоимением с аффиксом сказуемости (ударение падает на первый слог).

Ben de doktorum. – *Я тоже врач.*

Benim doktorum yaşıdır. – *Мой врач в возрасте.*

Здесь в первом примере слово **doktorum** является именем существительным с аффиксом сказуемости (ударение падает на слог, предшествующий аффиксу сказуемости), во втором – с аффиксом принадлежности (ударение падает на последний слог).

Açın gözleri tokun gözlerinden farklıdır. – *Глаза голодного отличаются от глаз сытого.*

45. *sayfaı açın!* – *Откройте сорок пятую страницу.*

Слово **açın** в первом примере является именем существительным и входит в состав притяжательного изафета (ударение падает на последний слог), во втором – глаголом в форме повелительного наклонения второго лица множественного лица (ударение падает на первый слог).

Bi atın nalları düşmüş. – *У этой лошади выпали подковы.*

Lütfen, çöprü atın! – *Пожалуйста, выбросьте мусор!*

Здесь слово **atın** в первом примере также является именем существительным и входит в состав притяжательного изафета (ударение падает на последний слог), во втором – глаголом в форме повелительного наклонения второго лица множественного лица (ударение падает на первый слог).

Примеры омографов:

Имена существительные и прилагательные, наречия, послеслоги (ударение падает на последний слог)	Глаголы в усеченной форме повелительного наклонения второго лица множественного числа (ударение падает на первый слог)
alın	alın
basın	basın
çıkın	çıkın
dizin	dizin
ekin	ekin
gelin	gelin
kesin	kesin
koyun	koyun
için	için
serin	serin
sorun	sorun
yakın	yakın

Отглагольные имена (ударение падает на последний слог)	Отрицательная форма повелительного наклонения второго лица единственного числа (ударение падает на слог, предшествующий аффиксу -ma)
Asma	Asma
çıkma	çıkma
dondurma	dondurma
kazma	kazma
okuma	okuma
toplama	toplama
yüzme	yüzme

Изменение значения слова в зависимости от ударения также можно продемонстрировать на следующих примерах:

senin yatın – твоя яхта, *yatın boyutları*, *siz yatın* – вы ляжете;

senin yüzün – твое лицо, *yüzün rengi*, *buraya yüzün* – плывите сюда;

senin gülün – твоя роза, *gülün rengi* – цвет розы, *siz de gülün* – вы тоже смеитесь.

В турецком языке употребляются слова, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному. Это **омофоны**. Их немного. Например:

Одинаково произносятся слова:

öğle (vakit ismi) – полдень [4, с. 1718];

öyle (zarf çeşidi) – такой, подобный; так, таким образом [4, с. 1742].

Öğle yemeğinden sonra geleceğiz. – Мы придем после **обеда**.

Ben de, öyle bir çanta istiyorum. – Я тоже хочу **такую** сумку.

Слова:

ad (isim) – название, имя;

at (binek hayvanı ve atmak fiilinin emir şekli) – лошадь; брось;

hac (dini kutsal yer) – хадж;

haç (çarmıh, salıp) – крест [4, с. 922].

Они совпадают в произношении вследствие оглушения звонких согласных звуков на конце слова.

Oğluma ad bulamadım daha. – Я своему сыну пока не смог придумать **имя**.

Oğluma at bulamadım daha. – Я не смог найти **лошадь** своему сыну.

Hac, İslâm'ın beş şartından biridir. – **Хадж** один из пяти условий ислама.

Vacağında haç biçiminde derin bir yara izi vardı. – У него на ногах был **глубокий след от раны в виде креста**.

Следовательно, омофоны – это фонетические омонимы, их появление в языке связано с действием фонетических законов. Омофония составляет предмет изучения не лексикологии, а фонетики, так как проявляется на ином языковом уровне -- фонетическом.

Вывод. Строгая дифференциация языковых явлений требует ограничить собственно лексические омонимы от омоформ, омографов и омофонов.

Научное значение статьи заключается в том, что она позволяет по-новому рассматривать саму теорию лексической омонимии, показывает омонимы в систематизированном виде, удобном для проведения дальнейших исследований в области лексической системы турецкого языка.

Список литературы

1. Турецко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1977. – 950 с.
2. İmlâ kılavuzu. Türk Tarih Kurumu Basım evi – Ankara, 2000. – 481 с.
3. Örnekleriyle Türkçe sözlük. Milli Eğitim Basımevi – İstanbul, 2000. – 3337 с.
4. Türkçe sözlük. Türk Tarih Kurumu Basım evi – Ankara, 1998. – 2523 с.

Миниахметова Е.Х. Омоніми в турецькій мові.

У статті представлені складні питання вживання лексичних омонімів у сучасній турецькій літературній мові. Лексична омонімія розглядається у порівнянні (на фоні) сумісних явищ – омофонії, омографії та граматичної омоформи. Виявлені різні форми омонімії та поданий їхній системний аналіз.

Ключові слова: турецька мова, омонім, омонімія, омоформа, омограф, омофон, лексика, полісемія.

Miniahetova E.H. Homonyms in Turkish

Some difficult issues of using the lexical homonyms in the modern Turkish language are investigated in this article. The lexical homonym phenomenon is considered in comparison with some nearly standing ones – homophony, homography and grammatical homoforms. Different forms of the homonyms are cleared out and their system analysis is presented.

Key words: Turkish language, homonym, homography, homoform, homograph, homophone, lexicon, polysemy.

Статья поступила в редакцию 09 марта 2007 г.

УДК 811.222.1 ' 373

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ АКАДЕМИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ИРАНЕ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Сухоруков А.Н.

Данная статья посвящена анализу результатов работы Академии языка и литературы в Иране по совершенствованию лексического состава персидского языка в контексте борьбы с иностранными заимствованиями. Основное внимание уделяется деятельности по сохранению чистоты и самобытности персидского языка, поиску путей адаптации его к новым социально-политическим и научно-техническим реалиям.

Ключевые слова: персидский язык, терминология, совершенствование, академия персидского языка и литературы, заимствования.

Вторая половина XX века в мире отмечена значительным развитием научно-технической базы, результатом чего стало появление множества новых слов и понятий во всех сферах жизни человека и общества в целом. Новые технологии уверенно входят в жизнь и их терминология становится неотъемлемой частью любого языка.

Общей особенностью пополнения терминологического состава большинства языков мира на современном этапе является тенденция к заимствованию готовых терминов из языков, где это понятие было уже лексически зафиксировано ранее. При этом характерным является преимущественно европейское (американское) происхождение новых терминов (в области научно-технической лексики). Если для большинства стран таковой факт не имеет принципиального значения, то в Иране увеличение числа иностранных слов в языке вызвало серьёзную обеспокоенность со стороны политической элиты. В силу определённых причин, Исламская республика Иран оказалась в состоянии противостояния культурной экспансии Запада. Одним из элементов этого противостояния со стороны Ирана стало движение за очищение персидского языка от европеизмов (американизмов). **Целью** нашего исследования является анализ результатов работы Академии языка и литературы в Иране по совершенствованию лексического состава персидского языка в контексте борьбы с иностранными заимствованиями.

Деятельность по упорядочиванию лексического состава современного

персидского языка была вызвана не только политическими причинами. В середине 1980-х годов в терминологии, особенно в научной и технической её сферах, становится всё более явным отсутствие достаточной стройности и определённости. Новые слова проникали в язык или без каких-либо изменений, или переосмысливались отдельными отраслевыми специалистами, не связанными друг с другом. В результате появилось множество терминов, обозначающих одни и те же понятия; иногда же наоборот, один термин в представлении различных специалистов приобретал разное значение. В качестве творцов новых слов не всегда выступали люди, достаточно осведомлённые в области традиционного для персидского языка словообразования, что ещё более усугубило положение.

Выход был найден в конце 1980-х годов, когда президент ИРИ Хашеми-Рафсанджани предложил парламенту страны рассмотреть вопрос о создании специализированного научного центра по сохранению языкового и культурного наследия Ирана. 13 февраля 1990 года, на 209 заседании Высшего совета исламской революции под председательством президента страны был утверждён устав такого органа [1]. В соответствии с уставом, новый научный центр получил наименование Академии персидского языка и литературы (*Фархангестан-э забан ва адаб-э фарси*).

В 1995 году при Академии был создан «Отдел определения слов» (*горух-э важегозини*). Перед Отделом были поставлены следующие задачи:

- осуществление контроля и координации усилий по созданию новых слов и определению семантических границ уже существующих;
- поиск лексических эквивалентов иностранным словам;
- определение принципов и критериев, по которым должно осуществляться очищение языка от иностранных заимствований.

Решением от 18 октября 1995 года парламент запретил использование западноевропейской лексики в государственных учреждениях. Перед Отделом определения слов (ООС) встала настоятельная задача в срочном порядке обеспечить потребности общества оригинальной терминологией, отвечающей новым социально-культурным и научно-техническим реалиям. Выступления высшего руководства страны по вопросу о борьбе за чистоту персидского языка продолжаются и по настоящий день. В этой связи можно вспомнить заявление президента Ирана М. Ахмадинежада от 4 августа 2006 года о недопустимости употребления западной лексики в государственных заведениях и введении административных санкций в отношении нарушителей.

В настоящем исследовании мы постараемся дать общую характеристику деятельности Отдела определения слов при Академии персидского языка и литературы (АПЯЛ), проанализировать результаты его работы по

созданию новых терминов и систематизации всей терминологической базы современного персидского языка.

Несмотря на актуальность данной темы, комплексная работа по изучению деятельности АПЯЛ, направленной на совершенствование лексического состава современного персидского языка, до настоящего времени не проводилась. Немногочисленные исследования, которые имеют то или иное отношение к поставленному вопросу, носят фрагментарный характер и, зачастую, основываются на устаревших данных.

Наибольший вклад в изучение изменений лексического состава современного персидского состава внёс крупнейший российский иранист д.ф.н. Ю.А. Рубинчик. Однако, в силу того, что изучение работы Отдела определения слов при АПЯЛ не является основным направлением его научной деятельности, в своих работах он лишь вскользь касается поставленной перед нами задачи. Так, в статье «Роль АПЯЛ в совершенствовании терминологического состава персидского языка» [2] автор даёт пространную характеристику работы двух академий – предшественниц АПЯЛ, также занимавшихся созданием новых слов, но действовавших значительно ранее (1935-1941 и 1970-1979 гг.). Что же касается непосредственно АПЯЛ, то автор останавливается на причинах учреждения академии и даёт анализ её периодических изданий.

Следующая статья Ю.А. Рубинчика «Развитие лексико-фразеологического состава персидского языка после победы исламской революции в Иране» [3] основывается на материале его же более ранней публикации «Участие арабских заимствований в персидском словообразовании» [4], но значительно обогащена более новыми данными относительно работы АПЯЛ. Автор традиционно уделяет основное внимание роли арабских заимствований в персидском языке, даёт анализ основных направлений и перспектив взаимодействия лексики двух языков на иранском языковом пространстве. В статье «Некоторые особенности развития персидского языка в Исламской Республике Иран» [5] Ю.А. Рубинчик уделяет внимание изменениям в лексике, произошедшим в первое десятилетие существования Исламской республики, рассматривает внедрение на бытовом уровне и в официальном языке революционной лексики, анализирует стилистические изменения и роль арабских заимствований в этом процессе.

Вопросу словообразования в современном персидском языке посвятил свою статью Алиреза Алипур [6]. Автор акцентирует внимание на проблеме внесения новых слов в состав русско-персидских и персидско-русских словарей. Другой исследователь – А. Куранбеков в статье «Проблемы формирования научно-технической терминологии в персидском языке»

ке» [7] останавливается на принципах выбора слов, которые необходимо будет изъять из употребления, и на качествах, которыми должны обладать вводимые слова. Давая краткий анализ особенностям работы Академии в области замены научно-технических терминов, автор приходит к мысли о малоперспективности подобного процесса на территории Ирана в условиях глобализации и взаимной интеграции.

В своём исследовании мы опирались, преимущественно, на иранские источники. В первую очередь, это «Словарь терминов, утверждённых Академией персидского языка и литературы» в трёх частях [8] и «Труды Академии» [9], в которых подробно освещается вся работа АПЯЛ, публикуются статьи сотрудников академии по актуальным вопросам иранской филологии. Определённую помощь при написании статьи оказал также иранский ежемесячник «Бюллетень Академии» [10] и «Отчёт АПЯЛ» [11], представляющие из себя периодические информационно-ознакомительные издания Академии персидского языка и литературы.

Прежде чем непосредственно перейти к анализу достигнутых на настоящий момент результатов работы Отдела определения слов при АПЯЛ, хотелось бы предоставить краткую его историческую справку. ООС начал свою работу в 1995 года «с горсткой сотрудников» [12, с. 9]. После известного решения парламента о запрете употребления западноевропейских слов в государственных учреждениях работа отдела заметно интенсифицировалась. Увеличился штат сотрудников, расширился спектр разрабатываемых направлений лексики. В первую очередь отдел определил круг слов, которые необходимо было изъять из употребления в ближайшее время. В процессе поиска эквивалентов к иностранным словам возник ряд сложностей, которые были успешно преодолены после определения «Принципов и критериев избирания слов» [13, с. 152-153].

В начале 1996 года Отдел начал широкое сотрудничество с Академией Наук Ирана, результатом чего стало появление распространённого перечня специализированных научно-технических терминов иностранного происхождения, рекомендованных к замене их на персидские аналоги. Вскоре подобное сотрудничество было установлено с Академией медицинских наук, а в последние годы – с Академией технических наук и с различными научно-исследовательскими центрами. [14, с. 9].

В настоящее время в рамках Отдела определения слов действует около 50 специализированных групп по различным тематическим направлениям, в которых занято более 200 высококвалифицированных специалистов [15, с. 16]. Работа ведётся по следующим основным тематическим направлениям: геология, физика, химия, биология, математика, аст-

рономия, металлургия, компьютерное обеспечение, топография, продовольствие и пищевая промышленность, сельское хозяйство, ветеринария, транспорт, кинематография и телевидение, драматургия, музыка, лингвистика, политология, экономика, психология, педагогика, археология, спорт, туризм, военная терминология и т.д.

В ООС работает несколько специальных советов по координации и согласованию (*шоура-йе хамаханги*), в состав которого входят как филологи, так и специалисты в той области науки или искусства, разработкой лексики которой данная группа занимается. Каждый из советов следит за работой в определённом направлении (группа гуманитарных наук, технических, искусствоведческих, и т.д.). Совет контролирует, чтобы новое слово, с одной стороны, абсолютно точно передавало смысл термина или понятия, которое решено было заменить, даёт толкование этого слова; с другой стороны, специалисты-филологи подтверждают, что представляемый к утверждению эквивалент является новым, нигде в ином смысле не употребляется, в полной мере отражает вкладываемое в него содержание и составлен в соответствии с нормами персидского словообразования.

Результаты почти 10-летней работы отдела нашли отражение в издании «Словаря терминов, утверждённых Академией персидского языка и литературы» в трёх частях [8;12;14]. Все слова, вошедшие в состав этого издания, были предварительно утверждены президентом страны, а затем рекомендованы к использованию в государственных учреждениях.

Первая часть была опубликована в 2004 году и содержала немногим менее 2000 слов и терминов, утверждённых академией за весь предыдущий период с момента её организации. Словарь включает в себя слова и выражения с краткими комментариями и их аналогами на языке, откуда это слово было заимствовано. В большинстве своём это слова английского и французского происхождения. Каждая из частей состоит, в свою очередь, из трёх разделов, которые дублируют друг друга, но отличаются лишь подачей материала. Первый раздел строится на основе утверждённых к употреблению персидских слов; второй – на основе рекомендованных к извлечению из употребления иностранных слов, приводимых латинской графикой, с их новыми персидскими эквивалентами; третий – тематический словарь по различным направлениям. Подобная структура составления словаря продолжена и в двух следующих частях, которые были опубликованы, соответственно, в 2005 и 2006 гг.

В целом, во всех 3 частях «Словаря терминов, утверждённых Академией персидского языка и литературы» представлено около 7000 слов и оборотов. Такой большой объём переработанной лексики достигнут, во

многим, благодаря углублению в специализированную терминологию ограниченного пользования. Например, словарь вводит такие слова, как – *تداخل سنج* (*тадахолсандж*) – интерферометр, элемент оптической вычислительной машины, *آب گرای* (*абгерайи*) – гидротропизм, повышенное поглощение воды, *قاب بندی* (*каббанди*) – фрейминг, синхронизация кадров при обработке видеоплёнки в кинематографии, *چرخندزایی* (*чархандэзайи*) – циклогенезис, формирование циклонов, и т.п.

Нашла отражение в словаре и новая лексика более широкого употребления. Например, мобильный телефон теперь рекомендуется называть *تلفن همراه* (*телефон-э хамрах*), микроволновая печь – *تندپز* (тондпаз), джакузи – *آبزن* (*абзан*), спрей – *افشانه* (*афшанэ*), чипсы – *برگک* (*баргак*), сайт – *ایستگاه* (*истгах*), а вертолёт – *بالگرد* (*балгард*) вместо привычного *هلیکوپتر* (*хеликоптэр*).

Стоит отметить, что некоторые слова, принятые в 1930-х гг. ещё первой академией (*Фархангестан-э Иран*) также вошли в «Словарь терминов, утверждённых АПЯЛ». В большинстве своём, это слова, уже закрепившие за собой определённое место в языке. Среди них можно отметить такие, например, как «ассистент» – *دستیاب* (*дастйаб*), «организация» – *سازمان* (*сазман*), «выступление», «речь» – *سخنرانی* (*соханрани*), «персонал» – *کارکنان* (*карконан*), «турист» – *جهانگرد* (*джахангард*), «гравитация» – *گرانی* (*герани*), «музей» – *موزه* (*музэ*), «мина» – *مین* (*мин*), «максимум» – *بیشینه* (*бишинэ*), «минимум» – *کمینه* (*каминэ*), и др.

Одним из основных путей пополнения словарного состава персидского языка в последнее время стало активное проникновение новых терминов, имеющих отношение к новейшим техническим разработкам. Отдел определения слов уделил большое внимание этому аспекту и предложил к использованию вместо иностранных слов свои варианты технических терминов. В первую очередь, переработке подверглась компьютерная лексика, всё более активно проникающая в язык. Была проанализирована терминология самого широко уровня, от общей до известной лишь в узком кругу специалистов, и результаты этой работы также нашли отражение в «Словаре». Основной объём компьютерной лексики (около 370 терминов) представлен в Ч.2 Словаря, опубликованной в 2005 году. В первой и третьей частях терминология, имеющая отношение к компьютерам, также имеет место, но в меньшем объёме (около 150 и 130 терминов соответственно). Из числа наиболее распространённых терминов этого раздела, утверждённых Академией к употреблению вместо их иностранных аналогов, можно привести следующие: *رایانه* (*райанэ*) – компьютер, *نمایشگر* (*намайешгар*) – монитор, *مکان نما* (*маканнэма*) – курсор, *پرداز* (*пардаз*) – процессор, *صفحه کلید* (*сафхэ-йе келид*) – клавиатура, *زیر موشی* (*зирмуши*) – коврик для мышки, *تراشه* (*тарашэ*) – чип, *نتسرا* (*нэтсара*) – интернеткафе, *در خط* (*дар-хатт*) – он-лайн,

برون خط (*борун-хатт*) – оф-лайн, а также دور نویس (*дурнэвис*) – факс, چاپگر (*чапгар*) – принтер, – دستگاه تکثیر (*дастгах-э таксир*) – ксерокс.

АПЯЛ не определила слова, воспринятые из арабского языка, но прочно вошедшие в состав персидского, как иностранные. Например, Академия рекомендует к употреблению такие слова арабского происхождения, как شخص (*шахс*) – индекс, عامل (*амэль*) – фактор, موضوع (*моузу*) – сюжет, مجلس (*маджлес*) – парламент, مکث (*макс*) – пауза (*комп.*), واسط (*васет*) – интерфейс, سریع السیر (*сариоссэир*) – экспресс.

Кроме того, отдельные лексемы, заимствованные из арабского языка, широко представлены в качестве составных частей новых сложных слов. Так, Академия закрепила следующие слова с арабскими составляющими: Интерпол (*полис-э бейнольмеллал*) – پلیس بین الملل, блендер (*махлуткон*) – مخلوط کن, запоминающее устройство (*комп.*) (*вахед-э хафезе*) – واحد حافظه, парковка (*таваккофгах*) – توقفگاه, стипендиант (*ратэбэгир*) – راتبه گیر, и др.

В соответствии с п.8 «Принципов и критериев избирания слов», в котором говорится, что «поиск эквивалентов к интернациональным словам, вошедшим в состав большинства языков мира, не является необходимым» [3:153], Академия утвердила также немало слов западноевропейского происхождения, но получивших статус международных. В том числе انرژی (*энэргжи*) – энергия, نوت (*нот*) – нота (*муз.*), فوتون (*футун*) – фотон, کوبه (*кутэ*) – купе, لیزر (*лейзар*) – лазер, شوک (*шук*) – шок, یون (*юн*) – йон, بوفه (*буфэ*) – буфет, ریتم (*ритм*) – ритм, и др.

Тем не менее, большинство подобных слов имеет персидский аналог, предложенный Академией к употреблению наравне с его интернациональным эквивалентом. Например, предложено два варианта перевода слова «туннель» – европеизм تونل (*тунэль*) и новообразование دالانه (*даланэ*), «ресторан» можно переводить как – رستوران (*рестуран*) и غذاخوری (*газахури*), «сигнал» – سیگنال (*сигнал*) и نشانک (*нэшанак*), «музей» – موزه (*музэ*) – گنجینه (*ганджине*), «формула» – فرمول (*формул*) и دستور (*дастур*), «оркестр» – ارکستر (*оркестер*) и سازگار (*сазгар*), «катод» – کاتد (*катод*) и قطب منفی (*катб-э манфи*), и т.п.

Таким образом, мы можем сделать **вывод**, что персидский язык в настоящий момент является динамично развивающейся системой, находящейся в стадии трансформации. Изменению подвергаются целые разделы лексики, особенно в научно-технической сфере. Однако, делать окончательные выводы относительно успешности или неудачи введения новых слов в нормативную речь, по нашему мнению, представляется преждевременным ввиду незначительного периода с момента появления новых слов и терминов. Тем не менее, мы не можем не отметить, что в официальном делопроизводстве новая лексика всё более уверенно занимает своё место, чему в значительной мере способствует последовательная официальная позиция высшего руководства страны.

Список литературы

1. <http://persianacademy.ir>
2. Рубинчик Ю.А. Роль Академии языка и литературы ИРИ в совершенствовании терминологического состава персидского языка // ИРИ в 90-е годы (экономика, политика, культура). – М.: Инст-т востоковедения РАН, 1998. – С. 130-136.
3. Рубинчик Ю.А. Развитие лексико-фразеологического состава персидского языка после победы исламской революции в Иране // Иран сегодня. – 2004. – №2 (4). – С.21-24.
4. Рубинчик Ю.А. Участие арабских заимствований в персидском словообразовании // Исследование по иранской филологии. – Вып.1. – М.:МГУ ИСАА, 1997. – С.144-157.
5. Рубинчик Ю.А. Некоторые особенности развития персидского языка в ИРИ // Иран: эволюция исламского правления. –М.: ИИИ и БВ РАН.
6. <http://akbaripur.htm>
7. Куранбеков А. Проблемы формирования научно-технической терминологии в современном персидском языке // Вопросы филологии. – М.,2003 – №2 (14). – С.16-18.
8. Словарь терминов, утверждённых АПЯЛ. Ч.1. – Тегеран, 2004 (اول، ۱۳۸۳ فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان. دفتر
9. Труды Академии. №№1-23 (نامه فرهنگستان شماره ۱-۲۳)
10. Бюллетень Академии 2005, №1 (دانشنامه، ج ۱، سال ۱۳۸۴)
11. Отчёт АПЯЛ 2006, №2 (گزارش فرهنگستان ج ۲، ۱۳۸۵)
12. Словарь терминов, утверждённых АПЯЛ. Ч.2. – Тегеран, 2005 (۱۳۸۴، فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان. دفتر ۲
13. Труды Академии. – 1995, №1 (نامه فرهنگستان شماره ۱)
14. Словарь терминов, утверждённых АПЯЛ. Ч.3. – Тегеран, 2006 (۱۳۸۵، فرهنگ واژه های مصوب فرهنگستان. دفتر ۳

Сухоруков О.М. Результати роботи Академії мови та літератури в Ірані щодо вдосконалення лексичного складу перської мови

Представлена стаття присвячена аналізу результатів роботи Академії мови та літератури в Ірану щодо вдосконалення лексичного складу перської мови в контексті боротьби з іноземними запозиченнями. Основна увага приділяється діяльності по збереженню чистоти і самобутності перської мови, пошуку шляхів адаптації його до нових соціально-політичних і науково-технічних реалій.

Ключові слова: перська мова, термінологія, вдосконалення, академія перської мови та літератури, запозичення.

Sukhorukov A.N. Results of work of the Academy of Persian Language and Literature in Iran on improvement of the lexical composition of the Persian language

The presented report is dedicated to analysis of result of work of the Academy of Language and Literature in Iran on improvement of the lexical composition of the Persian language in context of the fight with foreign borrowing. The main attention is spared activity on conservation of the purity and peculiarity of Persian language. searching for the ways of it's adaptation to new social, political, scientific and technical conditions.

Key words: Persian language, terminology, improvement, Academy of the Persian language and literature, borrowing.

УДК 811.411.21'06'27'38

ТЕМАТИЧНИЙ РЕПЕРТУАР ФАТИЧНИХ ЖАНРІВ (на матеріалі арабської мови)

Заза Ю.Я.

Розглянуто тематичний репертуар арабської фатичної розмови після привітання, встановлено типи обмежень, що впливають на вибір теми розмови. Тему розмови (або простір дії) досліджено в контексті конфігурації соціальних ролей мовців.

Ключові слова: реєстр, тематичний репертуар, конфігурація соціальних ролей мовців, фатичні мовленнєві жанри.

Проблемами обумовленості тем дискурсу екстра- та інтра- лінгвістичними чинниками, тематичного репертуару окремих мовленнєвих жанрів цікавились зокрема В. Богданов, Т. Винокур, Т. ван Дейк, В. Дементьев, Я Ритнікова. Актуальним малодослідженим питанням є вивчення теми (простору дії) як реєстрової характеристики дискурсу окремого мовленнєвого жанру. Метою статті є встановити тематичний репертуар "після привітальної" розмови як однієї з реєстрових характеристик дискурсу а також визначити тип обмежень, що впливають на вибір теми згаданої розмови.

Функціонування засобів мовного коду в комунікації залежить від змісту соціальних ролей її учасників, специфіки каналу комунікації та тематики спілкування. Усі три виміри разом створюють реєстрові характеристики дискурсу [2:215]. Реєстр - реалізація дискурсу в конкретній конситуації спілкування. В основі ж останньої спілкування лежать імпліковані в комунікативній компетенції мовців правила спілкування, отже дискурс - це організація контексту спілкування [1:108]. Дискурс є суттєвою складовою соціокультурної взаємодії; більша частина типів дискурсу має обмеження на діапазон можливих тем, що можна назвати тематичним репертуаром (курсив авт.) певного типу дискурсу. [7:52]. Тематична сфера комунікації, або простір дії, пов'язана з досвідною метафункцією (Halliday Hasan 2001 14-28), яка є засобом побудови змісту, що служить учасникам комунікації у ролі "карти дійсності", хто, що, кому, коли, де, з якою метою робить. [2:212]. Досвідна метафункція співвідноситься з інтерактивною компетенцією. На думку В.В. Богданова, спілкування не може відбуватися лише на основі енциклопедичних і лінгвістичних знань; для того, щоб комуніканти могли обмінюватись інформацією, використовуючи мову, вони

мають володіти відомостями, як це робиться. До цих знань належать правила комунікативного обміну, чергування інтерактивних ходів, зміни ролей у діалозі, правила супроводу інтерактивних ходів ілюктивними силами, правила, пов'язані з принципом кооперації, ввічливості, інтересу, що обумовлюють стратегію мовленнєвої поведінки. А оскільки ці правила є знаннями про міжособистісні мовленнєві і текстові взаємодії і відображають інтерактивний аспект комунікації, то називаються інтерактивними. Здатність комунікантів оперувати цими знаннями є компетенцією [3:26-27]. Таким чином, складовою досвідної метафункції комунікантів є інтерактивна компетенція, що обумовлює вербальну й невербальну поведінку учасників спілкування у певних ситуаціях.

Тематичний репертуар ситуації привітання окреслений такими чинниками, як ситуативним контекстом, конфігурацією соціальних ролей мовців, певним жанром дискурсу, специфікою каналу спілкування, так і певною культурою, соціокультурними нормами й цінностями.

Існує соціально, культурно й комунікативно обумовлені обмеження на вибір теми, що проявляються за допомогою виразів: *прийнято-не прийнято; зараз не місце і не час*, це не *телефонна розмова*. В реальній комунікації всі типи обмежень взаємодіють [7: 53].

До *соціальних* належать *обмеження*, пов'язані з конфігурацією соціальних ролей мовців (соціальний статус, вікові, гендерні особливості, міра знайомства, рівень інституційності ситуації). У фатичному мовленні, а саме таким типом є розмови після привітання, фактор теми займає незалежну позицію. Залежно від градації: близьких-неблизьких стосунків мовців виділяються такі регулярні теми: здоров'я, погода, сімейні справи, враження про прочитане, побачене, обговорення чеснот і недоліків знайомих. Оскільки фатичне мовлення є символом соціального спілкування, його змістові й комунікативно-стилістичні модифікації реагують на найменші зміни у відносинах людей, що об'єднані в групи [4: 150-152].

Культурними є обмеження, пов'язані з соціокультурним нормами, усталеними у певному соціумі. На протязі історії людства різними культурами було вироблена велика кількість найрізноманітніших регуляторів поведінки й спілкування. Залежно від способу, характеру, цілей, сфери вжитку, меж розповсюдження, строгості виконання, усі норми поведінки поділяються на традиції, звичаї, обряди, закони і побутові звичаї. Побутові звичаї є своєрідними вказівниками на те, що, де, як і коли мають робити люди у повсякденному житті. З усіх культурних норм нрави є найбільш динамічними, оскільки призначені регулювати поточні події і вчинки [6:47]. Зав'язування фатичної розмови після привітання є нормою, прийнятою у більшості культур, але тривалість і теми такого типу розмови є ідіоетнічними, що регулюються нравами – «моральними оцінками при-

пустимості тих чи інших форм поведінки» [6:49]. Порушення цієї норми призводить до негативної оцінки, засудження індивіда (імплікованого або експлікованого), свідчить про його необізнаність або небажання дотримуватись прийнятих норм. Для кожної культури є свій діапазон прийнятних і табуйованих тем, обумовлений історичними, соціальними, культурними, географічними умовами. Теми розмов можуть бути як універсальними, характерними для більшості культур, так і специфічними для певної культурної спільноти [7:53].

Комунікативні обмеження у виборі теми спілкування полягають у дотриманні норм кооперативного ведення розмови, що співвідносяться з правилами хорошої поведінки – комунікативними постулатами Г. Грайса [5:219].

Повага до адресата виражається як у виборі теми, так і у довжині висловлювання: чим коротший текст, тим менше поваги. Швидкий перехід до основної теми розмови у багатьох народів вважається неввічливим. Для інтерпретації акту спілкування як соціально прийнятного спочатку потрібно обмінятися відомостями про здоров'я, сон, особисті справи і справи своїх близьких [10:75-76]. Фатична розмова після привітання, що передує або замінює інформативну частину дискурсу є необхідністю, універсалією, що відповідає постулату релевантності. Комунікант, який відразу переходить до основної частини діалогу, за винятком чітко регламентованого спілкування, демонструє свою неповагу до співбесідника, а тому вважається неввічливим.

Оскільки ввічливість, по суті, є виявом поваги до іншої людини, визначення ввічливості як хороших манер акцентує процесуальну (зовнішній план) цього явища. Зовнішня сторона ввічливості певною мірою автономна, тому хороші манери можуть поєднуватись з низькими цілями й відсутністю поваги до людини. В основі теоретичної концепції П. Браун і С. Левінсон лежить поняття суспільної особи як самоповаги індивіда. Існує два основних бажання, пов'язаних із самоповагою (збереженням свого позитивного іміджу): бажання не мати перешкод своїх діяч і бажання отримати схвалення. Ці бажання визначають загальні стратегії пом'якшення загрози самоповаги людини і позитивну й негативну ввічливість. Негативна ввічливість пов'язана з наданням свободи людині, позитивна – з демонстрацією єдності та солідарності [9: 75].

Отже поведінка, направлена на підтримку власного позитивного іміджу по-різному експлікується у різних культурах залежно від типу ввічливості. Ретельний відбір теми розмови, враховуючи усі типи обмежень, уникання табуйованих, незручних і неприйнятних тем є стратегіями підтримання власної позитивної самооцінки.

Діалог після привітання ми вважаємо одним із типів small talk, фатичних мовленнєвих жанрів, поруч із світською (салонною бесідою), сімейною бесідою, дружньою розмовою, розмовою на загальні теми. Необхідність «післяпривітальної» розмови є певним чином вимушеною, оскільки, як вже зазнача-

лося, її відсутність порушує постулат релевантності. Суттєвим є сам факт цієї бесіди, а не її змістова характеристика. Найважливішим для співрозмовників у цьому випадку не промовчати, сказати що-небудь, прийнятне для конкретної конситуації спілкування. На думку В.В. Дементьєва, фатичні жанри є неінформативними, «неможливість сказати, наприклад: світська бесіда на тему... означає, що сам факт такої бесіди важливіший, ніж сама інформація, що передається» [8:86]. Фатична розмова після привітання є певною мірою обов'язковою, а відповідно й етикетною, це дозволяє нам вважати її складовою акту привітання. По відношенню до привітальних формул фатична «післяпривітальна» розмова є факультативною, оскільки залежить від наміру мовців, або одного з мовців у конкретній ситуації продовжити розмову, або обмежитись привітальними формулами. Порівняно ж з основною частиною розмови, «післяпривітальна» розмова є обов'язковою, швидкий перехід до основної теми, як вже зазначалося, суперечить постулату релевантності. «Післяпривітальна» розмова, як і інші фатичні жанри, не націлена на передачу нової інформації, має етикетно, культурно, соціально, комунікативно регламентований тематичний репертуар, стратегію ведення інтерактивних ходів. Якщо учасників сімейної бесіди об'єднують родинні стосунки і, як правило, приязне ставлення одне до одного [11:183], учасники світської бесіди об'єднані гедоністичним бажанням отримати задоволення від розмови [8:87], спільним для учасників «післяпривітальної» розмови є ситуативний контекст і пов'язана з цим чинником необхідність розпочати розмову, обумовлена підтриманням в першу чергу власного позитивного іміджу. Вияв поваги до співрозмовника вважаємо зовнішнім виявом самоповаги, стратегією пом'якшення загрози самоповаги індивіда.

Стосунки між комунікантами – учасниками «післяпривітальної» розмови можуть бути як симетричними, так і асиметричними (соціальний статус, вік, гендерна опозиція); приязними-неприязними, нейтральними. Спільним є усвідомлення комунікантами необхідності «післяпривітальної» розмови як норми, недотримання якої суперечить постулату релевантності і ставить під загрозу власну самоповагу. Отже, обов'язковість «післяпривітальної» розмови обумовлена, з одного боку, ситуативним контекстом, а з іншого – бажанням збереження власної позитивної самооцінки, що виявляється у вияві поваги до співрозмовника. Тематичний репертуар «післяпривітальної бесіди» продиктований конфігурацією соціальних ролей мовців у конкретній ситуації привітання.

З метою в'яснення тематичного репертуару «післяпривітальної» арабської розмови був проведений психолінгвістичний експеримент – анкетування 60-ти сирійських студентів у містах Дамаску й Латакії. Інформантами було обрано лише одну соціальну групу – «молодь-студенти», що дає змогу дослідити особливості тематичного репертуару як у ідіоетнічному, так і у соці-

ально-стратифікаційному аспектах. Серед інших питань, респондентам було запропоновано вказати:

– 'akšaru 'almauađīu allati taṭruku ileyhi 'ahādīūi m'aa: – galīs 'akbar minni 'amran au 'akbar bialmustaua 'al'igtimā'aī; – ašgar minni 'amran au 'ašgar bialmustaua 'al'igtimā'aī; – galīs min 'amrī ua 'almustaua 'al'igtimā'aī; – galīs min gins muḥtalif hiya... – найпопулярніші теми моїх бесід з співрозмовниками: – старшими за віком, соціальним статусом; – молодшими співрозмовниками – однакового віку і соціального статусу; – протилежної статі.

Результати анкетування ми систематизували, класифікувавши теми на блоки:

- 1) «Ти – теми»;
- 2) « Я – теми»; «Я+Ти» теми;
- 3) соціальні, політичні теми;
- 4) загальні теми нейтрального характеру;
- 5) окремі теми, коментарі, додаткова інформація.

I Адресат – старший комунікант: усього в групі 119 відповідей.

1) Ти-теми: *життєвий досвід-12, здоров'я-12, робота, професійна діяльність-9, справи-5, спогади, минуле-3, родина, здоров'я родини, діти-6, плани на майбутнє-2, те, що його цікавить-2, слухаю його поради-2, теми, присміли співрозмовнику-1*. Усього 54 відповіді.

2) Я-теми: *нова для мене інформація-1, наші спільні справи-2*. Усього 3 відповіді.

3) Соціальні, політичні теми: *політика-8, ситуація у країні-5, соціальне питання-4, економічний стан-2, справи у світі-1*. Усього 20 відповідей.

4) Загальні теми нейтрального характеру: *різні загальноприйнятні теми-8, останні телепрограми-6, життя в цілому-4, погода-3, культура-2, релігія-2, буденне життя-2, наука-1, книги-1*. Усього 29 відповідей.

5) окремі теми, коментарі, додаткова інформація: *теми залежать від часу і рівня його освіти-2, залежно від його соціального статусу й часу-2, звертаю увагу не на статус і вік, а на рівень культури-1, розпитую, щоб перейняти досвід-6, питаю поради-1, розпитую, оскільки людина, що старша від тебе на день, знає більше на епоху-1*. Усього 13 відповідей.

II Адресат – молодший комунікант: усього в групі 78 відповідей.

1) «Ти-теми»: *навчання-20, справи-7, розваги-5, інтереси-4, його життя-3, плани на майбутнє-3, здоров'я-3, батьки-2, робота-1, його інтереси-1*. Усього 49 відповідей.

2) Я-теми: *моя робота-1, мій життєвий досвід-1, моє навчання-1*. Усього 2 відповіді.

3) Соціальні, політичні теми: *соціальна активність-1, проблеми молоді-1, соціальні проблеми-1*. Усього 3 відповіді.

4) Загальні теми нейтрального характеру: *життя в цілому-1, новинки електронні-1, оцінки, навчальні предмети-1, серіали-1, футбол-1, література, прочитані книги-1, психологія-1*. Усього 7 відповідей.

5) Окремі теми, коментарі, додаткова інформація: *залежить від його віку й соціального статусу—2, згідно з його віком і статусом, так, щоб він не відчував себе маленьким-1, залежно від часу і соціального рівня-1, відповідаю на його питання-1, цікавлюсь його думкою, поглядами на життя-1, даю можливість обрати тему молодшому-1, даю поради-6, уважно слухаю, намагаюсь допомогти-1, намагаюсь поближче пізнати його індивідуальність-1, найкращі співрозмовники-ті, що корисні у розмові-1, те, що знає він, додаю те, що знаю я-1*. Усього 17 відповідей.

III Адресат – комунікант приблизно одного віку й соціального статусу: усього в групі 99 відповідей.

1) Ти-теми: *справи-9, навчання-4, робота-3, здоров'я-3, хобі-2, родина-2, батьки-2, друзі-2, плани на майбутнє-1, уподобання-1, особисті проблеми-1, здоров'я родини-1, особисті досягнення-1*. Усього 32 відповіді.

2) Я-теми, Я+Ти теми: *наші спільні інтереси-7, моє і його навчання-2, мої власні проблеми-2, спільні теми-2, спільні справи-1, наші взаємини-1, моя робота-1, моя думка про прочитане, культуру, політику-1, мої турботи, моє буденне життя-1, мої і його новини-1, наші хобі-1, мої домашні справи-1*. Усього 21 відповідь.

3) Соціальні, політичні теми: *рівень життя-3, політика-2, новини у країні-1, останні теленовини-1*. Усього 7 відповідей.

4) Загальні теми нейтрального характеру: *релігія-4, мода-3, жарти, анекдоти-2, прочитане-2, мистецтво-2, література-2, одяг-2, футбол-2, сучасні технології-2, мобільні телефони-2, автомобілі-2, різне, різне, про все-2, їжа-1, відпочинок-1, спорт-1, буденність-1, нові пісні-1, весілля, заручини-1, подорожі-1, фільми-1, нудьга-1*. Усього 36 відповідей.

5) Окремі теми, коментарі, додаткова інформація: *намагаюсь отримати задоволення від розмови-1, залежить від стосунків і міри знайомства-1, намагаюсь приблизитись до нього у розмові-1*. Усього 3 відповіді.

IV Адресат-протилежної статі: усього в групі 85 відповідей.

1) Ти-теми: *навчання-6, робота-6, те, що його цікавить-4, його життя-2, справи-2, справи сім'ї-4, хобі-2, особисте життя-2, здоров'я-1*. Усього 29 відповіді.

2) Я-теми, Я+Ти теми: *спільні теми-2, спільні інтереси-2, спільні друзі, приятелі, знайомі-3, мої досягнення і плани-1, порівнюю його і своє життя-1*. Усього 9 відповідей.

3) Соціальні, політичні теми: *соціальні теми-3, політика-2, соціальна активність-2, останні місцеві і міжнародні новини-1, умови праці-1*. Усього 9 відповідей.

4) Загальні теми нейтрального характеру: *різне-4, фільми-3, життя в цілому-2, останні моделі мобільних телефонів-2, прочитане-2, міжстатеві стосунки-2, кохання-1, весілля, заручини-1, нові пісні-1, релігія-1, сучасні технології-1, уподобання протилежної статі-1, спорт-1, людські стосунки-1, важливі теми-1, служба в армії-1, театр-1*. Усього 26 відповідей.

5) Окремі теми, коментарі, додаткова інформація: *залежно від міри знайомства-2, ми вам заздriamo, ви вільні ходити, де хочете, бачите світ-1, залежно від роду наших стосунків-з колегами-про роботу, з приятелями-про дружбу-1, статі немає значення-1, теми будь-які, але з повагою-1, намагаюся виглядати ідеальною, щоб справити серйозне враження-1, намагаюся торкнутися багатьох тем, щоб виглядати розумним-1, теми, що люблять дівчата-1, намагаюся привернути увагу жартами і анекдотами-1, лише вітаюся: Мир Вам !-1, практично не спілкуюсь з представниками іншої статі-1*. Усього 12 відповідей.

Більшість тем, представлених у всіх групах адресатів, є Ти-темами, при мінімальному діапазоні Я-тем. Дане явище є виявом поваги до співрозмовника, адже загальновідомо, що найцікавіші теми для співрозмовника – ті, що торкаються особисто його. Тому комуніканти виявляють повагу до партнера по комунікації, виявляючи зацікавленість його особою і максимально уникаючи Я-тем. Найбільшу кількість варіантів відповідей бачимо у групі, де адресатом є старший комуніканти, найменшу – у групі, де адресатом є молодший комуніканти. Хоча на перший погляд цю тенденцію можна трактувати як найбільшу і, відповідно, найменшу свободу вибору у виборі теми (простір дій), вважаємо це не зовсім вірним. Комуніканти – учасників «післяпривітальної» розмови об'єднує, як вже зазначалося, чинник ситуативного контексту і пов'язана з цим необхідність вступу у розмову. Тему розмови ж комуніканти підбирають, ніби «примірюючи» її для кожного окремого адресата. Якщо стосунки між комунікантами асиметричні або за віком, або за рівнем знайомства, то тим менша вірогідність того, що вдасться швидко знайти тему, яка би цікавила обох учасників розмови, не була би збуриливою, дратівливою, і відповідала би конкретним умовам спілкування. Звертаючись до старшого адресата, комуніканти ретельніше добирає тему методом «пробування», якщо тема у ході розмови є неприйнятною або нецікавою для старшого співрозмовника, він змінює тактику ведення розмови, і відповідно, тематичний блок. Зміною, пошуком прийнятних тем і пояснюється максимальна кількість варіантів цієї групи. Вступаючи у розмову з молодшим адресатом, старший учасник розмови почувається вільніше і сам пропонує тему розмови, знаючи, що молодший співрозмовник його підтримає хоча би заради ввічливості. Але, оскільки стосунки між учасниками розмови є асиметричними, старший комуніканти, демонструючи свою ввічливість повагою до співрозмовника, практично не торкається Я-тем, домінантою у цій групі є Ти-теми. Соціальні, політичні, а

також загальні теми з огляду на вік адресатів є не надто популярними.

Серед тематичного репертуару групи, де адресатом є молодший комуніканти, домінують загальні теми нейтрального характеру, а також Ти-теми. Свідченням більш вільної вербальної поведінки рівних (за віком, статусом), учасників розмови є характерний лише для цієї групи широкий діапазон Я-тем. Адресант у даному випадку відчуває менший тиск комунікативних обмежень, пов'язаних із необхідністю дотримуватись стратегій ввічливості і бути цікавим співрозмовником, а тому і торкається тем, приємних і зрозумілих не лише адресату, а і особисто йому. Популярність у цій групі загальних тем свідчить про широке коло спільних інтересів комуніканти. Коментарі, представлені у цій групі, свідчать про бажання адресанта наблизитись до співрозмовника, гедоністичні наміри отримання задоволення від бесіди. Отже конфігурація соціальних ролей мовців значною мірою обумовлює загальну стратегію ведення «післяпривітальної» розмови, впливаючи на вибір відповідних тактик і тематичних блоків. Розмова між комунікантими, що перебувають у ієрархічних стосунках, є більшою мірою етикетною, тематичний репертуар якої окреслений соціальними, культурними (уникання тем, з яким співрозмовник в силу свого віку або статусу є невідомим), а також комунікативними обмеженнями, представленими у відмові від тем, нецікавих для співрозмовника (Я-теми). «Післяпривітальна» розмова між приблизно рівними комунікантими є більш невимушеною, пошук тем націлений на теми, що цікавлять всіх учасників розмови, характерними відповідями для цієї групи є: *спільні інтереси, проблеми, справи.*

Група, де адресатом є комуніканти протилежної статі вирізняється амбівалентністю прагматичного значення відповідей. Жарти, намагання привернути увагу, спроба виглядати ідеальною, розумним, торкання тем кохання, між статевих взаємин, тем, що цікавлять протилежну стать є загальними стратегіями флірту, загравання, бажанням сподобатись представнику протилежної статі (при експлікації цієї стратегії у вербальній поведінці, це бажання не завжди усвідомлюється мовцем). Протилежними є коментарі, що містять обмеження стосовно спілкування з протилежною статтю: обов'язковість поваги при спілкуванні з представником протилежної статі, табування самого факту «післяпривітальної» розмови з представниками протилежної статі. Це пов'язуємо із стратифікацією соціальної групи арабських студентів за релігійним і культурним фактором: серед студентів є представники як традиційних мусульманських, так і європеїзованих, християнських родин. Популярними є Я+Ти теми, теми нейтрального характеру, а отже учасники розмови шукають спільні прийнятні теми. Окрім табування «післяпривітальної» бесіди, ідіоетнічним є і уживання замість відповіді паремій, афоризмів, що наведені у діалектному сирійському варіанті :

– людина, старша від тебе на день, знає більше на епоху;

– *найкращі з вас – ті, що навчаються і вчать, адже кажуть, що найкращі з людей ті, хто може бути корисним для інших;*

– *ми вам заздимо, ви вільні ходити де хочете, бачите світ.* – відповідь дівчини, звернена до осіб протилежної статі.

Як зазначає Д. Єремеев, «для будь-якого традиційного суспільства характерне включення всіх його членів у замкнуто-органічні зв'язки, інстинктивне і цілком усвідомлене прагнення індивідуума усталеним традиціям, нормам поведінки, правилам співжиття. В негативному ставленні до всіх форм індивідуалізму етнопсихологи вбачають характерну рису національного характеру арабофонів. Любов арабів до образних алегоричних зворотів визначила розширення комунікативних функцій паремій, у цьому проявилась схильність носіїв мови не висловлювати свої думки відверто, а говорити натяками, алегоріями [13:76]. Цікавим підтвердженням традиціоналізму, характерного для арабського соціуму є велика кількість відповідей: *слухаю поради від старшого, переймаю досвід...* і відповіді старших адресантів: *даю поради*. Спробуємо аргументувати цей факт загальновідомим консерватизмом арабського суспільства, що живе за багатовіковими законами, традиціями. Як і в кожному традиційному суспільстві, що прагне відтворитися на колишній основі, арабський лінгвосоціум завжди відчував потребу у нормах і взірцях, освячених минулим [13:75]. Духовна єдність, злиття з родичами і одноплемінцями є суттєвим засобом оборони, захисту традицій арабів, збереження «стійкості типових рис їхнього життя» (Штайн 1981, 24). Акцентований індивідуалізм, самоствердження особистості не відповідають соціально-психологічному складу арабофона [13:76]. Прагнення перейняти досвід старшої людини є, таким чином, бажанням зберегти і продовжити традиції, а з іншого – виявом поваги, зацікавленості, демонстрацією небайдужості, зацікавленості – стратегією, характерною для позитивної ввічливості.

Отже, так звана «післяпривітальна» розмова є окремим фатичним жанром, серед інших жанроутворюючих ознак якої є ситуативний контекст і пов'язаний з цим тематичний репертуар. Зміст соціальних ролей мовців є фактором, що впливає на загальну стратегію ведення «післяпривітальної» розмови, обумовлюючи вибір відповідних тактик і тематичних блоків. Тема, або простір дії, як одна з реєстрових характеристику пов'язана з інтерактивною компетенцією комунікантів і обумовлена соціальним, культурними, комунікативним обмеженнями, чинником ситуативного контексту, конфігурацією соціальних ролей мовців Арабська «післяпривітальна» розмова характеризується домінуванням Ти-тем, загальних тем нейтрального характеру при обережному використанні Я-тем. Теми соціальні, політичні є непопулярними серед арабських студентів. Бажання перейняти досвід старшого комуніканта, використання у відповідях паремій, і, навіть, табування «післяпривітальної» розмови пов'язана з традиційністю, консерватизмом арабського соці-

іуму. Конфігурація соціальних ролей мовців впливає на стратегію ведення «післяпривітальної» розмови – спілкування рівних комунікантів більшою мірою гедоністичне, розмова ж комунікантів, що перебувають у ієрархічних стосунках є певною мірою вимушеною, продиктованою усталеними нормами і бажанням зберегти свою позитивну самооцінку. Тематичний репертуар арабської «післяпривітальної» бесіди визначається домінуванням стратегією позитивної ввічливості, що реалізується у демонстрації небайдужості, єдності, солідарності.

Список літератури

1. Бачевич Ф. С. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи. – Львів, 2005. – 264 с.
2. Бачевич Ф. С. Нариси з комунікативної лінгвістики. – Львів, 2003. – 281 с.
3. Богданов В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс и личность: Меж вуз. Сб. науч. тр. – Тверь, 1990 – С. 26-31.
4. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 2005. – 176 с.
5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 217-237
6. Грушевицкая Т.Г., Попов В.Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. Учебник для вузов. – М., 2002. – 352 с.
7. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – 312 с.
8. Деметьев В. В. Лингвистический аспект светскости // Вестник Омского университета. – Серия 13. – 1999 – №4. – С. 85-88.
9. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М., 2002. – 333 с.
10. Ратмайр Р. Прагматика извинения. – М., 2003. – 272 с.
11. Рытникова Я. Т. Семейная беседа как жанр речевого общения // Жанры речи. Саратов. – 2002. – Вып. 1. – С. 71-82.
12. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003. – 568 с.
13. Чекалкин Д. Місце паремій в арабській культурно-мовній спадщині // Східний Світ. – 1993. – №1. – С. 71-82 с.

Заза Ю.Я. Тематический репертуар фатичних жанров (на матеріалі арабського язика).

Рассмотрено тематический репертуар арабского фатического разговора после приветствия, определено типы ограничений, влияющие на выбор темы разговора. Тему разговора исследовано в контексте конфигурации социальных ролей коммуникантов.

Ключевые слова: регистр, тематический репертуар, конфигурация социальных ролей коммуникантов, фатические речевые жанры.

Zaza J.Y. Thematic repertoire of phatic genres (on material of Arabic Language).

The article traces thematic repertoire of Arabic phatic conversation after greeting and determines types of limitations which have an influence on the choice of the theme of conversation. Theme of conversation is regarded in the context of interpersonal register. The material of investigation is selected as a result of sociolinguistics questionnaire.

Key words: register, thematic repertoire, interpersonal register, phatic genres.

УДК 81.411.21.'02

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АРАБСКОЙ КНИЖНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Эмир-Амет Э.Ш.

В статье рассматриваются истоки арабского языкознания, становление и развитие арабской книжной письменности Басры и Куфы в средние века. Есть все основания считать, что именно за это время было создано все самое лучшее и оригинальное на арабском языке, что послужило основой для многовекового изучения его как западными, так и русскими арабистами.

Ключевые слова: Арабское языкознание. Басра. Куфа, первые арабские филологи, арабская грамматика, книжная письменность, легенда.

На протяжении почти восьми веков, с VII по XV вв., длится история средневекового арабского языкознания, но наиболее важным периодом в его развитии следует считать VIII – XIII вв., то есть эпоху до монгольских завоеваний. **Целью** нашего исследования является рассмотрение истоков арабского языкознания, становления и развития арабской книжной письменности Басры и Куфы в средние века.

По словам А.Б. Халидова, «начальный этап арабского языкознания окутан туманом легенд, но точно локализуется в двух новых иракских городах – Басре и Куфе» [4, с. 49], основанных вскоре после смерти Мухаммада и оставшихся главными центрами арабской жизни и мысли за пределами полуострова, пока их не затмила великая столица Аббасидов – Багдад. Первым грамматиком слывет поэт VII века Абу-ль-Асуад ад-Ду'али из племени кинана, который умер в Басре в Омеядский период (в 688 или 718 г.). Знаменитый грамматик более позднего времени Абу Убеида рассказывает о нем: Абу-ль-Асуад обучился элементарным принципам грамматики у халифа Али. Говорят, что он до тех пор не посвящал никого в принципы, который он получил от Али, пока иранский наместник Зияд бен Абиhi не послал ему приказ составить что-либо, что могло бы служить людям в качестве руководства, дабы помочь им лучше понять книгу бога. Сначала Абу-ль-Асуад уклонился, но, услышав, как один человек в цитате из Корана «*anna 'llahā bari 'un min 'l-mušrikina wa rasuluhu*» («бог не хочет иметь дело с идолопоклонниками и его посланник также») последнее слово произносит *wa rasulihī* (что меняет смысл фразы: «бог не хочет иметь дело с идоло-

поклонниками и своим посланником»), он воскликнул: Я никогда не думал, что дело дойдет до этого!» затем Абу-ль-Асуад возвратился к Зияду со словами: «Я сделаю все, что ты приказал». Столь раннее возникновение грамматических представлений приходится признать мало правдоподобным, а сообщения об Абу-ль-Асуаде – полулегендарными [2, с.14].

Авторами первых сочинений по арабской грамматике, известных по упоминаниям в более поздних источниках, считаются Ибн Аби Исхак из Басры и его современник из Куфы Му‘аз ал-Харра’, жившие в первой половине VIII в. Следует отметить, что филологическими вопросами в большей или меньшей степени занимались все хадисоведы, чтецы и комментаторы Корана, собиратели исторических и генеалогических преданий, знатоки поэзии. Учениками вышеупомянутых были знаменитые филологи Абу ‘Амр б. ал-‘Ала’ (ум. в 771 г.), ‘Иса б. ‘Умар ас-Сакафи (ум. в 766 г.), Йунус б. Хабиб (ум. в 798 г.), ар-Ру’аси и др.

Иракскими филологами и богословами были выполнены переводы ряда письменных произведений с пехлевийского языка на арабский. ‘Абдаллаху б. ал-Мукаффа‘а (ум. в 759 г.) принадлежат перевод «Калилы и Димны» и переложения некоторых назидательных сочинений. По словам А.Б. Халидова, есть известия о том, что ещё раньше в Дамаске по заказу Халида б. Йазиды (ум. в 704 г.) и ‘Умара б. ‘Абдал‘азиза (ум. в 720 г.) переводились с греческого сочинения по алхимии, медицине, науке о звездах, музыке; однако эти известия представляют, очевидно сложную позднее легенду [4, с. 49].

Таким представляется первый этап становления арабской книжной письменности. Он длится более ста лет (610-750) и охватывает эпоху Мухаммада и время правления четырех праведных халифов в Медине и Омеядских халифов в Дамаске. В это время появляется письменных текст Корана, арабское письмо употребляется в государственных канцеляриях деловой переписке, намечаются зачатки богословия, историографии, и филологии, продолжается литературное творчество, особенно поэтическое, впервые записываются некоторые произведения устной словесности и совершаются переводы на арабский язык с пехлевийского и греческого. Однако, как считает А.Б. Халидов, «количественная оценка этой ранней письменной продукции крайне затруднена, поскольку она почти целиком (исключая поэтические произведения, Коран и некоторые переводные памятники) растворилась в более поздней литературе, напоминая о себе лишь именами и названиями, цитатами и реминисценциями» [4, с.50].

В период правления династии Аббасидов (750-1258) арабская наука и литература достигают вершины своего расцвета. Это проявляется в разнообразии

зии и разветвлении жанров, в резком увеличении числа авторов и произведений, в расширении ареала их распространения.

Середина VIII в. века явилась важной исторической вехой в развитии арабо-мусульманского общества и государства. Прекратилось столетнее продвижение арабских армий, а завоевательные походы сменились внутренними конфликтами в пределах Халифата. Начались классовая борьба, соперничество за власть и право присвоения общественного богатства. Продолжалось массовое обращение в ислам зороастрийцев, христиан и других иноверцев.

Довольно раннему и интенсивному развитию филологических и богословских дисциплин способствовала роль знания в исламском учении как одного из обязательных условий веры. Число новообратившихся постоянно росло, и теперь уже выходцы из других народов вместе с арабами занимались разработкой научных дисциплин. Зачастую обратившиеся в ислам представители из других этнических групп, изучивших арабский язык, были лучше подготовлены к интеллектуальной деятельности, нежели сами арабы.

Огромные успехи арабской письменности во второй половине VIII в. были достигнуты в области филологии. Вслед за уже упоминавшимися авторами первых сочинений по арабской грамматике пришло новое поколение талантливых филологов и исследователей арабского языка. Свою научную деятельность они также начинали в Басре и Куфе.

Крупнейшим деятелем арабской филологии был Аль-Халиль ибн Ахмад аль-Фарахиди аль-Йахмади аль-Басри (718-791) – составитель первого общего толкового словаря арабского языка «Kitāb al-‘Aun», создатель основ арабского грамматического искусства и основатель теории стихосложения – ‘ilm al-‘arūd. С его именем также связывают окончательную систематизацию арабской орфографии, самостоятельную школу чтения Корана и большой вклад в грамматическую теорию.

Ученик аль-Халиля перс Сибавейхи (ум. 796 г.) дал систематическое и подробное описание грамматики арабского языка. Его «al-Kitāb» («Книга») является «самым ранним оригинальным внушительным по объему памятником арабской лингвистической традиции, краеугольным камнем всего ее здания. Этот трактат является предметом исследования более чем столетия на западе и на протяжении столетий в арабском мире» [3, с. 39]. Это наиболее яркие представители басрийской грамматической школы.

Одновременно в Куфе действовала своя философская школа, представители которой также занимались грамматическими изысканиями, явившиеся основателями самостоятельного научного направления. Основателем этой школы грамматиков считается Абу Джа‘фар Мухаммад б. ал-Хасан б. Аби Сара по прозвищу ар-Ру‘аси («Большеголовый») (ум. между 786 и 809 гг.) –

ученик Абу ‘Асира б. ал-Ала и учитель ал-Киса’и и ал-Фарра’. Главным грамматическим трудом ар- Ру’аси считается «Kitāb al-fayṣal fī an-naḥw» («Книга мерила [синтаксиса]»).

Наиболее ярким представителем куфийских грамматистов явился Абу ал-Хасан Али б. Хамза б. Абдаллах б. ‘Усман (или Багман) б. Фейруз (ум. 805). В арабской лингвистической традиции он известен под именем ал-Кисаи, которое получил из-за того, что во время хаджа в Мекку вместо *ихрама* (двух кусков полотна, покрывающих верхнюю и нижнюю части тела) одел *kisā’* – плащ [5, с. 131].

В конце VIII – начале IX вв. большинство филологов Басры и Куфы переселились в Багдад, где соперничество между двумя представителями грамматической школы приобретает еще больший размах. Арабские источники часто упоминают о разногласиях между куфийцами и басрийцами по частным вопросам грамматики, а «некоторые авторы, начиная с куфийца Абу аль-Аббас Ахмада Са‘лаба (ум. 904), составляли специализированные трактаты касательно этих разногласий» [Рыбалкин 2000: 78]. Однако, как писал еще В. Гиргас, «эти разногласия не касаются сущности грамматической системы арабов, а состоят большей частью в различии мнений касательно управления слов, расположения их в предложении, или состава слов, и их происхождения» [1, с. 14].

На наш взгляд, главной причиной, послужившей основой для разногласий между представителями двух школ, было то, что куфийцы склонялись к тому фундаментальному принципу грамматики, что она должна одинаково считаться со всеми реальными фактами классического арабского языка, признавая их законность даже в том случае, если они порой и нарушают стройность какого-нибудь установленного закона грамматики. По-видимому, куфийцы иногда принимали некоторые языковые явления живой разговорной речи, избегая, однако, вульгаризмов.

Басрийцы же, наоборот, в этом отношении отличались консервативностью, точно придерживаясь грамматических принципов литературного арабского языка. Они избегали малейшего отклонения от классического образца даже в оценке тех грамматических явлений, которые встречались в старых памятниках классического языка, исключая Коран. Однако, есть сведения полагать, что басрийцы злоупотребляли *кьясом* (законами аналогии). Явления, которые не укладывались в «общую мерку», оценивались как диалектные отклонения от нормы и признавались противоречащими «духу языка». Таким образом, грамматические явления фиксировались не такими, какими они были в действительности, а такими, каковыми они должны были быть по закону аналогии. По словам Рыбалкина, «допускалась «подгонка» языко-

вых фактов под известную схему, пусть даже несколько искусственную, но логически последовательную» [3, с. 76].

Как отмечает Халидов А.Б., конечная победа была одержана басрийцами, утвердившими непререкаемый авторитет своей школы [4, с. 52]. «Куфа была лишь эпизодом в развитие грамматической теории» [6, с. 33].

В течение всего IX в. в Багдаде продолжает расти новое поколение филологов – выходцев как из басрийской школы, так и из куфийской. Споры между представителями школ приобретают больше поверхностный характер, а к концу IX в. совсем стихают. Образовалась так называемая багдадская филологическая школа как «единая лингвистическая традиция», куда вошло больше басрийского, чем куфийского элемента, как, впрочем, и во всю последующую филологию.

Старейшими ее представителями явились два филолога и историка – Ибн Кутайба (828-889) и Абу Ханифа ар-Динавари (ум. 895).

В это время в ученых кругах Багдада активно разрабатывается арабская лексикография. Младшие современники и ученики аль-Халиля описывали арабскую лексику в предметно-тематических монографиях, их сочинения отличались смысловым отбором лексики, ограниченной какой-либо определенной темой из жизни или литературы, а также логическим или ассоциативно-беспорядочным расположением слов с объяснением их форм и значений. Авторами малых словарей были аль-Асма'и (739-831) и Абу 'Убайда (732-826). Первому принадлежат филологические этюды на различные темы: верблюды, конь, человек, одежда оружие, жилище, финиковая пальма, растения и деревья, вода, редкие и странные слова, синонимы, антонимы и др. Приблизительно в таком же духе свои лексикографические трактаты писал Абу 'Убайда. Куфийский лексикограф Абу Амр аш-Шайбани (ум. в 822 г.) составил словарь редкой поэтической лексики, объединив слова в побуквенные главы по первому корневому согласному [4, с. 52].

По примеру Абу 'Амра аш-Шайбани был создан ряд специальных словарей (вокабуляриев) избранной лексики из Корана, хадисов, поэзии и литературы.

«Kitāb al-‘Аун» («Книга буквы айн») аль-Халиля в течение трех четвертей столетия оставался в тени, и только в 60-х гг. IX в. он постепенно вошел в обращение и стал предметом всеобщего внимания, изучения, критики и комментирования. Появляется ряд работ, во многом схожих на «Kitāb al-‘Аун».

Второй большой словарь арабского языка составил Ибн Дурайд (837-933). Он жил в Басре во время того, как словарь аль-Халиля был обнародован. Затем в 871 г. он бежал в Оман, где 12 лет провел среди бедуинов. Вскоре после этого он перебрался в Фарс, и в 900 г. представил свою «аль-Джамхару».

В X в. еще несколько лексикографов предприняли попытку создания больших словарей. Абу Мансур Мухаммад б. аль-Азхар аль-Азхари (895-981) учился в Багдаде. Его «Китаб ат-тахзиб» по сути является улучшенным изданием, обогащенным примерами «Kitāb al-‘Аун». Абу ‘Али аль-Азхари использовал материалы Ибн Дурайда. Абу ‘Али аль-Кали (893-967) также учился в Багдаде, но настоящее признание нашел в аль-Андalusе, куда переехал в 942 г., образовав там местную филологическую школу. Он дал еще одну улучшенную и расширенную редакцию «Kitāb al-‘Аун». Ученики аль-Кали также плодотворно занимались словарной деятельностью. Их преемник Ибн Сида (ум. 1066 г.) из Дении явился автором самого подробного словаря в духе аль-Халиля – «аль-Мухкама». ‘Исмаил б. ‘Аббад ас-Сахиб (938-995) предпринял в Рее сокращенную переработку словаря аль-Халиля и назвал ее «аль-Мухит» [4, с. 53].

Одновременно с грамматикой и лексикографией было разработано учение о просодии и ритме арабского стиха. Родоначальником учения о фигурах и украшениях речи стал известный поэт ‘Абдаллах б. аль-Му‘тазз (уб. в 908 г.) [Крачковский, IV, с. 7-330]. Основателем теории арабского метрического стихосложения – аруда был уже упоминавшийся аль-Халиль ибн Ахмад. В своем трактате «Kitāb al-‘arūd» («Книга об аруде») он описал 15 стихотворных рахмеров, которые в свою очередь сводятся к более тесным «кругам». «Пришел ли аль-Халиль самостоятельно к установлению законов арабского метрического стихосложения, руководствуясь, как, бедуины, размерной походкой верблюда, или же обратился к готовым метрикам иных народов, этот вопрос еще ожидает своего исследователя» [3, с. 117].

Таким образом, за короткий срок в полтора-два века на почве арабского языка сложился целый комплекс филологических дисциплин и продолжал развиваться на протяжении последующих столетий. Филологические науки способствовали стабилизации языковых норм и стилистических канонов, обогащению самого языка и упрочению его социальных позиций.

Вывод. За это время в области исследования языка было сделано очень многое. В каждой отрасли филологического знания была предпринята попытка создать систему, поставить арабские языковедческие исследования на регулярную научную основу, будь-то грамматика, лексикография или учения о просодии и ритме. Огромный вклад в составление и развитие этих дисциплин внес аль-Халиль ибн Ахмад; почти во всех исследованиях, касающихся истоков арабского языкознания, можно встретить его имя и название его трактатов, к счастью, дошедших до нас.

Список литературы

1. Гиргас В. Очерк грамматической системы арабов. – С. – ПБ., 1873.
2. Звегинцев В.А. История арабского языкознания. Краткий очерк. – М.: МГУ, 1958 – 80 с.
3. Рыбалкин В.С. Арабская лингвистическая традиция: Истоки, творцы, концепции. – К.: Феникс. 2000. – 358 с.
4. Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. – М., 1985. – 304 с.
5. Fihrist. Ibn an-Nadim. Kitab al-Fihrist. – Teheran, 1971.
6. Fleisch H. Traite de philologie arabe. I. Preliminaires, phonetique. morphologie nominale. – Beirut: Imprimerie Catholique, 1961.

***Емир-Амет Е.Ш.* Становлення і розвиток арабської книжної писемності**

У статті розглядаються джерела арабської мовознавчої традиції, становлення та розвиток арабської книжної письменності Басри та Куфи. Коротко висловлюються основні концепції традиційної арабської граматики, лексикології та лексикографії.

Ключові слова: арабське мовознавство, Басра, Куфа, перші арабські філологи, арабська грамати́ка, книжкова письменність, легенда.

***Emir-Amet E.Sh.* Becoming and development of the Arabic book written language.**

The sources of Arabic linguistics, forming and development of the Arabic book written language of Basra and Cufa in the Middle Ages are represented in this article. The genetic succession of methods in the studying of the language facts is also showed. The basic concepts of the Arabic grammar, lexicology and lexicography are shortly expounded.

Key words: The Arabic tradition of linguistics; the basic concepts; Arabic grammar; a philological treatise; phonetics; legend.

Статья поступила в редакцию 05 марта 2007 г.

Раздел 4 НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК 811.161.2'282

МІКРОЕТНОКОНЦЕПТИ ГРОМАДСЬКИХ ЗВИЧАЇВ МОЛОДІ ТА ЇХ ВІДОБРАЖЕННЯ В УКРАЇНСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМАХ

Савченко Л.В.

У статті аналізуються мікроетноконцепти, які характеризують громадські звичаї молоді і виступають основним компонентом для творення ФО української мови досліджуваних груп. Матеріалом для дослідження слугують ФО, подані у фольклорних збірках і лексикографічних працях XIX – XX ст.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, концепт, громадський звичай, традиція.

Поняття ‘концепт’ стрімко увійшло в сучасну науку. Його вивчають з точки зору філософії, психології, логіки, культурології, лінгвістики. Концепт – «інформаційна структура свідомості..., яка містить сукупність знань про об’єкт пізнання, вербальних і невербальних, набутих шляхом взаємодії п’яти психічних функцій свідомості й позасвідомого» [7, с. 256]. Інтерпретуючи поняття ‘концепту’ в лінгвокультурологічному аспекті, варто зазначити, що в цьому концептуальному полі концентруються певні факти культури: історія народу, його етнографія, певні узвичаєні стереотипи, символи, ментальні уявлення тощо. На думку науковців, культура завжди національна, індивідуально-народна, і саме тому «термінопоняття концепт культури усвідомлюється як таке, що вживається на позначення етнічно орієнтованого ментального утворення (концепту), що дає підстави кваліфікувати його як концепт етнокультури, або ентоконцепт» [1, с. 28].

Сукупність знань про духовну культуру народу акумулюється в етноконцептах і в згорнутому вигляді відображаються у фразеологічних одиницях (ФО). Зауважимо, що кожна ФО, яка виникла на основі певного обряду, традиції, звичаю, вірування, складається з мікроетноконцептів, тобто окремих компонентів ФО, що містять основну узагальнену інформацію про певну подію. фіксує світоглядні уявлення народу, їх правила поведінки та норми життя.

Об'єктом духовної культури є традиції, тобто звичаї, обряди, вірування, повір'я як етносу в цілому, так і окремих груп людей. Звичайно, формування та розвиток цих усталених дій чи світоглядних уявлень починаються з сім'ї та громади. В історії українського народознавства описано велику кількість громадських звичаїв, що стосуються молоді. Очевидно це пов'язано з пильною увагою з боку як родини, так і односельчан до дівчат (при досягненні 16 років) і хлопців (при досягненні 18 років), оскільки саме ці молоді особи були першими претендентами на одруження, яке за важливістю прирівнювалося до таких життєвих фактів, як народження чи смерть людини.

Мета статті – виявити ті мікроетноконцепти, які характеризують громадські звичаї молоді і виступають основним компонентом для творення ФО української мови досліджуваних груп, описати звичаї та обряди, які стали формотворчою базою для виникнення низки ФО. Матеріалом для дослідження слугують ФО, подані у фольклорних збірках і лексикографічних працях XIX – XX ст. Отже, спробуємо подати характеристику ФО української мови з формотворчою базою 'звичаї'.

Звичай – повсякденний усталений спосіб (правило) поведінки, складений історично, на основі людських стосунків, у результаті багаторазового здійснення певних дій та усвідомлення їх суспільної значущості [11, с. 566]. Українська народність формувалася під впливом низки звичаїв, які були невід'ємною частиною життя як громади в цілому, так і людини зокрема. Громадська та побутова звичаєвість, якої дотримувалися молоді дівчата та парубки, вплинула на утворення багатьох ФО. У народознавстві фіксується велика кількість громадських обрядодій у виконанні молоді, які дають можливість пояснити походження низки ФО української мови.

У передвесільній обрядовості побутова звичай, за яким парубок з сусіднього села, щоб заличатися до дівчини, повинен був поставити могорич хлопцям із тієї місцевості, де проживала його кохана. Про цю традицію свідчить ФО, зафіксована в збірці Б. Грінченка, *оплатитися за свою дівку* зі значенням 'дати парням угощень за право сторонньому парню ходити к избранній им дѣвушкѣ на вечерниці' [Гр., т. 3, с. 58]. Такий звичай зберігся, наприклад, на Галичині й до сьогодні. У сучасному мовленні така ФО маловживана й не фіксується в сучасних фразеологічних словниках, оскільки цей звичай зараз майже не актуальний серед української молоді.

В Україні дівчину, якій минуло шістнадцять років вважали відданицею. Це був віковий ценз для дівчат, котрі мають право дівувати й готуватися до заміжжя. Для юнаків такий вік визначався досягненням дев'ятнадцяти років. У працях подаються такі ФО на позначення повноліття дівчини/хлопця: *вона вже дівка* зі значенням 'она ужъ невѣста, она совершенныхъ лѣтъ' [Б.-Н., с.

115]; *дівчина на відданні* – ‘*дѣвушка невѣста, изрослая дѣвушка*’ та ілюстрацією з творів Г.Барвінок ‘*у мене ж дочка на відданні* [Гр., т. 1, с. 219]; *дівча на відданю* – ‘*в таких літах, коли вже можна віддати заміж*’ [Фр., 2, 577]; *на добі стала* – ‘*говорять про дівчину, яку пора віддати заміж*’ [Фр., т. 2, с. 5]; *дівча на самій порі* – ‘*дозріло, пора віддавати замуж*’ [Фр., т. 2, с. 577]; *на літі бути* – ‘*быть взрослымъ*’ [Гр., т. 2, с. 386]; *наоженку бути* – ‘*в лѣтахъ жениха*’ [Гр., т. 1, с. 386]; *під усом бути* – ‘*находиться въ возрастѣ 19-20 лѣтъ*’ [Гр., т. 4, с. 354]; *стати на стану (станочку)* – ‘*достичь совершеннолѣтія*’ [Гр., т. 4, с. 194]; *на порі стати* – ‘*досягти, дійти зрілого заміжнього віку*’ [ФСУМ, с. 859], які підтверджують важливість настання цього періоду саме для батьків. Зауважимо, коли хлопець і дівчина «стали на порі», тобто досягали зрілого віку, вони і їхні батьки та родичі повинні були подбати, щоб знайти пару [3, с. 18]. Поширеним був обряд “охризування”, коли хлопець і дівчина одержували право ходити на вечорниці, щоб вибрати собі пару. Українська фразеографія на позначення цього вікового періоду зберегла ФО з мікроетноконцептами *дівчина (дівча, дочка); доба (пора)*.

Серед загальних громадських звичаїв, можна виділити ще безпосередньо побутові, які стосувалися дівчат. З давнини відомий звичай носити стрічки дівчатам, які досягли 15-16 річного віку, на ознаку зрілості, дорослості, готовності до дівування. Ця традиція ілюструється ФО з мікроетноконцептами *стрічка (бинди, заплітки, бовтиці): ходити в биндах* [Шейк., с. 155]; *у биндах ходити* [Гр., т. 1, с. 56] із значенням ‘*быть дѣвушкою*’; *дівка у заплітках (у бовтицях)* – ‘*взрослая дѣвушка, могущая уже выходить замужъ*’ [Гр., т. 1, с. 386]. Фольклорист К. Шейковський, пояснюючи реєстрове слово “*бында – очка, лента*”, подає ще відповідну історико-етимологічну довідку: “*Это выражение произошло отъ того что малорусскія дѣвушки носятъ украшенія изъ лентъ*” [Шейк., с. 155]. Зауважимо, що зараз, через втрату традиції носити дівчатами на голові стрічку, у мовленні українців зазначені вище ФО не вживаються.

Не дивно, що двадцятирічну дівчину вже вважали *старою дівою (дівкою)*. За звичаєм дівчата до цього віку повинні вийти заміж, оскільки довге дівування засуджувалося громадою. Якщо дівчині чи парубкові не вдалося вчасно одружитися, то про них в односельчан складалося деякою мірою негативне враження, часом із насміханням. На позначення характеристики таких молодих незасватаних дівчат зафіксовано ФО з такими мікроетноконцептами *коса, волосся, в дівках: сидѣть въ дѣвкахъ* – *довгенько дивує; долго засидѣлась въ дѣвкахъ* [Б.-Н., с. 116]; *о, ще буде паску гнітити* – ‘*не віддасця того року*’, *сидіти до сіді-коси, сидить дівка до своєї коси, и замуж не піде* [Ном., с. 394]; *бодай-с дівувала до своєї коси* – *прокляте дівчині, щоб не*

вийшла заміж [Фр., т. 2, с. 577], які обтяжені відтінком зневажливості. У народній фразеології вживається ФО *на нії посивіти* зі значенням 'состарити ся вь дѣвкахъ' [Ум., с. 985]; *посивіти на нії* – 'состарѣть ся вь дѣвушкахъ' та супровідним ілюстративним контекстом 'а що мены з того, що ви всі три *посивіте на нії*' [Гр., т. 3, с. 106]. У лексико-семантичному аналізі цієї ФО простежується асоціація лексеми 'пень' зі словом 'старість'.

Відомі також ФО на позначення матримоніального стану чоловіка, наприклад: *вічний холостяк, старий холостяк; вільний козак* [ФСУМ, с. 129] зі значенням 'немолодий неодружений чоловік, з утраченою можливістю до створення сім'ї', які «з накладанням конотації «дивакуватість» марковані поблажливою іронією» [9, с. 126]. Крім того, українська фразеологія надзвичайно багата ФО з семантикою 'відмова у сватанні', історико-етимологічна основа яких доведена ученими, а саме: *макогонь облизавь* [Закр., с. 178]; *гарбуза печеного піднесли; наєвся печеного гарбуза* – 'отказъ вь сватовствѣ' [Закр., с. 152]; *гарбуза дати (ззісти, втяти); взяв (схопив, дістав, потяг, притяг, иззів) гарбуз; піднесли печеного гарбуза; ёму гарбуза дали; коли б вам гарбуз не покотився* [Ном., с. 398]; *гарбуза дати; гарбуза піднести* [Ум., с. 481]. Вражаюча різноманітність ареальних ФО із зазначеною семантикою: *прив'язати чайник; потягти ковша; прикіпити бринзу, прив'язати віника; прив'язати мітлу; причепити деркача* тощо. Засвідчено ще й такі цікаві ФО на позначення 'невдачі хлопців при сватанні до дівчини': *десятую уже он пасеть* із значення 'десяту свата' [Ном., с. 398]; *халявки смалити (присмалювати, пекти)* [Гр., с. 4, с. 385]; *ти й ти там халявки попік*, до якої М. Номис подає ремарку: "В рукописі (К. Зіновіїва) означено, що ся приказка про невдачу, як сватаецця; а мені здаецця, що вона про щось інше: *присмалювать литки, халявки* – 'вчацать до якої дівки чи молодиці'" [Ном., с. 397]. Як відомо з літописних джерел, у давнину існував звичай, за яким парубок ніс нареченій личаки, коли йшов свататися. Прийняття дівчиною цього взуття було ознакою згоди на шлюб. Як зазначає Л. Савицька, «когнітивно-ономасіологічна основа цих ФО очевидно пов'язана з національною міфологічною семіотикою чоловічого як символу влади над жінкою в плані здобуття її прихильності» [9, с. 127]. Таким чином, в обрядодії «сватання» простежується продуктивність мікроетноконцептів: *гарбуз, макогоін, мітла, кабак, бринза, халявки, деркач, ківш, чайник*.

За звичаєм, заміж першими віддавали обов'язково старших дочок, "молодші були "під коритом" доти, доки заміж не виходила найстарша" [4, с. 5]. Іноді траплялося, що першою одружувалася менша сестра, це розцінювалося як зневага до старшої. У збірках та словниках ХІХ – поч. ХХ ст. подаються цікаві варіанти ФО мікроетноконцептом *корито*: *ой, щоб менша під корито*

не підвернула – підверне під корито – під корито сховати з відповідним поясненням *‘як підростає менша и сподіваюця, що краща буде за старшу и скоріш заміж піде’* [Ном., с. 394]; *під корито підвернути старшу* – *‘вийти замужъ раніше старшей сестри’*. Ця ФО супроводжується ілюстративним матеріалом, наприклад, *‘менша, та раніш піде замуж, підверне старшу під корито’* [Гр., т. 3, с. 160]. На жаль, довідок про походження цієї ФО у М. Номиса та Б. Грінченка не зафіксовано. Припускаємо, оскільки корито, як предмет побуту, було великих розмірів, бо призначалося для прання, замішування тіста тощо, то заховати дівчину під цю містку посудину цілком можливо у прямому значенні. На нашу думку, ця ФО потребує більш глибокого лінгвокультурологічного підходу в вивченні її етимології.

Українські громадські звичаї були спрямовані на давню традицію багатьох народів покривати хусткою голову заміжньої дівчини, і відповідно ходити з непокритим волоссям мали право неодружені. Зафіксовані ФО з мікроетноконцептами *голова* (суміжне *волосся*) вказують на семантичне поле *‘дівувати, бути одруженою’*. Наприклад, *світить волосом* – *‘дівує’* [Ном., с. 394]; *світити головою* – *‘быть дѣвушкой’* [Гр., т. 4, с. 108]. Великим соромом вважалося заміжній жінці показувати своє волосся, ходити без хустки чи очіпка: *сивим волосом світити* – *‘для заміжних жінок, особливо для старших показуване прилюдно волося вважаєть ся соромом; вийти заміж для жінки значить рівночасно «покрити косу»’* [Фр., т. 1, с. 254]; *незя волосом світити* – *‘надівай очіпка’* [Ном., с. 497]; *волосом засвітила* (*очіпок злетів*) [Ном., с. 203]; *волосом засвітила* – *‘говорится о замужній женцинѣ, когда у неѣ спадеть очіпок’* [Гр., т. 1, с. 251].

За звичаєвим правом, жінка необхідна була коритися чоловікові, не перечити його рішенням. У громаді негативно сприймалася сім’я, у якій головною була жінка. Звичай бути покірною чоловікові передається через мікроетноконцепти *покура* (*закон*): *дала си дівка міні на покуру* – *‘приняла моє жениханья’* [Фр., т. 2, с. 573]; *мужъ жсонѣ законѣ* [Закр., с. 179]. На сучасному етапі такі ФО є неактуальними й не фіксуються у словниках та мовленні.

Здавна відомо, що каша була важливим елементом багатьох ритуальних обрядів на весіллі, хрестинах, поминках тощо. Наприклад, В. Скуратівський описує обряд випровадження школярів на навчання. У зв’язку з цією подією мати спеціально варила цю страву, “запрошувала хрещених батька й мати на вечерю, а вранці, йдучи до школи, батько з першаком обов’язково несли вчителіві горщик із кашею, «щоб наука йшла на ум» [8, с. 60]. Отже, у мовленні і словниках зафіксована ФО *дали му березової каші*, тобто *‘набили різкою’* [Фр., т. 1, с. 522]; *сиди за піччю, та кашу їж* [Ном., с. 176]; *і я дурно каші не їв* із поясненням *‘і я чогось у житю навчив ся; натяк на кашу, що була голов-*

ною *стравою школярів у давніх школах*, *ще багато каші з'їси* – *житимеш іще багато літ* [Фр., т. 2, с. 248]; *дати (перепастися, скуштувати) березової каші* – *побити, відимагати кого-небудь різками* [ФСУМ, с. 367] тощо. Крім того, відомий також звичай «закопування каші», пов'язаний з молоддю. Колись була поширена і ФО *паче каша закопана* зі словом *товпитися*, яка означала *визначене місце, на якому зібрався й довго стоїть натовп людей*, і, походження якої, як підтверджують факти, пов'язане з українським народним обрядом. Дівчата облюбовували зручне місце, де могла би збиратися молодь, пізно вночі розкладали багаття, варили на вогнищі кашу, а потім закопували її в землю, тим самим сподіваючись, що там постійно буде збиратися молодь. Про цей звичай згадується і в народознавстві: «у першу неділю Великого посту збиратися на місці, де відбувалося весняне дозвілля й закопувати кашу з маком в шкаралупі з яйця» [11, с. 136]. Лінгвістичний аналіз ФО, пов'язаних із звичаями, у яких важливим атрибутом була каша, вказує на традиційне використання цього продукту.

Привертає увагу ФО *миркати поні́двіконню*, яка в сучасних словниках не фіксується. Словник Б. Грінченка подає її зі значенням *по під віконню ходити, миркати. Нищенствовать, выпрашивать подь окнами милостыню* [Гр., т. 2, с. 237]. Тлумачний словник слово *миркати* пояснює – *жебракувати* із ремаркою *застаріле* [6, с. 631]. Мікроетноконцепт *миркати*, очевидно, похідне від *мир* “світ, народ” [2, с. 464]. Етимологія ФО ховається, імовірно, у звичаї, який був запроваджений бурсаками Києво-Могилянської академії та поширювався й на інші навчальні заклади України. Із історії вищих шкіл відомо, що бурса академії не вміщувала всіх охочих “нищенствующих” студентів. Їхнє матеріальне становище було скрутним. Водночас адміністрація академії та духовна влада не могли не бачити злиденного існування школярів, тому дозволяли їм миркувати. “Майже щодня молодші школярі в обідню пору ходили попід дворами заможних киян і випрошували шматок хліба співанням духовних пісень і, зокрема, кантів, що починалися словами: “Мир Христов да водворяється в сердцах ваших за молитвами отец наших” [5, с. 304]. Отже, вважаємо, що саме з цими піснеспівами пов'язані походження слів *миркачі* і *миркувати*. Останнє означало *випрошувати подаяння, промишляти*. Існує також думка про походження цього слова від початкових слів школярського привітання “Мир хаті цій”, “Мир вам”, “Мир господарю і господині”.

Зафіксована в мовленні українців ФО з мікроетноконцептом *рять*: *топтати рять* – *жить, вылизь на рять – говорятъ обь отчаянно больномъ: онь выздоравливаетъ*; *іому вже не топтати рять* – *онь умреть* [Б.-Н., с. 319]; *топчу, топчу рьст: дай Боже, потоптати и того року*

діждати – примовляють, топчучи ряст весною; щоб на той годі діждати сону топтати (се б то, и з сном так, як з рясом) [Ном., с. 189]; *не буде раст топтати* – ‘раст – українська форма ряст, мурава’; *ряст топтати* – ‘ходить по землі; мова про чоловіка, якому близько до смерті’ [Фр., т. 3, с. 7]; *топтати рясць* – ‘жити’, *не топтати рясць* – ‘умереть’ [Гр., т. 4, с. 94]. Цей нині забутий звичай був поширений серед українців аж до 20-х рр. ХХ ст. і користувався великою популярністю. Він полягав у тому, що напровесні, коли береги річок та луки рясніли першими весняними квітами: рясом, пролісками, первоцвітом, сон-травою, люди, насамперед хворі й літні, відшукували зелені кущики і босоніж топтали їх. Дотримувалися цієї традиції діти і молодь, які збиралися гуртом і йшли в поле шукати ряст. Віднайшовши кущики, ставали купками, пританцьовували й при цьому приказували: «Топчу, топчу ряст, ряст, Дай, Боже, діждати, І на той рік топтати!» [8, с. 86-88]. Про цей обряд згадує відомий фразеолог В. Ужченко, який зазначає: «Перебути голодну зиму означало ще один рік прожити – а це треба відмітити і магичною формулою – заклинанням, і символічною дією. В українців вона пов’язувалася з рясом. Поступово викристалізувався фразеологічний зворот – топтати рясць» [10, с. 17].

Серед молоді популярними були деякі обряди, які проводилися під час певних релігійних свят. Одним із таких – *посадження на коня* – ‘посвячення в рівноправні члени парубоцької громади’. Обряд відбувався на свято Семена Стовпника (14 вересня), за яким хлопця приймають до парубоцької громади, несучи на руках та співаючи величальну пісню. Цікавою була традиція, яка відзначалася на післявеликодному тижні. Звичай молоді в Поливальний понеділок збиратися на луках і вибирати нових отаманів і їхніх помічників мав назву – *замочити свята* [8, с. 109, с. 209].

Отже, у розглянутих нами ФО відображаються ілюстрації громадських традицій, обрядів і звичаїв української молоді, ілюструються ті життєві дії, переконання, які, на нашу думку, були покладені в основу цих ФО. Аналіз низки ФО з формотворчою базою, яка виникла на основі звичаю молоді, засвідчує, що базовими мікроетноконцептами виступають такі компоненти: *дівчина, дочка, голова, волосся, коса, стрічка, холостяк, пень, каша, рясць, кінь, миркати* тощо.

Таким чином, традиції, обряди, звичаї української молоді відіграли надзвичайно важливу роль у розвитку народності, оскільки це не просто форми дозвілля, узвичаєні правила чи життєві норми, а певні коди, за допомогою яких у людини формується певне світобачення, яке через культуру народу відбивається в мові та мовленні, зокрема, в українських ФО.

Список літератури

1. Івашенко В. Компоненти змістової структури концепту як одиниці етнокультури // Українська мова. – № 4. – 2004. – С. 18-28.
2. Етимологічний словник української мови: У 7 т. / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; Редкол. О.С. Мельничук (гол. ред.) та ін. – К.: Наук. думка, 1989. – Т. 3.
3. Етнографія України: Навчальний посібник / За ред. С.А. Макарчука – Львів: Світ, 1994.
4. Мельничук Я. На весільний рушничок, на святковий обрус. – Львів: Край, 1997. – 138 с.
5. Микигась В. Бурси та бурсаки // Науково-популярний та літературний альманах Міжнародного історичного клубу / Упор. А. Динисенко, В. Туркевич. – Вид. за сприянням Міжнародного фонду "Відродження", 1998.
6. Новий тлумачний словник української мови: У 4 т. // Уклад. Яременко В., Сліпущко О. – К.: Аконіт, 1999. – Т. 3.
7. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.
8. Скуратівський В.Т. Дідух: Свята українського народу. – К.: Освіта, 1995. – 272 с.
9. Ставицька Л.О. «Чоловік (мужчина)» у концептосфері української фразеології // Мовознавство. – 2006. – № 2-3. – С. 118-129.
10. Ужченко В.Д. Народження і життя фразеологізму. – К.: Радянська школа, 1988. – 279 с.
11. Українське народознавство: Навч. посіб. / За ред. С.П. Павлюка; Передмова М.Г. Жулинського. – 3-тє вид., випр. – К.: Знання, 2006. – 568 с.

Джерела

- Б.-Н.** – Білецький-Носенко П.П. Словарь малороссийскаго, или юго-восточнорусскаго языка / Підготував В.В. Німчук. – К.: Наукова думка, 1966.
- Гр.** – Грінченко Б. Словарь української мови: У 4-х т. / Зібрала ред. журн. "Кієвская старина", упоряд. з дод. власного матеріалу Б.Д. Грінченко. – К., 1907 – 1909.
- Закр.** – Закревський М.В. Малоросійскія пословицы, поговорки и загадки и Галицкія приповедки // Старосвітській бандуриста. – М., 1860. – Кн. II. – С. 139 – 230.
- Ном.** – Номис М. Українські приказки, прислів'я та таке інше. – СПб, 1864. – 304 с.
- СФУМ** – Словник фразеологізмів української мови / Уклад.: В.М. Білоноженко та ін. – К.: Наукова думка, 2003. – 1104 с.
- Ум.** – М. Уманець і А. Спілка. Словарь російсько-український. – Державне видавництво України, 1925. – Передрукування (Берлін). – 1149 с.
- Фр.** – Галицько-руські народні приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. – Т. 1-3. – Львів: Наук. т-во ім. Шевченка, 1901-1910.
- ФСУМ** – Фразеологічний словник української мови: У 2 кн. – К.: Наукова думка, 1993. – Кн. 1-2.
- Шейк.** – Шейковський К. Опыт южнорусскаго словаря: Въ четырехъ томахъ. – Томъ первый: А-З. – Выпускъ первый: А-Б. – Киевъ: Въ типографіи И. и А. Давиденко, 1861. – 224 с.

Савченко Л.В. Мікроетноконцепти общественных обычаев молодежи и их отображения в украинских фразеологизмах.

В статье анализируются микроетноконцепты, характеризующие общественные обычаи молодежи и являющиеся основным компонентом для образования ФЕ украинского языка исследуемых групп. Материалом для исследования служат ФЕ, данные в фольклорных сборниках и лексикографических трудах XIX – XX вв.

Ключевые слова: фразеологическая единица, концепт, общественный обычай, традиция.

Savchenko L. V. Microethnoconcepts of public customs of young people and their reflection in Ukrainian phraseologisms.

In this article, microethnoconcepts that characterize the public traditions of young people are studied. They are basic components for creation of Ukrainian phraseological units of the probed groups and are found in folklore collections and lexicographic monographs of XIX – XX centuries.

Key words: phraseological unit, concept, public tradition, ceremony.

Статья поступила в редакцию 05 марта 2007 г.

УДК 001.482.0

ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧА ТЕРМІНОЛОГІЯ ЕПОХИ БАРОКО В ДАВНЬОУКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Шаталіна О.Ф.

В статті подається тлумачення літературознавчих термінів у творах, які були написані в епоху українського Бароко. У статті наводяться приклади таких термінів, пояснюється й розглядається їх функціонування в сучасній мові.

Ключові слова: термінологія, стиль «бароко», пьсні, пьснотворець, повестьі.

У статті поставлено проблему проаналізувати літературознавчу термінологію у творах найбільш яскравих поетів XVI-XVII ст.: І. Величковського та Г.С. Сковороди. Ця проблема пов'язана з необхідністю продовжити роботу по впорядкуванню, систематизації та удосконаленню української літературознавчої термінології, в цьому полягає її наукове та практичне значення. При написанні статті аналізуються основні дослідження з даної проблеми, це такі як: збірник Українська література XVII століття [8], книга Маслюка В. Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку літератури на Україні [6], а також збірка Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI-XVIII ст. [5].

Мета статті полягає в тому, щоб надати лексико-семантичну характеристику літературознавчої термінології, що буде вилучена із художніх творів вищезазначених авторів.

Література XVI ст., як наша культурна історія ще явно недооцінюється. До набутоків XVI ст. зараховують лише полемічну літературу та Острозьку Біблію, що радикально змінили зміст письменницької праці, надавши їй цілеспрямованого і систематичного характеру, розкрили можливості старослов'янської мови для культурного будівництва, перші віршовані спроби книжною мовою Андрія Римши, Герасима Смотрицького та ще ряду анонімних авторів. Окремим історикам літератури здавалося, що XVI ст. завинило перед сучасністю, бо, мовляв, не спромоглося на вироблення тих ідейних і культурних напрямів, у яких би започаткувався наш сучасний ідеал, а з другого боку, XVI ст., мовляв, у культурному відношенні заперечувало досвід попередніх віків, зокрема візантійсько-староруську культурну традицію, захищати і відроджувати яку стало історичним завданням наступного XVI ст.

Навіть такому видатному вченому, як Д. Чижевський, здавалося, що XVI ст. було епохою ретроградною, часом марних зусиль, які порушували вигаданий принцип «тяглості розвитку», що передбачає поступовий перехід від старого до нового, від минулого до майбутнього. Він вважав, що XVI ст. було задивлене тільки у власний розвиток, а тому й не здобулося на увагу літературознавчої науки XIX-XX століть. Так виробився погляд на XVI ст. як на матеріал задля матеріалу, а не як на мистецьку ідейно-художню сутність, смисли, що мають дивовижну здатність «оживати», оновлюватися і давати нові цінності в новому конкретно-історичному часі.

Наші сьгоднішні знання про XV-XVI ст. дають змогу по-новому подивитися на цю епоху і на основи комплексного, системного вивчення всієї сукупності культурних, у тому числі й літературно-художніх пам'яток зробити висновки, що характерні явища, які запанували в XVII ст. і продовжували розвиватися в XVIII, започаткувалися в XVI ст. Тут склався свій стиль життя, виробилася сукупність ідей, кілька суспільно-політичних і культурних орієнтацій, що позначилися на розвиткові наступних культурних епох, провідних художньо-естетичних концепцій та громадської думки. XV-XVI Століття також були співтворцем нашої культурної історії. У дослідженні українського літературного бароко Дмитро Чижевський досяг неабияких успіхів. Вершиною давнього українського письменства є для Чижевського бароко, тобто література XVII-XVIII ст., що починається від Івана Вишенського, Мелетія Смотрицького та Кирила Трансквіліона-Ставровецького, а закінчується Григорієм Сковородою.

Сковорода писав свої твори складною мовою, що має характер суміші традиційної церковнослов'янської, старокнижної української, російської мови того часу та живої розмовної української мови. І.Я. Франко писав: «Григорій Сковорода поява вельми помітна в історії розвою українського народу. Мова віршів, байок і притч Сковороди стоїть ближче до живих джерел української мови...».

Теоритичні погляди Сковороди на байку відображають основні положення поезики. Він пише, що байка – мудра літературна забава, але всяка «мудра іграшка утаивает свою силу», а сила ця в тому, що твори подібного жанру «снаружи ложь, но внутрь истина». Сковорода пише, що у байці можна більше, як у інших жанрах, «изобразить, приточить, уподобить» і що вигаданими образами в таких випадках автор «как полотном» прикриває істину, і в цьому немає нічого зумисного, бо «мудрі и в играшках умны и во лжи истинны». «Лжа» тут розуміється як художній вимисел, який важливий не сам по собі, а тими висновками, до яких провадить людський розум.

У передмові до збірки «Басни Харьковскія» (1774) Сковорода відкрив свій вступ словами «Любезный пріятель!». Лист, яким супроводить поет «Басни Харьковскія», можна назвати невеличким трактатом про байку як жанр ху-

дожньої літератури. В цьому збірнику зафіксовано такі літературознавчі терміни, як «басня», «притча», «термін», «слово», «баснословіє», «образ» (в значенні художній), «пословица», «стіхи», «сказка», «пісенька», «фабулка», «глава», «біблія», «рифм» (рифма), «евангеліє», «описатель». Змістовність окремих термінів пояснює сам автор. Ось що він говорить про байку: «Басня тогда бывает скверная и бабья, когда в подлой и смешной своей шелухе не заключает зерно истины.» А так поет розуміє «термін»: «Термин есть то тльннии ворота, ведущии к нетльнния источнику.» У відомій байці, що вивчається в школі «Сад божественных пьсней» – знаходимо такі літературознавчі терміни «псьня», «псьнь», «писанія», «слово», «словеса», «печать», «образ», «книги», «книжник», «стих».

Відшукування у творі в першу чергу моральних основ було для Сковороди чи не найважливішим, і завдяки цьому він став одним із ранніх представників етичного методу на Україні, елементи якого були ще в Горация.

Іван Величковський – один із найяскравіших представників українського бароко. Всі відомі нам твори Величковського виконані за законами того своєрідного літературного стилю, який оформився в Європі, зокрема в Польщі, в XVI-XVII ст. Стиль цей в сучасній науці іменується то «схоластичним» стилем, то стилем «бароко». Характерною ознакою його є надзвичайно гіпертрофована увага до словесно-декоративного орнаменту: в художньому творі на перше місце висувається форма – вишукані, штучні метафори, несподівані порівняння, ефектні антитези. Запозичені з Ренесансу образи античної міфології та історії посідають видатне місце в реквізиті барокових форм.

Засоби прикрашення мови, орнамент розбухають в добу бароко надмірно, а змістові надається другорядного значення. Мета мистецтва за часів бароко – вразити читача, зацікавити його несподіваними стилістичними ефектами. В самому тексті творі з'ясовуються характерні ознаки різних «поетицьких штукоч». Види «штучок» такі: ехо, різні типи так званих раків («рак льтарный», «рак словный», «рак прекословный»), вірш «чвогранистый», «единопадежный», вірш «азбучный», чотири типи «акростихіса», «жартовий вьрш», «программа анаграмма», «епиграмма», вірш «многопремьнителный», чотири типи «слябиринта» вірш у вигяді «трикутника», вірш «преськаємий».

Подаючи різні форми «раків», «паліндронінів», Величковський пояснює, що таке рак «льтеральный». Це – «вьрш, которого льтеры, и вспак читаючися, той же текст выражают».

Наводиться приклад:

Анна дар и мть сын мира данна,

Анна ми мати и та ми манні,

Анна тита мя я мати панна

Кожний рядок має ту особливість, що його можна читати звичайно (зліва направо) і навпаки (справа наліво). В обоих випадках буде прочитано тіж самі фрази.

За поясненнями самого Величковського «рак прекословный» – це «върш которого слова, вспак читаючися, противный текст выражаютъ». Поет сам наводить декілька прикладів таких віршів.

Слова богородиці:

Со мною жизнь, не страх смерти,

Мною жить не умерти, –

Коли їх прочитати «вспак», від правої руки до лівої, стають словами винуватниці гріхопадіння, праматері Єви:

Умерти, не жить мною,

Смерти страх, не жизнь со мною.

«Єдинопадежный» вірш визначається у Величковського як «върш, на єдину каденцю кончаючийся, в котром весь стишки в єдно сее имя Анна впадаютъ»:

Порока страна,

Сладкая манна,

Чистая панна,

Яко нам данна, Богу осанна

За визначенням Величковського: «Азбучный – ест върш, который каждое слово от азбучных льтер порядком азбучних зачинает». Поет пояснює: «Не положены в нем ъ, ы, ь, бо то льтеры конечные, а не початковые», наводить зразок азбучного вірша:

Аз Благ Всъх Глубина,

Дѣвственная Єдина,

Живот Зацах Званным

Исуса Избранным...

Отже, слова в азбучному вірші розмішені так, «що перше починається літерою аз, друге – літерою «буки», далі йдуть «веди», «глаголь», «добро», «есть» і так далі.

Вірш «жартовный» – це «върш, котрий гды читається, як върш идет – жарты, тылко строит. Леч гды в нем каждое словко першой строки з словами другою, противко стоячими, злучати будеш, – зараз інший сенс, правдивый, укажет:

Остав молитву, дѣвство растли, злых чти, друже.

Льность любви, сохраняя злость, лай добрых дуже.»

Читаючи ж по вертикалях, матимемо:

Остав льность, молитву любви, дѣвство сохраняя,

Растли злость, злых лай, чти добрых, дуже, дуже.

«многопремьнительный ест върш котрорый килка десят разый прьменяется может...» І. Величковський додає, що римляни звали цю форму вірша

«протеусом», тобто привласнювали йому ймення морського бога Протея, який постійно змінював свій зовнішній вигляд. Зразок такого вірша:

*Яко ниву рясно плоды украшают,
Тако дьву красно роды ублажают,
Ниву рясно плоды украшают яко,
Дьву красно роды ублажают тако.
Рясно плоды украшают яко ниву,
Красно роды ублажают тако дьву.*

У І. Величковського, як ні в кого з інших поетів цього періоду, літературознавча термінологія представлена досить помітно. Загалом у його віршах нами зафіксовано 54 літературознавчих терміни. Серед них є такі, які мають велику частотність вживання. Це терміни «слово», «книга», «поет», «автор», «върш», «текст», «читати», «читання», «читатель» та інші. Часто вживається термін «глава», що називає розділ книги. Від деяких часто вживаних термінів автор за допомогою суфіксів утворює похідні «вършик», «стишки», «чительник», «книжица», «книжечка», які в його творах за частотою вживання не поступаються словам, від яких утворені. Багато віршованих творів мають у Величковського назву «псьнь», і за обсягом вони, як правило, невеликі. Від терміна «псьнь» утворене Величковським слово «псьнословити», що виступає у значенні «декламувати вірш». І. Величковським від терміна «слово» утворено прикметники «словный» та «словесный», від терміна «льтера» – прикметник «льтеральный», від терміна «оратор» – «ораторських».

За смисловим навантаженням літературознавчі терміни, зафіксовані у творах І. Величковського, можна розподілити на декілька груп. Перша група – це літературознавчі терміни, що вживаються на позначення самих видів літературних творів: «псьнь», «повесть», «молитва», «псалом», «стих», «проповідь». Друга велика група – назви різноманітних віршів. У І. Величковського їх зафіксовано понад 20. Ось ці назви: «эхо», «рак льтаральный», «рак словный», «рак прекословный», «върш чворогранистый», «върш згожаючийся», «порядный непорядок», «единогласный върш», «единопадежный върш», «азбучный върш», «акростихіс», «акростихис», «жартовный върш», «епиграмма», «многопремьнительный върш», «лябиринт», «столп», «преськаемый върш», «поліндром» (це вірш, що починається зліва направо і навпаки), «программа».

Взагалі з терміном «программа» Величковський поводиться досить вільно. Такий же різновид вірша автор називає і «апаграмма» та «епиграмма» і від них утворює такі терміни, як «программата» та «епиграммата». Також один і той же різновид вірша поет іноді називає варіантними

термінами «лябиринт», «лабиринт», «лавирино». Віршована рима І. Величковського має назву «каденця». Епітафія у Величковського має назву «епітафіон». Вживає поет і такий літературознавчий термін як «предмова», який дійшов до нашого часу майже не змінившись. Термінові «рідна мова» у Величковського відповідає термін «природный язык».

Вывод. Поезія бароко сприяла розвитку літературної мови, підсилювала техніку віршоскладання, збагачувала словник літературознавчої термінології. Величковський, віртуозно володіючи словом і віршем, полюбив експериментувати, шукати і розробляти нові і незвичайні літературні форми. Значна частина літературознавчих термінів, які використовував І. Величковський, вживаються й у наш час і зафіксовані у найновішому «літературознавому словнику-довіднику» (К. 1997, 749 с.) Такі терміни: «предмова» – передмова, «чителник» – читач, «акростихіс», «акростихис» – акростих, акровірш, «анаграма» – анаграма, «епіграма» – епіграма широко вживаються в літературознавстві і зазнали тільки незначних фонетичних змін.

Список літератури

1. Величковський І. Твори. – К., 1972. – 191 с.
2. Єфремов С. Історія українського письменства. – К., 1995. – 686 с.
3. Літературознавчий словник-довідник. – К., 1997. – 749 с.
4. Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI-XVIII ст. – К., 1981. – 264 с.
5. Маслюк В. Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку літератури на Україні. – К., 1983. – 214 с.
6. Наєнко М. Українське літературознавство. – К., 1997. – 315 с.
7. Українська література XVII століття. – К., 1987. – 604 с.
8. Сковорода Г.С. Передмова до «Басні Харьковскія». – Т.1. – К., 1961. – 168 с.

Шаталіна Е.Ф. Літературоведческая термінологія епохи Барокко в древнеукраїнському мові

В статті дається тлумачення літературоведчих термінів в произведениях, которые были написаны в епоху українського Барокко. В статті приводяться приклади таких термінів, об'яснюються і розглядається як вони функціонують в сучасному українському мові.

Ключевые слова: термінологія, стиль «барокко», поезія, пісня, повість.

Shatalina E.F. Study of literature terminology of epoch of Baroque in an ancient Ukrainian language

In the clause the problem of a literary terminology in products of the brightest representatives of epoch of Ukrainian Baroque – Ivan Velichkovsky and G.S.Skovoroda is considered.

Key words: stories, songs, literature terminology, style "barokko".

Стаття постуила в редакцію 05 марта 2007 г.

Раздел 5 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

УДК 930.9 (Р 477.22):371.97

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАВРИЧЕСКОГО И ОДЕССКОГО КАРАИМСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Прохоров Д.А.

В статье рассматривается история деятельности органа конфессионального самоуправления восточноевропейских караимов – Таврического и Одесского караимского духовного правления – в контексте поликонфессионального и многонационального социума Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: караимы, конфессиональное самоуправление, духовенство, культура добрососедства, народное образование.

В последнее десятилетие в исторической науке заметен интерес исследователей к проблемам, связанным с историей малых народов и этносов, населяющих территорию современной Украины. Одной из таких общностей являются крымские караимы, прошлое которых до сих пор изучено недостаточно. Реконструкция истории караимов, их культуры, религиозных обычаев и традиций является наиболее актуальной задачей на современном этапе. Следует сказать, что в контексте изучения истории восточноевропейских караимов важной вехой в их культурно-образовательном развитии во второй половине XIX – начале XX вв. стала деятельность органов караимского конфессионального самоуправления.

Необходимо заметить, что данный вопрос в отечественной историографии практически не изучался. Лишь в последние годы число публикаций, в которых анализируются отдельные аспекты истории караимов, заметно возросло. В этой связи необходимо указать на работы В.Ю. Ганкевича. В них, на основе широкого круга архивных документов и малоизвестных источников, автор реконструирует события, связанные с реформой народного образования тюркоязычных народов Крыма во второй половине XIX в. [1; 2]. Статьи Д.З. Фельдмана [3] и О.Б. Белого [4; 5; 6] посвящены малоизученным стра-

ницам истории развития крымской караимской общины в середине XIX в., биографиям видных караимских религиозных и общественных деятелей. В публикациях Л.И. Редькиной [7; 8], А. Кефели [9] и Н.В. Павленковой [10; 11] авторы рассматривают степень участия караимского духовенства в решении образовательных проблем единоверцев. В обобщающем труде Л.В. Чижовой «Караимы», опубликованном в сборнике «Тюркские народы Крыма» [12], рассмотрен ряд аспектов, относящихся к такому дискуссионному вопросу, как этногенез караимов; кроме того, затронуты проблемы их религиозной, культурной и общественной жизни. В частности, в этой работе приводятся сведения, касающиеся истории создания органов караимского конфессионального самоуправления.

Публикации Н.В. Яблоновской посвящены развитию караимской прессы начала XX в. [13; 14]. В частности, автор анализирует историю первого периодического печатного органа, издававшегося караимским духовным правлением – «Известиям Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления» [13]. Статьи Н.А. Давыдовой, Н.М. Терещук, Е.В. Катунининой и Ю.А. Катунина освещают взаимоотношения советского административно-бюрократического аппарата со служителями культа этнических и конфессиональных групп Крыма – в том числе, и с караимским духовенством [15; 16; 17]. Помимо этого, в многочисленных изданиях, включающих в себя очерки представителей современного караимского краеведческого движения, также были сделаны попытки проследить историю формирования и деятельности Таврического и Одесского караимского духовного правления [18; 19].

Тем не менее, следует отметить, что в большинстве указанных трудов деятельность органов караимского конфессионального самоуправления не была проанализирована должным образом; нет в этих работах информации и о составе караимского духовенства. Отсутствуют в литературе сведения об истории контактов караимских общин Крыма с представителями других этносов и носителями иных культур, проживавших на полуострове. Обойден вниманием исследователей такой немаловажный вопрос, как участие караимского духовенства в развитии народного образования в Таврической губернии. Кроме того, в ряде статей встречаются фактические неточности.

Целью данной публикации является анализ мероприятий Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП), направленных на сохранение караимами этнического и конфессионального самосознания в условиях происходившей во второй половине XIX – начале XX вв. аккультурации российских «инородцев». Прежде всего, речь идет о роли ТОКДП в развитии российской государственной системы караимского народного образования, а также о взаимоотношениях караимов с представителями других

этнических и конфессиональных групп населения полуострова. При работе над статьей были использованы материалы, хранящиеся в Государственном архиве при Совете Министров АР Крым, а также опубликованные сборники документов по народному образованию в Таврической губернии.

Следует сказать, что органы конфессионального самоуправления караимов Российской империи занимали центральное место в общественной и культурной жизни караимов в XIX – начале XX вв. В марте 1837 г. правительство утвердило «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления, которому предоставляются самоуправление в караимских общинах» [20:126]. Крымское и Одесское караимское общество Таврического губернатора было создано в Евпатории по указу императора Николая I от 3 марта 1843 г. Позднее оно было переименовано в Таврическое и Одесское караимское духовное правление. Еще ранее, в 1835 г., караимы добились изменения официального названия общины: вместо «евреи-караимы» они стали именоваться «русские караимы ветхозаветного вероисповедания», а позднее – просто «караимы». В ноябре 1850 г. караимы западных губерний Российской империи были причислены к ведомству ТОКДП, а 2 мая 1863 г. Караимское духовное правление было создано также в Троках. С 1863 г. караимы, населявшие империю, были полностью уравнены в правах с русскими. К округу ТОКДП принадлежали караимы Таврической губернии, юга России и центральных губерний, а также Сибири, Урала и Средней Азии, а к округу духовного правления в Троках – караимское население северо-западных губерний и Царства Польского.

Согласно положения «О духовных делах караимов», во главе караимского духовного правления, как органа коллегиального, был определен *гахам*, избиравшийся представителями караимских общин; членами правления являлись *газзаны*. Последние имели право совещательного голоса, а гахам – решающего. При каждой караимской кенасе должно было состоять два газзана (старший и младший) и *шамаш*, избиравшиеся караимскими обществами. По согласованию с гахамом и по его представлению они утверждались в должностях губернатором. Одной из обязанностей гахама была забота «об учреждении училищ при синагогах», наблюдение за ходом учебного процесса в них, а также за «нравственностью учителей и учеников» [21:30]. Первым Таврическим и Одесским караимским гахамом стал Симха бен-Соломон «Хаджи-Ага» Бабович (занимал этот пост с 1839 по 1855 гг.). Именно он стал инициатором целого ряда мероприятий, направленных на уравнивание караимов в правах с «коренными жителями Российской империи» [4:107]. Следует заметить, что борьба за свои гражданские права стала одним из ключевых векторов деятельности высшего караимского духовенства в первой половине XIX в.

В начале 1870-х гг. российским правительством была проведена образовательная реформа, направленная на централизацию системы народного образования в т.н. «национальных» регионах империи. Ее результатом должно было стать планомерное вовлечение национальных меньшинств в российское языковое и культурное пространство, а средством к достижению этой цели – учебные заведения нового типа. Социальные преобразования в масштабах страны вызвали живой интерес и у представителей караимской интеллектуальной элиты, которые с воодушевлением восприняли нововведения правительства в общеобразовательной сфере.

Одним из результатов правительственной реформы стало создание, в соответствии с «Правилами о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», утвержденными 26 марта 1870 г., русско-караимских министерских училищ (РКМУ). Основной задачей этих учреждений являлось распространение русского языка и образованности среди караимского населения. Официально РКМУ находились в ведении дирекции народных училищ Таврической губернии; кроме того, их деятельность была подконтрольна и ТОКДП. В этих учебных заведениях осуществлялось преподавание русского языка и арифметики; кроме того, в училищах изучали древнееврейский язык и «караимское вероучение».

Создание РКМУ послужило мощным рычагом к вовлечению караимской молодежи в интеграционные процессы. Обучаясь в указанных учреждениях, караимы через европеизированную учебную программу приобщались к русской культуре; кроме того, перед ними открывались перспективы получения дальнейшего образования. Как отмечал Таврический и Одесский караимский гахам С.М. Панпулов, «караимы быстро вошли в колею общей русско-европейской жизни. В них проснулось неудержимое стремление к европейской науке <...> их дети, оставляя национальные школы («мидраши» – *Д. П.*), поступают в правительственные гимназии, прогимназии и реальные училища, откуда они идут далее в университеты и другие высшие специальные заведения» [22:2]. Распространение идей российского просвещения среди караимского населения Таврической губернии вскоре привело к тому, что, по распоряжению С.М. Панпулова, с начала 1896/1897 учебного года во всех караимских учебных заведениях преподавание должно было осуществляться уже на русском языке [23:15 (об.)].

Несмотря на активное распространение русского языка и образованности среди караимов, их интеграцию в российские общественные институты, тем не менее, ТОКДП предпринимало шаги и по сохранению этнического и конфессионального самосознания у представителей подрастающего поколения. Опасаясь того, что караимская молодежь остается «без всякого религиозного образования – не имея возможности изучать основания своей религии в по-

сещаемом ими учебном заведении» [22:2], С.М. Панпуловым был разработан проект о внесении изменений в учебные программы средних образовательных учреждений Таврической губернии. В документе, в частности, речь шла о включении в программы гимназий, прогимназий и реальных училищ такой дисциплины, как древнееврейский язык – для изучения его учащимися-караимами. Проект был утвержден МНП 13 ноября 1881 г.: караимам, обучавшимся в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах разрешалось посещать уроки древнееврейского языка «в свободное от обязательных уроков время» [21:13]. Тем не менее, следует заметить, что реализация данного проекта ожидаемых результатов не принесла – изучение учащимися «караимского вероучения» и древнееврейского языка в гимназиях и прогимназиях было осложнено отсутствием квалифицированных педагогических кадров, низким статусом этих дисциплин в учебной программе и т.п.

И все же необходимо отметить, что образовательная реформа послужила толчком к развитию всей системы караимского народного образования: в начале 1900-х гг. в Таврической губернии существовал ряд учебных заведений различного уровня для караимов. Среди них были: РКМУ, караимские общественные и частные школы, школы со «смешанным» составом учащихся, профессиональные училища, русские «смешанные» классы и «субботние вечерние» классы для взрослых при караимских общественных училищах. Всего в Таврической губернии в начале XX в. насчитывалось 20 караимских школ и училищ различного профиля с дислокацией в 6 крымских городах; существенно вырос уровень грамотности караимов. Распространение светских знаний среди тюркоязычного населения Крыма открывало перспективы для получения караимами дальнейшего образования в средних и высших учебных заведениях России.

Многочисленные вопросы, связанные с доктринальной политикой караимского духовенства, положением дел в сфере народного образования, ситуацией в караимских общинах и пр., обсуждались делегатами I и II общенациональных караимских съездов, проходивших в Евпатории, соответственно, в 1910 и 1917 гг. Так, на I общенациональном караимском съезде, который состоялся с 1 по 9 ноября 1910 г., и на II Национальном съезде караимов (27 августа – 3 сентября 1917 г.) было принято несколько важных постановлений. Прежде всего, они касались усовершенствования «религиозно-нравственного воспитания караимского юношества», реорганизации учебного процесса в начальных караимских учебных заведениях, преобразовании Александровского караимского духовного училища в Евпатории, оказания материальной помощи караимским школам и училищам [24:83].

Также предметом дискуссии на этих съездах стал вопрос об отношении караимского духовенства к т.н. «смешанным бракам» (т.е., бракам носителей

караимской религии с представителями иных конфессий и национальностей); к смене одной конфессии на другую. Стремление к укреплению связей внутри всей караимской общины требовало соблюдения чистоты вероисповедания. Согласно караимским религиозным установлениям, лица, вступающие в брак, должны были исповедать одну религию – караимскую. Брак с приверженцем другой конфессии по караимским законам считался недействительным; дети от такого брака не могли стать полноправными членами караимского общества. Случаи официального признания со стороны ТОКДП подобных бракосочетаний были чрезвычайно редки. Например, в 1887 г. ТОКДП, в виде исключения, дало разрешение на брак караимской девушки Эстер Мерос-Еды с крымским татаринном, кадием Али-Эфенди, однако с разъясняющим постановлением – впредь такие браки не разрешать [18:49].

Революции 1905 и 1917 гг. внесли существенные коррективы в социально-политическую ситуацию в стране. В Крыму заметно оживляется общественная и политическая жизнь. Среди караимов заметен рост национального самосознания: от представителей караимской интеллигенции раздаются призывы к возрождению национальной культуры, сохранению исторической памяти. Большое значение придается модернизации системы караимского народного образования. Среди основных вопросов, стоявшим перед ТОКДП и лидерами караимского общественного движения, по словам известного просветителя Д.М. Кокизова, были: всестороннее статистическое обследование караимов; замена обиходного «татарского наречия» (т.е., караимского языка) русским языком; воссоединение западных и восточных караимов России и «духовное объединение караимов всего мира»; издание истории караимов [25:25]. Следует также сказать, что была даже предпринята попытка организации караимской партии национального самоопределения. «Культурно-исторический идеализм, организация общественности и национальное воспитание», – именно это, по мнению караимских интеллектуалов, должно было стать основной целью самоопределения [26:28]. ТОКДП, как учреждению, «призванному объединять и духовно питать» всех караимов, в этом вопросе отводилась одна из ведущих ролей [27:2].

Появились новые караимские периодические печатные издания. Первым таким изданием стал журнал «Караимская жизнь», который издавался с 1910 по 1912 гг. в Москве. А в первом номере официального периодического печатного органа ТОКДП – «Известий ТОКДП» – караимский газзан А.И. Катык в редакционной статье обратился к единоверцам: «Братья! Нам нужно доказать, что мы, караимы, несмотря на свою малочисленность, имеем право на самоопределение; что у нас есть собственная религия, история, литература, искусство; что мы тоже внесли и можем внести в сокровищницу общерусской культуры нечто свое, самобытное» [28:2]. В статье «Цивилизация и

национальность» ее автор, известный караимский общественный деятель С.С. Ельяшевич отмечал: «То обстоятельство, что мы прожили исторически <...> наравне с величайшими, могущественнейшими нациями, прожили не без высокого идейно-культурного смысла, свидетельствует, что мы еще не можем быть обречены на вымирание, как изжившаяся нация» [29:15].

Бурно изменяющаяся политическая и социальная обстановка в стране заставляла ТОКДП пересматривать многие устаревшие доктринальные положения. Изменилось отношение и к смешанным бракам – на II Национальном караимском съезде в 1917 г. была даже принята резолюция, специально оговаривавшая подобные случаи: «<...> съезд высказывается за принятие в лоно караимства лиц, вступивших в таковой брак, каждый раз по приговору общины, имеющей кенасу, с санкции Духовного правления» [30:9].

Менялось отношение караимского духовенства к прозелитам. Согласно данным статистики, в 1918 г. решение о переходе из караимской конфессии в другое вероисповедание приняло 10 человек (1 принял старообрядчество; 1 – лютеранство; 1 – армяно-григорианство; 3 – иудейство; 1 – мусульманство; и 2 перешли во «вневероисповедное состояние») [31:4]. Четверо караимов, ранее перешедшие в христианство, по решению ТОКДП, были приняты обратно в караимскую веру [31:4]. Подобные изменения конфессионального статуса рядовых членов общины могут свидетельствовать и об углублении процессов ее расслоения. Несмотря на призывы караимского духовенства и интеллигенции¹ о сплочении, о возрождении прошлого караимов, религиозных и национальных обычаев, тем не менее, их этническое и конфессиональное самосознание постепенно нивелировалось (особенно это было заметно в отношении молодежи). На этом фоне началась тюркизация традиций крымских караимов, инициированная Таврическим и Одесским караимским гахамом С.М. Шапшалом [32:12–14]: «процесс утраты еврейско-караимских традиций и самоидентификации <...> начался среди караимских интеллектуалов и идеологической элиты в начале двадцатого века» [33:247–248]. В этот период поднимается вопрос о замене таких традиционных для караимских культовых сооружений названий, как «синагога», на тюркское «кенса»; в 1920-х гг. слово «гахам» было заменено на «хахам» [34; 35]. Реакция традиционно настроенных караимских кругов была неоднозначной – часть из них продолжала отстаивать теорию о еврейском происхождении караимов; дру-

¹ Для тех беспокойных лет симптоматично выглядит следующее высказывание, принадлежащее С.С.Ельяшевичу, одному из вдохновителей создания караимской партии национального самоопределения: «<...> какими инертными, типично-русскими, нивелированными, полубезличными интеллигентами оказываются те из нас, которые не были приобщены к духу национальной культуры, к родным ценностям нашего идеализма!» При этом сам автор замечал, что после свершения Февральской революции 1917 г. для караимов начался новый этап – т.н. «русская эпоха возрождения» [36:15].

гие попытались сочетать семитическую версию с хазарской² [38:41–43]. Нужно также заметить, что процесс деиудизации караимской общины приобрел в послеволюционные годы еще более четкие очертания.

Таким образом, в результате проведенного анализа, можно сделать ряд **выводов** о деятельности органов караимского конфессионального самоуправления в условиях поликонфессионального и многонационального социума Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв. Безусловно, Таврическое и Одесское караимское духовное правление внесло существенный вклад в развитие караимской общины, вовлеченной в интеграционные процессы. Участие в формировании и развитии российской государственной системы караимского народного образования, борьба за гражданские права караимов на уровне российского законодательства, забота о духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, религиозная, общественная и благотворительная деятельность – все это стало приоритетными задачами ТОКДП. Однако, следует заметить, что духовное правление, как учреждение консервативное и во многом ортодоксально настроенное, не всегда оперативно и адекватно реагировало на изменяющуюся обстановку в обществе. Прежде всего, это касается таких острополюемических вопросов, как: проблема смешанных браков среди караимского населения; отношение ТОКДП к неопитам, пересмотр некоторых других доктринальных положений и т.д. Свой отпечаток на деятельность духовного правления наложили и события 1905 и 1917 гг., а также начавшаяся вскоре Гражданская война. С приходом к власти в Крыму большевиков в начале 1920-х гг. Таврическое и Одесское караимское духовное правление было упразднено.

Список литературы

1. Ганкевич В. Ю. Илья Казас и вопросы просвещения тюркских народов Крыма на рубеже XIX – XX вв. // *Dino Aractirmalar*. – 1999. – Cilt. – Sayı: 3. – Ocak–Nisan. – S. 83–97.
2. Ганкевич В. Ю. Этноконфессиональная система народного образования национальных групп Таврической губернии (рубеж XIX–XX вв.) // *Проблеми сучасної педагогічної освіти*: Сер.: Педагогіка. Психологія. – Зб. – Ч. 1. – К., 2000. – С. 87–89.
3. Фельдман Д. З. С. А. Бейм – глава караимской общины Крыма (по архивным материалам) // *Восток*. – 2000. – № 3. – С. 53–63.

² Тезис о хазарском происхождении караимов был впервые озвучен российскими ориенталистами В.Д.Смирновым и В.В.Григорьевым в середине XIX в. В 1896 г. это предположение было поддержано С.М.Шаншалом, а после ветуцления его в 1915 г. на пост Таврического и Одесского караимского гахама концепция о хазарском происхождении караимов утвердилась в караимской литературе. Тем не менее, следует заметить, что далеко не все караимские интеллектуалы разделяли эту точку зрения. Так, например, известный ученый и педагог И. И. Казас отмечал, что в этом вопросе нет однозначного решения. Он придерживался мнения, высказанного сторонниками семитического происхождения караимов, и, отвергая «хазарскую» теорию, считал ее «чересчур смелой», хотя при этом и подчеркивал, что «караимы – не чистокровные семиты» [37:48, 49]. Так, И.И.Казас полагал, что при формировании караимского этноса хазарский компонент играл значительную, но не определяющую роль [37:49].

4. Белый О. Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX века (по материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ГААРК) // Крымский музей: 1995–1995. – Симферополь, 1996. – № 2. – С. 105–117.
5. Белый О. Б. Новые материалы к биографии Соломона Бейма // Материалы по Археологии. Истории и Этнографии Таврии. – Симферополь, 2003. – Вып. XI. – С. 639–666.
6. Белый О. Б. К вопросу о взаимоотношениях советского государства и караимской конфессии в 1920–1930 гг. (по материалам ГААРК) // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. – Симферополь, 2002. – С. 272–278.
7. Редькина Л. И. Этнопедагогика караимов Крыма. – К.: Педагогічна преса, 2001. – 194 с.
8. Редькіна Л. І. Становлення системи початкової світської і духовно-релігійної освіти караїмів Криму наприкінці XIX – початку XX століття // Наукові праці Миколаївського державного гуманітарного університету ім. Петра Могили. – 2002. – Т. 20, вип. 7. – С. 135–141.
9. Кефели А. О становлении и глобальной роли караимской ученой мысли в регионе современных Западной Украины и Литвы // Караїми Галича: Історія та культура. Матеріали між нар. наук. конф.; Галіч, 6–9 вересня 2002 р. – Львів–Галіч: Сполом, 2002. – С. 65–75.
10. Павленкова Н. В. Александровское караимское училище в Евпатории // Пилигримы Крыма, осень 99 (путешествия по Крыму, путешественники о Крыме): IV Крымская международная научно-практическая конференция. Симферополь, 16–17 октября 1999. – Симферополь: Крымский архив, 2000. – Т. 2. – С. 143–150.
11. Павленкова Н. В. Караимские учебные заведения в Евпатории (XIX – начало XX вв.) / Известия КРКМ. – Симферополь, 2000. – № 15. – С. 35–38.
12. Чижова Л. В. Караимы. // Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки: Под ред. С. Я. Козлова. Л. В. Чижовой. – М.: Наука, 2003. – 459 с.
13. Яблоновская Н. В. Журнал «Известия Караимского Духовного Правления» (1917–1919) в контексте караимской прессы начала XX века // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 56. – С. 37–41.
14. Яблоновська Н. В. Журнал кримських караїмів «Бизым йол» («Наш шлях») у світлі традицій караїмської преси і національної політики Кримської АРСР // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 55, Т. 2. – С. 27–30.
15. Давыдова Н. А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920–1930 годы. // В поисках утраченного единства. Сб. статей. – Симферополь, 2005. – С. 184–192.
16. Терещук Н. М. Взаимоотношение религиозных общин нехристианских конфессий с органами Советской власти в 20-е годы // В поисках утраченного единства. Сб. статей. – Симферополь, 2005. – С. 217–226.
17. Кагунина Е. В., Кагунин Ю. А. Причины ликвидации религиозных общин караимов в 40–60-е гг. XX в. // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 62. – С. 74–81.
18. Лебедева Э.И. Очерки по истории крымских караимов-тюрков. – Симферополь: Изд. центр КГМУ, 2000. – 115 с.
19. Saitan I. Tavrida ve Odesa Karaim Ruhani idaresi “Nin Kurulusunun 160. Yildunumu Uzerine” // Emel. – 1997. – Eyul-Ekim. – Sayı 222. – S. 35–36.
20. [Фиркович З. А.] Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. – СПб., 1890. – XXX. VI, 223 с.
21. Права и обязанности гахама // Караимская жизнь. – М., 1911. – Кн. 7. – С. 29–31.
22. ГААРК. ф. 241. оп. 1. д. 299.
23. ГААРК. ф. 241. оп. 1. д. 728.
24. Первый национальный караимский съезд в Евпатории // Караимская жизнь. – М., 1911. – № 1. – С. 70–90.

25. Кокизов Д. М. Национальное самосознание // Караимская жизнь. – М., 1911. – № 3–4, сентябрь. – С. 21–34;.
26. Ельяшевич С.С. Цивилизация и национальность // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. – Евпатория, 1 ноября 1917. – № 5–6. –С. 28–32.
27. Г. С. [Шапшал С. М.] От редакции // Известия Караимского Духовного Правления. – Евпатория, июль 1918. – № 1. – С. 1–2.
28. Катък А. [И.] От редакции // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. – Евпатория, 20 мая 1917. – № 1.
29. Ельяшевич С.[С.] Цивилизация и национальность // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. – Евпатория, 5 августа 1917. – № 4. – С. 13–16.
30. Протоколы заседаний Общенационального Караимского Съезда, происходившего в г. Евпатории от 27 августа по 3 сентября 1917 года // Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления. – Евпатория, 1-го ноября 1917. – № 5–6. – С. 5–25.
31. Г. С. [Шапшал С. М.] К уменьшению числа караимов // Известия Караимского Духовного Правления. – Евпатория, декабрь 1918. – № 2. – С. 3–4.
32. Шапшал С. М. Караимы и Чуфут-Кале в Крыму: Краткий очерк. – СПб., 1886. – II, 36, [2] с.; М., 1994.
33. Kizilov M. Karaites Through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites According to the Description of the Travelers. N. Y., 2003.
34. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 572. Дело с ходатайством Трокского Гахама о переименовании караимских молитвенных учреждений кенасами, а не синагогами.
35. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 1886. Дело с перепиской Московского общества с ТОКДП о перемене слова «синагога» на «кенаса».
36. Ельяшевич С. [С.] Цивилизация и национальность // Известия Караимского Духовного Правления. – Евпатория, июль 1918. – № 1. – С. 14–16.
37. Н. Н. [Казас И. И.] Общии заметки о караимах // Караимская жизнь. – М., 1911. – № 3–4. – С. 37–72.
38. Кизилов М., Михайлова Д. Хазары и Хазарский каганат в европейских националистических идеологиях и политически ориентированной научно-исследовательской литературе // Хазарский альманах. – Харьков, 2004. – № 3. – С. 34–62.

Прохоров Д.А. Діяльність Таврійського і Одеського караїмського духовного правління в контексті міжетнічних і міжконфесійних відносин в Таврійській губернії в кінці ХІХ – початку ХХ вв.

У статті розглядається історія діяльності закладу конфесійного самоврядування східноєвропейських караїмів – Таврійського і Одеського караїмського духовного правління – у контексті поліконфесійного та багатонаціонального соціуму Таврійської губернії наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст.

Ключові слова: караїми, конфесійне самоврядування, духівництво, культура добросусідства, народна освіта.

Prokhorov D.A. Activity of the Tavryc and Odessa karaime's spiritual rule in the context of interethnic and interconfession relations in the Tauric province at the end of XIX – beginning XX ages.

The article analyses the history of the works of the East European Karaime confessional self-governmental body – the Taurida and Odessa Karaime confessional self-government – within the context of multiconfessional and multinational society of the Taurida province in the late nineteenth and early twentieth century.

Key words: Karaimes, confessional self-government, clergy, culture of neighborliness, national education

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Мусаев
Кенесбай Мусаевич**

доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Академик Национальной АН Республики Казахстан (г. Москва, Россия).

**Меметов
Айдер Меметович**

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой восточной филологии Таврического национального университета им.В.И.Вернадского (г. Симферополь).

**Меметова
Эдие Шевкетовна**

кандидат филологических наук, заведующая кафедрой крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им.В.И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: edie70@mail.ru

**Оказ
Лемара Сергеевна**

кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им.В.И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: flassy2002@ukr.net

**Меджитова
Эдибе Назимовна**

старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

**Берберова
Ремзие Аметовна**

старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

**Усейнова
Сеяре Муслимовна**

ассистент кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

- Чанталова
Гульнара Шукуриевна** ассистент кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).
- Мурахас
Мумине Садыковна** ассистент кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).
- Бекирова
Левиза Исмаиловна** кандидат филологических наук, ассистент кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).
- Аджимуратова
Зарема Наримановна** аспирантка кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).
- Мамутова
Закия Суфияновна** преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Крымского инженерно-педагогического университета (г. Симферополь).
- Аджимамбетова
Гульнара Шаиповна** аспирантка кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Крымского инженерно-педагогического университета (г. Симферополь).
- Бекиров
Руستم Александрович** аспирант кафедры восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).
- Юнусов
Шеврет Эльвисович** кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой крымскотатарской литературы Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

- Усеинов Тимур Бекирович** кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).
- Джемилева Айше Аблямитовна** соискатель кафедры крымскотатарской литературы Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).
- Сеферова Фера Асановна** преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Крымского инженерно-педагогического университета (г. Симферополь).
- Абдулганиева Майе Симмаровна** соискатель кафедры крымскотатарской литературы Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, старший научный сотрудник КРУ КМИ (г. Симферополь).
- Несрин Гуллюдаг** доцент кафедры турецкого языка и литературы филологического факультета Кавказского университета (г. Карс, Турция).
- Хулья Ашкын Балджы** доцент кафедры турецкого языка и литературы филологического факультета Кавказского университета (г. Карс, Турция).
- Мустафа Чынар** доцент кафедры турецкого языка и литературы филологического факультета Кавказского университета (г. Карс, Турция).
- Миниахметова Эльвира Хафизовна** преподаватель кафедры международных отношений Института социальных наук, Одесского национального университета им. - И.И. Мечникова (г. Одесса).
- Сухоруков Алексей Николаевич** аспирант кафедры восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

- Заза
Юлия Ярославовна** ассистент кафедры восточной филологии Львовского национального университета им. И. Франко (г. Львов).
- Эмир-Амет
Эльвира Шевкетовна** аспирант кафедры восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).
- Савченко
Любовь Васильевна** кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой культуры украинского языка Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).
- Шаталина
Елена Федоровна** преподаватель кафедры культуры украинского языка Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).
- Прохоров
Дмитрий Анатольевич** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского отделения института Востоковедения им. А. Крымского НАН Украины (г. Симферополь).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1

ТЮРКСКОЕ И КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Мусаев К.</i> Кыпчаки и пракыпчакский язык	5
<i>Меметов А.М.</i> Некоторые проблемы формирования крымскотатарского народа и его языка	28
<i>Меметова Э.Ш.</i> Метафора и ее стилистическое использование	37
<i>Оказ Л.С.</i> Глагольные словосочетания с зависимым именем существительным в дательном падеже (на материале крымскотатарского языка)	46
<i>Меджитова Э.Н.</i> Къырымтатар тили шималъ шивесинде сеслернинъ кирсетильмеси ве тюшюрилип къалмасы	55
<i>Берберова Р.А.</i> Къырымтатар тилинде мулькиет категориясы ве онынънен багълы имля меселелери	61
<i>Усейнова С.М.</i> Некоторые особенности пунктуационного оформления обстоятельств в крымскотатарском языке	67
<i>Чанталова Г.Ш.</i> Некоторые особенности склонения местоимений (на материале крымскотатарского языка)	73
<i>Мурахас М.С.</i> Греческие и итальянские заимствования в ускутском говоре крымскотатарского языка	79
<i>Бекирова Л.И.</i> Теоретические вопросы исследования прошедшего времени глагола изъявительного наклонения в современном крымскотатарском языке	88
<i>Аджимуратова З.Н.</i> Метатеза и вариативность звукоизобразительного корня в крымскотатарском языке	98
<i>Мамутова З.С.</i> Особенности формирования лингвокультурологического подхода к изучению крымскотатарской лексики	103
<i>Аджимамбетова Г.Ш.</i> Определительные наречия в современном крымскотатарском языке	109
<i>Бекиров Р.А.</i> Изучение сельскохозяйственной лексики в крымскотатарском языке	117

Раздел 2

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Юнусов Ш.Э.</i> Творчество Шакира Селима: проблемы поэтики	123
<i>Усеинов Т.Б.</i> Любовное чувство, как основа средневековой поэтической образной системы	129

<i>Джемилева А.А.</i> Типы повествования в современном крымскотатарском рассказе	135
<i>Сеферова Ф.А.</i> Аксиологические аспекты в творчестве И. Паши	142
<i>Абдулганиева М.С.</i> Элемент запрета в композиции крымскотатарской волшебной сказки	150

Раздел 3

ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

<i>Güllüdağ N.</i> Malov' un sözlüğüne göre yeni uygur türkçesinin Hoten ağzındaki ses olaylari	154
<i>Aşkin Balci H.</i> Aziz Gökdemir'in "İç İçe Geçmiş İstanbul Öyküleri" adli eseri'nin ikilemeler açısından anlamsal ve sözdizimsel görünüşleri	171
<i>Çınar M.</i> XV yüzyıl divan edebiyati şairlerinden Necâti bey divan'ında geçen mazmunlarla ilgili bir inceleme	187
<i>Миниахметова Э.Х.</i> Омонимы в турецком языке	206
<i>Сухоруков А.Н.</i> Результаты работы Академии языка и литературы в Иране по совершенствованию лексического состава персидского языка	215
<i>Заза Ю.Я.</i> Тематичний репертуар фатичних жанрів (на матеріалі арабської мови)	223
<i>Эмир-Амет Э.Ш.</i> Становление и развитие арабской книжной письменности	233

Раздел 4

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

<i>Савченко Л.В.</i> Мікроетноконцепти громадських звичаїв молоді та їх відображення в українських фразеологізмах	240
<i>Шаталіна О.Ф.</i> Літературознавча термінологія епохи бароко в давньоукраїнській мов	249

Раздел 5

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Прохоров Д.А.</i> Деятельность Таврического и Одесского караимского духовного правления в контексте межэтнических и межконфессиональных отношений в Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв	255
Сведения об авторах	265